

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-1 (67)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-1 (67), 2025

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Готов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Л.Б. Хавжсокова, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-1 (67)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-1 (67), 2025

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *L.B. Khavzhokova*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Боров А.Х.* Концептуальные основы интерпретации региональной истории: теории эволюции и модернизации 7

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

- Березин Я.Б.* Курганный могильник Прудовой – 1 в Северо-Восточном Ставрополье (раскопки 2012 года) 33
- Кожев З.А.* Общее и частное в динамике этносоциальных процессов на Северо-Западном и Центральном Кавказе (вторая половина XVIII в. 46
- Дзуганов Т.А.* Из истории деятельности нальчикского общества взаимного кредита 62
- Жанситов О.А.* Кабардинский социум в начале XX в.: интеграция в культурную повседневность Нальчикской слободы ... 70
- Такова А.Н.* Влияние крестьянских волнений 20–30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии на развитие процессов в религиозной сфере 80
- Базиева Г.Д.* Государственная поддержка национально-культурных центров Кабардино-Балкарии 90

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- БиццЮ Б.Ч.* Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) бзэщІэныгъэм лексикологием щіубыд увыпІэр 100
- Кодзокова З.В.* Концептуализация образа мужчины в поэме Б.М. Пачева «За кого выйдешь замуж?» 110
- Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.* К исследованию актуализации значения адъективно-субстантивных сочетаний 117
- Кучмезова Л.Б.* Этнографические диалектизмы в карачаево-балкарском языке 127
- Хэжэ З.Р.* Адыгэбзэм и балкъ псэлъэкІэм и языныкъуэ лексикэ щхъэхуэныгъэхэр 134
- Шериева Н.Г.* Уникальность системы консонантизмов бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка 142

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Гутов А.М.* К жанровой специфике адыгского эпоса 151
- Быхъурэ М.Ф.* Лыхъужьыр дунейм зэрехъжыр адыгэ эпосым къызэрыхэщыр 161
- Алхасова С.М.* Тематика и символика повести А. Налоева «Дальние зарницы» 181
- Гузиева (Сарбашева) А.М.* Тенденции развития современного карачаево-балкарского литературоведения 187
- Кажарова И.А.* Парадокс лица в рассказе Заура Канкулова «Сон» 196
- Хакуашева М.А.,*
Тхагазитов Ю.М. Особенности современной русскоязычной адыгской литературы 203

РЕЦЕНЗИИ

- Хавжокова Л.Б.* Об издании свода бесценного достояния «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос» 212

ЮБИЛЕИ

- Биттирова Т.Ш.* Вклад Х.И. Бакова в исследование северокавказской диаспоры 221

CONTENT

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Borov A.Kh.* Conceptual framework for the interpretation of regional history: theories of evolution and modernization 7

HISTORY. ETHNOLOGY

- Berezin Ya.B.* The burial mound Prudovoy – 1 in the Northeastern Stavropol region (2012 excavations) 33
- Kozhev Z.A.* General and specific in the dynamics of ethnosocial processes in the Northwestern and Central Caucasus (second half of the XVIII-th century) 46
- Dzuganov T.A.* From the history of the activities of the Nalchik mutual credit society 62
- Zhansitov O.A.* Kabardian society in the early 20th century: integration into the cultural everyday life of the Nalchik sloboda 70
- Takova A.N.* The influence of peasant unrest in the 20–30-s of the XX century in Kabardino-Balkaria, the development of processes in the religious sphere 80
- Bazieva G.D.* State support for national cultural centers of Kabardino-Balkaria 90

LINGUISTICS

- Bizhiov B.Ch.* The Place of Lexicology in Kabardino-Circassian Linguistics ... 100
- Kodzokova Z.V.* Conceptualization of the Image of Man in B.M. Pachev's Poem "Who Will You Marry?" 110
- Kumykova (Cuchapsheva) E.T., Kumykova D.M.* On the study of meaning actualisation in adjective-substantive combinations 117
- Kuchmezova L.B.* Ethnographic dialectisms in the Karachay-Balkar language ... 127
- Khezheva Z.R.* Some lexical features of the Malkin dialect of the Kabardino-Circassian language 134
- Sherieva N.G.* The Uniqueness of the System of Consonantisms of the Beslenevo Dialect of the Kabardino-Circassian Language 142

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

- Gutov A.M.* To the genre specificity of the Adygh epic 151
- Bukhurov M.F.* The motive of the hero's death in the Adygh epic 161
- Alkhasova S.M.* The themes and symbolism of a Naloev's story "Far Sundays" ... 181
- Guzieva (Sarbasheva) A.M.* Trends in the development of modern Karachay-Balkar literary studies 187
- Kazharova I.A.* The paradox of the face in Zaur Kankulov's novella "The dream" 196
- Hakuasheva M.A., Thagazitov Y.M.* Features of modern russian speaking Adygh Literature 203

REVIEWS

- Khavzhokova L.B.* On the publication of a collection of priceless treasures "Narts. Adygh (Circassian) Epic" 212

ANNIVERSARIES

- Bittirova T.Sh.* Kh.I. Bakov's contribution to the study of the north caucasian diaspora 221

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ

Аслан Хажисмелович Боров

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия,
aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

© А.Х. Боров, 2025

Аннотация. Выявление и прочтение «смысла» истории региона не может быть результатом эмпирических, конкретно-исторических исследований прошлого. «Смысл» – это выражение частного в общих понятиях. Теории эволюции и модернизации содержат категориальный аппарат, позволяющий интерпретировать, т.е. выявить смысл регионального исторического опыта в его отношении к проблемам современности. Концепция качественных структурных изменений как содержания социальной эволюции задает принципиальную основу для интерпретации истории региона. Концепция специфической и общей эволюции позволяет синтезировать в интерпретации результаты социокультурного (цивилизационного) и модернизационного анализа исторического материала, а также выявить глубинную темпоральную структуру истории региона, включающую в себя: (а) фазу специфической эволюции/традиционного общества, (б) фазу перехода/кризиса традиции, (с) фазу общей эволюции/модернизации. Изменения характера среды, природы вызовов, к которым должна адаптироваться региональная социокультурная система, и структурные изменения, происходящие в ней в ответ на эти вызовы, формируют индивидуальный исторический профиль региона. Качественные различия в природе адаптации, с одной стороны, к природной или социально-политически «близкой» среде позднего средневековья и раннего нового времени, а с другой – к социально-экономическим и культурным формам жизнедеятельности общества модерна конца XX в. позволяют решить вопрос о критериях завершенности модернизации.

Ключевые слова: Россия, Кабардино-Балкария, история, интерпретация, эволюция, модернизация

Для цитирования: Боров А.Х. Концептуальные основы интерпретации региональной истории: теории эволюции и модернизации // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 7–32. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32

Original article

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR THE INTERPRETATION OF REGIONAL HISTORY: THEORIES OF EVOLUTION AND MODERNIZATION

Aslan Kh. Borov

«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia,
aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

© A.Kh. Borov, 2025

Abstract. Identifying and interpreting the “meaning” of a region’s history cannot be the result of empirical, concrete historical research into the past. “Meaning” is an expression of the particular in general terms. Theories of evolution and modernization contain a categorical apparatus that allows for interpretation, i.e., the identification of the meaning of regional historical experience in relation to contemporary problems. The concept of qualitative structural changes as the content of social evolution provides the fundamental premise for interpreting regional history. The concept of specific and general evolution allows for the synthesis of the results of sociocultural (civilizational) and modernization analyses of historical material in interpretation, as well as the identification of the deep temporal structure of a region’s history, including: (a) the phase of specific evolution/traditional society, (b) the phase of transition/crisis of tradition, (c) the phase of general evolution/modernization. Changes in the nature of the environment, the nature of the challenges to which the regional sociocultural system must adapt, and the structural changes occurring within it in response to these challenges shape the individual historical profile of a region. Qualitative differences in the nature of adaptation, on the one hand, to the natural or socio-politically “close” environment of the late Middle Ages and early modern times, and on the other hand, to the socio-economic and cultural forms of life of the modern society of the late 20th century, make it possible to resolve the issue of the criteria for the completion of modernization.

Keywords: Russia, Kabardino-Balkaria, history, interpretation, evolution, modernization

For citation: Borov A.Kh. Conceptual framework for the interpretation of regional history: theories of evolution and modernization. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 7–32. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-7-32

Введение

Начну с краткого изложения характеристики исторического сознания и исторического познания, с которой начинает свою книгу 2005 года выдающийся методолог Йорн Рюсен [Rüsen 2005]. Он замечает, что память стала фундаментальным условием человеческой жизни, поскольку люди утратили ориентиры, основанные на природных инстинктах, и вынуждены заменить их культурной системой ориентации. Человеческое время предстает не в predetermined порядке биологической системы, а как изменение мира, которое необходимо привести в культурный порядок значимости и смысла. Оно должно быть понято посредством осмысления его опыта как предмета интерпретации. *Благодаря интерпретации время обретает смысл и становится историей.* История – это время, обретшее смысл и значение, это процесс осмысления временного порядка человеческой жизни, *основанный на опыте и движимый взглядами на будущее.* Формой, в которой воплощается интерпретация является нарратив, историческое повествование. Нарратив преобразует прошлое в историю; он объединяет опыт и ожидание – два основных временных измерения человеческой жизни [Rüsen 2005: 1–2].

Можно ли обойти стороной эти соображения, если ставится задача подготовить обобщающую историю Кабардино-Балкарии? Написать обобщающую историю региона значит не просто изложить все, что более или менее достоверно известно о происходившем здесь «с древнейших времен до наших дней», но также интерпретировать, истолковать, придать ей определенный смысл. Осмысливать не какое-то отдельное событие, а длительное историческое время, наполненное множеством событий и включающее большие периоды, можно только с помощью широких понятий, категорий, вырабатываемых социальной теорией.

Цель последующего анализа заключается в оценке продуктивности применения категорий современных теорий социальной эволюции и модернизации к общей интерпретации истории Кабардино-Балкарии во взаимосвязи всех ее временных модусов и в перспективе актуальных проблем ее современного развития.

Почему эти теории? Во-первых потому, что опыт мировой социально-исторической мысли свидетельствует об их познавательной эффективности и способности к развитию. Во-вторых, при спорности их отдельных версий и универсалистском масштабе их актуального бытования в науке, они могут оказаться плодотворными и для исторической регионалистики. Пространственный масштаб, скажем,

Центрального Кавказа как локуса развертывания истории Кабардино-Балкарии, весьма мал. Но как историческая область она существует около шести столетий, что вполне ложится на эволюционную шкалу времени. Отвлекаясь от политического, событийного наполнения исторического процесса, от противоречий, отступлений, неравномерности социально-культурных трансформаций, можно видеть, что эти шесть столетий вмещают в себя глубокое преобразование и окружающего регион исторического мира и его собственного социально-культурного устройства. Это преобразование очевидным образом вело к обретению местным обществом современных форм экономики, социальности и культуры, т.е. к модернизации.

Но, может быть, главное не в том, что можно зафиксировать эволюционную и модернизационную динамику в прошлом, а в том, что эволюция продолжается, хотим мы этого или не хотим, и этот глобальный эволюционный процесс будет определять судьбы локальных сообществ, независимо от того, осознают они это или не осознают. В психологии личности используется понятие *временная перспектива*, обозначающее полную совокупность существующих в данный момент времени представлений индивидуума о своем психологическом будущем и психологическом прошлом [Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025]. В структуре личности они могут присутствовать неосознанно. Но современное общество не может себе позволить «неосознанного» функционирования. Судьба Кабардино-Балкарии как локального человеческого сообщества зависит, в том числе, от того будут ли оно взаимодействовать с глобальным эволюционным процессом как социальный субъект – рационально и проактивно, или как социальный объект – неосознанно и «реактивно» или инертно. Обретение субъектности по отношению к современному эволюционному процессу предполагает способность общества к рациональной рефлексии, которая не может быть обращена только к актуальной ситуации и к перспективе, а должна носить всеобъемлющий характер.

Краткий, но весьма содержательный обзор современного состояния теорий эволюции осуществлен Н.Н. Крадиным и А.В. Коротаевым в издании 2014 г. [Крадин, Коротаев 2014]. Более углубленный анализ теоретических проблем эволюционизма был ранее осуществлен А.В. Коротаевым [Коротаев 2003]. Наконец, развернутый анализ истории и актуальных тенденций развития теорий социальной и культурной эволюции можно найти в работах С.К. Сандерсона и Р.Л. Карнейро [Sanderson 1990; Sanderson 2007; Carneiro 2003]. В рамках этой работы будут рассматриваться только некоторые из основных понятий эволюционной теории, непосредственно связанные с решением ее задач.

Гораздо более активно и широко в социальной и исторической науке современной России обсуждалась проблематика модернизации, как в общем теоретическом, так и в историографическом плане. Даже простой библиографический обзор этой литературы занял бы слишком много места. Я ограничусь ссылкой на несколько публикаций, которые носят как раз обзорный характер и дают достаточно полное представление о современном состоянии модернизационных исследований [Опыт российских... 2000; Побережников 2006; Масловский 2008; Ефременко, Мелешкина 2014; Побережников 2017; Поплавский и др. 2017; Сперанский, Сперанский 2019].

Поскольку цель данной работы носит прикладной характер и адресована она не специалистам в области теорий эволюции и модернизации, а региональному сообществу профессиональных историков, в ней, прежде всего, предпринята попытка дать внятное представление о базовых положениях указанных теорий. При этом, я стремился, насколько возможно, опираться на «первоисточники», на основополагающие труды зарубежных исследователей, но там, где они были недоступны, использовал изложение и анализ теорий эволюции и модернизации в отечественной литературе.

Теория эволюции

Эволюция идеи

В своей вступительной лекции в Коллеж де Франс в 1933 г. Л. Февр говорил о высоком социальном статусе, достигнутом исторической наукой к концу XIX в., но скептически оценивал ее «философию»: «С грехом пополам слаженная из формул, заимствованных у Огюста Конта, Тэна и Клода Бернара, она зияла бы дырами и трещинами, если бы их не скрывала широченная и мягчайшая подушка эволюционизма, как нельзя более кстати пригословившаяся для этой цели» [Февр 1991: 11]. Здесь отразились сразу два обстоятельства – и доминирующее положение эволюционизма как общеисторической теории во второй половине XIX в., и критическое отношение к нему, утвердившееся в первой трети XX в. среди антропологов и историков.

Но уже в 1940–1950-х гг. трудами Л. Уайта, Дж. Стюарда, В.Г. Чайлда происходит возрождение эволюционистских идей и оформляется то, что в литературе обозначается как неэволюционизм. Его расцвет специалисты относят к 1960–1970-м гг., когда он, благодаря трудам М. Харриса, Р.Л. Карнейро, М.Д. Салинза, Э. Сервиса, определял развитие социальной и культурной антропологии и оказывал большое влияние на археологию и социологию. В дальнейшем неэволюционизм был значительно потеснен, хотя идеи, сформулированные в его рамках, сохраняют большое значение для изучения ранних этапов исторического процесса [Sanderson 1997; Крадин, Коротаев 2014].

Тем временем, уже с 1970-х гг. стала оформляться новая междисциплинарная ипостась эволюционной теории – концепция универсального эволюционизма, рассматривающего в едином контексте эволюцию Вселенной, Земли, биосферы, человека, культуры и мышления. В качестве синонима или тесно связанного с универсальным эволюционизмом понятия вошло в обиход и получило уже некоторую разработку понятие универсальной/большой истории (Big History) [Spier 1996; Назаретян 2008; Князева, Алюшин 2016; Christian 2004; Evolution... 2011].

Справедливости ради следует отметить, что уже учение Г. Спенсера, представляло собой, по сути, концепцию универсального эволюционизма, включающего неорганическую, органическую и надорганическую формы/стадии эволюционного процесса. Если бы физика XIX в. имела представление о «большом взрыве», можно не сомневаться, он включил бы в свою схему и космологическую стадию универсальной эволюции. По крайней мере он говорил о том, что превращение однородного в разнородное «обнаруживается и во вселенной как в целом, так и во всех (или почти всех) ее частях», об «эволюции Солнечной системы» и об «истории Земли», которые сегодня составляют «главы» Big History [Спенсер 1997: 12–13, 38, 42, 43, 44, 45]. Равным образом, когда современные авторы говорят, что в теории сложных систем понятие «эволюция» приобретает «новые глубокие смыслы», и означает «развернутую в пространстве и времени последовательность усложнения топологической и функциональной организации системы и улучшения качеств ее внутренних и внешних связей»; что «пространственно-временная сложность – это главная характеристика эволюционного процесса», нельзя не вспомнить такие же по смыслу определения Г. Спенсера [Князева, Алюшин 2016: 21].

Это замечание сделано не для критики современной эволюционной эпистемологии, а чтобы подчеркнуть – идея эволюции несет, видимо, глубокое объективное содержание, поскольку она вновь и вновь актуализируется на каждом новом витке *эволюции научной картины мира*. Здесь можно вновь обратиться к процитированной выше вступительной лекции Л. Февра в Коллеж де Франс. Завершая ее, он говорил о своем интересе к идеям и теориям:

идеям, потому что наука движется вперед лишь благодаря самобытной и творческой силе мышления;

теориям, потому что именно теории служат ступенями, по которым поднимается наука в желании расширить горизонты человеческой мысли [Февр 1991: 23].

Идея и теория эволюции заслуживают интереса к себе со стороны современной исторической науки.

Основные понятия и проблемы

Классическое понимание социальной эволюции связано прежде всего с именем Г. Спенсера [История теоретической... 1997: 229–235]. Если суммировать его формулы, эволюция выступает как общий закон, действующий в природе, в обществе и в культуре («всех продуктах человеческой мысли и деятельности»). Это – процесс перехода всех систем («агрегатов») «от несвязной однородности к связной разнородности», «изменение неопределенного в определенное», «переход от простоты к сложности», «переход от беспорядка к порядку». Разнообразны примеры этого общего закона применительно к человечеству «как социальному телу»: «Переход от однородного к разнородному обнаруживается равным образом и в прогрессе цивилизации как целого, и в прогрессе каждого племени; мало того, он еще совершается со все возрастающей быстротой. Начавшись с варварского племени, почти, если не вполне, однородного по функциям своих членов, прогресс всегда стремился и теперь еще стремится к экономической агрегации человеческого рода, который становится все более разнородным вследствие несходства в функциях различных наций, вследствие местных разнообразий в каждой нации и вследствие несходства в функциях каждого из работников, соединяемых для производства каждой полезности» [Спенсер 1997: 42, 43, 44, 45]. Эволюция предстает здесь как «однолинейное» развитие человеческих обществ от простых, «низших» социокультурных форм к сложным, «высшим» формам через ту или иную единообразную последовательность стадий.

В современной же литературе общее понятие социальной/культурной эволюции трактуется существенно иначе, чем в классической спенсеровской интерпретации. Произошел отход от однолинейной схемы эволюции и отказ от фактического отождествления эволюции с развитием и прогрессом. Современная социальная и культурная антропология рассматривает культурную динамику либо в более нейтральном контексте усложнения культурных форм в рамках двуединого процесса дифференциации и интеграции, либо в плоскости качественной реорганизации общества в иное состояние [Крадин, Коротаев 2014: 90, 91, 93].

В 1975 г. было предложено обобщенное определение эволюции как «процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» [Voget 1975: 862]. Оно получило поддержку в литературе [Классен 2000; Коротаев 2003]. Структурное изменение – это изменение в одной или нескольких сферах культурной системы, которое запускает изменения всех (или большинства) других ее сторон и приводит к трансформации системы в целом. Постепенные структурные изменения и составляют предмет изучения, т.е. описания, понимания и объяснения в культурной и социальной антропологии [Claessen 2002: 325]. Х.Дж.М. Классен считает, что такой подход превращает эволюционизм в научную теорию, ориентирующую на поиск закономерностей в структурных изменениях подобного рода. [Классен 2000: 7–8].

Ограничение эволюционизма дисциплинарными рамками культурной и социальной антропологии в приведенном выше суждении Х.Дж.М. Классена можно было бы объяснять тем, что оно высказано им в статье для «Энциклопедии социальной и культурной антропологии». Но, рассматривая неозволюционизм как одну из современных теорий исторического процесса, Н.Н. Крадин и А.В. Коротаев также указывают, что «идеи, сформулированные в рамках неозволюционизма, по-прежнему сохраняют большое значение для изучения ранних этапов исторического процесса» [Крадин, Коротаев 2014: 90, 106]. Эволюционизм, в том числе в

его актуальной форме неозволюционизма действительно развивался в рамках отраслей исторического знания, специализирующихся на этапах человеческой истории, предшествующих образованию цивилизаций и государств, т.е. социальной (культурной) антропологии и археологии. Но сама идея эволюции рождалась из того эмпирического факта, что человеческая культура, взятая в целом, из очень простого начального состояния выросла в большие сложные системы [Claessen 2002: 326]. Контраст между обществом, представленным малыми группами охотников-собирателей и «большим», урбанизированным, индустриальным обществом был очевиден уже в XIX в.

Выше было замечено, что понятие «эволюция» релевантно для общей характеристики весьма длительной и отмеченной структурными изменениями/трансформациями истории Кабардино-Балкарии. Это не значит, что здесь проводятся прямые параллели или аналогии между локально-региональным и глобальным историческим процессом. В современном эволюционизме присутствует концепция, ближе стоящая к общим интерпретациям региональной истории.

Речь идет о предложенном М.Д. Салинзом различении двух видов эволюции – *специфической и общей*. Согласно его концепции, как в биологической, так и в культурной сферах эволюция движется одновременно в двух направлениях. С одной стороны, она создает разнообразие посредством адаптивных модификаций: новые формы отличаются от старых. С другой стороны, эволюция порождает прогресс: более высокие формы возникают из низших и превосходят их. Первое из этих направлений – это специфическая эволюция, а второе – общая эволюция. *Специфическая эволюция – это историческое развитие конкретных культурных форм, филогенетическая трансформация посредством адаптации*. Специфический аспект культурной эволюции обусловлен именно адаптацией: культуры диверсифицируются, поскольку «заполняют» разнообразные условия существования людей, имеющиеся на Земле. Это филогенетический, разветвляющийся исторический путь культуры по многочисленным линиям. Для ее понимания важно учитывать роль среды, как естественной, так и надорганической. *Общая эволюция – это прогрессия классов форм, преемственность культуры через стадии общего прогресса*. Этот процесс не является филогенетическим или адаптивным как таковой; следовательно, фактор окружающей среды здесь не имеет значения. Специфическая и общая эволюция – это не разные конкретные реальности, а скорее, аспекты одного и того же целостного процесса. Любое конкретное изменение в форме жизни или культуре можно рассматривать либо с точки зрения адаптации, либо с точки зрения общего прогресса [Sahlins 1960: 12–13, 22, 38, 43].

В связи с этим важно принять во внимание еще один теоретически значимый момент, связанный с понятием *эволюционного потенциала общества*, т.е. его предрасположенности к продуцированию или эффективному освоению инноваций и переходу на более высокую эволюционную ступень. Э.Р. Сервис сформулировал «закон эволюционного потенциала» как обратную зависимость общего эволюционного потенциала от специфического эволюционного прогресса, или иначе: «Чем более специализирована и адаптирована [социальная] форма на данной эволюционной стадии, тем меньше ее потенциал для перехода на следующую стадию» [Service 1960: 97]. Это положение не лишено логики и может быть подтверждено достаточным количеством примеров. Но оно построено на двух допущениях, подвергающихся критике: (1) что данное общество существует изолированно, не имеет контактов с иными или более сложными культурами и его эволюция есть сугубо внутренне обусловленный процесс, что является не правилом, а исключением; (2) что адаптация – это функция общества в целом и отдельные индивиды в принципе не способны отойти от заданных им моделей поведения, и тогда непонятно, как в нем вообще происходят изменения, как могла осуществиться его специфическая эволюция и сложиться его данная эволюционная форма.

Это не снимает вопроса о большей или меньшей адаптивности данного общества в данное время к данным условиям. Постановка его применительно к поворотным историческим периодам может способствовать объяснению особенностей их протекания в том или ином обществе или в его этнорегиональных сегментах.

Эволюция и история

М.Д. Салинз полагал, что различие специфической и общей эволюции позволяет решить проблему соотношения истории и эволюции: эволюция в одном отношении (как специфическая) – это «история», а в другом (как общая) – нет; в одном аспекте она включает в себя отдельные события, а в другом – их классы; в одном отношении окружающая среда важна, но в другом – ее следует исключить из рассмотрения [Sahlins 1960: 44]. Но в литературе выражается различное отношение к его идее.

Так, по мнению Р.Л. Карнейро, «специфическая эволюция» М.Д. Салинза не соответствует классическому понятию «эволюции», которое применялось не ко всем изменениям, а только к тем, которые вели к возрастанию сложности – к «связной разнородности». Если же все аспекты изменений во времени отдельного общества считать «эволюцией», это может привести к тому, что одно понятие станет обозначать противоположные процессы – рост, развитие, интеграцию и упадок, фрагментацию, дезинтеграцию (например – в истории Рима и многих других обществ, империй, цивилизаций) [Carneiro 2003: 128–130].

Сторонники понимания эволюции как структурных, качественных изменений общества во времени, не обязательно ведущих к его усложнению, к прогрессу, не видят здесь проблемы. Но при этом они прямо не отождествляют специфическую эволюцию с историей. Х.Дж.М. Классен указывает, что концепция специфической эволюции граничит с представлением об истории данного общества, но ее цель не история, как таковая, а *объяснение* при помощи общих категорий тех качественных преобразований, которые произошли с конкретным обществом [Claessen 2002: 328].

Крупный современный социолог С.К. Сандерсон «не видит», по его словам, «как можно рассматривать общие черты человеческой истории иначе, чем в эволюционном плане». Осознать ценность эволюционных теорий социологам, «даже так называемым историческим социологам», мешает то, что они занимаются очень короткими отрезками времени. Его собственные интересы лежат в области макроисторической социологии и концентрируются на «трех великих трансформациях мировой истории: неолитической революции, начавшейся около 10 000 лет назад; развития цивилизаций и государства, начавшегося около 5 000 лет назад; рождении мировой капиталистической системы примерно 500 лет назад [Sanderson 1997: 102, 103].

Критика и развитие теории

До сих пор речь в основном шла о понятиях теории эволюции, разрабатываемых ее сторонниками. Но попытка применить эти понятия к интересующему нас предмету – истории одного из регионов Северного Кавказа – без учета той критики эволюционизма, которой его подвергают представители иных течений современной социальной мысли была бы рискованной. Наиболее заметной фигурой среди этих критиков является Э. Гидденс, один из влиятельнейших социологов современности. Он не видит причин возражать против употребления термина «эволюция» в каждодневном обиходе как синонима слов «развитие» или «изменение». Вполне допустимо связывать это понятие с возрастающей сложностью, дифференциацией, говорить о континууме на одном конце которой находятся малые бесписьменные культуры, а на другом – современное индустриальное общество. Но как теория, претендующая на общее объяснение социальных изменений эволюционизм, с его точки зрения, несостоятелен [Giddens 1984: 231, 232].

Во-первых, эволюционная концепция – это одна из попыток найти универсально применимые принципы причинного объяснения социальных изменений, что Э. Гидденс считает невозможным. Социальные науки не формулируют законов, обобщения в них всегда ограничены определенными пространственно-временными рамками и выражают определенные сочетания преднамеренных и непреднамеренных последствий действия [Giddens 1984: 229, 343–347].

Во-вторых, многие теории эволюции представляют собой модели «эндогенного», «развертывающегося» изменения (латинское *evolutia* изначально применялось к развертыванию пергаментных свитков). То есть они несут родство с биологическим понятием эволюции организмов, но это родство теоретически не проявляется. В биологии предполагается, что виды формируются независимо друг от друга и неизменны, кроме случаев мутации. Это неприменимо к обществу. Кроме того, люди творят историю осознанно, как рефлексирующие существа. Они осознают время, а не просто «живут» в нем [Giddens 1984: 228–229, 236, 237].

В-третьих, в качестве основного механизма социальных изменений теории эволюции рассматривают «адаптацию». Э. Гидденс полагает, что понятие «адаптация» неадекватно для обозначения общего механизма социальных изменений. Если речь идет об адаптации к физической среде, оно оказывается слишком узким. Если же к этому добавляется «социальная среда», или как адаптацию рассматривают любые социальные процессы, которые ведут к изменениям, необходимым для поддержания общества в стабильной форме, понятие становится слишком неопределенным и бесполезным для объяснения чего бы то ни было [Giddens 1984: 234, 235].

В итоге Э. Гидденс настаивал, что «человеческая история не имеет эволюционной формы» и попытки втиснуть ее в такую форму попросту вредны [Giddens 1984: 236]. Его замечание, судя по всему, относилось к «форме» эволюционного древа, визуализирующего биологическую эволюцию, поскольку далее он приводил аргументы против уподобления человеческой истории модели эволюции видов. *Если же представить себе какое-либо современное социально-территориальное образование, претерпевшее в ходе своей истории качественные структурные изменения, но сохраняющее преемственность со своим «исходным» состоянием, то такая история безусловно имеет «эволюционную форму».* Но это очевидно на уровне обыденного словоупотребления. Теоретическое наполнение и методологическая продуктивность приложения эволюционных категорий к данному конкретному случаю требуют дополнительного анализа.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что обычно говорят о теориях эволюции во множественном числе, а не об одной теории эволюции. К тому же все они подвергаются критике. С. Сандерсон предпринял попытку модифицировать концепцию эволюции в целом с учетом основных направлений критики отдельных эволюционистских школ. Опираясь на идеи В.Г. Чайлда, Л. Уайта, Дж. Стюарда, Р. Карнейро и Г. Харриса, он строит «материалистическую модель эволюции», свободную, как он полагает, от недостатков прежних моделей, поскольку:

– эта модель рассматривает адаптацию как усилия индивидуумов достичь своих целей и удовлетворить свои интересы, а не как возрастание адаптивных возможностей общества в процессе его развития;

– модель не отождествляет эволюцию с прогрессом, имеет ли место прогресс или регресс – эмпирический вопрос, привязанный к конкретному историческому периоду и конкретному аспекту общественной жизни;

– модель принципиально анти-телеологична – «эволюция это просто ответы отдельных людей, находящихся в определенной точке пространства и времени, на те условия, с которыми они сталкиваются», сумма этих реакций дает долговременный итог эволюции;

– модель учитывает разнообразие эволюционных реакций, т.е. социальная эволюция – это не единый, однолинейный процесс, она включает в себя не только параллельные линии изменений, претерпеваемые различными обществами, но и дивергентную эволюцию [Sanderson 1997: 104].

Методологическая функция теории эволюции

Приведенная выше характеристика «эволюционного материализма» делает очевидным, что различные теории эволюции, включая и то, что предлагает С. Сандерсон, не столько объясняют феномен эволюции, сколько описывают его. Но это не снижает методологическую значимость эволюционных концепций. В философии науки различают частные теоретические модели и развитые научные теории, описательные (феноменологические) теории и теории-объяснения [Степин 2006: 180; Савельева, Полетаев 2003: 315]. Более того, И.М. Савельева и А.А. Полетаев напоминают, что в современных представлениях теория трактуется просто как осмысление в понятиях тех или иных эмпирических наблюдений: «Это осмысление (наделение смыслом, приписывание смысла) является синонимом теоретизирования. Так же, как и сбор информации (эмпирических данных), теоретизирование неотъемлемый компонент любой науки, в том числе и исторической» [Савельева, Полетаев 2003: 312]. С. Сандерсон характеризует свой эволюционный материализм как «очень широкую исследовательскую стратегию, которая оставляет место для множества более конкретных теорий» [Sanderson 1997: 105].

В связи с этим возникает вопрос, как может быть реализована методологическая функция теории эволюции в построении обобщающего исторического нарратива? М.М. Кром недавно осуществил сравнительный анализ «методов» и «подходов» как разных категорий исторического познания. Метод традиционно связывается со способами извлечения информации из источников и подразумевает определенные правила работы с ними. Подход в отличие от метода не содержит правил или алгоритма осуществления исследования. Он предлагает выбор тематики (исследовательского поля), а также ряд идей, принципов, установок, которые определяют интерпретацию изучаемых сюжетов или проблем. Метод идеологически нейтрален, а любой подход обычно связан с каким-то мировоззрением и в той или иной степени идеологически ангажирован. Методы устойчивы во времени и поддаются совершенствованию, а подходы подвержены научной моде и меняются с приходом очередного поколения ученых [Кром 2021: 100,101].

Теория эволюции как познавательное средство может приобрести форму строгого метода в исследовании конкретных аспектов и фаз исторического развития, т.е. там, где используются определенные виды источников и данных, а изучаемые объекты поддаются описанию с помощью набора формальных признаков. *Но интерпретация сложных явлений и процессов, имеющих значительные пространственно-временные масштабы, основывается, как правило, на широких теоретических подходах. Именно мировоззренчески обусловленный «ряд идей, принципов, установок» позволяет разглядеть в актуальной и исторической реальности и сделать предметом изучения паттерны – формации, цивилизации, мир-системы, эволюцию, эпохи.*

Теория модернизации

Основоположения теории модернизации

Основополагающее для теорий модернизации противопоставление «традиционного» и «современного» общества было намечено в работах Макса Вебера. Отправным пунктом его анализа происхождения капитализма стал вопрос, «какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались – по крайней мере как мы склонны предполагать – в направлении, получившем универсальное значение». Среди этих явлений – капитализм, т.е. «рациональная капиталистическая организация *свободного* (формально) *труда*», наука, «на той стадии развития,

«значимость» которой мы признаем в настоящее время», пресса, бюрократия и, вообще, современное государство «как *институт* с рационально разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила [Вебер 1990: 44–51]. М. Вебер указывал на общую черту, объединяющую все эти явления культуры – специфический рационализм, характеризующий западную культуру. Отсюда он выводил познавательную задачу – «определить *своеобразие* западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие», конкретизируя ее следующим образом: «Любая подобная попытка толкования должна ввиду фундаментального значения экономики принимать во внимание прежде всего экономические условия. Однако нельзя упускать из виду и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от рациональной техники и рационального права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального *жизненного поведения* [Вебер 1990: 55].

В этом пункте становится очевидной связь приведенных выше положений с веберовской типологией социального действия, в которой критерием различения аффективного, традиционного, ценностно-рационального и целерационального типов оказывается в конечном счете мера присущей им рациональности, и процесс перехода от первого к последнему из них выступает как процесс рационализации социального поведения, т.е. «замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов». Целерациональное поведение по Веберу представляет собой полярную противоположность, с одной стороны, всем видам внутренней связанности привычными «обычаями», с другой – подчинению нормам, которые считаются рациональными по своей ценности [Вебер 1990: 628, 635]. Сюда же примыкает теория М. Вебера о различных основаниях легитимации господства: во-первых, это «традиционное» господство, основанное на авторитете «вечно вчерашнего», авторитете «нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение»; во-вторых, харизматическое господство, основанное на авторитете «внеобыденного личного дара» (харизмы), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека; в-третьих, легальное господство, опирающееся на силу веры в обязательность легального установления и деловой «компетентности» власти, обоснованной рационально созданными правилами [Вебер 1990: 646–647].

В приведенных положениях из работ М. Вебера содержится достаточно полный набор концептуальных элементов позднейшей теории модернизации: дихотомическое деление всех обществ на две группы, противопоставляющее их «современную» форму «традиционной»; западное индустриально-капиталистическое общество XIX–XX вв. как аутентичное воплощение «современности»; комплексный характер определения «современности», в котором экономические, политические и культурные факторы взаимодействуют через совокупность прямых и обратных связей; универсалистский потенциал рожденных на Западе рациональных институтов экономики, политики, культуры.

Но свое оформление и развитие теория модернизации получила только в 1950–1960-е гг. И с точки зрения ее социологических оснований решающее влияние имели труды Толкота Парсонса. Это влияние проявилось в двух основных аспектах.

Первый связан с введенным им понятием *эталонных переменных* социального действия. Он исходил из того, что ситуация, в которой актору предстоит совершить какое-то действие всегда несет в себе дилеммы и приобретает для него определенный смысл в результате совершенного им выбора. Эталонная переменная – это дихотомия, одну из сторон которой субъект должен выбрать, чтобы значение ситуации стало для него определенным, и, чтобы он мог действовать в этой ситуации.

Т. Парсонс полагал, что существует всего пять эталонных переменных и что они составляют систему. Это:

1. Аффективность – Аффективная нейтральность.
2. Ориентация на себя – Ориентация на коллективность.
3. Универсализм – Партикуляризм.
4. Приписывание – Достижение.
5. Специфичность – Диффузность [Toward a General... 1951: 77].

В некоторых действиях чувства играют определенную роль и даже более того, имеют решающее значение. В других областях или ситуациях чувствам отводится подчиненная роль. Но в каждой конкретной ситуации приходится заново решать, насколько влияние эмоций уместно в данном контексте (выбор между аффективным и аффективно нейтральным действием). В традиционных обществах социальные отношения имеют тенденцию включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. В современных обществах социальные отношения, скорее, строятся на аффективно-нейтральной основе – как неличностные, отчужденные, косвенные.

Человеку не всегда позволено преследовать свои собственные, возможно, эгоистические цели; иногда он обязан ориентироваться на коллектив и учитывать его цели (ориентация на себя или на коллектив). Традиционным обществам характерна верность, преданность коллективу: семье, общине, племенному государству. В современных обществах, напротив, акцентируется индивидуалистическая ориентация.

Человеческому действию всегда присуще нормативное измерение, и приходится отдавать себе отчет в том, на кого конкретно распространяются нормы, которые применяются в данном случае – на всех людей, или в отношении соседей, родственников и друзей действуют какие-то особые критерии (выбор между универсализмом и партикуляризмом). В традиционных обществах люди стремятся ассоциироваться с членами определенного социального круга. Поскольку они знают друг друга очень хорошо, они относятся друг к другу партикуляристски. Для современного общества с его высокой плотностью населения и высокой мобильностью люди часто вынуждены контактировать с незнакомцами, и они стараются при взаимодействиях руководствоваться универсалистскими принципами.

Судить о других можно по их происхождению, рождению, красоте и так далее, т.е. по качествам, за которые сами они ответственности не несут, или же по их собственным достижениям и заслугам (ориентация на аскриптивные (приписанные) качества или на достижения самого человека). В традиционных обществах человек оценивается по статусу, который ему приписан. В современных обществах человек скорее ценится статусом, который ему удалось достичь благодаря собственным усилиям.

Действие может учитывать все возможные аспекты или ставить перед собой четко очерченную задачу. Действие человека в роли отца семейства несет в себе и экономические, и социальные, и эмоциональные аспекты. Действие человека в профессиональной сфере четко определяется его должностными обязанностями, инструкциями и т.д. (выбор между диффузностью и специфичностью действия). «Диффузная» ориентация предполагает, что во внимание принимается личность в целом. Специфичистская ориентация заставляет принимать во внимание лишь «часть» личности партнера, важную в контексте происходящего взаимодействия. В традиционных обществах преобладают функционально диффузные роли. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация [Joas, Knöbl 2009: 69-70; Побережников 2001: 224–227].

Выбор, совершаемый актором не означает, что само действие всегда проходит в высшей степени рационально и что в любом действии актор, как компьютер, каждый раз четко отслеживает последствия сложного выбора из пяти дихотомий. Но выбор совершается – явно или неявно, сознательно или до-сознательно.

Важно, что структура выбора уже предзадана этими дихотомиями, и это происходит на уровне личностной, социальной и культурной систем [Joas, Knöbl 2009: 71]. На уровне личности они выступают в качестве привычек выбора, стандартов ценностной ориентации субъекта; на уровне коллектива и культуры они определяют действия субъекта, предписывая выбор, либо в соответствии с его социальной ролью, либо в соответствии с ценностными стандартами, закрепленными в культуре [Toward a General... 1951: 77–78].

Второй аспект влияния социологии Т. Парсонса на теорию модернизации связан с его трактовкой механизмов эволюции общества. Он полагал очевидным, что для *поддержания* функционирования любой социетальной системы необходимы многие сложные процессы. Однако с эволюционной точки зрения есть различия между процессами, служащими поддержанию системы, и теми, что изменяют ее. В свою очередь среди процессов изменения наиболее важными для эволюционной перспективы являются процессы, *усиливающие адаптивную способность* либо внутри общества путем порождения нового типа структуры, либо через культурное проникновение и вовлечение других факторов в комбинации с новым типом структуры [Parsons 1966: 21]. Прежде всего, это процесс *дифференциации*, когда элемент, подсистема или категория элементов и подсистем разделяется на элементы и системы, различающиеся как по структуре, так и по их функциональному значению для более широкой системы [Parsons 1966: 22]. Обычно это положение иллюстрируют (так делает и Т. Парсонс) примером семьи, в которой сосредотачивалось большинство функций, необходимых для социального воспроизводства. Но переход функции обучения детей к школам дает им более широкие и многообразные знания, чем они могли получить от старших в семье, а организация производства на специализированных предприятиях экономически гораздо более эффективна.

Процессы дифференциации выдвигают новые проблемы, связанные с *интеграцией* системы. Формируются новые социальные структуры и системы взаимодействия. Так, в системе, где есть найм и профессиональная занятость, глава дома уже не может более контролировать производство в рамках своей *роли, определяемой родством*. Производящая организация должна поэтому разработать систему авторитета, которая не укоренена в системе родства. Производственные и домашние коллективы должны быть скоординированы внутри более широкой системы, например, посредством изменений в структуре локального сообщества. Новый тип возникающей системы требует утверждения соответствующего ей варианта ценностного образца, который должен быть более генерализованным, обобщенным для того, чтобы легитимизировать более широкое многообразие целей и функций [Parsons 1966: 22].

Практика исследований: некоторые классические труды

В работах 1950–1960-х гг., которые признаны классикой теории модернизации, рассмотренные выше положения социологической теории Т. Парсонса получили соответствующее развитие.

Динамическая идея развития, основанная на эталонных переменных, стала той теоретической моделью, которую сторонники теории модернизации считали наиболее приспособленной для описания и объяснения процессов социальных изменений. При этом, одна сторона дихотомических пар (аффективность, ориентация на коллектив, партикуляризм, приписывание, диффузность) отождествлялась с традиционным обществом, а другая (аффективная нейтральность, ориентация на себя, универсализм, достижение, специфичность) – с современным.

Тезис Т. Парсонса о дифференциации как основном механизме эволюционного процесса получил развитие в классической модели структурно-функциональной дифференциации Нейла Смелзера. Суть модели структурно-функциональной дифференциации в том, что она описывает переход функций воспроизводства

общественной жизни от семьи и общины, как это имеет место в традиционном обществе, к специализированным социальным институтам. В традиционных обществах функция производства (прежде всего, потребительского сельского хозяйства) осуществляется преимущественно в родственных коллективах – домохозяйствах; промыслы играют вспомогательную роль и обычно размещаются в рамках семьи и деревенской общины; операции потребления и обмена лишь в незначительной степени выходят за границы семьи и селения; обучение и воспитание, т.е. социализация новых поколений также происходят в семье и общине. В процессе же модернизации производственная функция в значительной степени делегируется предприятиям и учреждениям; члены семьи покидают домохозяйство (а нередко и свою деревенскую общину) в поисках трудоустройства на рынке рабочей силы; семья, таким образом, постепенно перестает быть производственной единицей. Процессы дифференциации одновременно охватывают и сферу обмена. Обмен товарами и услугами все в большей степени опосредуется рынком; рыночные (денежные) механизмы экономического развития вытесняют прежние традиционалистские (религиозные, политические, семейные регулятивы), что способствует относительной автономизации экономической системы. Функция формального обучения переходит к школе. Правительство берет на себя функции социальной защиты стариков, инвалидов, нетрудоспособных и т.д. [Побережников 2006: 115–123].

Исследования проблем модернизации с опорой на указанные подходы осуществлялись уже с начала 1950-х гг. Одним из первых сделал это Марион Леви в статье, опубликованной в сборнике 1952 г., посвященном проблемам развития отсталых регионов. Согласно Леви, индустриально развитые общества характеризуются наличием рациональных, универсалистских и функционально специфических ценностных ориентаций и социальных ролей. Неиндустриальные общества, напротив, характеризуются наличием нерациональных, партикуляристских и функционально диффузных ценностей и социальных ролей. Экономический рост становится основным двигателем радикальной трансформации неиндустриальных обществ, способствуя утверждению в них тех же культурных и социальных паттернов, что и в индустриально развитых странах Запада [Ефременко, Мелешкина 2014: 4].

Иллюстративной для модернизационных исследований 1950-х гг. Х. Йоас и Б. Кнёбль считают работу Даниэля Лернера (Lerner D. *The Passing of Traditional Society. Modernizing the Middle East*. New York: Free Press, 1965 (1958)). Он исходит из того, что традиционное общество не предполагает всеобщего участия – посредством родственных связей оно размещает людей по общинам, изолированным друг от друга и от центра; ввиду отсутствия разделения труда между городом и деревней в нем невелика потребность в экономическом взаимодействии; ввиду недостаточных связей между людьми их горизонт ограничивается местом проживания, а их решения касаются только других известных им людей в известных ситуациях. Соответственно, здесь нет необходимости в надличностной общей доктрине, сформулированной в виде разделяемых вторичных символов – нет необходимости в национальной «идеологии», которая позволяет вовлекать людей, не знающих друг друга лично, в политические диспуты или достигать «консенсуса» путем сопоставления их мнений.

С другой стороны, жизнь в обществах модерна требует выполнения многих условий. Чтобы активно участвовать в жизни современного общества, люди должны обладать высокой психической мобильностью, т.е. иметь особую эмоциональную конституцию, которую Лернер называет эмпатией. Под эмпатией он понимает способность мыслить и действовать в соответствии с абстрактными критериями для того, чтобы иметь возможность перешагнуть за типичный для традиционных обществ узкий личный или семейный горизонт, сломить якобы присущий

традиционным обществам фатализм людей и преодолеть тесные, мешающие связи с, как правило, патриархальными семейно-родственными структурами. Только благодаря «эмпатии», полагает Лернер, можно уйти от этих сковывающих связей традиционного общества и воспринимать себя уже как активного члена общества модерна:

На материале регионов Ближнего Востока 1950-х гг. он сделал вывод: только там, где люди имеют достаточный доступ к СМИ (газетам, радио и так далее), т.е. в районе влияния больших городов с их медийной инфраструктурой, могут передаваться знания, способствующие возникновению эмпатии, и формироваться соответствующие ролевые модели. Умение писать и читать – это одно из важнейших, если не самое важное средство, позволяющее повысить психическую мобильность населения. Как утверждает Лернер, в ходе исторического развития в первую очередь в крупных городах устные и прямые формы коммуникации все чаще дополняются и отчасти замещаются современными масс-медиа. Поэтому распространение СМИ – это, с одной стороны, признак, а, с другой стороны, одна из причин изменения психического устройства членов общества и трансформации общества в целом [Joas, Knöbl 2009: 311–312].

Продолжая свои разработки в этом направлении М. Леви в середине 1960-х гг. опубликовал двухтомную работу «Модернизация и структура обществ. Матрица международных отношений», в которой, как отмечалось в критическом анализе Л.Б. Волкова: «Отправляясь от восходящего к М. Веберу и Т. Парсонсу представления об историческом процессе как движении от иррационально-традиционных к инструментально-рациональным отношениям, автор набрасывает теоретическую модель двух противоположных общественных систем: модернизированной и немодернизированной» [Волков 1984: 221].

В современном, модернизированном обществе сочетаются:

- ориентированная на энергетику технология массового производства;
- глубоко разветвленная организация, которая одновременно аналитически дифференцирована и синтетически рационально централизована;
- широко мыслящий, способный более или менее точно охватить в своем умственном горизонте всю взаимосвязанную сложность технологических и организационных структур, практически эффективный человека.

Модернизированное общество это сложная крупномасштабная и глубоко дифференцированная в своих структурах технологическая, экономическая и социальная система. Рыночные, денежные и договорные отношения в этом эмоционально нейтральном и свободном от родовых, сословных и других частных пристрастий обществе являются нормальным регулятором всего спектра социальных отношений, своего рода универсальным способом наиболее пластичного переноса самой разнообразной информации о личности, группе, институции от одного элемента общества – к другому. Главное в современном обществе – оценка эффективности в своем деле и экспертная, «более или менее научная» оценка самого дела.

Человек модернизированного общества строит свои отношения с природными и предметными партнерами как инструменталист на основе универсально окрашенных оценок реальных функций, целесообразности действий, соответствия между ресурсами, средствами и целями и т. п. Это эмоционально сдержанная личность, склонная к четкому определению своих (и своих партнеров) прав и обязанностей. Случайные, «приписные» моменты, такие как этническое или сословное происхождение партнера не имеют для него значения.

Напротив, немодернизированное, традиционное общество:

- оперирует главным образом мускульной энергией животных и человека;
- состоит из слитных, маломасштабных, легко обозримых групп;
- строит свои отношения на более или менее иррационально связанных между собой элементах опыта.

В таком обществе «рациональное» воспринимается и реализуется постольку, поскольку оно становится элементом повторяющегося опыта. Традиционное общество живет не по принципу: «действуй, потому что данное действие закономерно должно привести к определенной цели», а по принципу: «действуй, потому что так делали до тебя» или «действуй, потому что так действуют другие». Здесь оцениваются прежде всего не реальные результаты действий лиц и институтов, а «приписные» свойства. Ожидания связаны с происхождением, этнической принадлежностью, местом проживания, социальным статусом человека. Поведение человека в традиционном обществе мотивируется, как правило, частной, зачастую случайной информацией. Рынок, деньги, договоры не могут играть здесь роль универсальных регуляторов социальных взаимодействий, которые носят преимущественно личный персонализированный характер [Волков 1984: 222–223].

Критика и развитие теории

Охарактеризованные выше подходы и концепции лежат в основе классической, эволюционистской теории модернизации. Уже с конца 1960-х гг. она подвергалась серьезной критике и оказалась в 1970-е гг. на периферии социально-теоретической мысли. Для целей настоящей работы наиболее существенны следующие темы критики классической теории модернизации: эволюционистское представление о модернизации как одностороннем процессе развития; игнорирование факта значительного разнообразия традиционных обществ с точки зрения их внутренней способности к модернизационному развитию; неразличение традиционализма, как негативной реакции на вторжение сил современности, и традиции, как общего накопителя форм поведения и смыслов данного общества; абсолютизация противопоставления традиционного и современного, тогда как многие традиционные нормы устойчиво функционируют в современном обществе [Эйзенштадт 1999: 472–473]. Однако уже с 1980-х гг. вновь оживляются конкретные и общие теоретические исследования в русле модернизационной парадигмы и формируется современная версия модернизационного подхода. Его теоретическое ядро, согласно анализу И.В. Побережникова, включает следующие положения.

1. Отказ от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей; признание возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску).

2. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития.

3. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс.

4. Отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

5. Историчность подхода. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции».

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации.

7. Осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса. Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса [Побережников 2001: 243–244].

Помимо этого, в современной практике изучения проблем модернизации оформился регионалистский (или регион-ориентированный) подход. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне связывается со значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации [Побережников 2010; Побережников 2011: 39; Побережников 2017: 40].

Но, как представляется, изучение *модернизации на региональном уровне* и изучение *истории региона* в парадигмальных рамках *модернизационного подхода* выполняют разные научные задачи. В первом случае результатом может стать обогащенное, нюансированное *понятие модернизации*, во втором – определенная *интерпретация истории региона*, ее векторно-эволюционное представление.

Эволюция, модернизация и история региона

Релевантность эволюционного подхода к региональной истории

Как все вышесказанное соотносится с общей интерпретацией истории Кабардино-Балкарии? Терминологический словарь теории и методологии исторической науки определяет историческую интерпретацию как исследовательскую процедуру, позволяющую достичь понимания исторической/источниковой реальности [Теория и методология... 2014: 139]. Однако понимание исторического источника, понимание исторического факта, понимание крупных явлений прошлого, эпох и *понимание всего процесса становления наличного бытия*, к которому принадлежит и сам историк – это различные познавательные процедуры. В последнем случае предлагаемое понимание исторического процесса задается соотношением его результата с его мыслимым «началом».

Современная Кабардино-Балкарская Республика формально определяется как регион – субъект Российской Федерации. Однако она представляет собой не просто административную, но и социально-территориальную единицу в составе российского общества. И в таком качестве она продолжает существование Кабардино-Балкарии как исторической области. На фоне других системных отношений, в которые она встроена, ее выделяет определенная «кластеризация институтов». Ту или иную «кластеризацию институтов» Э Гидденс считает базовым критерием идентификации общества. Здесь несомненно присутствуют и другие критерии, позволяющие, согласно Э. Гидденсу, идентифицировать данное общество в контексте интер-социальных систем, в которые оно включено: (1) связь между социальной системой и конкретной территорией; (2) наличие в региональной культуре нормативных элементов, подразумевающих притязания на легитимное занятие данного места; (3) сознание общей идентичности у жителей региона, как бы она ни выражалась или ни проявлялась [Giddens 1984: 164, 165].

Исторически сложившийся «кластер институтов» формальных и неформальных, социальных и политических, этно-специфических и универсальных определяет индивидуальный «силуэт» Кабардино-Балкарии как этно-социо-территориальной целостности. Следует подчеркнуть – речь идет не просто о самобытности этносоциальных систем и этнокультурного облика кабардинского и балкарского народов, но и системе институтов, поддерживавших и регулировавших их устойчивую взаимосвязанность. Мы не знаем такого периода, когда уже сложившиеся на данной территории Кабарда и Балкария существовали бы изолированно друг от друга, или когда их взаимосвязь имела бы периферийный, малозначимый для обоих обществ характер. Таким образом, «начало» истории Кабарды и Балкарии совпадает с «началом» истории объединяющей их исторической области и приходится, судя по всему, на XV в. А период позднего средневековья и раннего нового времени (XVI–XVIII вв.) – это период функционирования и воспроизводства зрелых форм традиционной социальной организации кабардинского и балкарского

обществ и институализированных механизмов их интер-социального взаимодействия. Регион сохраняет *mutatis mutandis* свою социокультурную специфику до сих пор. Но при этом очевидно, что «структурное состояние» современной Кабардино-Балкарии кардинально отличается от культурной организации этносоциальных организмов, существовавших на территории Центрального Кавказа не только в древности, но и в средние века, и в раннее новое время (до конца XVIII в.). Больше того, общество региона конца XX – начала XXI в. несет по крайней мере некоторые типологические характеристики, присущие не только большому российскому обществу, но и современному обществу как таковому.

Социально-культурная организация территории Центрального Кавказа XV в., когда сложились Кабарда и Балкария как этно-социо-территориальные единицы, и общество современной Кабардино-Балкарии стадийно, типологически различны. А если «структурное состояние» объекта исторического интереса в конечной точке исторического континуума качественно отличается от его исходного состояния, есть основания говорить о проделанной им эволюции.

Специфическая и общая эволюция в региональной истории

Однако, когда речь идет о локальном опыте развития, нельзя упускать из виду вопрос о логическом и историческом, об общей и специфической эволюции.

На логико-теоретическом уровне эволюция означает появление принципиально новых, уникальных параметров социальных систем, задающих для них «стрелу времени» – необратимые качественные изменения: «одна форма вырастает из другой» по Л. Уайту. В реальном историческом времени отдельные общества меняются, воспринимая новые, ранее не присущие им признаки, не уникальные, повторяющиеся для разных обществ в определенных эпохи. Но дело в том, что, если бы подлинно уникальные новые параметры социальных систем не распространялись за их пределы и не приобретали «глобального» значения, не сложилось бы и понятие общей эволюции. А те общества, которые приобретают новые эволюционные качества в результате их «диффузии», не только меняются сами. Они включаются в процесс общей эволюции, их история становится ее частью.

Если трактовать всю историю Кабардино-Балкарии как единый эволюционный процесс, мы получим формальную констатацию, что социальная эволюция в регионе имела свою «специфику». На деле же окажется, что одним понятием обозначаются качественно различные по направленности процессы, как о том и предупреждал Р.Л. Карнейро [Carneiro 2003: 129]. Но если он говорил о противоположности развития и упадка, интеграции и дезинтеграции в истории социальной системы, то в нашем случае речь должна идти о противоположности (хотя и относительной) становления традиции и становления современности, адаптации к природной и социально-политической среде и адаптации к инновациям, к модернизации.

Понимание того обстоятельства, что адаптация выступает как «механизм» эволюционных изменений для региональной социокультурной системы на всем протяжении ее существования позволяет проследить ее «эндогенную историчность», т.е. фиксировать не только изменения в условиях существования регионального социума в результате действий (политики, реформ) внешних сил и центральной власти, но и его «внутренние» ответы на эти изменения, его структурные трансформации.

Однако адаптация к природно-географической, или стадийно близкой, «узконаваемой» социально-политической среде; адаптация к административно-правовому порядку, устанавливаемому принудительной силой государства; и *адаптация к культурным формам и практикам*, привносимым модернизацией, – это явления разного социального наполнения. В этом смысле можно говорить об *эволюции адаптации* как измерителе общего процесса социально-культурной

эволюции. Она срабатывает и как фактор становления самобытной социокультурной традиции (специфическая эволюция), и как фактор перехода на стадиально новый уровень развития (общая эволюция).

Отсюда – необходимость рассматривать специфическую и общую эволюцию не как параллельно протекающие процессы в едином эволюционном развитии, а как его последовательные фазы. С той точки зрения в истории Кабардино-Балкарии просматривается *трехфазная модель эволюции региональной социокультурной системы*.

Фазы регионального эволюционного процесса

Первая фаза соответствует ее «специфической эволюции». Это – фаза становления самобытной культурной организации конкретных обществ в процессе адаптации к природной и социально-политической среде определенной эпохи и их устойчивого бытования при сохранении в целом внешних условий их становления, т.е. фаза доминирования этносоциальной традиции (XV-XVIII вв.).

В этой фазе регионального эволюционного процесса адаптация к природно-географическим условиям хозяйствования совершалась путем утверждения единообразия и координации хозяйственных практик всех членов данной социально-территориальной единицы – вотчины/общины. Условием эффективной адаптации к среде и ее результатом становилась интеграция общества, нормативное регулирование взаимных отношений и строгое подчинение членов общины ее внутреннему порядку. Его поддержание обеспечивалось сосредоточением властно-распорядительных функций в руках феодального владельца в большей (Кабарда) или в меньшей (Балкария) степени возвышающегося над общинными институтами. Взаимоотношения с социально-политическим окружением в конечном счете определялись их военно-силовым подкреплением и целиком находились в руках феодальных владетелей.

В целом специфическая эволюция сформировала у кабардинцев и балкарцев социальные системы, весьма плотно привязанные к природно-географической и социально-политической среде, что крайне ограничивало их эволюционный потенциал. Появление в их внутреннем социальном пространстве спонтанных инновационных импульсов неизбежно натолкнулось бы на непреодолимое сопротивление физического пространства (в случае Балкарии, запертой в теснины горных ущелий) или властной монополии военно-феодального сословия (в случае Кабарды, нуждавшейся в поддержании контроля над гораздо более обширным пространством, чем то которое было непосредственно населено и находилось в хозяйственном использовании каждый данный момент). Что касается внешних социальных и культурных влияний, то они проходили через социальный «фильтр» господствующего сословия, заинтересованного в поддержании статус-кво.

Вторая фаза соответствует процессу инкорпорации региона в состав Российской империи и его оформления как административно-территориальной единицы российского государственного пространства, когда кабардинское и балкарское общества должны были *адаптироваться к имперскому государственно-правовому порядку* (до начала 1860-х гг.).

С начала 1770-х и до начала 1860-х гг. происходят радикальные изменения той среды, адаптация к которой сформировала и поддерживала традиционную этносоциальную организацию Центрального Кавказа. Этот процесс не был всеобъемлющим, комплексным по влиянию на отдельные общества региона и не был одинаковым по направленности и интенсивности по отношению к разным этносоциальным единицам.

Наиболее глубоко он повлиял на условия существования кабардинского общества. Резко сокращалась контролируемая кабардинскими князьями и находящаяся в хозяйственном использовании территория; снижалась продуктивность экстенсивной аграрной системы, основанной на переложно-залежном земледелии и

отгонном скотоводстве; иссякал приток ресурсов от набеговой практики и от находящихся в зависимости от кабардинских князей обществ; были подорваны властные prerogatives княжеского сословия в результате усиления военно-административного контроля имперских властей и демографической катастрофы начала XIX в.; территориальное и социальное «сжатие» кабардинского общества сделало невозможным дальнейшее рутинное функционирование традиционных институтов феодально-иерархической системы и поддержание стабильности в отношениях привилегированных и зависимых сословий.

Балкарские общества с конца XVIII и на протяжении первой половины XIX в. сохраняли в нетронутом виде свой традиционный этносоциальный уклад. Только в 1846 г. к ним был назначен отдельный пристав, но попыток плотного контроля над их внутренней жизнью не предпринималось. Более того, для них открылась возможность шире использовать земельные ресурсы предгорной зоны, либо игнорируя притязания ослабевших княжеских фамилий Кабарды, либо на началах обычной аренды. Балкарские владельцы сумели утвердить свой статус, добившись от имперской власти формального закрепления за собой титула таубиев – горских князей. Но при этом балкарские общества оставались замкнутыми в горных ущельях, официального закрепления за ними тех земель, которыми они пользовались в предгорной зоне не произошло.

Таким образом вторая эволюционная фаза это фаза перехода: а) когда уже налицо кризис институтов и практик этносоциальной традиции, не соответствующих новым факторам окружающей социально-политической среды, но он не сопровождается становлением новых форм жизнедеятельности (Кабарда) или б) когда уже появляются возможности освоения новых ресурсов для жизнедеятельности, но они не требуют внутренней институциональной перестройки традиционной этносоциальной организации (Балкария).

Третья эволюционная фаза (1860–2020-е) в тенденции соответствует «общей эволюции». Она охватывает периоды имперской, советской и современной модернизации, пронизанные сквозными линиями становления современных универсальных форм экономики, социальности и культуры.

Эти процессы, которые в истории региона можно связать с общей эволюцией, не являлись изначально эндогенными и исторически непрерывными. Новые социально-культурные формы возникали независимо от регионального социума во внешней среде и затем осваивались этническими обществами региона. Однако вплоть до середины XX в. масштабы и глубина их структурно-функциональной дифференциации были крайне незначительными. Подавляющее большинство кабардинцев и балкарцев проживало на селе; только с 1959 г. колхозы стали сами располагать сельскохозяйственной техникой, и для них закончилась эра исключительно ручного труда; до середины 1960-х гг. сохранялась практика натуральной оплаты труда колхозников; только с 1974 г. сельские жители – члены колхозов стали поголовно получать паспорта, как и все остальные граждане страны и т.д. Кроме того, политико-идеологическая среда, в которой протекала социально-культурная эволюция в третьей фазе дважды претерпевала революционные изменения. Проблема адаптации как бы заново вставала перед региональной социальной системой и заново решалась в организованных и стихийных формах массового социального поведения после 1917 и после 1989 г. Но в целом это – фаза изживания не соответствующих новым условиям элементов (институтов и практик) этносоциальной традиции и *адаптации к структурам, ценностям и практикам эпохи модерна*, т.е. обретения региональным социумом универсальных характеристик современного общества. В последние десятилетия советской эпохи (1960–1980-е гг.) соединяются два фактора, сделавшие возможным качественный рывок регионального социума на пути к современности. С одной стороны, практически завершаются

процессы структурно-функциональной дифференциации не только в социальном пространстве региона в целом, но и в этнических обществах народов республики. Семья и община утрачивают роль универсальных институтов социального воспроизводства. С другой стороны, государство, по сути, выполняет функции развития экономической и социально-культурной инфраструктуры современного общества – предприятий промышленности, транспорта, связи; учреждений, предоставляющих образовательные, медицинские, культурные, информационные (книгоиздательство, газеты, журналы, радио, телевидение) услуги. А трудовое, профессиональное, потребительское освоение всех этих сфер становится делом всего общества, каждого индивида. *Инновации получают преимущество перед традицией в массовом сознании и массовых социальных практиках. Общество выходит на траекторию общей социальной эволюции, эндогенной модернизации.*

«Эволюцию адаптации» в этой фазе можно проследить, если опираться на идеальную модель ее «предельного» развития, когда каждый член общества без участия каких-либо посредствующих институтов напрямую и без ограничений может взаимодействовать со всеми мыслимыми формами (научно-технологическими, экономическими, художественными, бытовыми) продуцируемыми на переднем крае современной мировой культуры, и сам может принимать участие в их продуцировании.

Принципиальная возможность такого взаимодействия для любых локальных социальных систем создается тем, что Э. Гидденс назвал «пространственно-временной дистанциацией». В традиционном обществе социальные взаимодействия всегда встроены в определенный пространственно-временной контекст, потому что социальное взаимодействие возможно было для субъектов, контактирующих в физическом пространстве. Пространство, время и социальные отношения тесно взаимосвязаны. Становление современного общества сопровождается «вынесением» социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия и их функционированием в неограниченных пространственно-временных масштабах [Giddens 1990: 17–29].

Внутренние идеологические и политические препятствия к этому, присущие советскому партийно-государственному режиму, были сняты в 1990-е гг. Адаптация регионального социума к окружающей социально-культурной среде и происходящим в ней процессам приобрела принципиально новый характер. В принципе теперь каждый член общества напрямую и без ограничений может взаимодействовать со всеми мыслимыми формами (научно-технологическими, экономическими, художественными, бытовыми) продуцируемыми на переднем крае современной мировой культуры, и сам может принимать участие в их продуцировании.

Но это не означает, что достигнуто некое плато, на котором общество может позволить себе передышку. Напротив, перед ним все острее встают два поистине экзистенциальных вопроса. С одной стороны, они противоречат друг другу, а с другой – необходимо найти положительное решение для обоих.

Во-первых, глобальный/общий эволюционный процесс – научно-технологический, экономический, социальный, культурный – ускоряется. Соизмеримое с ним инновационное развитие это условие сохранения отдельными национальными обществами и регионами достойного места в мире или в стране.

Во-вторых, адаптация к современному эволюционному процессу через индивидуальное инновационное поведение в условиях пространственно-временной дистанциации – вынесения социальных отношений из локальных контекстов взаимодействия – не гарантирует, что регион как социопропространственное образование в целом перейдет на инновационный путь развития, но при этом несет угрозу дезинтеграции локальных социокультурных систем, разрыва исторической преемственности их существования, утраты идентичности.

Таков фундаментальный аспект проблемы взаимодействия традиций и инноваций в современном развитии Кабардино-Балкарии.

Заключение

Современная глобальная эволюция предъявляет прямые, непосредственные требования к научно-технологическому, экономическому и культурно-идеологическому «оснащению» региональных социокультурных систем. Освоение соответствующих форм инновационного развития, эффективное включение в эволюционную динамику современного мира становится способом существования обществ. Это обстоятельство радикально меняет отношение «горизонта ожиданий» к «пространству опыта», к исторической традиции. Выявление и прочтение его смысла приобретает экзистенциальную значимость для нынешнего поколения. Достижение такой цели не может быть результатом эмпирических, конкретно-исторических исследований прошлого. «Смысл» – это выражение частного в общих понятиях. Теории эволюции и модернизации содержат категориальный аппарат, позволяющий интерпретировать, т.е. выявить смысл регионального исторического опыта в его отношении к проблемам современности.

Концепция качественных структурных изменений как содержания социальной эволюции задает принципиальную основу для интерпретации истории региона. В сопоставлении и даже противопоставлении «итога» и «начала» исторического процесса, его перспективы и ретроспективы раскрываются его смысл и значение.

Концепция специфической и общей эволюции позволяет синтезировать в интерпретации результаты социокультурного (цивилизационного) и модернизационного анализа исторического материала. Специфическая эволюция выступает как процесс становления традиции, своеобразия региональной социокультурной системы; общая эволюция – как процесс структурно-функциональной дифференциации, как обретение региональным социумом типологических характеристик общества модерна.

Понимание специфической и общей эволюции как самостоятельных фаз эволюционного процесса позволяет выявить глубинную темпоральную структуру истории региона, включающую в себя фазу специфической эволюции (бытования традиционного общества), фазу перехода (кризиса традиции при отсутствии структурного обновления), фазу общей эволюции (модернизации).

Адаптация как механизм регионального эволюционного процесса действует на всех его этапах. Изменения характера среды, природы вызовов, к которым должна адаптироваться региональная социокультурная система, и структурные изменения, происходящие в ней в ответ на эти вызовы, и формируют индивидуальный исторический профиль региона.

Качественные различия в природе адаптации, с одной стороны, к природной или социально-политически «близкой» среде позднего средневековья и раннего нового времени, а с другой – к социально-экономическим и культурным формам жизнедеятельности общества модерна конца XX в. позволяют поставить вопрос о критериях завершенности модернизации. Об этом можно будет говорить, когда прогрессивные изменения в региональной социально-экономической и культурной среде будут инициироваться индивидуальным актом творчества или заимствования какой-либо формы жизнедеятельности из внешней социально-культурной среды, а затем распространяться в социуме через демонстрацию конкурентных преимуществ данной формы жизнедеятельности перед традиционной, через интериоризацию новых ценностей, инструментов, моделей поведения членами социума. *Тогда адаптация преобразуется в эндогенное инновационное развитие.*

Список источников и литературы

- Вебер 1990 – Вебер М. Избранные произведения / Составление, общая редакция и послесловие Ю.Н. Давыдова; Предисловие П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Волков 1984 – Волков Л.Б. «Осовременивание вдогонку»: перипетии теории модернизации // Современные буржуазные теории общественного развития / Ответственный редактор Я.М. Бергер. М.: Наука, 1984. С. 216–246.
- Ефременко, Мелешкина 2014 – Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 3–12.
- История теоретической... 1997 – История теоретической социологии. В 5 томах. Т. 2. Социология XIX века (Профессионализация социально-научного знания). М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. 448 с.
- Классен 2000 – Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации / Под редакцией Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши М.: Логос, 2000. С. 6–23.
- Князева, Алюшин 2016 – Князева Е.Н., Алюшин А.Л. Big History: эволюционное мышление в глобальной перспективе // Век глобализации. 2016. № 3. С. 16–31.
- Коротаев 2003 – Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003. 278 с.
- Крадин, Коротаев 2014 – Крадин Н.Н., Коротаев А.В. Неэволюционизм // Теория и методология истории: учебник для вузов / Ответственные редакторы В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 90–106.
- Кром 2021 – Кром М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 92–108. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-92-108 /
- Масловский 2008 – Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 31–44.
- Назаретян 2008 – Назаретян А.П. Универсальная (большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 5–24.
- Опыт российских... 2000 – Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М.: Наука, 2000. 244 с.
- Побережников 2001 – Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 217–246.
- Побережников 2006 – Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 237 с.
- Побережников 2010 – Побережников И.В. Модернизация: факторы и проявления пространственно-региональной вариации // Роль и значение региональной истории в современной российской и польской историографии: материалы российско-польского научного семинара, г. Екатеринбург, 20 октября 2008 г. Екатеринбург, 2010. С. 82–101.
- Побережников 2011 – Побережников И.В. Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 2. С. 37–41.
- Побережников 2017 – Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45.
- Поплавский и др. 2017 – Поплавский Р.О., Темплинг В.Я., Черепанов М.С., Шишелякина А.Л. Адаптация социокультурных сообществ в переходные периоды модернизации: концептуальная рамка исследования российского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 144–151.
- Савельева, Полетаев 2003 – Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 632 с.
- Спенсер 1997 – Спенсер Г. Синтетическая философия / перевод с английского П.В. Мокеевского. Киев: Ника-центр, 1997. 512 с.
- Сперанский, Сперанский 2019 – Сперанский А.В., Сперанский П.А. Модернизационная парадигма в изучении истории России: проблемы и дискуссии // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 3. С. 19–27.

- Степин 2006 – *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
- Теория и методология... 2014 – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Ответственный редактор А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Февр 1991 – *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. 630 с.
- Эйзенштадт 1999 – *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Составление, редакция и вступительная статья Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 470–480.
- Юнина-Пакулова, Сидоренко 2025 – *Юнина-Пакулова Н.Ю., Сидоренко И.А.* Понятийно-категориальный анализ термина «временная перспектива личности» в отечественной и зарубежной психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2025 № 18 (1). С. 86–97. DOI: 10.11621/TEP-25-05
- Carneiro 2003 – *Carneiro R.L.* Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History. Boulder: Westview Press, 2003. 342 p.
- Christian 2004 – *Christian D.* Maps of Time: An Introduction to ‘Big History’. Berkeley, Ca.: University of California Press, 2004. 672 pp.
- Claessen 2002 – *Claessen H.J.M.* Evolution and evolutionism // Encyclopedia of social and cultural anthropology. Edited by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London & New York: Routledge, 2002. P. 325–332.
- Evolution... 2011 – Evolution: A Big History Perspective / Edited by Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev, and Barry H. Rodrigue. Volgograd: ‘Uchitel’ Publishing House, 2011. 304 pp.
- Giddens 1984 – *Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
- Giddens 1990 – *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. 186 p.
- Joas, Knöbl 2009 – *Joas H., Knöbl W.* Social Theory. Twenty Introductory Lectures. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 605 p.
- Parsons 1966 – *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. 120 p.
- Rüsen 2005 – *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- Sahlins 1960 – *Sahlins M.D.* Evolution: Specific and General // Evolution and Culture. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 12–44.
- Sanderson 1990 – *Sanderson S.K.* Social Evolutionism: A Critical History. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1990. 251 p.
- Sanderson 1997 – *Sanderson S.K.* Evolutionism and its Critics // Journal of World-Systems Research. 1997. Vol. 3. No 1. P. 94–114.
- Sanderson 2007 – *Sanderson S.K.* Evolutionism and Its Critics. Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society – London and New York: Routledge, 2007. 374 p.
- Service 1960 – *Service E.R.* The Law of Evolutionary Potential // Evolution and Culture. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 93–122.
- Spier 1996 – *Spier F.* The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. 113 p.
- Toward a General... 1951 – Toward a General Theory of Action / Edited by Talcott Parsons and Edward A. Shils. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1951. 506 p.
- Voget 1975 – *Voget F.W.* A history of ethnology. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 879 p.

References

- VEBER M. *Izbrannye proizvedeniya / Sostavlenie, obshchaya redaktsiya i posleslovie Yu.N. Davydova; Predislovie P.P. Gaidenko.* [Selected Works / Compiled, edited and preface by Yu.N. Davydov; Afterword by P.P. Gaidenko]. M.: Progress, 1990. 808 p. (In Russian)
- VOLKOV L.B. «Osovremenivanie vdogonku»: *peripetii teorii modernizatsii.* [“Modernization in pursuit”: the twists and turns of modernization theory]. IN: *Sovremennye burzhuanzye*

teorii obshchestvennogo razvitiya / Otvetstvennyi redaktor Ya.M. Berger. M.: Nauka, 1984. P. 216–246. (In Russian)

EFREMENKO D.V., MELESHKINA E.Yu. *Teoriya modernizatsii o putyakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of modernization on the paths of socio-economic development]. IN: Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 6. P. 3–12. (In Russian)

Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. V 5 tomakh. T. 2. Sotsiologiya XIX veka (Professionalizatsiya sotsial'no-nauchnogo znaniya). [History of Theoretical Sociology. In 5 volumes. Vol. 2. Sociology of the 19th Century (Professionalization of Social-Scientific Knowledge)]. M.: «Izdatel'stvo Magistr», 1997. 448 p. (In Russian)

KLASSEN Kh.Dzh.M. *Problemy, paradoksy i perspektivy evolyutsionizma* [Problems, paradoxes and prospects of evolutionism]. IN: Al'ternativnye puti k tsivilizatsii / Pod redaktsiei N.N. Kradina, A.V. Korotaeva, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. M.: Logos, 2000. P. 6–23. (In Russian)

KNYAZEVA E.N., ALYUSHIN A.L. *Big History: evolyutsionnoe myshlenie v global'noi perspektive* [Big History: evolutionary thinking in a global perspective] IN: Vek globalizatsii. 2016. № 3. P. 16–31. (In Russian)

KOROTAEV A.V. *Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii*. [Social evolution: factors, patterns, trends]. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 278 p. (In Russian)

KRADIN N.N., KOROTAEV A.V. *Neoevolyutsionizm*. [Neo-evolutionism]. IN: Teoriya i metodologiya istorii: uchebnyk dlya vuzov / Otvetstvennye redaktory V.V. Alekseev, N.N. Kradin, A.V. Korotaev, L.E. Grinin. Volgograd: Uchitel', 2014. P. 90–106. (In Russian)

KROM M.M. «Metody» i «podkhody»: *proiskhozhdenie i evolyutsiya klyuchevykh ponyatii sovremennogo istoricheskogo diskursa* [“Methods” and “approaches”: the origin and evolution of key concepts in modern historical discourse] IN: Novoe proshloe / The New Past. 2021. № 4. P. 92–108. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-92-108 (In Russian)

MASLOVSKII M.V. *Sovremennye teorii moderna i modernizatsii* [Contemporary theories of modernity and modernization]. IN: Sotsiologicheskii zhurnal. 2008. № 2. P. 31–44. (In Russian)

NAZARETYAN A.P. *Universal'naya (bol'shaya) istoriya: versii i podkhody* [Universal (big) history: versions and approaches]. IN: Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2008. № 2. P. 5–24. (In Russian)

Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka. [The experience of Russian modernizations in the 18th–20th centuries]. M.: Nauka, 2000. 244 p. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii* [Theory of modernization: the main stages of evolution]. IN: Evraziiskoe pogranič'e. Ekaterinburg: Volot, 2001. P. 217–246. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii*. [Transition from a traditional to an industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. M.: ROSSPEN, 2006. 237 p. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Modernizatsiya: faktory i proyavleniya prostranstvenno-regional'noi variatsii* [Modernization: factors and manifestations of spatial-regional variation]. IN: Rol' i znachenie regional'noi istorii v sovremennoi rossiiskoi i pol'skoi istoriografii: materialy rossiisko-pol'skogo nauchnogo seminaru, g. Ekaterinburg, 20 oktyabrya 2008 g. Ekaterinburg, 2010. P. 82–101. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Ispol'zovanie modernizatsionnoi paradigmy pri izuchenii regional'noi istorii Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Using the modernization paradigm in the study of regional history of Russia (XVIII – early XX centuries)]. IN: Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2011. № 2. P. 37–41. (In Russian)

POBEREZHNIKOV I.V. *Modernizatsiya v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya* [Modernization in the history of Russia: directions and problems of study]. IN: Ural'skii istoricheskii vestnik. 2017. № 4 (57). P. 36–45. (In Russian)

POPLAVSKII R.O., TEMPLING V.YA., CHEREPANOV M.S., SHISHELYAKINA A.A.L. *Adaptatsiya sotsiokul'turnykh soobshchestv v perekhodnye periody modernizatsii: kontseptual'naya ramka issledovaniya rossiiskogo regiona* [Adaptation of socio-cultural communities in transitional periods of modernization: a conceptual framework for studying the Russian region]. IN: Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2017. № 4 (39). P. 144–151. (In Russian)

- SAVEL'EVA I.M., POLETAEV A.V. *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. V 2 tomakh. Tom. 1. Konstruirovaniye proshlogo*. [Knowledge of the Past: Theory and History. In 2 volumes. Vol. 1. Constructing the Past]. St. Petersburg: Nauka, 2003. 632 p. (In Russian)
- SPENSER G. *Sinteticheskaya filosofiya / perevod s angliiskogo P.V. Mokievskogo*. [Synthetic Philosophy / translated from English by P.V. Mokievsky]. Kiev: Nika-tsentr, 1997. 512 p.
- SPERANSKII A.V., SPERANSKII P.A. *Modernizatsionnaya paradigma v izuchenii istorii Rossii: problemy i diskussii* [The Modernization Paradigm in the Study of Russian History: Problems and Discussions]. IN: *Istoriya i sovremennoye mirovozzrenie*. 2019. Vol. 1. № 3. P. 19–27. (In Russian)
- STEPIN V.S. *Filosofiya nauki. Obshchie problemy: uchebnyy dlya aspirantov i soiskatelei uchenoi stepeni kandidata nauk*. [Philosophy of Science. General Problems: A Textbook for Postgraduate Students and Candidates of Science]. M.: Gardariki, 2006. 384 p. (In Russian)
- Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' / Otvetstvennyi redaktor A.O. Chubar'yan*. [Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary / Editor-in-Chief A.O. Chubaryan]. M.: Akvilon, 2014. 576 p. (In Russian)
- FEVR L. *Boi za istoriyu*. [Battles for history]. M.: Nauka, 1991. 630 p. (In Russian)
- EIZENSHTADT Sh. *Novaya paradigma modernizatsii* [New Paradigm of Modernization]. IN: *Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsii. Khrestomatiya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Sostavleniye, redaktsiya i vstupil'nyaya stat'ya B.S. Erasov*. M.: Aspekt press, 1999. P. 470–480. (In Russian)
- YUNINA-PAKULOVA N.YU., SIDORENKO I.A. *Ponyatiino-kategorial'nyi analiz termina «vremennaya perspektiva lichnosti» v otechestvennoi i zarubezhnoi psikhologii* [Conceptual and categorical analysis of the term “temporal perspective of personality” in domestic and foreign psychology]. IN: *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*. 2025. № 18 (1). P. 86–97. DOI: 10.11621/TEP-25-05 (In Russian)
- CARNEIRO R.L. *Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History*. Boulder: Westview Press, 2003. 342 p.
- CHRISTIAN D. *Maps of Time: An Introduction to 'Big History'*. Berkeley, Ca.: University of California Press, 2004. 672 pp.
- CLAESSEN H.J.M. *Evolution and evolutionism // Encyclopedia of social and cultural anthropology*. Edited by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London & New York: Routledge, 2002. P. 325–332.
- Evolution: A Big History Perspective / Edited by Leonid E. Grinin, Andrey V. Korotayev, and Barry H. Rodrigue*. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, 2011. 304 pp.
- GIDDENS A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.
- GIDDENS A. *The Consequences of Modernity*. Stanford (Ca): Stanford University Press, 1990. 186 p.
- JOAS H. KNÖBL W. *Social Theory. Twenty Introductory Lectures*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 605 p.
- PARSONS T. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1966. 120 p.
- RÜSEN J. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- SAHLINS M.D. *Evolution: Specific and General*. IN: *Evolution and Culture*. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 12–44.
- SANDERSON S.K. *Social Evolutionism: A Critical History*. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1990. 251 p.
- SANDERSON S.K. *Evolutionism and its Critics*. IN: *Journal of World- Systems Research*. 1997. Vol. 3. No 1. P. 94–114.
- SANDERSON S.K. *Evolutionism and Its Critics. Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society*. London and New York: Routledge, 2007. 374 p.
- SERVICE E.R. *The Law of Evolutionary Potential*. IN: *Evolution and Culture*. Marshall D. Sahlins and Elman R. Service, Eds. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. P. 93–122.
- SPIER F. *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. 113 p.
- Toward a General Theory of Action / Edited by Talcott Parsons and Edward A. Shils*. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1951. 506 p.
- VOGET F.W. *A history of ethnology*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1975. 879 p.

Информация об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник КБНЦ РАН.

Information about the author

A.Kh. Borov – Doctor of Science (History), Leading Researcher at the KBSC RAS.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 902/904 (470.63)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-33-45

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПРУДОВОЙ – 1 В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ СТАВРОПОЛЬЕ (РАСКОПКИ 2012 ГОДА)

Яков Борисович Березин

Научно-исследовательский институт и Музей антропологии имени Д.Н. Анучина Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, НИИ и Музей антропологии Московского государственного университета, Москва, Россия, yakov_berezin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0417-4668>

© Я.Б. Березин, 2025

Аннотация. Статья посвящена публикации результатов раскопок курганов 1 и 2 курганного могильника Прудовой – 1 в Туркменском районе Ставропольского края, проводившихся автором в 2012 г. Было исследовано 3 погребения. Наиболее интересным представляется погр. 1 кург. 2, по обряду и инвентарю, возможно, относящееся к западнокобанской археологической культуре эпохи раннего железа. Так далеко от основного ареала обитания, в глубине степной зоны, подобные захоронения еще не обнаруживались. находка позволяет поставить вопрос о проникновении представителей данной, горно-предгорной по своему происхождению и ареалу бытования, культуры, достаточно далеко вглубь степей. Погребение 2 того же кургана, имеющее в погребальном обряде и инвентаре отдельные черты раннебронзовой ямной культуры, возможно, связано с ранним этапом катакомбной культуры эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: Р. Маньч, р. Калаус, курганы, погребения, катакомбная культура, кобанская культура, популяции человека, археологические материалы

Для цитирования: Березин Я.Б. Курганный могильник Прудовой – 1 в Северо-Восточном Ставрополье (раскопки 2012 года) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 33–45. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-33-45

Original article

THE BURIAL MOUND PRUDOVOY – 1 IN THE NORTHEASTERN STAVROPOL REGION (2012 EXCAVATIONS)

Yakov B. Berezin

D.N. Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, yakov_berezin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0417-4668>

© Ya.B. Berezin, 2025

Abstract. The article is devoted to the publication of the results of excavations of mounds 1 and 2 of the Prudovaya – 1 burial mound in the Turkmen district of the Stavropol Territory, conducted by the author in 2012. 3 burials were investigated. The most interesting is tomb 1 of Burial mound 2, which, according to ritual and inventory, probably belongs to the West Koban archaeological culture of the Early Iron Age. Such burials have not yet been

discovered so far from the main habitat, in the depths of the steppe zone. The discovery raises the question of the penetration of this culture, which is mountainous and foothill in origin and distribution, deep into the steppes. Burial 2 of the same mound, which has separate features of the early bronze pit culture in the funeral rite and inventory, may be associated with the early stage of the catacomb culture of the Middle Bronze Age.

Keywords: Manych River, Kalaus River, burial mounds, catacomb culture, Koban culture, human populations, archaeological materials

For citation: Berezin Ya.B. The burial mound Prudovoy – 1 in the Northeastern Stavropol region (2012 excavations). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 33–45. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-33-45

В 2012 году Туркменский отряд археологической экспедиции ГУП «Наследие» проводил раскопки двух курганов могильника «Прудовой-1». Начальник отряда и держатель открытого Листа Я.Б. Березин, в раскопках курганов и составлении отчета принял активное участие главный специалист ГУП «Наследие» В.А. Бабенко (Березин, 2013). Могильник насчитывает 6 курганных насыпей, однако раскопкам подверглись только две, №№ 1 и 2, попадавшие в зону строительства высоковольтной линии. Могильник расположен практически в центре Кумо-Манычской впадины, на левом берегу р. Калаус, при впадении ее в манычскую озерно-речную систему. Местность равнинная, находится на высоте около 35–40 м над уровнем моря. Оба кургана никогда не подвергались распашке, задернованы, раскапывались с оставление одной, центральной, бровки. Географические координаты кургана 1 – 45°41'01.4" С и 44°05'12.4".

Археологических раскопок на ставропольской стороне Маныча проводилось значительно меньше, чем на калмыцкой. Тем не менее можно отметить масштабные (34 кургана с 124 погребениями) работы Арзгирской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством М.В. Андреевой [Андреева, 1989]. Основная масса погребений относилась к эпохе средней бронзы, главным образом, к восточноманычской культуре. В 1997 году экспедицией ГУП «Наследие» (г. Ставрополь) под руководством С.В. Ляхова был раскопан 21 курган с 95 погребениями в могильниках Типки 1,2,3 и Шарахалсун 1, 3, 4, 5 [Ляхов 2016; Ляхов 2017]. Здесь также преобладали погребения эпохи средней бронзы, но обнаружено также несколько очень интересных позднекочевнических комплексов. В 1998–2001 годах отрядами археологической экспедиции ГУП «Наследие» под руководством В.А. Бабенко было исследовано значительное количество курганов в могильниках Айгурка 2 и Барханчак 2 [Бабенко 1999; Бабенко 2002]. Обнаруженные в них погребения датированы широким хронологическим диапазоном, от неолита до позднего средневековья, с преобладанием захоронений эпохи бронзы. В целом, археологическую изученность региона можно признать удовлетворительной, однако публикация новых материалов всегда может внести новые, доселе не известные штрихи в древней истории этих мест.

Курган 1. Из-за небольших размеров, диаметр кургана определить было затруднительно, до начала работ он представлялся порядка 22–24 м, высота не более 0.3 м. Заложённая бровка оказалась «слепой» и стратиграфической информации не дала. Удалось лишь уточнить форму насыпи, она была вытянута по линии север-юг, имела длину до 20 м, максимальную ширину 16–17 м. В кургане обнаружено и исследовано одно погребение.

Погребение 1. Совершено в неглубокой грунтовой яме, ориентировано по линии восток-запад с отклонением, западный край ямы снесен. Сохранившаяся длина 0.73 м, ширина 0.35 м. Погребение одиночное, вероятно, принадлежало подростку. Он лежал вытянуто на спине, головой на запад. Погребение безинвентарное, тленов, пигментов не зафиксировано. Погребение не атрибутируется.

Курган 2. Диаметр кургана на местности представлялся порядка 20–22 м, высота не более 0.5 м. Стратиграфическая бровка позволила уточнить изначальную,

неправильно – округлую форму насыпи, ее диаметр составлял 13–14 м. В бровке зафиксирован выкид из основного погребения 2. Сама насыпь была сооружена в один прием, следов досыпок не зафиксировано.

Погребение 1. Совершено в грунтовой яме. Яма имела неправильно-прямоугольную форму, со скругленными углами, ориентирована более длинной осью по линии восток-запад. Сохранившаяся длина составляла 1.50–1.60 м, ширина в средней части до 0.80 м. Западная стенка сильно повреждена скоплением ходов землеройных животных. Дно зафиксировано на глубине 0.93–0.97 м от Р. Погребение одиночное. Скелет взрослого человека располагался скорчено, на правом боку, головой на запад, необходимо отметить, что верхняя часть скелета была завалена на грудь, череп располагался лицевой частью вниз. Тем не менее, положение костей таза и ног позволяют уверенно реконструировать позу «на боку». Важно положение рук, левая была вытянута по направлению к костям ног и перекрывала их у коленных суставов. Правая находилась к северу, «сзади» от скелета и частично разрушена.

У западной стенки погребения, в 0.25 м западнее черепа находился керамический сосуд. Он стоял вертикально, на дне. Сосуд сероглиняный, лепной, плоскодонный, безручный, тулово уплощено – сферическое, горловина невысокая, прямая, венчик слабо отогнут наружу. Поверхность сосуда серая, заглаженная. От придонной части до горловины он покрыт орнаментом из горизонтальных вдавленных линий в сочетании с линиями треугольного и круглого штампа. Высота сосуда 11.3 см, диаметр дна 6 см. В юго-западном углу находились кости особи мелкого рогатого скота. В анатомическом порядке располагались позвонки и ребра, скорее всего, половина грудной клетки.

Интерпретация данного погребения вызывает определенные сложности. Его стратиграфическая позиция в кургане определяет нижнюю границу, оно не может быть ранее эпохи средней бронзы, катакомбной культуры. В обряде практически нет черт, свойственных только эпохе бронзы, можно выделить лишь протянутую к ногам, точнее, лежащую на костях ног, правую руку. Погребенный был уложен на правый бок, что является большой редкостью для посткатакомбной лолинской культуры, 7% от общего числа погребений [Мимоход 2013: 33]. Отметим также, что могильник Прудовой расположен практически в центре выделенного ареала лолинской культуры [Мимоход 2013: 462. илл. 1]. Тоже можно сказать и для восточноманычской катакомбной культуре, где абсолютно доминируют левобочные погребения, свыше 90% от общего числа [Андреева 2014: 24].

Похожая ситуация с ориентировками. Для восточноманычской культуры доля западной ориентировки погребенных в одиночных могилах составляет всего 2–3% [Андреева 2014: табл. 57, с. 176], в лолинской культуре доля западной ориентировки еще меньше, всего два случая на весь массив погребений [Мимоход, 2013, с. 34]. Форма и приемы орнаментации найденного в погребении сосуда абсолютно чужды как позднекатакомбной восточноманычской, так и посткатакомбным лолинской и волго-бабинской керамике [Андреева 2014: 208–209, илл. 34–35; Мимоход 2013: 493–496, илл. 44–47; Мимоход 2020: рис. 1–2].

Для срубной культуры эпохи поздней бронзы также характерно полное преобладание захоронений на левом боку с ориентировкой погребенных в северные и восточные сектора [Памятники... 1993: табл. 1, с. 20–63]. Найденный в погр. 1 кург. 2 сосуд также весьма далек от срубных традиций. Таким образом, рассматриваемое погребение, скорее всего, *не* относится к эпохе бронзы.

В последние годы постепенно появляется все больше информации об обнаружении далеко за пределами предгорий Кавказа подкурганых захоронений, возможно, принадлежащих группам населения кобанской культурно-исторической общности [Березин, Маслов 2022; Березин 2023]. Пока они, главным образом, фиксировались в пределах Ставропольской возвышенности, прачно освоенной «кобанцами» еще в предскифское время. Природные условия горнолесного, холмистого рельефа были очень схожи с условиями Пятигорья, которое, скорее

всего, и явилось исходным местом миграции. Попробуем сравнить обряд погр. 1 кург. 2 с кобанским погребальным ритуалом.

Скорченное на боку положение костяка стандартно для «кобанцев», правый или левый бок, по крайней мере для раннего периода, определялся полом погребенного, мужчин хоронили на правом, женщин на левом. Впрочем, были и исключения [Козенкова, 1989: 79]. Определенная ориентировка погребенного преобладала только в пределах одного могильника, для культуры в целом она не была сколько-нибудь значимым признаком. Отдельно стоит остановиться на уложенной на согнутые в коленях ноги правой руке погребенного. Для кобанской культурно-исторической общности (далее – КИО) в целом стандартной являлась поза с руками, согнутыми в локтях и направленными кисти к лицу. Тем не менее, протянутые к коленям руки, одна или обе, нечасто, но регулярно встречались во всем ареале кобанской КИО [Козенкова 1977: 21; Козенкова 1989: 79]. Больше таких случаев известно для западнокобанской культуры. Использование в качестве заупокойной пищи части грудной клетки особи мелкого рогатого скота очень широко распространено во времени и пространстве.

Форма керамического сосуда имеет много общего с формой небольших западнокобанских корчаг [Козенкова, 1998, табл. XXXI, 1,3,4,5]. Прием орнаментации большей части корпуса сосуда горизонтальными или волнистыми прочерченными линиями в сочетании с рядами оттисков круглого или треугольного штампа также стандартен для западных кобанцев [Белинский, Дударев 2015: 279]. При этом нас не должно смущать столь большое расстояние от Пятигорья до берегов Маныча. Скорее всего, исходной точкой миграции могла быть Ставропольская возвышенность, уже хорошо освоенная западнокобанскими племенами. От нее, по долине р. Калаус, протекающей всего в 2 км севернее могильника, шел прямой путь в Приманычье. Точную датировку погребения дать сложно, вероятно, это начальная эпоха периода раннего железа, может быть, VIII – нач. VII вв до н.э.

Погребение 2. Совершено в катакомбной конструкции, являлось основным для кургана. Погребению принадлежал выявленный в ходе раскопок материковый выкид. В плане он имел серповидную форму с разрывом в северо-восточной стороне. Внешний диаметр выкида составлял порядка 6 м, ширина в плане колебалась от 1 до 2 м, в разрезе он имел треугольный профиль, толщиной не более 0.20 м.

Входная яма имела в плане форму неправильной трапеции со скругленными углами, ориентирована по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. На уровне фиксации ее размеры: длина 1.20 м, ширина 1.50 м, по мере углубления яма суживалась, на уровне дна те же размеры составляли 1.08 на 1.25 м. Переход в погребальную камеру оформлен покатою ступенью с перепадом глубин 1.76–1.80 м. Погребальная камера сильно разрушена крупной норой, вероятно, первоначально она имела овальную форму, ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток.

Детский костяк также сильно разрушен, сохранились череп, фрагментарно грудная клетка и большая часть правой руки. Скорее всего, он располагался вытянуто на спине, головой на восток с отклонением к югу, каких-либо тленов и пигментов не зафиксировано. Впрочем, с тем же успехом поза может быть реконструирована как положение покойного на спине, с поднятыми в согнутых коленях ногами. К сожалению, оба варианта недоказуемы.

В захоронении были обнаружены две бронзовые проволочные подвески в 1.5 оборота, из круглой в сечении проволоки, с заостренными концами. Диаметр одной 1.4 см, другой 1.5 см. Первая подвеска обнаружена у черепа, вторая в заполнении погребальной камеры.

Керамический сосуд стоял на дне погребальной камеры, вертикально, в 0.25 м западнее черепа. Сосуд круглодонный, лепной, безручный, тулово чашевидной формы, с загнутым внутрь краем, горловина и венчик не оформлены. Поверхность светло-коричневая, заглаженная, с пятнами охры розового цвета и серо-коричневыми пятнами копоти. Орнаментирован комбинациями отпечатка шнура с

овальным и круглым штампом. Высота сосуда 5.4 см, диаметр венчика 7 см, максимальный диаметр корпуса 8.8 см. В северо-западном углу входной ямы найдена лопатка особи мелкого рогатого скота. Она находилась примерно в 0.10–0.12 см ниже дна, в заполнении норы.

Отнесение погр. 2 кург. 2 к кругу памятников катакомбной КИО эпохи средней бронзы, несомненно. Рассматривая же его в рамках этой общности, стоит обратить внимание на некоторые архаичные черты (восточная ориентировка, поза погребенного вытянуто на спине или на спине с подогнутыми в верх коленами, круглодонность сосуда), отсылающие к ямной КИО эпохи ранней бронзы. На наличие похожих черт в ранней северокавказской культуре указывает А.А. Клещенко [Клещенко 2014: 146–147]. Возможно, данное захоронение принадлежит раннему этапу развития катакомбной КИО.

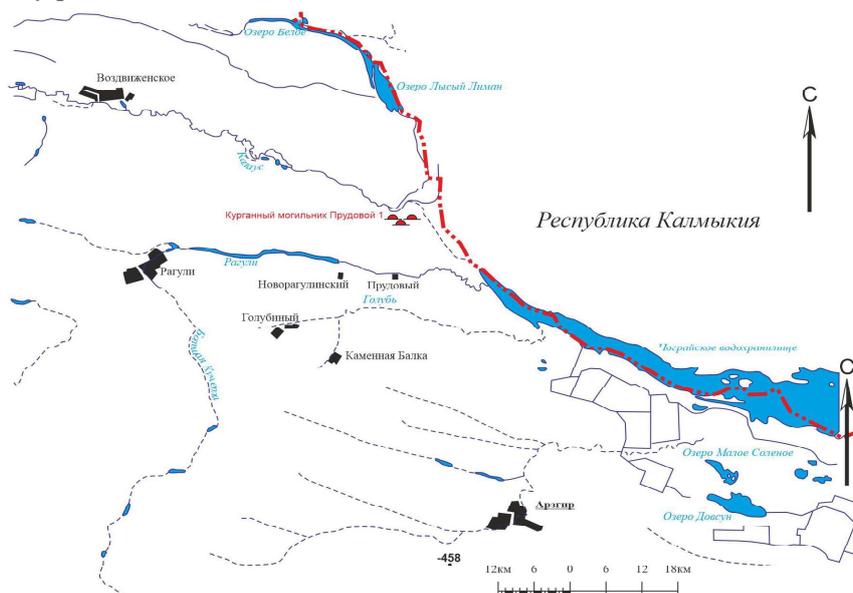

Рис. 1. Место расположения курганного могильника «Прудовой – 1».

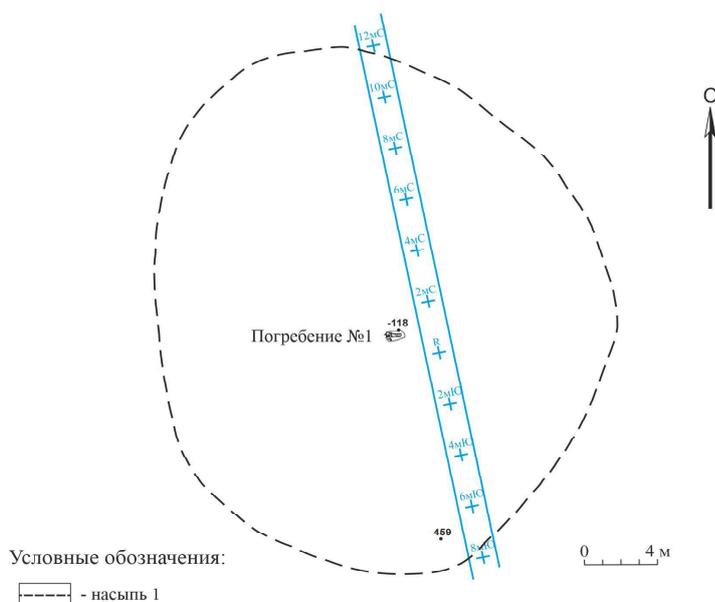

Рис. 2. Курган 1. Общий план.

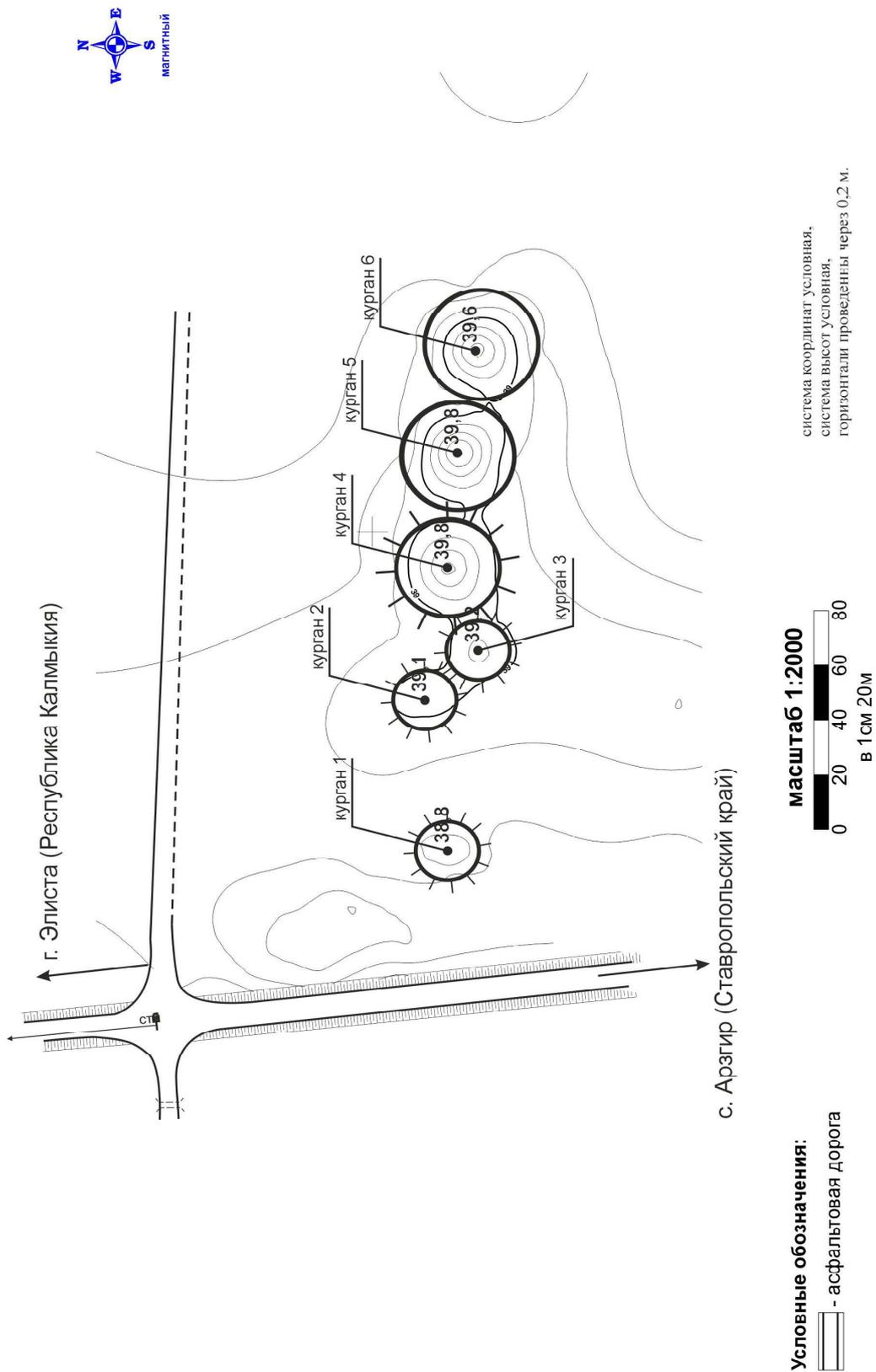

Рис. 3. Курганный могильник «Прудовой – 1». Топоплан.

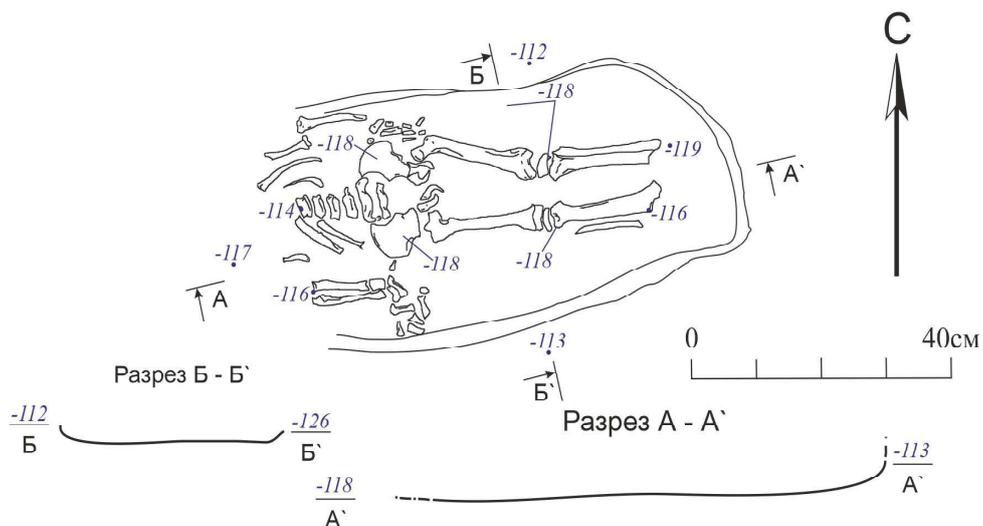

Рис. 4. Курган 1. Погребение № 1. План, разрезы.

Условные обозначения:

- реконструируемая граница насыпи 1
- граница насыпи 1
- материковый выкид
- дерн
- насыпь 1
- материк
- современная почва
- погребенная почва

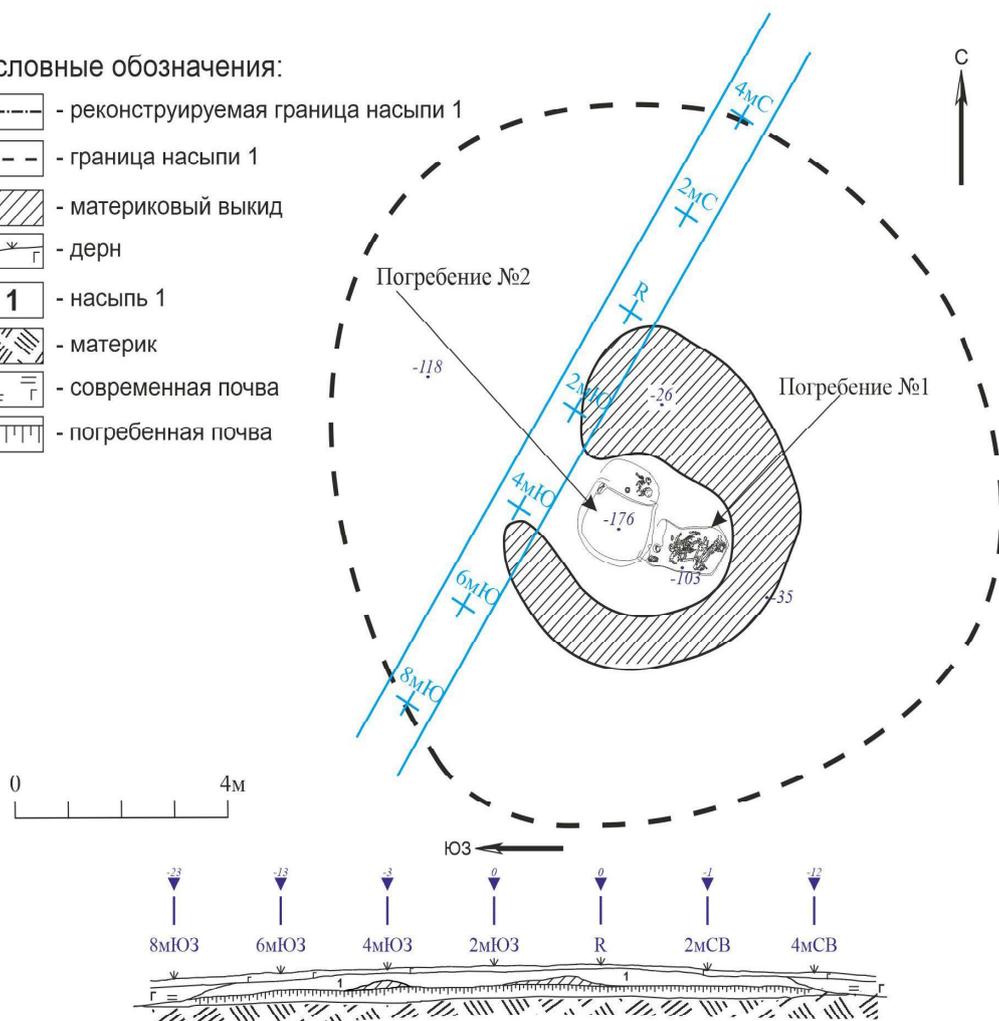

Рис. 5. Курган 2. Общий план, центральная бровка, восточный профиль.

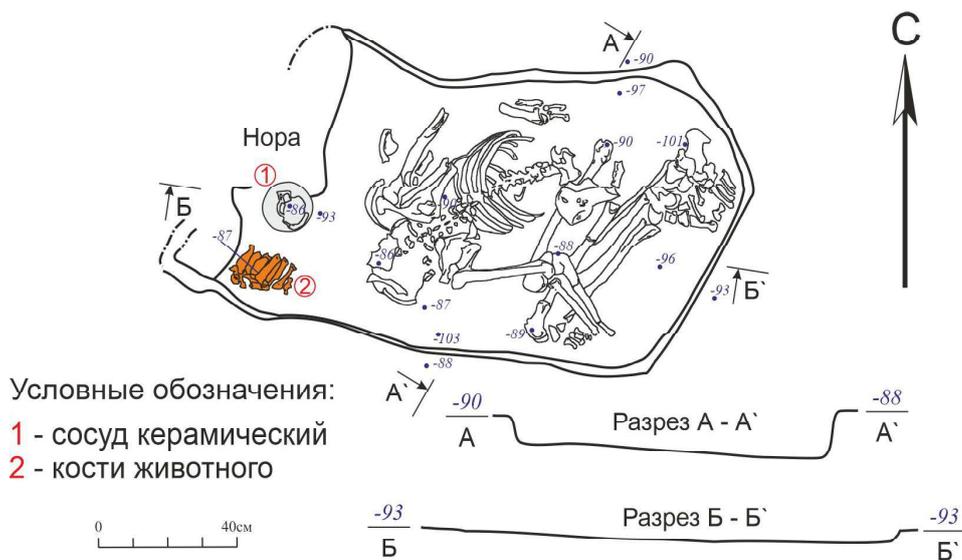

Рис. 6. Курган 2. Погребение № 1. План, разрезы.

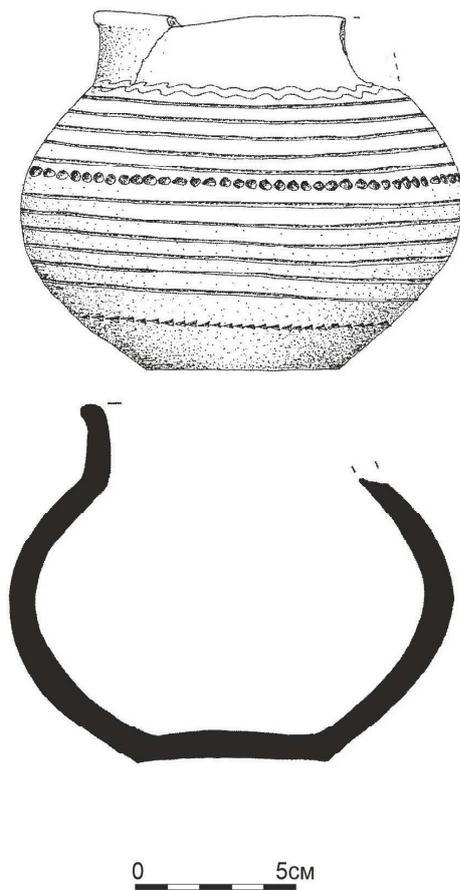

Рис. 7. Курган 2. Погребение № 1. Сосуд керамический (находка № 1).

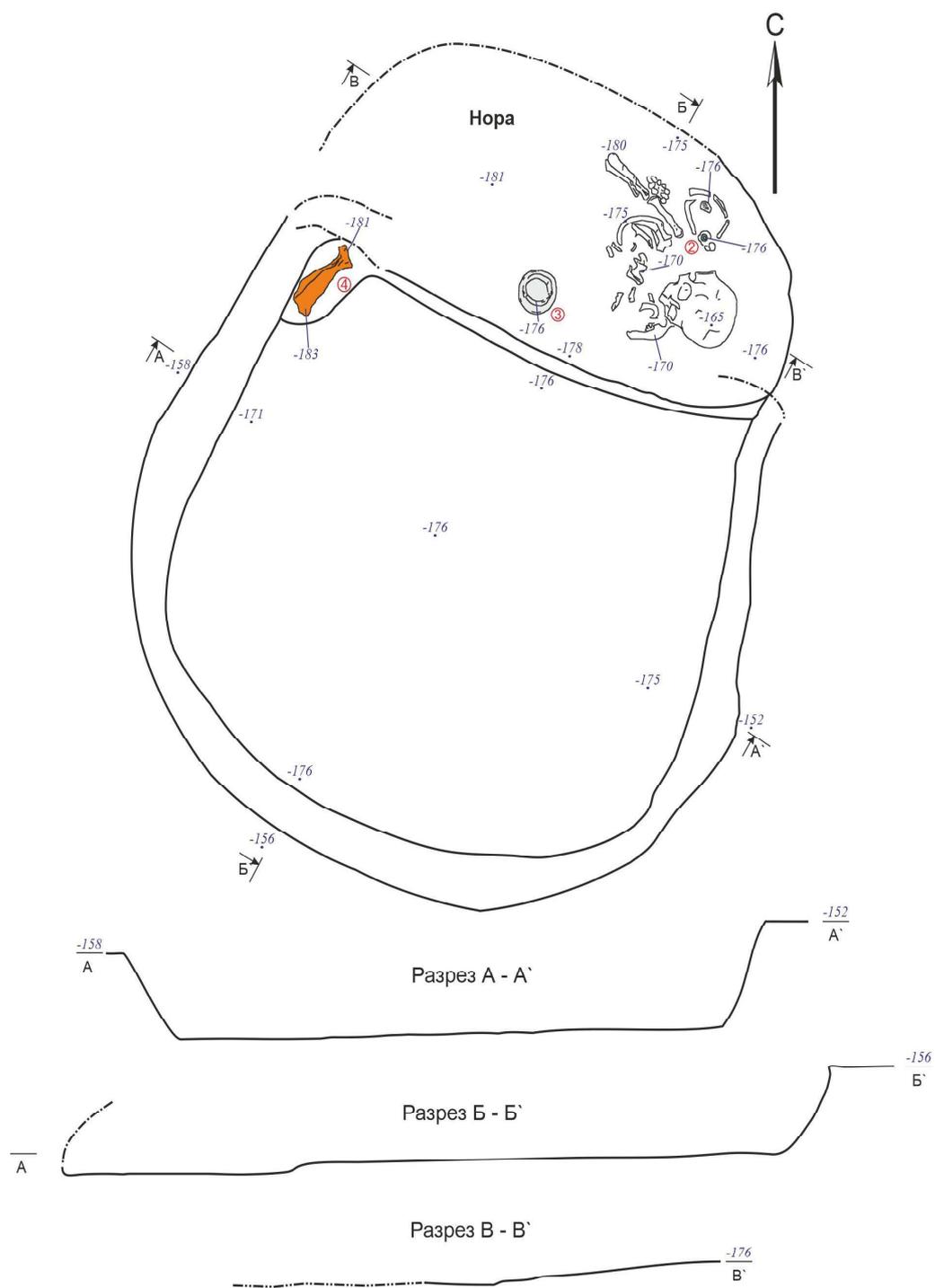
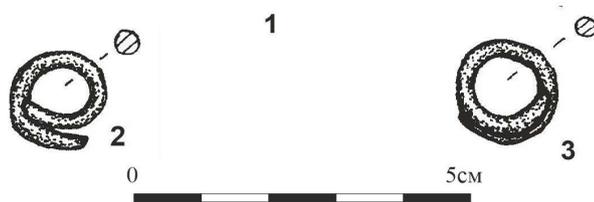
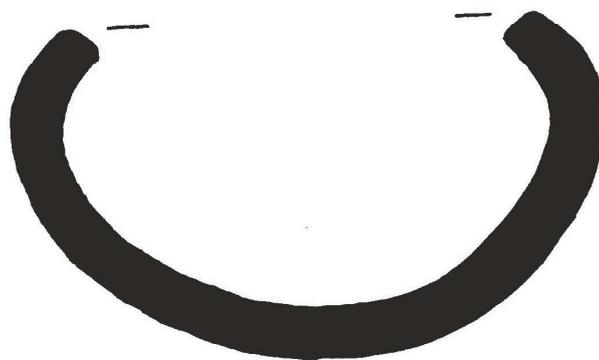
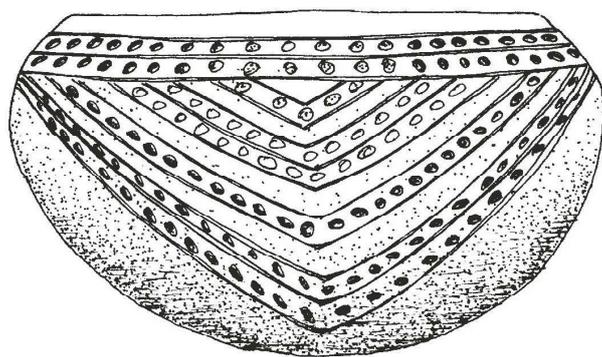

Рис. 8. Курган 2. Погребение № 2. План.

- 1 - сосуд керамический (находка №3)
- 2 - подвеска бронзовая (находка № 1)
- 2 - подвеска бронзовая (находка № 2)

Рис. 9. Курган 2. Погребение № 2. Находки.

Список источников и литературы

- Андреева 1989 – *Андреева М.В.* Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок 1979 г.) // *Древности Ставрополья*. М.: Наука, 1989. С. 24–125.
- Андреева 2014 – *Андреева М.В.* Восточноманьчская катакомбная культура. Анализ погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Березин 2013 – *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках курганного могильника «Прудовой-1» на территории Туркменского района Ставропольского края в 2012 г. Ставрополь, 2013. Ф-1. Р-1. № 33965.
- Березин 2023 – *Березин Я.Б.* О кобанских подкурганных погребениях северного Ставрополья // *Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона*. М.: ИА РАН, 2023. С. 48–52.
- Березин, Маслов 2022 – *Березин Я.Б., Маслов В.Е.* Кобанские погребения близ Солнечнодольска // *КСИА*. Вып. 267. М.: ИА РАН, 2022. С. 85–101.
- Бабенко 1999 – *Бабенко В.А.* Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Айгурский-2» у совхоза Советское Руно Ипатовского района Ставропольского края в 1998 г. Ставрополь, 1999. Архив ИА РАН, Р 1, № 21041–21042.
- Бабенко 2002 – *Бабенко В.А.* Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Барханчак-2» в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 г. Ставрополь, 2002, Архив ИА РАН, Р 1, № 26055–26056.
- Белинский, Дударев 2015 – *Белинский А.Б., Дударев С.Л.* Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и юго-восточной Европы начала раннего железа. Ставрополь, Дизайн-Студия Б, 2015, 446 с.
- Клещенко 2014 – *Клещенко А.А.* Ямный компонент в сложении погребальной обрядности северокавказской культуры эпохи средней бронзы // *Археологические памятники Оренбуржья*. Вып. 11. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2014. С. 138–149.
- Козенкова 1977 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, В 2–5. М.: Наука, 1977. 60 с.
- Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Западный вариант. САИ, В 2–5. М.: Наука, 1989, 196 с.
- Козенкова 1998 – *Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. САИ. Вып. В 2–5. М.: ИА РАН, 1998. 200 с.
- Ляхов 2016 – *Ляхов С.В.* Раскопки курганов степной зоне Центрального Предкавказья в 1997 году // *Археологическое наследие Саратовского края*. Вып. 14. Саратов, 2016. С. 78–126.
- Ляхов 2017 – *Ляхов С.В.* Раскопки курганов степной зоне Центрального Предкавказья в 1997 году (часть 2) // *Археологическое наследие Саратовского края*. Вып. 15. Саратов, 2017. С. 145–198.
- Мимоход 2013 – *Мимоход Р.А.* Лолинская культура Северо-Западного Прикаспия на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // *Материалы охранных археологических исследований*. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
- Мимоход 2020 – *Мимоход Р.А.* Керамика волго-донской бабинской культуры: проблемы идентификации и культурной специфики. КСИА, 259. М.: ИА РАН, 2020. С. 148–163.
- Памятники 1993 – *Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья*. САИ. Вып. В 1–10. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1993. 127 с.

References

- ANDREEVA M.V. *Kurgany u Chograjskogo vodoxranilishha (materialy raskopok 1979 g.)* [Mounds near the Chograis reservoir (excavation materials of 1979)]. IN: *Drevnosti Stavropol'ya* [Antiquities of Stavropol region]. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 24–125. (In Russian)
- ANDREEVA M.V. *Vostochnomany' chskaya katakombnaya kul'tura. Analiz pogrebal'nykh pamyatnikov* [East Manych catacomb culture. Analysis of funerary monuments]. Moscow: Taus, 2014. 272 p. (In Russian)
- BABENKO V.A. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Ajgurskij-2» u sovhoza Sovetskoe Ruно Ipatovskogo rajona Stavropol'skogo kraja v 1998 g.* [Report on the security excavations of the Aigursky-2 burial mound at the Sovetskoye Fleece state farm in the Ipatovsky district of the Stavropol Territory in 1998]. Stavropol', 1999. Arkhiv IA RAN, R 1. № 21041–21042. (In Russian)

BABENKOV A. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh kurgannogo mogil'nika «Barkhanchak-2» v okrestnostyax g. Ipatovo Ipatovskogo rajona Stavropol'skogo kraja v 2001 g.* [Report on the security excavations of the Barkhanchak-2 burial mound in the vicinity of Ipatovo, Ipatovsky district, Stavropol Territory in 2001]. Stavropol', 2002. Arkhiv IA RAN, R 1. № 26055–26056. (In Russian)

BELINSKIY A.B., DUDAREV S.L. *Mogil'nik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostej Kavkaza i yugo-vostochnoj Evropy nachala rannego zheleza* [The Klin-Yar III burial ground and its place among the antiquities of the Caucasus and Southeastern Europe at the beginning of the Early Iron Age]. Stavropol: Design Studio B, 2015. 446 p. (In Russian)

BEREZIN YA.B. *O kobanskikh podkurgannykh pogrebeniyakh severnogo Stavropol'ya* [About the Koban burial mounds of the northern Stavropol region]. IN: *Svyazi i vzaimootnosheniya kul'tur Cirkumpontijskogo regiona* [Connections and interrelations of cultures of the Circumpont region]. Moscow: IA RAN, 2023. Pp. 48–52. (In Russian)

BEREZIN YA.B. *Otchet o raskopkakh kurgannogo mogil'nika "Prudovoy-1" na territorii Turkmenskogo rajona Stavropol'skogo kraja v 2012 g.* [Report on the excavations of the burial mound "Prudovoy-1" in the territory of the Turkmen district of the Stavropol Territory in 2012]. Stavropol, 2013. F-1. R-1. № 33965. (In Russian)

BEREZIN YA.B., MASLOV V.E. *Kobanskije pogrebeniya bliz Solnechnodol'ska* [Koban burials near Solnechnodolsk]. IN: *Kratkiye soobscheniya Instituta Arkheologii RAN* [Summary reports of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: IA RAN, 2022. Issue 267. Pp. 85–101. (In Russian)

KLESHHENKO A.A. *Yamny'j komponent v slozhenii pogrebal'noj obryadnosti severokavkazskoj kul'tury epokhi srednej bronzy* [The component of Yamnaya culture in the composition of the funeral rites of the North Caucasian culture of the Middle Bronze Age]. IN: *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzhya* [Archaeological sites of Orenburg region]. Issue 11. Orenburg: OOO «IPK University», 2014. Pp. 138–149. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura. Vostochnyj variant* [The eastern variant]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. Vol. V 2–5. Moscow: Nauka Publ., 1977. 60 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kultura. Zapadnyj variant* [Koban culture. The Western variant]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. Vol. V 2–5. Moscow: Nauka Publ., 1989. 196 p. (In Russian)

KOZENKOVA V.I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyj variant* [The material basis of the life of the Koban tribes. The Western variant]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. Vol. V 2–5, Moscow: IA RAN, 1998. 200 p. (In Russian)

LYAKHOV S.V. *Raskopki kurganov stepnoj zone Central'nogo Predkavkaz'ya v 1997 godu* [Excavations of mounds in the steppe zone of the Central Ciscaucasia in 1997]. IN: *Arxeologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological heritage of the Saratov Region]. Vol. 14. Saratov, 2016. Pp. 78–126. (In Russian)

LYAKHOV S.V. *Raskopki kurganov stepnoj zone Central'nogo Predkavkazya v 1997 godu (chast 2)* [Excavations of mounds in the steppe zone of the Central Ciscaucasia in 1997 (part 2)]. IN: *Arxeologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological heritage of the Saratov Region]. Vol. 15. Saratov, 2017. Pp. 145–198. (In Russian)

MIMOXOD R.A. *Keramika volgo-donskoj babinskoj kul'tury: problemy identifikacii i kul'turnoj specifiky* [Ceramics of the Volga-Don Babin culture: problems of identification and cultural specificity]. IN: *Kratkiye soobscheniya Instituta Arkheologii RAN* [Summary reports of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. 259. Moscow: IA RAN, 2020. Pp. 148–163. (In Russian)

MIMOXOD R.A. *Lolinskaya kul'tura Severo-Zapadnogo Prikaspiya na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka* [The Lolinsky culture of the Northwestern Caspian Region at the turn of the Middle and late periods of the Bronze Age]. IN: *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovanij* [Materials of security archaeological research]. Vol. 16. Moscow: IA RAN, 2013. 568 p. (In Russian)

PAMYATNIKI *Pamyatniki srubnoj kul'tury Volgo-Ural'skogo mezhdurechya* [Monuments of srubnaya culture of the Volga-Ural interfluve]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. Vol. V 1–10. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1993, 127 p. (In Russian)

Информация об авторе

Я.Б. Березин – научный сотрудник отдела фондов и экспозиции НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета.

Information about the author

Y.B. Berezin – Researcher at the Funds and Exposition Department of the Research Institute and the Museum of Anthropology Moscow State University.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 11.10.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 11.10.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 316.48(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-46-61

**ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ДИНАМИКЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)**

Заврбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2025

Аннотация. Вторая половина XVIII в. для Северо-Западного и Центрального Кавказа стала временем обострения этносоциальных конфликтов. Объективные причины внутренней эволюции адыгских и абазских политий Черкесии, горских обществ Центрального Кавказа привели к серьезной демографической и, как следствие, социально-политической динамике. На Северо-Западном Кавказе – в Западной Черкесии и в Кабарде с ее сложным гетерогенным этносоциальным окружением эти процессы имели как общие черты, так и ряд особенностей. Они были связаны с ландшафтными различиями двух субрегионов Черкесии, демографическими параметрами, этнокультурным разнообразием его населения. Общим содержанием этносоциальных процессов, имевших место на Северо-Западном и Центральном Кавказе во второй половине XVIII в. стал кризис иерархических институтов политической власти и самоорганизации. Наиболее зримо, в форме резкого социального и политического переворота, этот кризис реализовался в Закубанской Черкесии после Бзюкской битвы (10 июля 1796). Для Кабарды, сохранившей на протяжении всей второй пол. XVIII в. свою феодальную конституцию, дополнительным фактором, усугублявшим кризисные явления, было обострение кабардино-русских отношений. Основание Азово-Моздокской кордонной линии (1777–1778), перенос укрепленной русской границы на Кубань (1791–1793) детерминировали обострение внутренних противоречий в Кабарде, резкое сокращение ее территории и постепенное разрушение иерархических связей с абазинами и горскими обществами Центрального Кавказа.

Ключевые слова: Западная Черкесия, Кабарда, социальный переворот, Бзюкская битва, кордонная линия

Для цитирования: Кожев З.А. Общее и частное в динамике этносоциальных процессов на Северо-Западном и Центральном Кавказе (вторая половина XVIII в.) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 46–61. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-46-61

Original article

**GENERAL AND SPECIFIC IN THE DYNAMICS OF ETHNOSOCIAL PROCESSES
IN THE NORTHWESTERN AND CENTRAL CAUCASUS
(SECOND HALF OF THE XVIII-TH CENTURY)**

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2025

Abstract. The second half of the XVIII-th century was the time of intensifying ethnosocial conflicts in the Northwestern and Central Caucasus. Objective factors in the internal evolution of the Adyghe and Abaza polities of Circassia and of the mountain societies of the Central Caucasus led to significant demographic and, consequently, sociopolitical dynamics. In the Northwest Caucasus – in Western Circassia and Kabarda, with its complex, heterogeneous ethnosocial milieu – these processes had both common features and a number of distinctive characteristics. These were linked to the landscape differences between the two subregions of Circassia, demographic parameters, and the ethnocultural diversity of its population. The general content of the ethnosocial processes that took place in the North-West and Central Caucasus in the second half of the XVIII-th century was the crisis of hierarchical institutions of political power and self-organization. This crisis manifested itself most visibly, in the form of a sharp social and political upheaval, in Trans-Kuban Circassia after the Battle of Bziyuk (July 10, 1796). For Kabarda, which retained its feudal constitution throughout the second half of the XVIII-th century, an additional factor exacerbating the crisis was the deterioration of Kabardian-Russian relations. The founding of the Azov-Mozdok cordon line (1777–1778) and the transfer of the fortified Russian border to Kuban (1791–1793) determined the aggravation of internal contradictions in Kabarda, a sharp reduction in its territory and the gradual destruction of hierarchical ties with the Abazins and mountain societies of the Central Caucasus.

Keywords: Western Circassia, Kabarda, social upheaval, Battle of Bziyuk, cordon line

For citation: Kozhev Z.A. General and specific in the dynamics of ethnosocial processes in the Northwestern and Central Caucasus (second half of the XVIII-th century). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 46–61. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-46-61

Вторая половина XVIII в. на Северо-Западном и Центральном Кавказе – это время масштабных демографических, социальных и политических преобразований, в которых отразились объективно обусловленные процессы общественной эволюции народов региона и, в-первую очередь, черкесов. Как это обычно бывает в динамике общественных процессов, количественные изменения накапливались постепенно, а реализовывались скачкообразно переходом в новое качество. Ключевым событием, своеобразной реперной точкой социально-политического переворота в жизни черкесов XVIII в. стала Бзиюкская битва 10 июля 1796 г. между крестьянским ополчением Шапсугии («вольными земледельцами» по определению Султана Хан-Гирея – З.К.) и коалицией бжедугских и шапсугских аристократов. Несмотря на победу последних в самом сражении, этой «битве при Моргартене» наоборот, общественно-политический кризис конца XVIII в., охвативший черкесское общество, завершился полной победой антифеодальных сил в Западной Черкесии и преобразованием политического ландшафта региона [Султан Хан-Гирей 2009: 468–474; Проблемы 1998; Чирг 2015 и др.]. На Центральном Кавказе, в Кабарде и ее непосредственном социальном окружении, процессы общественной эволюции были не столь очевидны и находились в тени экзистенциального военно-политического конфликта с Российской империей. Однако отечественные исследователи уже давно проводили параллели между этносоциальными процессами на Северо-Западном и Центральном Кавказе, соотнося между собой их содержание и долговременные последствия для их субъектов. Так В.Х. Кажаров отмечал, что «...и в Кабарде почти за 30 лет до Бзиюкской битвы наблюдалось еще более значительное по масштабам антифеодальное движение, но оно, как известно, не имело таких социальных последствий, какие были отмечены у шапсугов, натухайцев и абадзехов» [Кажаров 2014: 183]. В Кабарде, по его мнению, развитие общества в XVII–XVIII вв. «сводилось к бесконечному повторению прежних социальных образцов, демонстрируя свою неспособность к самоорганизации и прогрессу» [Кажаров 2014: 524]. Различия в причинах, характере, формах и результатах «классовой борьбы» были, по мнению автора, детерминированы спецификой социально-экономического развития черкесских политий в предшествующие столетия, а также разницей в роли внешнеполитического фактора, т.е. воздействия со стороны Российской империи, осуществлявшей колониальную экспансию в регионе [Кажаров

2014: 183–184]. К сожалению, абсолютное большинство отечественных исследователей в своих работах рассматривают этносоциальные процессы на Северо-Западном и Центральном Кавказе изолированно, что снижает их релевантность задачам научного осмысления исторического процесса в регионе во второй половине XVIII в. [Покровский 1989; Проблемы 1998; Чирг 2015 и др.]. В данной статье мы предлагаем выделить очевидные универсальные и частные, особенные черты в динамике этносоциальных процессов в Западной Черкесии (на Северо-Западном Кавказе) и Кабарде с ее многочисленной клиентелой (Центральный Кавказ). Без этого предварительного обобщения, на наш взгляд, невозможна исследовательская работа по адекватному осмыслению всего разнообразия форм и методов взаимодействия политий региона с осваивавшей его Российской империей.

Источниковой базой для нашего исследования служат нарративные источники, особенно такие незаменимые для истории Северного Кавказа Нового времени как «Книга путешествий» Эвлии Челеби, записки европейских путешественников и исследователей XVIII–XIX вв., труды Султана Хан-Гирея, а также архивные документы, как ранее опубликованные, так и извлеченные из Центральных архивов [АБКИЕА 1974; Бутков 1869а; Бутков 1869б; КРО 1957; МПИО 1933; РОО 1976; РОО 1984; Султан Хан-Гирей 2009; Челеби 1979; Штедер 2016; РГАДА и др.].

Наиболее очевидным признаком масштаба процессов общественной эволюции, имевших место на Северо-Западном и Центральном Кавказе, является этнодемографическая динамика, практическое исчезновение старых политий Княжеской Черкесии и появление новых этносоциальных единиц, не известных более ранним источникам. В 60-х годах XVII в. в описании Эвлии Челеби Черкесия предстает как непрерывная цепь феодальных владений во главе с наследственными правителями – *беями*, от таманских черкесов и Хегака на Нижней Кубани до среднего течения Сунжи, где адыгские владения смыкались с границами «исламского Дагестанского падишахства» [Челеби 1974: 42–104]. Турецкий путешественник, описывая черкесские земли, совершенно не упоминает натухайцев, шапсугов и абадзехов, которые на рубеже XVIII–XIX вв. уже составляли три четверти населения Северо-Западного Кавказа [АБКИЕА 1974: 236–244]. Такой взрывной рост численности субэтносов, даже не упоминающихся в номенклатуре черкесских политий середины XVII в. необъясним без корректной интерпретации источников. По ходу своего повествования Э.Челеби постоянно упоминает об «абазах», как ближайших южных соседях и часто антагонистов черкесских беев: «Упомянутая гора Оюз [расположена] между [землями] абхазов и черкесов – это высокая гора с пестрыми утесами, и зимой и летом на ней нет недостатка в снеге ... Они (жанеевцы – *К.З.*) постоянно воюют с садаша-абхазами и убивают их ... В общем же все племена абхазов враждебны по отношению к этим кочевым племенам черкесов. [Так что] у них в конце концов нет ни одного дня, свободного от битв и столкновений – каждый день с разных сторон приходят враги» [Челеби 1979: 63, 66]. Переводчики и авторы комментариев «Книги путешествий» отмечают, что в оригинальном тексте Э. Челеби для обозначения абхазов и абазин используется один термин – «абаза» [Челеби 1979: 218]. Действительно, экзоэтноним «*абхаз*» традиционно был характерен для картвелоязычной этнонимии и использовался исключительно для обозначения населения Абхазского княжества. В османской и черкесской этнонимии он отсутствовал. А термин «*абаза*» имел универсальное значение, «так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и ... убыхов) (т.е. убыхи и все локальные группы абхазо-абазинской языковой ветви черноморского побережья и горной зоны Северо-Западного Кавказа – *З.К.*), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов» [Генко 1955: 7]. Кроме того, по свидетельству Хан-Гирея, этникон «*абазэ*» еще в первой половине XIX в. имел гораздо более широкое семантическое поле: «Абхазы землю свою называют Апсне,

а себя именуют апс-о; грузины их называют абхазеты, а черкесы абадце, относя сие наименование собственно к абхазцам; впрочем, черкесы, живущие на северных равнинах за Кубанью, т.е. в княжеских владениях, называют нередко племена *абадзехское, шапсхгское и натххоккоадьское вообще «абадцэ»*, как бы желая под этим названием означать людей грубых; иногда даже скромные в похвалах к самому себе дворяне из этих племен, говоря о своем значении, произносят: «Конечно, я, как абадзинский дворянин, не знаток в вежливости, но надеюсь поддерживать приличия, званию дворянина свойственные». При всем том, однако ж, название «абадцэ», принадлежащее абхазцам, дают этим черкесским племенам потому только, что они живут с ними в соседстве и связях. Наоборот, эти племена, т.е. абадзехское, шапсхгское и натххоккоадьское, в некоторых случаях княжеским владениям, говоря вообще, преимущественно присваивают название *адхге* (т.е. адыгэ – З.К.), хотя это наименование есть общее всему черкесскому народу (разрядка наша – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 196–197]. Объединение локальных групп Княжеской Черкесии в единую группу и противопоставление их «грубым» натухаевцам, шапсугам и абадзехам, переводит дихотомию «адыгэ-абазэ» в социальную плоскость. Характеризуя в целом враждебные взаимоотношения между черкесами и «абазами», Э. Челеби переводит их в мистическую плоскость антагонистической борьбы сверхъестественных сил. Находясь в Черкесии, в ночь на 25 апреля 1666 г. он якобы стал свидетелем грозы необычайной силы, во время которых, по свидетельству местных жителей обычно происходят битвы на земле и на небе между абазскими и черкесскими оюзами – степными колдунами [Челеби 1979: 66]. Однако, судя по другим данным турецкого путешественника, черкесы-бжедуги («страна Боздук») имели много общего с «абазами» в характере и обычаях из-за постоянной торговли и тесных связей с ними. [Челеби 2009: 75].

На наш взгляд, «абазы» Э. Челеби, локализуемые им как непосредственные южные соседи хегаков, жанеевцев, бжедугов, кемиргоевцев и хатукаевцев, несмотря на отсутствие конкретных упоминаний, очевидно должны быть идентифицированы с ядром будущих натухайцев, шапсугов и абадзехов. Тем более, что устная черкесская традиция, связывает начало формирования этих субэтнотетосов с эпохой князя Инала. Так, в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмов упоминает о столкновениях родоначальника княжеских династий Черкесии с предками абадзехов: «...Южные горцы взбунтовались, под предводительством опского князя Оздемира ... Когда они узнали, что против них собирается сам Инал с войском, то Оздемир удалился в Абхазию (на оригинальном языке черкесских преданий Абхазию – З.К.). Инал пошел за ним к абадзехам и истребил много людей в том народе за их непокорность. В этой войне Оздемир лишился жизни» [Ногмов 1994: 95]. Под именем *Оздемир-хе* (т.е. Оздемировы) Султан Хан-Гирей, упоминает одно из двух «отраслей» - аристократических объединений дворян – тлекотлешей Абадзехии. *Оздемир-хе* состояли из пяти тлекотлешских фамилий, связанных соприсяжным братством. Весьма вероятно, что они сохранили в своем названии имя родоначальника – современника князя Инала [Султан Хан-Гирей 2009: 168–169]. Шапсугские предания также упоминают родоначальника аристократической фамилии тлекотлешей Абат, «который был родом из кабардинских владельцев», в качестве своего предводителя еще с легендарных времен проживания предков Инала в Крыму, т.е. никак не позже XV в. [Султан Хан-Гирей 2009: 171–172].

Таким образом, «абазские горы», с которых стекают упоминаемые турецким путешественником реки Абин, Хабль, Иль, Абурган, Афипс, Шебш, Псекупс, Шагваше (Щхьэгущэ или Белая – З.К.) и другие реки Западной Черкесии, во времена Э.Челеби, как и гораздо позднее, на рубеже XVIII–XIX вв. были ядром этнической территории натухайцев, шапсугов и абадзехов [Челеби 1979: 63, 65, 66, 68; АБКИЕА 1974: 215–216, 239, 241–243].

С подобной интерпретацией данных «Книги Путешествий» коррелирует «Описание Черкесии» французского консула в Крыму К. Главани. Почти через 60 лет после Э. Челеби он обозначает Черкесию политически и географически как страну, которая «... делится на 14 бейликов (т.е. княжеств – *З.К.*), или округов, самостоятельных каждый в своих границах», расположенную за Кубанью и граничащую на юге «с Абазой, прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до берегов Черного моря» [АБКИЕА 1974: 158–159].

Демографический и военный потенциал «абазских» субэтнотосов Западной Черкесии уже в первой половине XVIII в. по свидетельству современников был весьма значительным. Со слов кабардинского князя Бамата (Мухаммаеда) Кургокина, опрошенного в 1747 г., он был сопоставим с потенциалом Крымского ханства: «Есть де абазинцы или абазыкеи и турецкоподданные, которые живут за Кубаном в горах близ Крыму, и оные де абазинцы временно бывают крымскому хану послушными, а другим в противности находятся, которых де в собрании быть может немалое число, так что и Крым едва может их осилить. *И живут де в крепких гористых местах* и с нами де оныя абазыкеи бывали в войне. А ныне де с нами в дружбе (*курсив наш – З.К.*)» [КРО 1957: 141].

Еще более характерно описание Баматом Кургокиным, собственно Черкесии: «А черкесы – общее же слово, все живущие в Кубане по сю сторону Черного моря даже до Брагунской деревни темиргойцы, джадуги, джена, атукаи и протчия» [КРО 1957: 141]. То есть кабардинский князь перечислил крупнейшие субэтнотосы западной части Княжеской Черкесии (кемиргоевцев, бжедугов, жанеевцев, хатукаевцев), а об «абазыкеях» сообщил отдельным пунктом, демонстрируя актуальность дихотомии *адыгэ жылэ-абазэ жылэ* в отношении двух групп адыгского населения Северо-Западного Кавказа для середины XVIII в.

Нарративные источники конца XVIII – первых десятилетий XIX вв. дают совершенно иную картину демографического состояния Черкесии. Хегаки, жанеевцы, хатукаевцы едва сохранялись как отдельные субэтнические группы адыгского населения, а кемиргоевцы и бжедуги были оттеснены к левому берегу Кубани. Северные долины от Анапы и черноморского побережья до Афиписа, которые в 60-х годах XVII в. были частью Хегака, Жанеевского княжества, Хатукая, в нач. XIX в. занимали многочисленные натухаевцы и шапсуги [Челеби 1979: 56–65; АБКИЕА 1974: 215, 239, 241, 243].

Если в 60-х годах XVIII в. кемиргоевцы, «живя в крепких горах, пахотные места имели в низине и предгорьях», то к концу века они совместно с егерукаевцами и адамиевцами были вытеснены абадзехами в низовья Белой и Лабы [КРО 1957: 179; АБКИЕА 1974: 240]. Абадзехия источниками 60-х годов XVIII в. локализовывалась в верховьях р. Белой, выше Кемиргоя [КРО 1957: 179]. К началу же XIX в. абадзехи, некогда жившие в высокогорной зоне Северо-Западного Кавказа, заселили долины Псекупса, Пшиша и Пшеха, вытеснив бжедугов и кемиргоевцев [АБКИЕА 1974: 239]. Только бесленеевцы удержались на своих старых землях в долине Лабы, сохранив этническую территорию и демографический потенциал [Челеби 1974: 78–79; АБКИЕА 1974: 158, 160, 236].

Резкий, взрывной рост численности одних субэтнических групп Северо-Западного Кавказа на фоне депопуляции других в течение второй половины XVIII в. был взаимосвязанным процессом. И это было очевидно современникам. Г.Ю. Клапрот, посетивший Северный Кавказ в 1807–1808 г. оставил следующее описание современной ему этносоциальной динамики:

«Абадзехи – значительный по количеству народ черкесского происхождения. Они жили прежде на самых высоких снеговых горах западного Кавказа. Но так как их число все время возрастало, они спускались до черных сланцевых гор, и здесь еще более усилились, захватывая повсюду людей, которые стали крестьянами абадзехов. К ним также пришло много чужеземных беглецов и поселилось

среди них; в результате произошло такое смешение, что в настоящее время одни только знатные – настоящие абадзехи ... Шапсуги...того же происхождения, что и кабардинские черкесы, но так как подобно абадзехам они принимают всех беглых, они так смешались, что среди них остались лишь очень немногие чистой черкесской крови»[АБКИЕА 1974: 239, 241].

В унисон этому описанию, Хан-Гирей характеризует одно из крупнейших черкесских «племен» рубежа XVIII–XIX вв.: «...Абадзехское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних несравненно было более (разрядка наша – З.К.), то все они сделались черкесами, и ныне абадзехское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими. Наречие абадзехов есть наречие низовых черкес, хотя оно имеет отличительный выговор, который есть их собственный, а не абхазское или какого-либо другого племени» [Султан Хан-Гирей 2009: 168].

Экспоненциальный рост численности натухайцев, шапсугов и абадзехов во второй половине XVIII в. имел несколько причин. Во-первых, естественный прирост населения в горах был вызван широким распространением новой сельскохозяйственной культуры – кукурузы, имевшей принципиально иную, многократно более высокую урожайность, чем традиционные для черкесов злаковые (просо, ячмень, пшеница). Во-вторых, широкое распространение огнестрельного оружия на Северном Кавказе, как и везде в мире, резко снизило значимость относительно небольших хорошо тренированных, обученных корпораций наследственных военных – *тши-уорков*, в пользу пусть не профессионального, но многочисленного и мотивированного ополчения, оснащенного доступным оружием, не требующим для своего освоения многолетней подготовки. Образно, оба эти фактора выражены в фольклорной традиции в сюжете о сватовстве к знаменитой абадзехской красавице Четаовой Хасас. Она отказала Асланчерию – сыну кемиргоевского князя Айтеча Болотокова заявив следующее: «Я выйду замуж за такого мужчину, который умеет владеть тяпкой и своим ружьем, ходить полоть свою долю земли, держа вместе свою тяпку и ружье (курсив наш – З.К.). И чтобы он, услышав о начале битвы, откладывая в сторону свою тяпку и воевал вместе с другими, и возвращался домой с синими от пороха (т.е. порохового дыма – З.К.) губами» [Брантов 2014: 67–68]. Кукуруза, которую можно было возделывать даже на небольшой делянке легкими ручными орудиями труда, обеспечивая семью всем необходимым, и огнестрельное оружие, как средство противодействия гегемонистским устремлениям черкесской аристократии, стали материальным фундаментом эгалитарных преобразований, которые изменили этнополитический ландшафт Северо-Западного Кавказа.

Организационное оформление новых экономических и военно-технологических тенденций, происходило в Западной Черкесии благодаря такому общественному институту как «обычный устав соприсяжного братства». Он заключался в том, что любой человек, или беглец, обратившийся к какому-либо роду за защитой и покровительством, после принесения присяги, становился его членом, принимая на себя обязательство «быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода или фамилии условия» [Султан Хан-Гирей 2009: 178]. Время возникновения этого общественного института уже в 30-х годах XIX в. было неясно современникам, но о последствиях его широкого функционирования Хан-Гирей написал очень красноречиво:

«... Как бы то ни было, *обычный этот устав соприсяжного братства был гробом власти высшего класса* во всей Закубанской Черкесии. Подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без того, начали переходить к ним (натухайцам, шапсугам, абадзехам – З.К.), где были принимаемы и водворяемы, что, постепенно умножая силы и населенность тех, ослабляло и уменьшало других. Чрез такое усиление простой класс, то есть вольные

земледельцы, в вышеупомянутых трех племенах наконец достиг до возможности разрушить и власть дворян, над ними господствовавших... Следствием этого соприязненного собратства в племенах абедзахском, шапсхгском и натххокоадском до основания разрушилась самобытность владений вепсского, ххеххадчьского и жанинского. Простой класс этих владений, даже и большая часть крестьян, принадлежавших дворянам и князьям, присоединясь к племенам, имеющим соприязненное собратство, соделались членами родов, составляющих эти племена; а владельцы их рассеялись по всей Черкесии, и все княжеские владения приведены были в бессильное состояние (курсив наш – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 179].

Остается дискуссионным вопрос о степени феодализации изначального этносоциального ядра натухайцев, шапсугов и абадзехов до общественного переворота второй половины XVIII в. Хан-Гирей, на наш взгляд, допустил сильное преувеличение в своем утверждении, что «роды или фамилии вольных земледельцев (льфекотлы) в племенах ныне имеющих народное правление, а именно: в абедзахском, шапсхгском и натххокоадском, в прежние времена будучи подчинены власти дворянства на разных условиях, находились почти в такой же зависимости, в какой состоит этот класс в княжеских владениях (курсив наш – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 178].

Во-первых, у нас есть запись в Коллегии иностранных дел России от 1743 г. расспросных речей кабардинских князей Магомета Атажукина и Альдигирея Гиляксанова, в котором содержится одно из первых развернутых упоминаний об абадзехах и шапсугах: «Большая Абаза, близ Черного моря. Имеют особый язык, путь к ним лежит через Кубань, владельцев не имеют, а правят между ими старики. Закона никакого не содержат и ни у кого не в подданстве. Другой народ Шапсо, соседственный Абазе, имеет особый язык, и такое же правление, а закона не имеет. А дорога к ним через Кубанское владение Темиргой» [МПИО 1933: 32]. Упоминание о патриархальном управлении, отсутствии феодальных сюзеренов, организованной религиозной практики («закона») у шапсугов и «абазов» рисуют несколько иную социальную действительность. Сам Хан-Гирей в других своих работах не столь категоричен как в «Записках о Черкесии»: «...Шапсугское дворянство господствовало в своем поколении, защищало народ от чужеземного насилия, доставляло ему выгоды от сношений с соседними племенами, с которыми оно всегда имело дружественные связи и, таким образом, дворянство приобрело сильное влияние, которое можно было назвать властью; но пределы этой власти, кажется не были с точностью и ясностью означены общественными условиями; и поэтому, часто упоминая о правах сословий шапсугского поколения, мы не объясняли, в чем они заключались: мы не могли этого и сделать (курсив наш – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 474].

Аристократия натухайцев, шапсугов и абадзехов и сама состояла между собой в отношениях соприязненного братства, но сословная разборчивость мешала им широко пользоваться этим обычаем для увеличения своей численности: «Дворянство, гордясь своею древностью и сильное своими преимуществами, не хотело унижить себя родственными связями с людьми низкого происхождения, а народ, напротив того, принимал в свой круг каждого пришлеца и, так сказать, усыновлял его: пришлец присягал быть верным клану, к которому приставал, а тот, со своей стороны, также присягал охранять безопасность нового своего члена. Таким образом, клан увеличивался ... Здесь-то и должно искать причины развития понятий народа о свободе, следствием которых был упадок влияния и власти дворянства; но этот переворот совершился не вдруг, а постепенно и почти не приметным образом, без предварительного кем-либо соображения последствий» [Султан Хан-Гирей 2009: 468].

Очевидно, главным содержанием этносоциальной эволюции на Северо-Западном Кавказе было не столько демократизация управления у самих натухайцев,

шапсугов и абадзехов, сколько дезинтеграция и депопуляция старых княжеских владений Северо-Западного Кавказа – Хегака, Жанея, Хатукая и даже более устойчивых Бжедугии и Кемиргоя. Собственно окончательный демократический переворот и падение политического влияния и авторитета аристократии у натухайцев и абадзехов произошел без резких эксцессов. Только история изгнания шапсугами тлекотлешей Шеретлоковых, сопровождавшаяся десятилетием кровавой войны, продемонстрировала волну к сопротивлению объективным историческим процессам со стороны черкесской аристократии.

Шеретлоковы разграбили проезжих торговцев, бывших под покровительством членов одного клана и убили при этом случае двух защитников и покровителей: *«В прежние времена это ничего не значило: дворяне позволяли себе еще и не такие насилия; но теперь народ уже чувствовал свое могущество, решился отомстить и сильною массою напал на дом одного из дворян, разграбил его, захватив крепостную девушку и оскорбил мать дворянина грубыми словами и побоями. Это был почти первый пример посягательства народа на честь и права, присвоенные дворянину и его дому коренными обычаями»* [Султан Хан-Гирей 2009: 469]. То есть, свидетельство Хан-Гирея лишний раз доказывает, что шапсугская аристократия и до обострения конфронтации с народной массой пользовалась скорее политическим влиянием и особыми правами на защиту родовой чести, чем реальной политической властью феодального типа, основанной на крупном землевладении, судебных и фискальных правах и т.д.

Последствия этого инцидента хорошо известны. Шеретлоковы обратились к бжедугам-хамышевцам за покровительством, последние не без колебаний решились его оказать. Крупнейшим военным столкновением стала Бзиюкская битва, в которой победу одержали бжедуги. Шапсуги, по свидетельству Хан-Гирея, потеряли 800 человек убитыми, а бжедуги своего знаменитого лидера – верховного князя Батчерия Хаджимукова [Султан Хан-Гирей 2009: 469–473; Инструментальные наигрыши 1986: 246–250].

В описании этих событий Хан-Гиреем и фольклорных сюжетах, посвященных ему, отражаются реалии уходящей феодальной эпохи и новая фактура конца XVIII в. Хан-Гирей мимоходом предваряет описание Бзиюкской битвы: *«...Они (бжедуги – Ред.) презирали шапсугов и всегда побеждали их в открытом поле (курсив наш – З.К.)»* [Султан Хан-Гирей 2009: 471]. Высокомерие военной аристократии хамышевцев по отношению к плохо организованному крестьянскому ополчению шапсугов базировалась на сознании своего профессионального превосходства. Оно проявилось в битве и привело к победе, которая оказалась пирровой. Ответом на это сословное высокомерие стала знаменитая фраза, сказанная простой шапсугской женщиной, которая потеряла в битве мужа и двух сыновей: *«Потерю шапсугов шапсугские женщины могут пополнить в одну ночь, а такого князя, как Батчерий, у бжедуг в сто лет не будет»* [Проблемы 1998: 97]. Демографический навес, который получили натухайцы, шапсуги и абадзехи над «аристократическими» субэтносами Западной Черкесии благодаря этносоциальной динамике второй половины XVIII в. давал возможность противопоставить архаичной, но эффективной в открытом бою военной культуре привилегированных сословий многочисленность и массовую мотивацию. В результате, проиграв генеральное сражение, шапсуги выиграли войну.

Изгнание Шеретлоковых датируется 1792 г. а формальное примирение их с народом произошло на специально созванном в 1803 г. народном собрании: *«Съезд сей был на р. Псечетнико, находящейся в 5-ти верстах от крепости Анапы на восток, почему и назван именем сей речки»* [Султан Хан-Гирей 2009: 110–111, 194; Чирг 2015: 44–45]. Шеретлоковы вернулись на родину, но вынуждены были согласиться на уравнивание в правах с народом. Было принято решение практически сравнять цену крови, размер штрафов, право на оказание гостеприимства и покровительства и т.д. дворян и свободных земледельцев-тфокотлей [Султан Хан-Гирей

2009: 474–475; Чирг 2015: 45–46]. Шеретлоковы не смогли вернуть даже своих личных оброчных крестьян, что «составляло главную потерю дворян»: «Народ прямо не вступался за этих людей; по крайней мере он не требовал от дворянства решительного отказа от своих прав над ними; но между тем и не выдал их владельцам, которые будучи сами не в состоянии без помощи народа снова покорить их своей власти, потеряли их на самом деле, хотя до сих пор не отказываются от права на них» [Султан Хан-Гирей 2009: 475].

Если исследовательская работа по изучению и детализации этносоциальных процессов на Северо-Западном Кавказе наталкивается на ряд объективных трудностей, связанных с недостатком исторических источников, в первую очередь архивным материалов, то этно-демографическая, социально-политическая динамика на Центральном Кавказе – в Кабарде и вокруг нее, достаточно подробно отражена в архивных документах, значительная часть которых уже опубликована [Бутков 1869а; Бутков 1869b; КРО 1957; МПИО 1933; РОО 1976; РОО 1984]. Как и в Западной Черкесии, на Центральном Кавказе во второй половине XVIII в. актуализируется кризис иерархических институтов политической власти и самоорганизации общества, осложненный этническим многообразием, а также усиливающимся влиянием Российской империи, которая со второй половины XVIII в. начинает планомерно усиливать свое административное и военно-политическое присутствие в регионе.

Основание в 1763 г. крепости Моздок стало триггером обострения долго копившихся социальных противоречий в Кабарде и этносоциальных конфликтов на всем Центральном Кавказе. Крупнейшее антифеодалное выступление непривилегированных сословий в истории Кабарды произошло летом 1767 г. Оно было ответом на попытку кабардинских владельцев организовать переселение подвластного населения в верховья Кумы, чтобы предотвратить резко участившиеся случаи побегов зависимых крестьян [КРО 1957: 269–273]. Беглецы, «тукашуки и коджары» (поземельно зависимые крестьяне *лъхукъуэщо* и лично зависимые, крепостные «*къэжэр*» или *лъэгъунэпыт*) – *З.К.*) пытались таким образом найти защиту от произвола своих владельцев или обрести статус свободного человека. Кабардинские князья жаловались представителям местной русской администрации: «Рабов у нас не осталось, все бегут, а вы их принимаете, и нам без рабов и рабынь пробыть не можно» [КРО 1957: 269]. Масовость восстания 1767 г. (10 тыс. участников) демонстрирует степень остроты социальных противоречий в Кабарде между привилегированными и непривилегированными сословиями. Последние резко выступали против нарушения норм эксплуатации, произвольного повышения податей, насильственного обращения в холопы членов семей и т.д. Отдельным пунктом восставших было требование, чтобы «имеющихся у них, чагар, собственных уже их холопей, оставили в их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались, и единственно всех своими холопами не зачисляли» [КРО 1957: 272]. Последнее требование свидетельствует, что социальной базой восстания была самая экономически состоятельная и влиятельная часть непривилегированных сословий – *чагары* или *лъхукъуэщо*, имевшие право владеть холопами и практически идентичные по своему социальному статусу западночеркесским тфокотлям-вольным земледельцам [Думанов 1990: 152–164]. Кабардинские владельцы были вынуждены явиться в лагерь восставших в урочище Бештамак и клятвенно обещать выполнить все их требования, а переселение на Куму отложить [КРО 1957: 272–274]. Мирное разрешение конфликта не сняло принципиальных противоречий между кабардинской аристократией и усилившейся массой непривилегированных сословий. В ноябре 1777 г. астраханский губернатор И.В. Якоби сообщал в Коллегию иностранных дел: «Старейшины чорного кабардинского народа от всего подвластного общества в нынешнюю мою бытность на линии приезжали ко мне тайно от своих владельцев ... Неутешно они жаловались мне, что князья и

узденья их не только разоряют, но отымая, жон и детей их продают во отдаленные горския жилища, в Крым и в самую турецкую область» [КРО 1957: 323]. Попытки заручиться поддержкой имперского правительства в борьбе с произволом своих владельцев с намеками на готовность массово переселиться под защиту ново учрежденной Азово-Моздокской кордонной линии, и даже ходатайство астраханского губернатора, были заведомо обречены на провал. Социальный строй самого Российского государства был основан на феодальных началах и внеэкономической эксплуатации массы зависимого крестьянства. В Коллегии иностранных дел посчитали нецелесообразным вмешиваться во внутренние социальные конфликты кабардинцев по многим причинам экономического и политического характера. Кроме того, русское правительство, на наш взгляд, вполне основательно предположило неискренность «старейшин черного кабардинского народа» и намеренное преувеличение ими злоупотреблений кабардинских владельцев: «... Чтоб тогдашние владельцы поступали с ними склоннее, а нынешние с своими суровее, кажется поверить трудно, ... а вероятнее, что прежние сносили, чего нынешние не хотят, пришед во искушение свободы от приближения к их жилищам здешних крепостей» [КРО 1957: 330]. В то же время, русское правительство обещало «равным образом в пособие владельцев» не вступать, если «старшины черного народа» в Кабарде своими силами будут принуждать их к каким-либо уступкам в свою пользу [КРО 1957: 330]. С обострением кабардино-русских отношений внутренние социальные конфликты в Кабарде ушли в тень, однако пассивность массы непривилегированных сословий накануне и во время семимесячной войны 1779 г. свидетельствует, что конфликт между господствующими и зависимыми группами населения продолжал оказывать деструктивное влияние. В 1777 г. в отказ кабардинского «черного народа» принять участие в нападении на строящиеся укрепления Азово-Моздокской кордонной линии сорвал планы владельцев Большой Кабарды [КРО 1957: 324; Бутков 1869b: 52]. В ходе семимесячной войны 1779 г. латентный конфликт и отсутствие полного доверия между аристократией и зависимыми сословиями проявился в ходе битвы на Малке 29 сентября, когда основная часть войска отступила, не предприняв даже попытки деблокировать окруженный русскими отряд, состоявший из одних князей и дворян [Бутков 1869b: 52–57].

Внутри Кабарды кризис иерархических, элитарных по духу традиционных общественных институтов проявлялся как крайнее обострение отношений между феодальной элитой и зависимыми сословиями. В социальном окружении Кабарды этот кризис во второй половине XVIII в. протекал как острая конфронтация кабардинской аристократии с ее многочисленными вассалами и клиентами из числа соседних горцев Центрального Кавказа. Последние так же, как и «старшины черного народа» в Кабарде, пытались выйти из-под власти своих сюзеренов или существенно ослабить их влияние, поставить под сомнение легитимность традиционных феодальных прав и привилегий кабардинской аристократии, в первую очередь, феодальное право собственности на землю. Горцы Центрального Кавказа, страдавшие от малоземелья, стремились использовать окно возможностей, предоставлявшееся благодаря проникновению в регион третьей силы – Российской империи и кризису в Кабарде традиционных общественных институтов. Русское правительство традиционно признавало легитимность сюзеренно-вассальных отношений между Иналидами Кабарды и зависимыми от них горцами Центрального Кавказа. Например, в начале 1753 г. русское правительство, отвергая претензии Крымского хана к кабардинским князьям, сделало следующее «изъяснение Оттоманской порте»:

«Хотя река Инжик (Большой Зеленчук – З.К.), на которой... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во оную, однако же чрез то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротив того – надлежит взять в разсуждение и реку Терек, о которой известно, что течение имеет в границах

Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные е.и.в. кумыки, андреевцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А в вершинах оной в горах находятся народы..., которые Всероссийской империи не в подданстве, а ... во владении у тех же кабардинских владельцев» [КРО 1957: 188].

Северокавказские абазины были одной из самых уязвимых частей населения региона, которое периодически становилось яблоком раздора между политическими субъектами, претендующими на верховную власть над ними с правом взимания налогов. Этим объясняется исключительная мобильность и подвижность поселений северокавказских абазин. Во время русско-турецкой войны 1736–1739 гг., кабардинские князья отводили у крымцев «абазинских черкес» и переселили их в Кабарду [КРО 1957: 96–97]. В 1744 г., на момент создания первой ландкарты Кабарды, абазины-тапанта локализовывались на территории Пятигорья: «Нижние Абазы. В них деревень с пятнадцать, называются обще Танбиюкай... Средние Абазы. В них деревень против Нижних Абаз вдвое или более. Екепцовские Абазы... Верхние Абазы. Вышесписанные Абазы, называемые по-татарски алтыкесек или шесть частей, ... принадлежат и податъ платят владельцам Большой Кабарды» [КРО 1957: 194–195].

К 1753 г. все абазинское население Большой Кабарды, за исключением Нижней Абазы и бабуковцев, было переселено кабардинскими князьями в Верхнее Прикубанье – в долины Большого и Малого Зеленчуков» [КРО 1957: 194–195].

Изменение внешнеполитической ситуации, основание сети кордонных линий, затруднявших устойчивую коммуникацию, привело к тому, что Иналиды Кабарды в ходе начавшейся очередной русско-турецкой войны (1787–1791) приняли активное участие в походе на Кубань русских войск с целью перевести своих давних вассалов абазин-тапанта на Куму [КРО 1957: 359]. Абазины-ашхарауа во второй половине XVIII в. устойчиво занимали верховья Большой и Малой Лабы, Урупа и Большого Зеленчука. Их локализация на протяжении всего периода практически не менялась [АБКИЕА 1974: 236–237]. Проблему сохранения устойчивых сюзеренно-вассальных отношений с абазинами успешный поход 1787 г. решить не мог, так как кабардинские князья постепенно утрачивали политическую власть за пределами собственных доменiallyх владений. С 1791 г. официальной границей Российской империи стала Кубань, что отрезало Иналидов Кабарды от их вассалов и клиентов на левобережье Верхней Кубани, а район Пятигорья оказался под непосредственным административным управлением учрежденной в 1785 г. Кавказской губернии.

Наиболее опасной с точки зрения соотношения демографических и военно-политических потенциалов была граница Талостанея и Джиляхстанея соответственно с осетинскими и ингушскими горскими обществами. По сообщению самих кабардинцев в 1743 г. в Коллегию иностранных дел России, их отношения с горами Центрального Кавказа традиционно складывались непросто, оставляя широкий простор для организованного насилия:

«Оные горские народы ни у которого государя не в подданстве и никому ими действительно овладеть невозможно, за тем, что живут в крепких и непроходимых местах. И когда Большой Кабарды владельцам случается над ближними им народами чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от пятидесяти до двух сот человек, и наперед тайным образом осмотра захватят тесные проходы, и для охранения... оставляют... несколько человек... пеших с ружьем и таким образом учиня поиск возвращаются с добычею... Напротиву того и с тех горских народов по несколько человек, ночным временем приходят и зажигают их, кабардинские деревни, от чего – им и немалые разорения приключаются» [МПИО 1933: 32–33]. Фактически динамика кабардино-горских отношений по данным первой половины XVIII в. поразительно напоминает характер черкесско-абазского противостояния середины XVII в. в изложении Э. Челеби.

Несмотря на все усилия кабардинцев, вторая половина XVIII в. стала периодом сокращения территории их землепользования в зоне контакта с горцами Осетии и Ингушетии. Кабардинские аулы Инарук, Джагыш, Чилхабан, Бештаук, Насран, Эндер, Абай, Хапци, Хан, Пышт, еще в 40–50-х годах XVIII в. располагавшиеся по Сунже и ее притокам – Назрани и Эндерипсу, из-за неприязненных отношений с ингушами и чеченцами были вынуждены покинуть эти территории и переселиться на правые притоки Терека – рр. Курп, Пседах и Камбилеевку [КРО 1957: 196, 197].

В 1781 г. русский офицер Л.Л. Штедер в этих местах, на правом берегу Сунжи и ее притоках застал лишь следы старых кабардинских поселений «...надгробные памятники, абрикосы и другие фруктовые деревья их прежних садов и т.п.» [Штедер 2016: 16–17, 31–32]. Картографические материалы второй половины XVIII в. отмечают уход кабардинцев из междуречья Сунжи и Камбилеевки, которое к этому времени уже занимают ингуши [РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4].

Население Талостанея и Джиляхстанея в течение второй половины XVIII в. переместилась в западном и северном направлениях. Лишь деревни Борукиных (500 дворов на притоках Ардона) и Алимурзиных (500 дворов на р.Фиагдон) остались на своих прежних местах. Остальные селения Малой Кабарды, в нач. XIX в., чтобы избежать нападений горцев переселились к Сунженскому хребту, а затем передвинулись на его северную сторону [АБКИЕА 1974: 276–277].

Фиксируя зону отчуждения и безопасности, которая возникла между горами Осетии и поселениями Малой Кабарды Л.Л. Штедер в 1781 г. писал: «Татартупская горная цепь тянется за селением в сторону Кавказа. Он замыкает здесь Сунжу и образует между Сунжой и Уругом (Урухом – *З.К.*) большую осетинскую равнину, одну из превосходных и плодородных местностей, по которой протекают 8 больших и некоторое количество малых рек; с помощью обработки она могла превратиться в счастливейшую местность, однако она лежит необработанной вследствие обоюдной боязни кабардинцев и горцев» [Штедер 2016: 90].

Обострение отношений кабардинцев с горцами Осетии и Ингушетии не в последнюю очередь было связано с миссионерской деятельностью Духовной комиссии, основанной в 1745 г. на Северном Кавказе российским правительством для возрождения христианства [МПИО 1933: 73; РОО 1974: 304]. В эпоху, когда вопрос вероисповедания был маркером политической лояльности, ревитализация православия на Центральном Кавказе расценивалась кабардинцами – мусульманами как усиление враждебного политического влияния, что сразу же почувствовали новообращенные христиане [РОО 1976: 304].

В 1756 г. ингушские старшины жаловались представителям русской администрации в регионе, что «...после того, как в народе нашем стало грекороссийский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы по своему варварскому обыкновению возымели на нас ненависть и злобу и стали нам разные обиды чинить, смертоубийства и воровски увозить нашего народа людей, отгоном лошадей, баранов, тако ж для пахания и кошения сена на наши степные места нас не допускают и в святом крещении чинят нам немалые препятствия и завсегда они, кабардинцы, нам говорят, зачем мы крестимся и в протекции ея императорского величества быть желаем» [РОО 1976: 419].

Перечень причиненных Духовной комиссией «от кабардинских владельцев с их уздени и подвластными обидах и разорениях» с 1752 г. по 1760 г. включает угоны скота, ограбления, убийства, пленение и продажу в Закубанье и Крым новокрещенных горцев - осетин и ингушей [РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575. Л. 1060–1062]. Наиболее интенсивно, судя по источникам, разворачивался конфликт между кабардинскими князьями и ингушами. В апреле 1760 г. владельцы Большой Кабарды Мисост Кургокин, Кази и Жанхот Бекмурзины с «братьями и... узденями своими» отогнали 900 баранов у ингушей, причем последние понесли потери

убитыми и пленными [РОО 1976: 419]. Осенью 1772 г. «Большой Кабарды владельцы злобствуя на них в том, что они отринувши их подданство отдались в полное защищение е.и.в. и принимают крещение отогнали у них полторы тысячи скота, а потом и войну объявили, прислали к ним обнаженную стрелу, с тем изъяснением, чтоб всех их попленить и жилища их сожещи» [МПИО 1933: 152]. В начале 1773 г. при повторном нападении владельцев Большой Кабарды Бекмурзы и Гетагажа Касаевых, Кургоки и Мусы Карамурзиных ингуши потеряли убитыми 35 человек и лишились еще 700 баранов [КРО 1957: 307]. Отвечая на требования российских властей прекратить нападения на ингушей и объясняя свои действия, кабардинцы отвечали, что «ингушевский народ был издревле ими завоеван, и всегда они с них по обычаю подать брали, а ныне... не только не дают, но еще крадут у кабардинцев скот и увозят. И ... иным способом с ними зделаться не можно, кроме того, чтоб их усмирять оружием» [КРО 1957: 308–309].

Несмотря на военно-политическое давление со стороны кабардинцев, ингуши активно осваивали Тарскую котловину и нижнее течение Камбилеевки [МПИО 1933: 166; Волкова 1974: 158]. Примерно в 60-х годах XVIII в. ингуши постепенно осваивали земли по р. Сунже, которые ранее покинули кабардинцы [Волкова 161]. Уже по данным карты 1768 г. и источникам последней трети XVIII в., нижнее течение рр. Асса и Фортанга вплоть до слияния с Сунжей занимали ингушские родоплеменные подразделения – галгаи, галашевцы и карабулаки [РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4].

Российское правительство, понимая традиционный характер сюзеренно-вассальных отношений кабардинцев с горцами Центрального Кавказа, избегало прямого вмешательства в их конфликты. Оно осознавало, что если бы «осетинцы на... кабардинские места выселились, они неминуемо и подвластными тамошним владельцам к немалому оных... усилению, учиниться были бы должны, в чем со здешней стороны и препятствовать с... означенным трактатом (Белградским договором – З.К.) было бы не сходно, а ежели бы против воли кабардинцев на их землях осетинцев поселивши со всем тем не допускать кабардинцев ими пользоваться, в таком случае с Портою Оттоманскою и до самой крайности легко дойти могло б» [РОО 1976: 399].

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. и формального присоединения Центрального Кавказа к России, русское правительство, обещая свое покровительство всем горским обществам, присягнувшим на верность, рекомендовало тагаурским алдарам, чтобы они, как вассалы кабардинских князей, «им показывали всякое уважение и ... подать из древности естли платят кабардинцам, отдавали беспрепятственно как бы и сих не встревожить» [РОО 1984: 265].

Коллегия иностранных дел в письме от 13 ноября 1780 г. к командующему Кавказским корпусом князю П.С.Потемкину также давала следующие инструкции: «Жители Малой Кабарды сим поселением в своих угодьях нужных и не были б может быть утеснены, но сказать могли б, что собственность их бесспорная отнимается насильством... А чтоб сей жалобы и нарекания избыть, то переселяя осетинцев из гор на низкие места, и надлежало бы уже оставить в полной от кабардинцев зависимости, но сим... не было б также одержано здешнее намерение касательно осетинцев, чтоб их, наконец, видеть христианами и к здешней стороне без всякого изъятия и непосредственно приверженными» [МПИО 1933: 300].

Практика интеграции в социальное пространство Кабарды переселенцев из горной Осетии имела место еще в первой половине XVIII в. На карте Кабарды 1744 г. на р.Урух отмечено большое село дигорских феодалов Караджаевых [КРО 1957: 114, 196]. По соглашению с кабардинскими владельцами на равнинных землях, примыкавших к Дигорскому ущелью, на протяжении второй половины XVIII в. возникло еще 6 крупных осетинских селений [РГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 244]. В них, по сведениям Штедера, проживало

более 3 тыс. человек или около 40% всех дигорцев [РГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 242–244.]. У выходов из ущелий на равнину рр. Ардон и Фиагдон алагирские и куртатинские осетины также основали 8 небольших выселков [МПИО 1933: 161–166; Штедер 2016: 83–85]. Не позднее 60-х годов XVIII в. и в долине Терека, также стали появляться новые поселения осетин [РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4]. Всего на предгорных равнинах в долине Терека в конце XVIII в. проживало уже более 200 осетинских дворов [МПИО: 165–166; Берозов 1980: 43].

Резкое обострение кабардино-русских отношений после подавления кабардинского восстания 1779 г. дало повод имперским властям обязать владельцев Большой и Малой Кабарды не притеснять осетин и ингушей, т.е. не препятствовать им свободно использовать земли на равнинах и не вымогать дани [Бутков 1869b: 60]. Однако вплоть до конца XVIII в. российская политика, направленная на ослабление кабардинских владельцев «пресечением их связей с соседними народами... и отнятием доходов, приобретаемых от иноплеменных народов силою их оружия еще в давности покоренных», не имела физических возможностей для реализации этих стратегических задач [Бутков 1869b: 61].

Таким образом, на Северо-Западном и Центральном Кавказе во 2-й половине XVIII в. происходил единый процесс этносоциальной эволюции. Его содержанием был кризис иерархических институтов социально-политической самоорганизации. На Северо-Западном Кавказе он происходил в форме разрушения и депопуляции политий Княжеской Черкесии и формирования новых динамично развивающихся субэтносов, объединивших подавляющее большинство населения на основе своеобразных сетевых структур – соприсяжных братств. Интенсивность этносоциальной динамики на Северо-Западном Кавказе была детерминирована тем, что процессы общественной трансформации происходили в рамках однородной этнокультурной среды в рамках дихотомии адыгэ-абазэ сообществ. Кризис традиционных иерархических структур и институтов на Центральном Кавказе происходил на фоне усиливающегося военно-политического и административного давления со стороны Российской империи. Он протекал в форме обострения внутренних социальных противоречий в Кабарде, а также эскалации этносоциальных конфликтов между кабардинскими феодальными элитами и горскими сообществами Центрального Кавказа. Соотношение демографических и военно-политических потенциалов сторон, выраженная этнокультурная дистанция между Кабардой и ее социальным окружением препятствовали решительному разрешению кризисных явлений революционными методами, сохраняли герметичность кабардинского общества и, как следствие, высокий уровень конфликтности внутри него, и в отношениях с горами Центрального Кавказа.

Список источников и литературы

- РГАДА – *Российский государственный архив древних актов.*
- АБККЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
- Берозов 1980 – *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1980, 240 с.
- Брантов 2014 – *Брантов Зачерий-Хаджи.* Абадзехский сказ. Майкоп: Полиграф-Юг, 2014, 344 с.
- Бутков 1869а – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869, 548 с.
- Бутков 1869б – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 2. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869, 628 с.
- Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.

- Генко 1955 – *Генко А.Н.* Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанга. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 207 с.
- Думанов 1990 – *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик: Эльбрус, 1990. 264 с.
- Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х.* Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 902 с.
- КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
- МПИО 1933 – Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Документы собрал, введением и примечаниями снабдил Георгий Кокиев. Т. 1. Орджоникидзе: Растзинад, 1933. 348 с.
- Народные песни 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши и адыгов.* Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
- Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
- Покровский 1989 – *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII-первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 318 с.
- Проблемы 1998 – *Проблемы Бзыжской битвы: история и современность (материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию битвы).* Майкоп: Изд-во Меоты, 1998, 124 с.
- РОО 1976 – *Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 1.* Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1976, 512 с.
- РОО 1984 – *Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 2.* Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1984, 439 с.
- Султан Хан-Гирей 2009 – *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
- Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Чирг 2015 – *Чирг А.Ю.* Общественно-политические преобразования у натухайцев и шапсугов в конце XVIII в. // Проблемы Отечественной истории. 2015. № 2 (57). С. 43–47.
- Штедер 2016 – *Штедер Л.Л.* Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа, предпринятого в 1781 году / Сост. Г.И. Цибиров. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 368 с.

References

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Documents] *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv.* [Adygs, balkarians and karachais in the news of european authors of the XIII–XIX centuries] / *sost., red. perevodov, vved. i vstup. stat'i k tekstam V.K. Gardanova.* Nal'chik: Jel'brus, 1974. 636 p. (In Russian)
- BEROZOV B.P. *Pereselenie osetin s gor na ploskost' (XVIII–XX vv.)* [Migration of Ossetians from the Mountains to the Plain (18th-20th Centuries)]. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1980, 240 p. (In Russian)
- BRANTOV ZACHERII-KHADZHI. *Abadzekhskii skaz.* Maikop: Poligraf-Yug, 2014. 344 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 1* [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 1]. SPb.: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1869, 548 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 2* [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 2]. SPb.: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1869, 628 p. (In Russian)
- CHELEBI, EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Вып. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)
- CHIRG A.Yu. *Obshchestvenno-politicheskie preobrazovaniya u natukhaitsev i shapsugov v kontse XVIII v.* [Socio-political transformations among the Natukhais and Shapsugs at the end of the 18th century] // *Problemy Otechestvennoi istorii.* 2015. № 2 (57). P. 43–47. (In Russian)
- DUMANOV Kh.M. *Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.)* [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. Nalchik: El'brus, 1990. 264 p. (In Russian)

GENKO A.N. *Abazinskii yazyk. Grammaticheskii ocherk narechiya tapanta* [Abaza language. Grammatical outline of the adverb Tapanta]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. 207 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyghe people]. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014, 902 p. (In Russian)

Materialy po istorii Osetii (XVIII vek) / Dokumenty sobral, vvedeniem i primechaniyami snabdil Georgii Kokiev [Materials on the history of Ossetia (17th century) / Documents collected, introduction and notes provided by Georgy Kokiev Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Rastzinad, 1933. 348 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. M.: Sovetskii kompozitor, 1986. 264 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the adyghe people]. Nalchik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)

POKROVSKII M.V. *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: sotsial'no-ekonomicheskie ocherki* [From the history of the Adyghe people in the late 18th – first half of the 19th century: socio-economic essays]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 318 p. (In Russian)

Problemy Bziyukskoi bitvy: istoriya i sovremennost' (materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu bit-vy) [Problems of the Battle of Bziyuk: History and Modernity (Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Battle)]. Maikop: Izd-vo Meoty, 1998, 124 p. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1976, 512 p. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol. 2]. T. 2. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1984, 439 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

SHTEDER L.L. *Dnevnik puteshestviya iz pogrannichnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie oblasti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu* [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior regions of the Caucasus, undertaken in 1781] / Sost. G.I. Tsibirov. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. 368 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maikop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-62-69

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЛЬЧИКСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО КРЕДИТА

Тимур Аликович Дзуганов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Дзуганов, 2025

Аннотация. Исследование посвящено изучению истории учреждения и деятельности «Нальчикского общества взаимного кредита» (НОВК) в начале XX в. Впервые вводимые в научный оборот документы и материалы позволяют осветить неизвестные ранее страницы экономической истории народов Кабарды и Балкарии, глубже понять и проанализировать социально-экономическую обстановку в крае, накануне открытия общества. Рассматриваются причины его создания, цели, задачи и общественно-экономическое значение НОВК. В статье освещаются первые этапы функционирования общества, ключевые моменты, оказавшие наибольшее влияние на изменения в работе общества. Анализируется влияние учреждения мелкого кредита на изменения в хозяйственном развитии народов Нальчикского округа и указывается позитивная роль НОВК в процессе развития предпринимательской активности. Отмечается, что правление общества осуществляло большую работу по расширению спектра деятельности, совершенствованию методов функционирования.

Показано, что уже в первые годы своего функционирования НОВК успешно справлялось с поставленными целями и задачами, смогло значительно оптимизировать процесс предоставления кредитных займов предпринимателям, успешно добивалось поэтапного оздоровления общей экономической ситуации в округе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; XX вв.; Нальчикский округ; Нальчик; предпринимательство; общество взаимного кредита; оборотные средства; «быстрый кредит»; операционная деятельность

Для цитирования: Дзуганов Т.А. Из истории деятельности Нальчикского общества взаимного кредита // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 62–69. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-62-69

Original article

FROM THE HISTORY OF THE ACTIVITIES OF THE NALCHIK MUTUAL CREDIT SOCIETY

Timur A. Dzughanov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dzughanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3030-5732>

© Т.А. Dzughanov, 2025

Abstract. This study examines the history of the establishment and activities of the Nalchik Mutual Credit Society in the Nalchik District in the early 20th century. Documents

and materials introduced into scholarly circulation for the first time allow us to shed light on previously unknown aspects of the economic life of the peoples of Kabarda and Balkaria, providing a deeper understanding and analysis of the socioeconomic situation in the region on the eve of the society's founding. The reasons for its creation, goals, objectives, and mission are examined. The article highlights the early stages of the society's operation, including the key moments that had the greatest impact on changes in its operations. The impact of the establishment of small loans on changes in the economic situation in the Nalchik District is analyzed, highlighting the positive role of the Nalchik Mutual Credit Society in the development of entrepreneurial activity. It is noted that the society's board of directors worked hard to expand its range of activities and improve its operating methods. It is demonstrated that even in its first years of operation, the Nalchik Mutual Credit Society successfully achieved its goals and objectives, significantly streamlining the process of providing loans to entrepreneurs, and successfully achieving a gradual improvement in the overall economic situation in the district.

Keywords: North Caucasus; 20th century; Nalchik District; Nalchik; entrepreneurship; mutual credit society; working capital; "quick loan", operational activities

For citation: Dzuganov T.A. From the history of the activities of the Nalchik mutual credit society. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 62–69. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-62-69

Начало XX в. Нальчикский округ Терской области встретил общим экономическим подъемом. Предшествовавший пореформенный период создал необходимые условия для утверждения рыночных отношений, ставших основой развития сельскохозяйственного и промышленного секторов экономики. Вслед за традиционными отраслями народного хозяйства, хорошие показатели роста наблюдались в промышленном секторе. В 1902 году общее количество мелких заводов и фабрик, включая мельницы, достигло 307 предприятий. К 1914 г. это число выросло до 413 [УЦГА АС КБР Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 17]. Позитивные изменения происходили, как это видно из документов, в торговле. В 1903 г. в Нальчикском округе имелось уже 426 торговых точек, к 1914 г. их число увеличилось почти вдвое и составило 825 [Кумыков 1965: 415]. Аналогичные процессы происходили в сфере общественного питания, туристическо-рекреационном сегменте рынка.

Большую позитивную роль в развитии производящих отраслей народного хозяйства края сыграло завершившееся строительство Ростово-Владикавказской железной дороги, включившей округ в транспортно-логистическую сеть страны и связавшую местного производителя с крупнейшими торгово-промышленными центрами России. Вхождение в общегосударственную коммуникацию путей сообщения способствовало, помимо прочего, широкому притоку туристов и отдыхающих, что обусловило бурный рост рынка сферы услуг и смежных предпринимательских практик.

Вместе с тем, несмотря на отмеченные позитивные преобразования предпринимательства, его дальнейшее развитие столкнулось с серьезным препятствием, заключавшемся в ограниченности рынка заемного капитала, обусловленном отсутствием в округе доступных кредитных учреждений. Ближайшие банки находились во Владикавказе и Пятигорске, потому предприниматели, в целях получения краткосрочных займов, теряли необоснованно много времени на оформление документов и поездки за деньгами. В ином случае, не имея возможности привлечь сторонние инвестиции, и крайне нуждаясь в оборотных средствах, местные коммерсанты вынуждены были обращаться к услугам ростовщиков, чья деятельность формально была запрещена. Между тем, решение этой проблемы было давно известно. По всей России, в том числе и на Кавказе, с 80-х гг. XIX в. ширится движение «народного кредита», открываются разнообразные финансово-кооперативные товарищества, имеющие целью обеспечить своих пайщиков «коротким кредитом». Характеризуя общую ситуацию, Г. Баев [Баев 1908: 26] отмечал, что на Кавказе крупный кредит, обслуживающий нужды «торгово-промышленного сословия» и земледельцев достиг уже значительного развития. Для их обслуживания,

в крупнейших поселениях открывают отделения Государственного банка, представительства многочисленных торгово-промышленных и городских банков, общества взаимного кредита, городские кредитные общества. Появляются первые конторы иностранных торговых банков. Повсеместное развитие мелких кредитно-финансовых учреждений не только удешевило «короткий кредит», но и сделало его более доступным для нуждающихся коммерсантов.

Впечатляющие результаты в этом отношении показывали соседние Ставропольская губерния и Кубанская область, тогда как Терская область «далеко отстала этом деле», что объяснялось «главным образом низким уровнем народного просвещения среди горских племен» [Баев 1908: 31]. Наиболее остро вопрос доступности оборотных финансов стоял в Нальчикском округе, хотя все предпосылки для организации подобных кредитно-финансовых учреждений на месте имелись, была подготовлена административно-юридическая основа под это действие.

Первым по времени опытом «насаждения народного кредита» является издание «Положение об управлении кабардинской общественной суммы» наместником князем Барятинским в 1859 г., больше половины статей которого регламентировали порядок организации народного кредита. В соответствии с документом, часть доходов кабардинской суммы предписывалось направлять на «кредитное обращение среди жителей кабардинского округа» [Баев 1908: 32]. География источников пополнения и распределения общественных финансов предполагала сосредоточение в КОС средств, поступавших от пошлин за вывоз леса из карачаевских общественных дач, а также от аналогичных доходов «от Дигории и других горских племен, состоявших в ведении начальника бывшего Центра», которые расходовались на «потребности по управлению горцами» [Прасолов 2022: 76]. Кабарда, отмечал Г. Баев, «имеет самобытное земское самоуправление, покоящееся на целом ряде законодательных актов и полную возможность создать у себя истинно-народный банк. Мы глубоко верим в то, что культурный по своим славным историческим традициям, мирный по своему характеру, кабардинский народ и горцы Кабарды сумеют общими усилиями повести это дело согласно потребностям жизни» [Баев 1908: 34].

Вместе с тем, по меткому замечанию автора, действовавшее уже свыше 50 лет «Положение», никак не отразилось на решении насущных проблем. Кабардинский народ «имел за все это время свой народный капитал, часть которого шла на общие земские надобности Нальчикского округа, а часть обращалась в кредитных операциях. В кассе Кабардинской Общественной Суммы к началу XX в. скопилось более 150 тыс. руб., что в несколько раз превышало размер необходимого для организации учреждения мелкого кредита. Эти деньги, фактически, лежали мертвым грузом на балансе КОС, и не приносили никакой пользы.

Несмотря на то, что часть средств, примерно около 40 тыс. все же выдавалась в виде ссуды, никакой существенной пользы это не приносило, так как кредитовались, преимущественно, представители «зажиточной части кабардинского народа» [Баев 1908: 33], землевладельцы и аристократы, подмявшие под себя процесс распределения финансов КОС, а промышленники и коммерсанты вынуждены были обращаться к услугам разного рода «процентчиков» и работодателей. Такое положение вещей вызывало недоумение и возмущение в среде сформировавшегося к этому времени предпринимательского сообщества округа. Необходимость серьезного реформирования механизмов КОС становится все более очевидной. Комментируя сложившуюся ситуацию, Г. Баев отмечал: «Давно назрел вопрос о преобразовании этого устарелого кредитного учреждения. Лично рекомендовал бы я кабардинцам основать правильно действующий народный банк для целого округа» [Баев 1908: 33].

Идея единого «народного банка для целого округа» так и не была реализована [Прасолов 2019: 65], а крупные финансовые игроки не спешили открывать свои

конторы и представительства. В этих условиях, заинтересованные круги Нальчикского округа вынуждены были самостоятельно решать проблему финансового обслуживания своей деятельности, посредством организации отраслевых учреждений мелкого кредита.

В Нальчикском округе уже в начале второго десятилетия XX в. формируется сеть мелких кредитных организаций. Подобные учреждения возникают и административном центре слободе Нальчик. Созданное в марте 1912 г. «по инициативе группы местных коммерсантов» [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 44] «Нальчикское Общество взаимного кредита» имело целью обеспечение потребностей предпринимателей в оборотных средствах.

Первое собрание учредителей НОВК состоялось 28 апреля 1911 г. Инициаторами его проведения выступили представители наиболее известных купеческих династий, крупные земледельцы и скотоводы округа. Рассмотрев ряд вопросов и предложений, по организации будущей работы, учредители сошлись во мнении, что в члены ново образуемого общества будут принимать лишь лиц, «обладающих имущественным цензом и отличающихся, хорошей нравственностью» [Терек 1911: 4011]. Рассмотрение этого важного вопроса предполагалось поручить ведению особой «приемной комиссией». Сумма членского взноса составляла 100 рублей, при этом, минимальный размер ссуды, на который мог рассчитывать пайщик – 200 руб., а максимальный - 1000 руб. Такая схема вполне соответствовала требованиям текущего момента и закрывала большую часть потребностей коммерсантов округа в «быстром кредите», позволяя без долгих проволочек и оформления поручительств получить в сжатые сроки необходимые средства. Вместе с тем, введение столь высокого вступительного порога, создавало непреодолимые препятствия к использованию его возможностей основной массой населения. Как писал анонимный автор газеты «Терек» [Терек 1911: 4011], «видно, что доступ в члены «общества взаимного кредита» закрыт для лиц со средним достатком и для малоимущих, т.е. для тех лиц, которые наиболее нуждаются в кредите».

Автор этой заметки не учел того обстоятельства, что НОВК создавалось, в первую очередь, для обслуживания интересов промышленно-предпринимательских кругов и землевладельцев округа. Задача полного решения проблемы доступности мелкого кредита для всего населения ими не рассматривалась.

Подготовительные работы велись на протяжении всего 1911 г. В течении этого периода были подготовлены и надлежащим образом зарегистрированы учредительные документы. Проводилась большая разъяснительная работа среди потенциальных членов, согласованы состав Правления и Совета.

Первое официальное собрание членов только что «утвержденного» НОВК, открылось 13 марта 1912 г. под председательством начальника округа подполковника Клишбиева. В почетные секретари единогласно был избран местный священник, диакон Нальчикского прихода Петров. Состав общества на этот момент насчитывал, в общей сложности, 95 пайщиков, сумма членских взносов, поступивших в оборотный капитал, превысила 11 тыс. рублей.

Открывая собрание, Клишбиев обратился с приветственной речью к его участникам, высказал «несколько соответствующих случаю слов», подчеркнул важность и «неотложную необходимость» произошедшего события, и выразил пожелание обществу «процветать на общую помощь» [Терек 1912].

После этого собрание перешло к обсуждению текущих дел и утвердило ряд важных вопросов. В правление общества избраны: А.И. Шуйский, А. Астемиров и И.З. Баранов; в совет: Х.М. Тавкешев, Б. Шарданов, К. Мисостов, Б. Шогенов, Ф.И. Шуйский, Г.П. Петросянц, Ифраимов, Я. Гаспаров и К. Барзбиев; в ревизионную комиссию: Я. Кривчик, Н. Шипшев и И. Лидский.

Участники общего собрания согласовали смету на оставшиеся 10 месяцев текущего года. Сумма, с учетом необходимого вступительного взноса нового

общества в Центральный Банк Обществ взаимного кредита России в размере 500 руб., превысила отметку в 11 тыс. руб.

В заключительной части общее собрание постановило «выразить глубокую благодарность» А.И. Шуйскому и С.З. Мясникову (бухгалтеру владикавказского общества взаимного кредита), «как главным работникам по организации нового общества», а также подполковнику Клишбиеву «за его симпатичное отношение к обществу и руководство трудным первым собранием» [Терек 1912: 4265].

Не смотря на определенные трудности, связанные с организационным моментом, и «работая исключительно на местные средства», Общество, к не могло выполнять своей задачи в полном объеме, нередко задерживая «выдачу по учету векселей денег» иногда на довольно продолжительное время. Промедления в выдаче денег объяснялись тем обстоятельством, что состоя должными своим корреспондентам по выданным переводам и другим, Правление считало необходимым «покрывать по возможности по первому требованию задолженность им», дабы в будущем не лишиться их доверия, которое было оказано Обществу с самого начала его существования.

Тем не менее, как видно из подробных годовых отчетов, при наличности оборотного капитала в 11955 р. в начале и 24390 р. в конце 1913 г., удалось добиться серьезного увеличения оборотных средств за счет привлечения вкладов в размере до 26–27 тыс. руб. При этом, только в результате расширения операционной деятельности, руководством НОВК было учтено векселей на сумму 202509 р. По другим операциям правлением было выдано 6,5 тыс. руб.; «оправданных» корреспондентами переводов – 29261 р. 84 к. и др. [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 44].

Главной активной операцией, как и у большинства аналогичных учреждений, оставался учет векселей. Руководство НОВК выражало надежду, что открытие движения по строящейся в этот период железнодорожной ветке от станции Котляревская Владикавказской железной дороги на Нальчик получится оптимизировать и другие, более краткосрочные и прибыльные для Общества операции. Особенно большие перспективы, в связи с этим, обещало обслуживание зерно торговли. Предполагалось расширение обеспечения «хлебных грузов», путем выдачи ссуд под железнодорожные дубликаты и «зерновые товары на складе» [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 44].

«Есть полное основание также полагать, – отмечал в одном из своих докладов глава правления НОВК Шуйский, – что кроме предполагаемых займов в Государственном и других банках, главным источником для оборотных средств Общества послужат вклады, которых в отчетном году и было сравнительно мало, то это объясняется только тем, что население, будучи незнакомым с постановкой дела в кооперативных учреждениях и смешивая таковую с постановкой в других банках, относилось к обществу более или менее скептически; в конце же отчетного года вклады интенсивно увеличивались и в будущем все сбережения несомненно будут храниться в нашем обществе» [РГИА Ф. 718 Оп. 1. Д. 1334. Л. 44].

Деятельность НОВК продолжала набирать обороты. Ощутимые изменения проявились уже к началу 1914 г., к этому времени численность его пайщиков выросла до 324 человек. В основном, это были богатые землевладельцы, скототорговцы, промышленники и коммерсанты округа. В членах НОВК состояли такие известные землевладельцы и скотоводы, как: Астемиров Адильгирей Исмаилович; Атгаев Уважуко Кономатович; Баразбиевы Али Кучукович и Коншао Умарович; Мамашев Мусса Измаилович. В него вошли такие крупнейшие местные коммерсанты, как: Абазов Мель Харисович; Гаспаров Георг Карапетович; Нагоевы Кономат Хажумарович, Толостан-Али Бесланович и Саит Даутович; Лидский Иосиф; Ифраимов Хаврун. В рядах общества состоял начальник Нальчикского округа – Клишбиев Султанбек Касаевич [РГИА Ф. 718. Оп. 2. Д. 2207. Лл. 32 об. – 33].

Докладывая о достигнутых результатах, 14 марта Х.Б. Тавкешев сообщил общему собранию, что на 1 января 1913 г. общий оборот «нашего банка», составлявший в сумме 2391859 р. 68 к., увеличился к 1 января 1914 г. до 4271985 р. 54 к. Таким образом, отмеченный Тавкешевым рост оборотных средств НОВК превысил 78% [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 46].

Не менее впечатляющими выглядели и другие показатели. Если к 1 января 1913 г. вкладов на текущем и срочных счетах имелось всего 26054 р. 10 к., а к 1 января 1914 г. их совокупная сумма выросла на 87% и составила 48835 р. 49 к. На 1 января 1913 г. НОВК располагало оборотным капиталом в размере 24390 р., в течении года, к 1 января 1914 г. прирост в этом показателе составил 25,8%, а сумма оборотного капитала увеличилась до 30695 р. Учетных векселей к 1 января 1913 г. имелось в портфеле банка на 92533 р. 11 к., уже к 1 января 1914 г. их стоимость выросла до 103723 р. 60 к., что «составляло повышение» на 11% [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 46].

Существенно выросли и показатели комиссионных доходов общества. В сравнении с предыдущим периодом, указанный рост выразился в 68%, статья «доход от разной прибыли» повысилась на 50,6%. Задолженность банка НОВК по корреспондентским счетам к 1 января 1913 г. выражалась в сумме 41657 р. 90 к., а к 1 января 1914 г. удалось добиться ее снижения до 21068 р. 16 к. Таким образом, задолженность банка уменьшилась более чем на 50%. Год для пайщиков НОВК закончился с чистой операционной прибылью [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 46].

Вместе с тем, деятельность общества столкнулась с определенными трудностями. Не смотря на поступательное увеличение вкладов, абсолютная величина этих вкладов оставалась настолько незначительной, что не могла оказать значительного влияния на широкое развитие операций банка.

Вторым фактором, влияющим на размеры операций банка, являлась величина оборотного капитала.

Повышение этого капитала выразилось в течении 1913 г. года в «очень скромной сумме» – 6305 р. В этих условиях, исходя из имеющихся денежных ресурсов, банк, по замечанию Тавкешева, «при всем своем желании, не может расширить свои операции и удовлетворить все требования своих членов». [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 46].

Правление НОВК осознавая, что потенциал расширения оборотных средств за счет привлечения новых членов к началу 1914 был исчерпан и «прилива денег со стороны населения в значительных размерах в ближайшем будущем рассчитывать не приходится», видело единственный выход из создавшегося положения в увеличении оборотный капитала путем изменения открытого каждому члена Общества кредита нормы с 10% до 20%. «Только при этом условии Общество может развивать свои операции шире и стать более самостоятельным и независимым учреждением» - отмечал Тавкешев. «Почти все без исключения соседние общества Взаимного кредита, имеющие у себя сотни тысяч вкладов, установили 20% в оборотный капитал на открываемый каждому члену кредит, у нас – же почему-то установили 10% членский взнос» [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 46].

Последнее ежегодное собрание НОВК мирного времени завершилось на оптимистической ноте. Правление просило Общее Собрание при обсуждении настоящего вопроса отрешиться от личных своих интересов и рассматривать его «с точки зрения общественных интересов и будущего развития операций Общества», не забывая при этом, что от дальнейшего развития таковых «зависит и экономический подъем населения, обслуживаемого Обществом района, как торгово-промышленное, так и в сельскохозяйственном отношении» [РГИА Ф. 718. Оп. 1. Д. 1334. Л. 46 об.].

Поступательное развитие общества прервала начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война и разразившийся вслед за этим социально-экономический

кризис. Вместе с тем, члены этой организации старались вносить свой посильный вклад в общее дело. С началом Первой Мировой войны НОВК в составе фабрично-заводской промышленности округа выполняла небольшие заказы военного ведомства. В списке «предприятий, фабрик, заводов и др., включенных в число работающих на оборону государства» от 25 июля 1917 г. значатся 11 различных предприятий и кредитных учреждений Нальчикского округа. Среди них, кредитные товарищества в селениях Баксан, Ново-Полтавское, сл. Нальчик и др. [Саблиров 2001: 36]

Список источников и литература

- Баев 1908 – *Баев Г.* Народный кредит в Терской области. Владикавказ. Типография С. Назарова. 1908. 56 с.
- Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2022. 239 с.
- Прасолов 2019 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 208 с.
- Терек 1911. N 4011. Л. 2.
- Терек 1912. N 4265. Л. 2.
- Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. 419 с.
- Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. 232 с.
- РГИА – Российский Государственный Исторический Архив.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы Кабардино-Балкарской Республики.

References

- BAEV G. *Narodnyi kredit v Terskoj oblasti* [People's credit in the Terek region]. Vladikavkaz. Tipografiya S. Nazarova. 1908. 56 p.
- PRASOLOV D.N. *S'ezdy doverennyh v politicheskoy kul'ture kabardincev i balkarcev* [Congresses of entrusted in the political culture of the Kabardians and Balkars]. Nal'chik, 2022. 239 p.
- PRASOLOV D.N. *S'ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX.* [Congresses of entrusted in the practices of local self-government of the Kabardians and Balkars in the second half of the 19th – early 20th centuries.] Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. 208 p.
- TEREK 1911. N 4011. P. 2.
- TEREK 1912. N 4265. P. 2.
- KUMYKOV T.H. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th centur] Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 419 p.
- SABLIROV M.Z. *Kul'tura narodov Kabardy i Balkarii v konce XIX – nachale XX vv.* [The culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th and early 20th centuries]. Nal'chik: Adyge heku, 2001. 232 p.
- Rossijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv* [Russian State Historical Archive].
- Upravlenie Central'nogo Gosudarstvennogo Arhiva Arhivnoj Sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

Информация об авторе

Т.А. Дзуганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

Т.А. Dzuganov – Candidate of Science (History), Senior Research Fellow, Department of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 94(470.64): 398(=352.3)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-70-79

**КАБАРДИНСКИЙ СОЦИУМ В НАЧАЛЕ XX В.:
ИНТЕГРАЦИЯ В КУЛЬТУРНУЮ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
НАЛЬЧИКСКОЙ СЛОБОДЫ**

Жанситов Осман Асланович

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

© О.А. Жанситов, 2025

Аннотация. В статье исследуются проблемы интеграции кабардинцев в российское цивилизационное поле через восприятие транслируемых урбанизированной средой Нальчикской слободы культурных практик и новаций. Показана культурная жизнь Нальчика начала XX в. и ее воздействие на осваивающее «город» коренное население. Подчеркивается, что привлекательность урбанизированной повседневности слободы выступала дополнительным стимулом приобщения горцев к общероссийским гражданским порядкам. Особое внимание уделено учащейся молодежи: в отличие от старшего поколения, эпизодически контактировавшего с Нальчиком в дни ярмарок либо для решения бюрократических вопросов, эта многочисленная группа стационарно проживала в слободе в период обучения в Реальном училище и, соответственно, имела возможность более глубокой интеграции в социокультурную ткань урбанизированного пространства. В дискуссионном ключе рассматриваются вопросы, связанные с урбанизационным потенциалом Нальчикской слободы и возможностями реализации в ее пространстве «культурно-просветительских стратегий» кабардинского социума.

Ключевые слова: урбанизация, кабардинский социум, культурная повседневность, Нальчикская слобода, Терская область.

Для цитирования: Жанситов О.А. Кабардинский социум в начале XX в.: интеграция в культурную повседневность Нальчикской слободы // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 70–79. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-70-79

Original article

**KABARDIAN SOCIETY IN THE EARLY 20TH CENTURY:
INTEGRATION INTO THE CULTURAL EVERYDAY LIFE
OF THE NALCHIK SLOBODA**

Osman A. Zhansitov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

© О.А. Zhansitov, 2025

Abstract. The paper examines the integration of the Kabardians into the Russian civilizational space through the adoption of cultural practices and innovations transmitted by

the urbanized environment of the Nalchik sloboda. It outlines the cultural life of Nalchik in the early twentieth century and its impact on the indigenous population engaging with the “city”. The attractiveness of the sloboda’s urban everyday life is shown to have acted as an additional stimulus for the highlanders’ involvement in all-Russian civic norms. Special attention is paid to students who, unlike the older generations interacting with Nalchik only episodically (fairs or administrative errands), resided in the sloboda while studying at the Real School and thus had opportunities for deeper integration into the sociocultural fabric of the urban space. The discussion focuses on issues related to the urbanization potential of the Nalchik settlement and the possibilities for implementing “cultural and educational strategies” of Kabardian society in its space.

Keywords: urbanization; Kabardian society; cultural everyday life; Nalchik sloboda; Terek Region

For citation: Zhansitov O.A. Kabardian society in the early 20th century: integration into the cultural everyday life of the Nalchik sloboda. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 70–79. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-70-79

Исследования становления и развития урбанизированной среды в северокавказской окраине Российской империи в начале XX в. и ее влияния на трансформацию традиционного уклада горцев занимают одно из перспективных направлений в постсоветской историографии и демонстрируют актуальность данной проблематики для глубокого и всестороннего осмысления вопросов интеграции региона в российское административно-правовое и культурное поле.

Авторы обращают внимание на кризисные явления в традиционной культуре коренного населения, спровоцированные взаимодействием с урбанизированным пространством, но, в то же время, подчеркивают, что эта культура получила возможность выражения через городские площадки – театр, книгоиздание, профессиональное искусство [Канукова, Гутиева 2013].

Целый ряд исследований затрагивает роль урбанизации в процессах модернизации общественно-экономической и культурной жизни горских народов [Туаева 2013], а также в деле их приобщения к общероссийским гражданским институтам [Клычников, Лазарян 2014: 21–33].

Вопросам восприятия транслируемых городской средой социокультурных новаций в кабардинском обществе уделено внимание в работах Д.Н. Прасолова. Автор, в частности, прослеживает проникновение в горский социум таких элементов городских культурных практик как участие в государственных праздничных мероприятиях и посещение фотоателье [Прасолов 2014: 34–46].

В работе Т.Х. Кумыкова прослеживается роль Нальчикской слободы в развитии культуры и просвещения кабардинцев. Автор, в этой связи, акцентирует внимание на школьном образовании, сочетавшем учебный процесс с художественной самодеятельностью, включавшей как общеимперский, так и этнорегиональный культурный компонент. Т.Х. Кумыков подчеркивает также заинтересованность интеллигентской прослойки кабардинского социума в культурном освоении урбанизированного пространства слободы, как площадки, способной дать импульс развитию национальной культуры и просвещения. На это, в частности, указывают инициативы по созданию в Нальчике «научного музея», насыщение театральных постановок народными фольклорными сюжетами, участие в строительстве здания реального училища и. т.д. [Кумыков 2002: 423–431].

Л.Р. Гаунова, исследуя развитие системы светского образования в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв., заключает, что открытие в слободе Нальчик горской школы, преобразованной в 1909 г. в реальное училище, явилось фактором притяжения молодежи в слободское пространство и, в то же время, оказало положительное влияние на культурный облик коренного населения региона [Гаунова 2023: 115].

Изложение основной части статьи будет уместным предварить обсуждением вопроса о степени урбанизированности Нальчикской слободы в рассматриваемое

время и, соответственно, ее интеграционным, «окультуривающем» потенциале для кабардинского аграрного социума. В этой связи, заслуживают внимания исследования Д.Н. Прасолова, который дает, в целом, скептические оценки по данной проблеме. Его аргументация, подкрепленная фактологией, сводится к следующему. Несмотря на то, что Нальчик являлся административным центром Нальчикского округа, он к началу XX в. по качественным параметрам и темпам урбанизационных процессов заметно отставал от уже сложившихся городов северокавказского региона – Владикавказа, Пятигорска, Екатеринодара и т.д. Хозяйственный уклад и образ жизни большей части населения слободы соответствовал скорее сельской местности, чем городской. По этой причине ходатайства нальчикских властей и общественности о присвоении слободе городского статуса не были удовлетворены. Кроме того, замкнутая социальная организация слободы, неприиспособленность ее поселенческой структуры к религиозным нуждам горского населения (отсутствие мечети), языковой барьер ограничивали возможности кабардинцев стационарного закрепления и реализации культурно-просветительских стратегий в пространстве Нальчика. В этих обстоятельствах, эффективное и более гармоничное вовлечение кабардинцев в урбанизационные процессы и, в частности, интеграция в городскую культурную среду, были связаны не столько с Нальчикской слободой, сколько с городами за пределами административных границ Кабарды – Пятигорском, Владикавказом, Георгиевском и др., которые, собственно, и воспринимались ими как «настоящие города». Не случайно, по мнению автора, в 1922 г. глава Кабардино-Балкарской автономной области Б. Калмыков добивался у центральных властей включения Пятигорска в состав автономии и переноса туда ее столицы из Нальчика, недавно получившего статус города [Прасолов 2016].

Выводы Д.Н. Прасолова, безусловно, обогащают дискурс вокруг затрагиваемой проблематики. Однако, можно привести доводы и в пользу Нальчикской слободы, как пространства, урбанизационный потенциал которого, был в то время достаточным для реализации, в том числе, и «культурно-просветительских стратегий» кабардинского социума. Вопрос о том, как кабардинцы воспринимали город – неоднозначный. Возможно, увидев Москву, Санкт-Петербург или европейские столицы, тот же Владикавказ и Пятигорск уже не воспринимались бы ими как «настоящие города». Кабардинец, попадавший в Нальчик, явно ощущал контраст, между слободской слабо развитой, но все же урбанизированной инфраструктурой и своим аулом, где наиболее выдающимися и разнообразными однородный ландшафт строениями были пара капитальных домов состоятельных аристократов и мечеть. Всадники Кабардинского конного полка «Дикой дивизии», во время его дислокации в Нальчике, по свидетельству очевидца, чувствовали здесь себя «затерянной песчинкой» [ГАРФ Ф. 5911. Оп. 1. Д. 16. Л. 23], то есть, оказывались в состоянии сельчанина, дезориентирующегося при контакте с непривычным урбанизированным пространством.

В силу административного и географического факторов, контакты кабардинцев с Нальчиком были более «массовыми», частыми и регулярными, нежели с другими окружными и областными центрами региона. Урбанизированная среда слободы сосредотачивала в себе точки «культурного роста» – самодеятельные театры, образовательные учреждения, площадки проведения торжественных мероприятий, с которыми соприкасались пребывавшие в Нальчике кабардинцы.

Отметим также, что языковой барьер, отсутствие условий для исправления религиозных обрядов и социальная замкнутость населения какого-либо урбанизированного пространства могут сдерживать, но не являются препятствием для освоения последнего иноэтничными, «иноверными» группами. Достаточно взглянуть на этническую карту европейских и российских городов с яркими вкраплениями среднеазиатских, ближневосточных и африканских анклавов. Кроме

того, кабардинцы осваивали не «чужеземные далекие берега», а заново осваивали преобразенную инокультурной средой локацию в «сердце» их этнической территории, что, на наш взгляд, облегчало процесс их интеграции в ее урбанизирующееся пространство и восприятие транслируемых ею культурных новаций. Это подтверждается многочисленными свидетельствами современников, которые приводит Д.Н. Прасолов в описании процесса превращения преимущественно русскоязычного Нальчика, как административного центра Кабардинского (Нальчикского) округа, в столицу, сосредоточение общественной и культурной жизни Кабарды [Прасолов 2022: 153–164].

Что касается, инициативы переноса столицы Кабардино-Балкарской автономной области в Пятигорск, то здесь имела место не столько недостаточная инфраструктурная приспособленность Нальчика к реализации этой функции, сколько стремление кабардинской советской элиты в условиях революционного переустройства бывшего пространства Империи и открывшихся с ее крахом перспектив национально-государственного строительства, под благовидным предлогом вернуть в «лоно» Кабарды отторгнутые «царизмом» территории, в частности, некогда густо населенный кабардинцами район Пятигорья. Подобное стремление, удалось, к примеру, реализовать ингушам, которым во время перекройки административных границ Терской области большевиками были переданы расселенные на территории их традиционного проживания казачьи станицы.

Таким образом, дальнейшее повествование настоящей статьи будет выстраиваться с учетом вышеприведенных тезисов.

После включения Кабарды в состав России первоочередной задачей царской администрации в регионе стала интеграция коренного населения в имперское административно-правовое и культурное поле. В первое время этот процесс носил принудительный характер, выражаясь в переформатировании традиционного общественно-политического и хозяйственного уклада кабардинцев в соответствии с интересами колониального администрирования в северокавказской окраине.

Координирующим центром интеграции новых подданных стало заложенное в центре Большой Кабарды в 1818 г. Нальчикское укрепление. Здесь по распоряжению российской власти стали проводиться народные собрания (впоследствии – съезды доверенных) кабардинцев, повестка и регламент которых, определялась военным начальством. В Нальчике начал работу Временный Кабардинский суд, а также была основана аманатская школа, в которой обучались отпрыски местной сословной элиты.

С течением времени, когда лояльность кабардинцев царской администрации достигла приемлемых показателей, процесс их вовлечения в российское цивилизационное поле пошел более быстрыми темпами и, к тому же, отчасти стимулировался заинтересованностью самих горцев в освоении социокультурной среды урбанизирующегося пространства Нальчика, преобразованного в 1862 г. в слободу. Привлекательность светской русской урбанизированной повседневности начала XX в., в частности, таких ее проявлений как театр, кинематограф, фотоателье, «студенческая» жизнь, променады и т. д., которые становились отчетливой приметой Нальчикской слободы, служила дополнительным импульсом интеграции кабардинцев в российское административно-правовое пространство.

Конечно, культурная жизнь Нальчикской слободы не была такой же насыщенной и разнообразной как, допустим, в административном центре Терской области – г. Владикавказе, и других крупных по меркам того времени городах Северного Кавказа – Пятигорске и Ставрополе, не говоря уже о Москве и Санкт-Петербурге, но, все же, производила эффект футурошока в традиционной картине мира сельского населения Кабарды.

В слободе сложилась городская планировка улиц, строились капитальные жилые и административные здания, среди которых выделялись своей масштабностью

и архитектурными изысками церковь Симеона Столпника и возведенное в 1913 г. Кабардино-Горское Реальное училище, был открыт железнодорожный вокзал.

Нальчикские обыватели выписывали газеты, научно-популярные иллюстрированные журналы. К их услугам в 1896 г. была открыта публичная библиотека и две книжные лавки, содержащиеся при магазинах местных купцов И. Новиковского и Г. Зипалова.

Изредка в слободе давали представление гастролировавшие по городам Кавказского края и, в частности, Терской области профессиональные творческие коллективы. В июле 1894 г. в Нальчике прошли два концерта знаменитой в России и за ее пределами «Славянской капеллы» – образованного в 1868 г. вокально-инструментального коллектива, исполняющего в новаторской обработке народные песни. В 1903 г. большим событием для нальчан стали гастроли цирка Панкратьева. Светскую жизнь Нальчикской слободы оживляли редкие визиты российских знаменитостей, привлекавшие внимание просвещенной части «туземного» населения округа. Здесь в разное время гостили композитор С. Танеев, писатели В. Гиляровский и М. Вовчок, опальный художник М. Алехин, который был наиболее видным представителем располагавшейся на хуторе Долинском, в предместьях Нальчика общины толстовцев, исповедовавших популярное с конца 80-х гг. XIX в. среди российской интеллигенции учение Л. Толстого.

Особенно запомнился приезд в Нальчик в августе 1917 г. любимца российской публики певца Ф. Шаляпина. Здесь ему организовали высокий прием представители кабардинской и горской (балкарской) интеллигенции, которые, собственно, и пригласили, отдохавшего в соседнем Кисловодске знаменитого певца. «На днях ездил в местечко Нальчик, – сообщал в письме своей дочери Ф. Шаляпин, – это очень красивое место – горы и степь... кабардинцы, узнав о моем приезде, собрались компанией и устроили мне пикник – говорили речи, жарили на огне целого барана, танцевали, пели и делали джигитовку верхом на лошадях» [Пеннер В., Пеннер Н. 1993: 23].

В дореволюционном Нальчике существовали самодеятельные театральные коллективы, в деятельности которых активное участие принимали как сами слобожане из числа почитателей искусства, так и обучающиеся здесь в горской школе, преобразованной в 1909 г. в Реальное училище, кабардинцы и балкарцы. Последние часто привлекались школьной дирекцией к постановкам пьес, музыкальным и поэтическим вечерам.

В феврале 1907 г. в слободе состоялся «духовно-литературный» концерт, в рамках которого местный церковный хор исполнял популярные в то время произведения композиторов Бортнянского и Алябьева. «Большую поддержку концерту, – сообщает газета «Терек», – оказал ученический оркестр горской школы. В антрактах и между пением им было исполнено несколько пьес и романсом. Несмотря на короткий период своего существования, оркестр играет очень порядочно и составляет гордость не только школы, но и родителей-кабардинцев, которые нередко из отдельных районов приезжают послушать своих детей музыкантов» [Терек 1907: 3].

Константин Фурс, один из учеников Реального училища, в своих мемуарах рассказывает о прошедшей в Нальчике в 1914 г. художественной выставке, где были выставлены «примечательные рисунки и чертежи реалистов», и отмечает, что «почти все они принадлежали кавказцам – кабардинцам, балкарцам и осетинам. Лишь несколько – русским» [ГАРФ. Ф. Р-5888. Оп. 2. Д. 714. Лл. 2–32].

Вообще, стоит отметить, что количественно представительной и наиболее восприимчивой к потреблению урбанизированного культурного контента в пространстве Нальчикской слободы прослойкой кабардинского социума являлась обучающаяся здесь молодежь. В отличие от взрослого поколения, осваивающего Нальчик в качестве служащих гражданской и военной администрации, она была

менее отягощена опытом и багажом традиционного, консервативного мировосприятия и, соответственно, с большим успехом впитывала (ино)культурные тренды, формируя в своей среде качественно новый, светский, модернизированный и открытый для гармоничной интеграции в российское цивилизационное поле тип кабардинца.

Не случайно, царская колониальная администрация, открывая в Кабарде при крепости Налчик первую горскую (аманатскую) школу, ожидала, что ее выпускники изменят «свои первоначальные представления и, постепенно отказываясь от своей неприязни к русским», возвратятся «к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам» [Пеннер В., Пеннер Н. 1993: 15].

По имеющимся данным архивных фондов в 1913 г. в Реальном училище обучалось среди прочих 68 кабардинцев и 16 балкарцев. По спискам за 1916 г. – их число возросло до 91-го [Опрышко 2020: 9, 10]. На фоне малочисленного населения слободы (в начале XX в. оно составляло около 5000 человек) учащаяся «туземная» молодежь выступала довольно заметной и оживляющей местный этнокультурный пейзаж прослойкой. При этом, в отличие от своих родителей, эпизодически посещавших Налчик по каким-либо бюрократическим вопросам, или в дни проведения ярмарок, ученики Реального училища в период занятий проживали здесь стационарно: незначительная часть у обосновавшихся в слободе и в находящемся в ее предместье кабардинском селении Вольный Аул родственников и подавляющая часть в специально открытом для реалистов пансионе (общежитии). Помимо осваивания, непосредственно, учебных дисциплин, реалисты имели возможность погружаться в культурную повседневность Налчика: посещать выступления гастролировавших здесь артистов и театральных трупп, становиться участниками различных торжественных массовых мероприятий, лицезреть курортную публику и т.д. Таким образом, стационарное, долговременное пребывание в урбанизированной среде служило важным фактором продуктивного восприятия транслируемых ею культурных новаций.

Различного рода театральные постановки, концертные программы, устраивающиеся, например, по случаю юбилея В. Жуковского А. Пушкина, или М. Лермонтова или же в благотворительных целях составляли, своего рода, культурную программу делегатов ежегодно проводящегося в Налчике Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Нередко организаторы благотворительных вечеров, стремясь заполнить зал и тем самым собрать больше средств, открывали их именно в дни заседания института окружного самоуправления кабардинцев и балкарцев. «Бывает время, – писала газета «Терские ведомости», – когда Налчик, как центр управления округом и сердце Кабарды, ознаменовывается съездом представителей этого народа для выбора судей старшин и для обсуждения других общественных вопросов. Вот этим-то временем и воспользовалась С. Полозова (супруга начальника Пятигорского округа, патронирующая Налчикскую бесплатную женскую школу и в конце декабря 1878 г. организовавшая в ее пользу благотворительный вечер, – *О.Ж.*). Пьесы прошли хорошо, потому что каждый из участвовавших отнесся добросовестно к своей роли; публика, состоявшая почти исключительно из кабардинцев, получивших воспитание в России и, следовательно, хорошо понимающих русский язык, получила полное удовольствие и сбор от спектакля вполне окупил хлопоты» [Терские ведомости 1878].

В начале XX века в среде кабардинцев появляются собственные театральные деятели, пытающиеся адаптировать местные фольклорные, историко-этнографические сюжеты к передаче через профессиональное искусство и, тем самым, вносящие свежую струю в культурную жизнь Налчика. В этой связи заслуживает внимание деятельность просветителя, поэта, выходца из дворян Т-С. Шеретлова, получившего среднее образование в Санкт-Петербурге и, соответственно,

пропитанного культурной атмосферой этого города. Вернувшись на малую родину, движимый стремлением расположить к театральному искусству своих земляков, он пишет и ставит силами учеников (как кабардинцев, так и русских) Нальчикского реального училища ряд драматических пьес, в том числе, получившие признание «Кушук и его невеста» и «Казанокко Джабаги».

Модным развлечением, постепенно охватывавшем практически все слои населения Нальчика, стали такие достижения прогресса как фотография, «волшебный фонарь» – аппарат, проецирующий на экран различные картинки (что, в зависимости от их тематики, обычно сопровождалось познавательной лекцией или музыкальным аккомпанементом), а также кинематограф, которые становились неотъемлемой и самой ожидаемой частью любой концертной программы. Конечно, такие «чудеса» не оставались без внимания неискушенной кабардинской публики. «Служа как бы столицею, – писала газета «Терские ведомости», – Нальчик естественно притягивает к себе кабардинцев и на них невольно отражается всякое выдающееся явление в жизни русского нальчикского общества» [Живая старина 1993: 155].

Кабардинцы становятся частыми посетителями нальчикских, владикавказских и пятигорских фотостудий, обслуживавшихся известными в то время мастерами И. Черджиевым, И. Новиковским и А. Берсиевым. В. Гатцук, описывая случай, когда в дом его знакомого в Кисловодске, приехали по делам кабардинцы. Увидев фотоаппарат, они проявили большое любопытство. Видя это, гостеприимный хозяин сфотографировал их и к следующему приезду показал проявленные фото: «нужно было видеть их восторг, когда они разглядывали каждый себя на портрете» [Гатцук 1906: 1318–1319].

Д. Прасолов, исследовавший проблему этнокультурной трансформации кабардинцев в условиях взаимодействия с городом, отмечал, что «целенаправленное фотографирование, чаще всего парадных семейных или индивидуальных портретов к началу XX в. постепенно превращается в гуманитарную потребность. Среди артефактов семейных фотографий кабардинцев... мы видим фотографии преимущественно состоятельных привилегированных семей, которые могли себе позволить оплатить приезд фотографа или организовать совместную поездку в город для посещения фотоателье. Примечательно, что одежда и аксессуары героев фотографий нередко демонстрируют атрибуты городской европейски ориентированной культуры жизнеобеспечения» [Прасолов 2014: 45].

Как административный центр Кабарды Нальчик становится местом проведения торжественных мероприятий, связанных с восшествием на престол очередного русского императора, или же с визитом высокого российского чиновника. Кавказская администрация массово привлекала к таким мероприятием местное население, тем самым приобщая его к общеимперской повестке. Для рядового горца коронация императора, его смерть, победа русского оружия и т.д. должны были становиться и становились важными, переживаемыми, актуальными событиями, как и для любого русского подданного. Как правило, площадкой отмечания подобных событий, торжественных или скорбных, выступало уже сложившееся в Терской области урбанизированное пространство, с его площадями, приспособленными для размещения людской толпы, мощными улицами для шествий, зданиями, оформлявшимися в соответствии с тематикой мероприятий, и обслуживающими последние оркестровыми и хоровыми коллективами.

Кабардинцы, как знатные, так и «простолюдины» охотно участвовали в таких мероприятиях, привнося в них национальный колорит, в виде народных танцев, пения и скачек. «Почти с самого своего основания, – пишет Д. Прасолов, – Нальчик становится пространством, где сосредотачиваются новые формы праздничной культуры, в которой сочетались важные государственные события и вехи в развитии кабардинского общества» [Прасолов 2014: 41].

Помимо Нальчика кабардинские почетные депутации посещали торжественные мероприятия в соседних Владикавказе и Пятигорске, приуроченные, к примеру, к посещению этих городов императором, в ходе его ознакомительно-инспекционной поездки по кавказским владениям.

В начале XX в. наиболее грандиозными событиями в жизни Нальчикской слободы стали мероприятия, связанные со строительством и открытием здания Реального училища.

19 июля 1911 г. в Романовском сквере Нальчикской слободы собралась многочисленная публика. Здесь были как официальные лица – начальник Терской области, атаман А. Михеев, начальник Нальчикского округа С. Клишбиев, попечитель Кавказского учебного округа Н. Рудольф, духовные лидеры православного и мусульманского населения округа, так и представители простого народа, в частности, ученики Реального училища и их родители, проделавшие долгий путь из своих аулов. На празднично обустроенной площадке произносились пафосные речи, оцет Михаил Жуков и эфенди Тагир Шадов провели молебны, играл оркестр и после закладки первого камня в основание возводимого здания начались народные гуляния [УЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 826 Т. 3. Лл. 165–167].

Два года спустя, 20 октября 1913 г. в еще более торжественной обстановке состоялось открытие здание Реального училища. Примечательно, что, как и в первом случае, присутствовавшие на этом празднестве в Нальчике многочисленные представители коренного населения являлись главными, непосредственными «виновниками торжества», а не привлекались, как раньше, в качестве декорации, призванной подчеркнуть вовлеченность горцев в общеимперский календарь праздничных мероприятий. Ведь в открытии здания Реального училища решающим выступало то обстоятельство, что оно было возведено за счет ассигнований из «Кабардинской общественной суммы», то есть, на народные средства, которые, к тому же, можно было направить на реализацию каких-либо актуальных для того времени инфраструктурных проектов. В этой инициативе отразились приоритеты, ставившиеся во главу угла «туземным» населением Нальчикского округа, а именно – образование и просвещение – как ключевой фактор модернизации общества и его гармоничной адаптации к меняющейся картине мира.

Культурная повседневность урбанизирующегося пространства Нальчикской слободы в начале XX в. обладала ощутимым интеграционным потенциалом. Его прямому воздействию поддавалась, прежде всего, та малочисленная часть кабардинского социума, которая в стационарном формате осваивала Нальчик. Остальное же население Кабарды, тем не менее, ощущало опосредованное воздействие транслируемых урбанизированной средой культурных практик, что сказывалось на трансформации традиционного общественного уклада и подготавливало почву для формирования общеимперской/советской идентичности.

Список источников и литературы

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
Гатцук 1906 – *Гатцук В.А.* Черкесы: (Исторический очерк) // Юная Россия. М., 1906. Октябрь. С. 1310–1322.
Гаунова 2023 – *Гаунова Л.Р.* Слобода Нальчик как образовательный центр Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога: материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 частях. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2023. Ч. 1. С. 109–117.
Живая старина 1993 – *Живая старина*. 1993. № 3. С. 14–19.
Канукова, Гутиева 2013 – *Канукова З.В., Гутиева Э.Ш.* Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71–82.

Клычников, Лазарян 2014 – *Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С.* Города как пространство социокультурной адаптации автохтонного населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта // *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа: материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 21–34.

Кумыков 2002 – *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкар-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Издательство «Эльбрус», 2002. 446 с.

Опрышко 2020 – *Опрышко О.Л.* Жизни и судьбы: Ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909–1920. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. 344 с.

Пеннер В., Пеннер Н. 1993 – *Пеннер В.Я., Пеннер Н.В.* Нальчик глазами современников. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1993. 142 с.

Прасолов 2014 – *Прасолов Д.Н.* Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе // *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа: материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. С. 34–47.

Прасолов 2016. – *Прасолов Д.Н.* Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // *Уральский исторический вестник*. № 3 (52). 2016. С. 53–61.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Принт Центр, 2022. 240 с.

Терек 1907 – *Терек* 1907. № 53.

Терские ведомости 1878 – *Терские ведомости*. 1878. № 2.

Туаева 2013 – *Туаева Б.В.* Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразований второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований ВШЦ РАН и Правительства РСО-А, 2013. 426 с.

УЦГА КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

References

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

GATSUK V. Cherkesy [Circassians]. IN: *Yunaya Rossiya (detskoe chtenie)*. 1906. October. (In Russian)

GAUNOVA L.R. Sloboda Nal'chik kak obrazovatel'nyi tsentr Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Nalchik Sloboda as an Educational Center of Kabarda and Balkaria in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. IN: *Severokavkazskii gorod kak prostranstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya i mezhkul'turnogo dialoga: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 28–30 sentyabrya 2023 g.)*. Nal'chik: Kabardino-Balkarskii universitet, 2023. Pt. 1. (In Russian)

Zhivaya starina [Living Antiquity]. 1993. No. 3. (In Russian)

KANUKOVA Z.V., GUTIEVA E.SH. Gorodskoe prostranstvo Severnogo Kavkaza: traditsionnaya kul'tura v usloviyakh urbanizatsii [Urban Space of the North Caucasus: Traditional Culture under Urbanization]. IN: *Izvestiya SOIGSI*. 2013. No. 10(49). P. 71–82. (In Russian)

KLYCHNIKOV YU.YU., LAZARYAN S.S. Goroda kak prostranstvo sotsiokul'turnoi adaptatsii avtohtonnoho naseleniya Severnogo Kavkaza v protsesse osushchestvleniya rossiiskogo modernizatsionnogo proekta [Cities as a Space of Socio-Cultural Adaptation of the Indigenous Population of the North Caucasus in the Course of the Russian Modernization Project]. IN: *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza: materialy Kh Kongressa etnografov i antropologov Rossii*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2014. P. 21–34. (In Russian)

KUMYKOV T.KH. Obshestvennaya mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX v. [Public Thought and Enlightenment of the Adygs and the Balkar-Karachays in the 19th – Early 20th Centuries]. Nal'chik: Izdatel'stvo "El'brus", 2002. 446 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. Zhizni i sud'by: Ucheniki Kabardino-Gorskogo real'nogo uchilishcha. 1909–1920 [Lives and Fates: Pupils of the Kabardino-Gorsk Real School. 1909–1920]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Krtlyarovykh, 2020. 344 p. (In Russian)

PENNER V.YA., PENNER N.V. Nal'chik glazami sovremennikov [Nalchik through the Eyes of Contemporaries]. Nal'chik: Izd. tsentr "El'-Fa", 1993. 142 p. (In Russian)

PRASOLOV D.N. Gorod kak faktor etnokul'turnykh transformatsii v traditsionnom kabardinskom obshchestve [The City as a Factor of Ethno-Cultural Transformations in Traditional Kabardian Society]. IN: Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza: materialy Kh Kongressa etnografov i antropologov Rossii. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2014. P. 34–47. (In Russian)

PRASOLOV D.N. Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v. [Nalchik and Kabardian Society in the 19th – Early 20th Centuries]. Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]. 2016. No. 3(52). P. 53–61. (In Russian)

PRASOLOV D.N. *S'ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congress of Entrusted in the Political Culture of the Kabardians and Balkars]. Nal'chik: Print Tsentr, 2022. 240 p. (In Russian)

Terek [Terek]. 1907. No. 53. (In Russian)

Terskie vedomosti [Terek Gazette]. 1878. No. 2. (In Russian)

TUAEVA B.V. Gorod i gorodskie sosloviya Severnogo Kavkaza v usloviyakh rossiiskikh preobrazovaniy vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [The City and Urban Estates of the North Caucasus under the Russian Reforms of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh issledovaniy VNTS RAN i Pravitel'stva RSO-A, 2013. 426 p. (In Russian)

UTsGA KBR – Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Directorate of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

О.А. Жанситов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

O.A. Zhansitov – Candidate of Science (History), Senior Researcher, the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-80-89

**ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ 20–30-х гг. XX в.
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ НА РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ
В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ**

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития процессов в религиозной сфере Кабардино-Балкарии после массовых крестьянских волнений, происходивших в 20–30-е гг. XX в. Отмечается, что данные волнения были следствием форсированной реализации властями комплексных социально-экономических и культурных преобразований, предполагавших полный разрыв с ранее существовавшей в субрегионе системой организации экономического и социокультурного пространств. Указывается, что в рамках данных волнений апеллирование к религии играло мобилизующую их участников роль, а организующей и направляющей их силой выступали представители мусульманского духовенства. Делается вывод о том, что в течение и после данных волнений характер государственной политики в отношении религии, существенно изменился. В нем стали преобладать силовые и репрессивные методы, направленные на максимальное нивелирование роли и места религии в социуме. Они выразились в ликвидации системы религиозного образования, преследованиях представителей местного духовенства, сужении их общественного функционала, вытеснении значительной части элементов религиозной культуры на обочину социальной жизни.

Ключевые слова: религия, крестьянские волнения, религиозный фактор, мусульманское духовенство, социум, Кабардино-Балкария, атеизм

Для цитирования: Такова А.Н. Влияние крестьянских волнений 20–30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии на развитие процессов в религиозной сфере // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 80–89. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-80-89

Original article

**THE INFLUENCE OF PEASANT UNREST IN THE 20–30-S OF THE XX CENTURY
IN KABARDINO-BALKARIA, THE DEVELOPMENT OF PROCESSES
IN THE RELIGIOUS SPHERE**

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© A.N. Takova, 2025

Abstract. The article examines the peculiarities of the development of processes in the religious sphere of Kabardino-Balkaria after the mass peasant unrest that took place in

Kabardino-Balkaria in the 20-30s of the XX century. It is noted that these unrest were the result of the accelerated implementation by the authorities of complex socio-economic and cultural transformations, which implied a complete break with the previously existing system of organization of economic and socio-cultural spaces in the subregion. It is indicated that within the framework of these riots, appeals to religion played a mobilizing role for their participants, and representatives of the Muslim clergy acted as the organizing and guiding force. It is concluded that the nature of state policy towards religion has changed significantly during and after these riots. Violent and repressive methods began to prevail in it, aimed at maximizing the role and place of religion in society. They resulted in the elimination of the religious education system, the persecution of representatives of the local clergy, the narrowing of their social functions, and the displacement of a significant part of the elements of religious culture to the sidelines of social life.

Keywords: religion, peasant unrest, religious factor, Muslim clergy, society, Kabardino-Balkaria, atheism

For citation: Takova A.N. The influence of peasant unrest in the 20–30-s of the XX century in Kabardino-Balkaria, the development of processes in the religious sphere. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2025; 4-1 (67): 80–89. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-80-89

В истории Кабардино-Балкарии довоенного периода крестьянские волнения конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. являются одной самых драматичных ее страниц. Они стали следствием форсированной реализации политики советской модернизации, осуществление которой сопровождалось сломом всей существовавшей ранее традиционной системы экономических связей и отношений, организации жизненного пространства и культуры повседневности. Кроме того, данные события способствовали коренным трансформациям в конфессиональной политике властей, способам и методам ее осуществления, что, в свою очередь, привело к заметным изменениям роли и места религии в социуме субрегиона. Источниковая база работы представлена многочисленными архивными документами, извлеченными из архивохранилищ республики большинство из которых впервые вводится в научный оборот, а также опубликованными, главным образом следственными материалами. Историографическую базу составляют исследования С.Н. Бейтуганова, Г.К. Дзуева, Г.Х. и З.Г. Мамбетовых, О.О. Айшаева, Д.Н. Прасолова [Бейтуганов 1991; Дзуев 1997; Г.Х. Мамбетов, З.Г. Мамбетов 1999; Айшаев 2006; Прасолов 2013] и др. авторов, в которых рассматриваются различные аспекты рассматриваемой темы. Вопрос о степени влияния массовых крестьянских волнений на последующее развитие процессов в религиозной сфере поставлен впервые, что и составляет новизну исследования. Методами исследования являются: историко-генетический – дает возможность рассмотреть и оценить изменения в религиозной политике властей региона до, во время и после массовых крестьянских волнений 20–30-х гг. XX в., историко-системный – позволяет вычленить экономические, политические и религиозные компоненты в идеологии восставших крестьян, анализ архивных материалов, а также историческая психология.

До пограничного 1917 г. в социуме Кабардино-Балкарии религия присутствовала в образовании, судопроизводстве, праздничной культуре, задавала тон системе нравственных ценностей, определяла многие аспекты повседневности. В период революции и гражданской войны ее роль даже несколько возросла. Представители духовенства в большинстве проявили высокую политическую активность, прочие же действовавшие в субрегионе акторы, причем принадлежащие порой к разным политическим лагерям, ситуативно апеллировали к религии и религиозным чувствам масс при решении текущих вопросов. Интересным явлением также стало формирование в Кабардино-Балкарии своего рода альянса между большевиками и частью мусульманских лидеров, идеологическую основу которого составляла идея о схожести положений шариата и большевизма. Ярким примером практического воплощения данного альянса стала деятельность эфенди Н.А. Катханова.

Руководимая им I Ударная советская шариатская колонна внесла решающий вклад в освобождение Кабарды от антибольшевистских сил как кратковременно осенью 1918 г., так и окончательно в 1920 г. Таким образом, местное духовенство, по сути, способствовало утверждению в Кабардино-Балкарии советской власти.

В первые годы после установления советской власти, в период упрочения ее позиций, явного натиска на религию не произошло. Более того ряд видных мусульманских деятелей – Н.А. Катханов, М.А. Энеев, А.Д. Гемуев и др. вошли в управленческую верхушку области. На местах, в формирующихся новых структурах, присутствие представителей духовенства было значительным. К примеру, по состоянию на 1922 г. 80 % комячек области имели в своем составе мулл [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 1]. Нередкими были случаи, когда представители мусульманского духовенства возглавляли их [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3]. В сфере судопроизводства была учреждена сеть народных судов, однако также продолжали функционировать и шариатские суды. Так, в июле 1922 г. шарсуды действовали в 65 селениях области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 37. Л. 37 об]. Многие лица, инкорпорированные в религиозные сферы (Н.А. Цагов, П.И. Тамбиев, И.Я. Акбаев, С.О. Шахмурзаев и др.), принимали активное участие в создании системы всеобщего образования, ликвидации безграмотности, вели работу в сфере языкового строительства. При мечетях продолжали действовать начальные мусульманские школы. По данным на 1 января 1925 г. в Кабардино-Балкарии функционировало 10 медресе и около 100 низших мусульманских школ-мектебе [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 74], причем среди них выделялись учебные заведения с большим контингентом учащихся. Так, к примеру, в с. Кызбурун II работало две школы, в которых обучалось 100 человек, в с. Куркужин – 112 человек, в с. Куба – 120 человек [УЦГА АС КБР. Ф. Р-237. Оп. 1. Д. 65. Л. 5], в с. Урух – 90 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 35].

Однако, столь масштабное присутствие религии во всех ключевых социальных сферах, противоречило логике текущего исторического момента. В Кабардино-Балкарии, как и в целом по стране, набирал обороты процесс комплексной социалистической модернизации, направленный на унификацию социального пространства молодого советского государства. Широкое же присутствие религии придавало субрегиону выраженную специфику, превращаясь в фактор, препятствующий проведению масштабных модернизационных преобразований, призванных качественно изменить, все еще продолжавшее оставаться традиционным, кабардино-балкарское общество.

Ввиду этого, сосуществование новых, внедряемых властями структур (народных судов, трудовых школ и пр.) с ранее действовавшими (шариатские суды, примечетские мусульманские школы и пр.) стало постепенно обретать конфликтные черты. Хорошим примером, иллюстрирующим последний тезис, является реакция некоторых учителей мусульманских школ на деятельность народных советских. Так, в 1925 г. имел место случай, когда эфенди Э.Т. из с. Урух вел пропаганду против действующей в селении советской школы. В результате «...он принудил шесть граждан взять своих детей из советской школы и определить их в медресе. Жестокие слова эфенди, пророчащие гибель на том свете, заставляют граждан задуматься о спасении своей души и они забирают своих детей из советской школы» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. Л. 5]. В 1926 г. был зафиксирован еще один похожий случай «...провокационной агитации со стороны бывшего учителя корана на той почве, что в советских школах не учат коран, а раз не учат коран, то он (ученик – А.Т.) пойдет в коммуны и отречется от религии» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об].

Местные власти, со своей стороны, в этот период вели активную работу, направленную, с одной стороны на укрепление новых, создаваемых советскими органами структур, а, с другой, по подрыву позиций старых. Так, к 1925 г. в КБАО

была ликвидирована система шариатского судопроизводства. Различным формам преследования и дискриминациям подвергались служители культа (лишение активного и пассивного избирательного права, обложение повышенным налогом и пр.). В отношении деятельности мусульманских образовательных учреждений было принято огромное число разного рода юридических документов, которые способствовали сужению возможностей для их свободного функционирования. Действовал негласный запрет на строительство новых культовых зданий, при этом закрытие и перепрофилирование под светские нужды ранее действовавших поощрялось и приветствовалось. К примеру, в одном из документов по этому поводу говорилось: «...партийные и советские органы обязаны всеми законными мерами противодействовать строительству новых мечетей или церквей и ремонту старых» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 42]. Символичным был также произошедший в 1924 г. отказ от арабской графической системы в пользу латинской. Таким образом, местные власти вели последовательную работу по исключению религиозного компонента из большинства сфер, тем самым осуществлялось своего рода «зачищение» этнокультурного пространства от традиционных компонентов для более целостного насаждения новых ценностей советского социокультурного комплекса» [Прасолов 2013: 357]. В итоге роль религии в повседневной жизни Кабардино-Балкарии стала быстро снижаться, все более замыкаясь в рамках бытовой обрядности, которая, однако, оказалась исключительно устойчивой к антирелигиозной политике государства и продолжала поддерживаться на достаточно высоком уровне.

Обрисованная выше ситуация в религиозной сфере являлась лишь частью всего масштабного комплекса модернизационных преобразований, который активно реализовывался в данный период в Кабардино-Балкарии. По сути, происходило полное замещение всей ранее существовавшей системы организации экономики и жизненного пространства рассматриваемого социума. В области осуществлялась насильственная коллективизация, велось директивное расселение населенных пунктов, хлебозаготовительная кампания проводилась, фактически, методами военного коммунизма, крестьянство принудительно облагалось займами, безвозмездно привлекалось к массовым мелиоративным и строительным работам. Кроме того, разъяснительная работа, позволяющая дать хоть сколько-нибудь приемлемое объяснение проводимым властями мероприятиям, была поставлена крайне слабо, в то время как сложившаяся обстановка «...требовала особого подхода, большого хозяйственного искусства, экономических знаний» [Дзюев 1997: 4]. На деле рядовыми исполнителями на местах столь сложных решений становились часто люди абсолютно неподготовленные и несведущие. Населению приходилось «...иметь дело тем, кто и сам, не имея ни сколько-нибудь достаточного образования, ни призвания, принялся решать сложнейшие задачи по социалистическому переустройству старого мира» [Бейтуганов 1991]. Г.Х. и З.Х. Мамбетовы по этому поводу пишут: «...для проведения такого обилия совершенно неожиданных и сложных мероприятий, многие из которых просто не укладывались в крестьянскую психологию, объективно требовалось продолжительное время, а также большая предварительная политико-воспитательная работа. Агитацию же среди крестьянства в пользу коллективных хозяйств вели люди не только не компетентные, но зачастую просто неграмотные, которые охотнее всего апеллировали к приемам и средствам административного воздействия, без учета социальной, экономической и национально-психологической специфики на местах» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 67].

Все вышеперечисленное вкуче способствовало появлению большой массы недовольных и быстрому росту их протестного потенциала. Обстановка была настолько накаленной, что любой, даже незначительный промах властей воспринимался как проявление вопиющего произвола. В подобной обстановке арест лиц,

отказавшихся принимать участие в мелиоративных работах в июне 1928 г., стал не только поводом к Баксанским событиям, но и к целой серии массовых волнений крестьян Кабардино-Балкарии, сотрясавших ее на протяжении практически пяти лет.

Так, летом 1928 г. волнения произошли в селении Кызбурун II и Баксане, в 1929 г. в с. Верхний Курп, в 1930 г. в Чегемском и Баксанском ущельях, в 1931 г. в с. Нартан. Помимо них имели место еще свыше десятка менее масштабных протестов. В волнения вовлекались также и крестьяне из других населенных пунктов, так что их ареал был весьма широк и включал значительную часть сел субрегиона. Г.Х. и З.Г. Мамбетовы пишут: «... выступления кызбурунцев в июне 1928 г. было поддержано многими населенными пунктами Кабардино-Балкарии. Это и понятно. Проблемы, которые вызвали недовольство кызбурунцев – инициаторов выступления, были общими и для других сел. Выступления крестьян Кызбуруна II было поддержано в Куркужине, Псыхурее, Кызбуруне III, Сармаково, Каменноостском, Малке, Кишпеке, но особенно активно – в Чегеме I и II» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 97].

В рамках всех без исключения волнений религиозная составляющая проявилась весьма рельефно. Она выразилась:

1) в активной роли лиц, относящихся к духовному сословию, либо в прошлом инкорпорированных в связанные с религией сферы, либо, как минимум, имевших религиозное образование (в источниках значатся как «грамотные по-арабски» – А.Т.) и не просто в качестве рядовых участников, а нередко как организаторов и мотиваторов. Г.Х. и З.Г. Мамбетовы отмечают «... мусульманское духовенство провоцировало участников беспорядков, требуя отмены хлебозаготовок, прекращения мелиорации, роспуска партийных ячеек, открытие духовных школ медресе» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 9].

2) в проходящем красной нитью противопоставлении советской власти, как воплощения власти несправедливой шариату, как, напротив, образца справедливого устройства, и связанные с ним требования. К примеру, Г.Х. и З.Г. Мамбетовы пишут «...к участию в работе по подготовке антисоветского выступления многие верхнекурпцы отнеслись сочувственно, поскольку речь шла о восстановлении шариата» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 130]. В работе С.Н. Бейтуганова «Восстание крестьян Кабардино-Балкарии в 1928–1931 гг.» [Бейтуганов 1991] приводятся многочисленные выдержки из следственных материалов, в которых на различные лады фигурирует идея о необходимости свержения советской власти и установления справедливой народной власти – шариата, которой, собственно, и руководствовались восставшие крестьяне области.

3) в требованиях, направленных на ликвидацию советских преобразований в религиозной сфере: открытие ранее закрытых мечетей и медресе, прекращение преследования мулл и т.п. Так, Г.Х. и З.Г. Мамбетовы отмечали, что шариатисты и муллы говорили что «...мечети закрывают, медресе уже нет, мулл не будет тоже, значит, некому будет хоронить умерших, дети же будут отобраны. Надо подниматься и требовать сохранения шариата» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 73];

4) в апеллировании к неким внешним силам. К примеру, циркулировали слухи, что «... Турция, Персия и другие мусульманские государства придут на защиту восставших за шариат» [Дзуев 1997: 63], а также к популярным в народной среде личностям – Н. Катханову, П. Коцеву и др., которым приписывалась некое высшее руководство в происходящих событиях. К примеру, говорилось о том, что Н. Катханов готов с отрядами вступить в Кабарду для свержения власти коммунистов, а П. Коцев его в этом поддержит [Бейтуганов 1991]. Н.А. Катханов на момент начала крестьянских волнений в Баксане был уже арестован. П.Т. Коцев, в свою очередь, уже многие годы жил в Турции. То есть непосредственно к данным событиям отношения они иметь не могли. Однако, ввиду того, что в итоговых документах по событиям в Баксане подчеркивалось, что они «...имеют глубокие

исторические корни, длительно готовились и развивались в наиболее приятной для этого обстановке – на фоне крайне обострившейся классовой борьбы в деревне и некоторых затруднений партии и соввласти (хлебозаготовки и т.п.) с использованием этих затруднений в гнуснейшей провокационной игре на религиозных чувствах в условиях далеко неизжитого невежества масс» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 14], роль Н. Катханова вполне вписывалась. В частности, в документах говорилось, что уже к 1926 г. оформился некий антисоветский блок, состоявший из большинства мулл во главе с Н. Катхановым, кулачества, остатков княжества и дворянства и других чуждых парторганизации лиц «...который начинает развивать самую бешенную контрреволюционную работу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 16].

5) в наличии связанных с исламской религией маркеров – к примеру, свой вооруженный отряд участники восстания февраля 1930 г. в Баксанском и Чегемском ущельях назвали шариатским полком. О.О. Айшаев пишет «...под предводительством муллы К.Н. все собравшиеся исполнили молитвенный ритуал и приняли присягу бороться до последней капли крови за шариат. Отряду было вручено зеленое знамя с изображением полумесяца и надписью «Во имя единого Бога и Магомета – пророка его». Были назначены знаменщики» [Айшаев 2006: 16].

6) в закреплении рассматриваемых событий в народной памяти, в том числе в форме песен, прославляющих некоторых их участников. Речь, главным образом, идет о «Плаче об Исмеле Кертове». Подробный анализ этой песни дан в работе С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 1991]. Песня была создана в жанре плача (гыьбзэ) о погибшем герое и в соответствии с традициями этой разновидности исторической песни в ней упоминаются отдельные исторические факты и детали, придающие ей фактографическую точность и убедительность [Кудаева 2019: 179]. Текст песни имел яркое антисоветское содержание. Ниже приведен один из вариантов его перевода на русский язык:

*«Кертю Исмель пулемет направляет против коммунистов.
Коммунисты в страхе от него умирают.
Притесненные Советской властью люди ушли бороться за лучшую жизнь.
Борьба тяжелая, но они с помощью верующих добьются шариата.
Коммунисты закрывают мечети и строят школы.
А дорожка, ведущая в межгид, зарастает крапивой.
Религиозные женщины, точите стальные ножницы,
Ибо подходит социализм.
Подготовьте ножи и ножницы против социализма
Не считайтесь, что вы женщины.
Беженцы (абреги), находящиеся в степях, лежат на своих седлах.
Хранят в сердцах, что лежат на мягких подушках.
Хакира заряжает револьвер ... 12 зарядов
Кертю одним выстрелом убивает 12 верховых.
Припев: Нет бога, кроме бога (Аллаха)
и в надежде на него мы» [Бейтуганов 1991].*

С.Н. Бейтуганов, со ссылкой на материалы ОГПУ отмечает, что данная песня была весьма популярной, главным образом в молодежной среде. Были выявлены даже ее профессиональные исполнители [Бейтуганов 1991].

Баксанские события лета 1928 г. были подвергнуты детальному анализу на II Пленуме Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) вскоре после их завершения. Они были классифицированы в качестве заранее подготовленного и тщательно спланированного контрреволюционного выступления, «...организованного и спровоцированного мусульманско-мулльско-дворянско-княжеско-кулацким

блоком» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 17]. Данная формула в последующем использовалась и в других работах советского периода. В академическом издании «История Кабардино-Балкарской АССР» 1967 г. говорится, что это были «...антисоветские выступления, организованные и спровоцированные кулаками и реакционным духовенством» [История КБАССР 1967: 160].

В постсоветский период интерес к данным событиям значительно возрос. Для исследователей стали доступны ранее засекреченные архивные материалы, что способствовало наполнению научного пространства массивом новых источников. В этот период были изданы работы С.Н. Бейтуганова и Г.К. Дзуева [Бейтуганов 1991; Дзуев 1997]. Наиболее полно данные события рассматриваются в монографии Г.Х. и З.Г. Мамбетовых «Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы» [Мамбетов, Мамбетов 1999], изданной в 1999 г. В 2006 г. была опубликована работа О.О. Айшаева «Крестьянское вооруженное восстание в Чегемском и Баксанском ущельях КБАО в феврале 1930 года» [Айшаев 2006]. Важный вклад в изучение данного вопроса вносит статья Д.Н. Прасолова, в которой анализируются социокультурные факторы, спровоцировавшие данные события, в том числе политика областных властей в отношении религии, которые стали «...сильнейшим потрясением для духовной культуры» [Прасолов 2013: 360].

Несмотря на то, что апеллирование к религии в рамках массовых крестьянских волнений, по сути, представляло собой лишь набор резко эмоциональных высказываний общего характера, оно, однако, наглядно продемонстрировало все еще весьма сильные позиции религии в обществе, высокий авторитет духовенства, а также недовольство народа политикой властей в данной сфере в целом. Подавление крестьянских волнений конца 20-х–начала 30-х гг. в связи со сквозным присутствием в них религиозного компонента не могло не привести к крутым изменениям в рамках конфессиональной политики властей. Оценивая их политические последствия, Д.Н. Прасолов отмечает, что «...восстания стали поводом к началу первых крупных репрессий в Кабардино-Балкарии» [Прасолов 2013: 354]. Вполне закономерно, учитывая особенность текущего исторического момента, что в ходе данных преследований в числе первых пострадали представители духовного сословия. Служители культа стали рассматриваться как принципиальные политические противники советской власти, что способствовало превращению их «...в одну из наиболее дискриминируемых социальных групп советского общества» [Кобзев 2014: 150]. Так, согласно архивным данным, только в 1928 г. были арестованы и получили различные тюремные сроки 88 кабардинских и балкарских мусульманских священнослужителей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47]. Те же, кому удалось избежать преследований, стали опасаться за свою дальнейшую судьбу и даже жизнь. В связи с этим они нередко не находили для себя иного выхода, как публично порвать с религией. Отход служителей культа от своей деятельности в конце 20-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии принял широкие масштабы. К примеру, только к концу 1928 г. из 307 официально действовавших служителей мусульманского культа, 153 публично заявили о прекращении требований [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 3. Д. 53. Л. 40–42]. А ввиду того, что крестьянские волнения продолжились и в последующие годы, очевидно, что данный процесс не остановился. Тем самым нарушалось воспроизводство социальной группы, обозначился разрыв преемственности поколений ее представителей.

Закономерно также, что подобное положение дел имело фатальные последствия для системы религиозного образования. Так как многие муллы, а они же, соответственно, и учителя в примечетских школах–мектебах, были осуждены и отбывали наказание, или публично отказались от своей деятельности, заниматься обучением религии стало просто некому. Таким образом, функционирование сети религиозных образовательных учреждений в Кабардино-Балкарии к началу 1930-х гг. фактически полностью прекратилось.

Изменения не обошли стороной и праздничную культуру. Если еще в 1925 г. ЦИК КБАО дни мусульманского праздника Курман-Байрам (1 и 2 июля 1925 г. – *А.Т.*) объявлял нерабочими [УЦГА АС КБР. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 36. Л. 7], то к началу 30-х гг. ситуация кардинально изменилась. К примеру, в 1931 г. в преддверии религиозного праздника Курман на местах предписывалось вести «...антирелигиозную массовую работу», «бороться против хищнического убоя скота», а также «...добиться объявления дней курмана ударными по пахоте и севу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 125].

В качестве одной из причин крестьянских волнений конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. было признано плачевное состояние антирелигиозной работы на местах. «Нет никакого, хотя бы малейшего опыта работы в деле антирелигиозной пропаганды в аулах» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 51], – говорилось в одном из документов. Именно крестьянские волнения способствовали активизации атеистической работы в Кабардино-Балкарии. В 1929 г. было учреждено региональное отделение Союза воинствующих безбожников. В трудовых коллективах создавались первичные ячейки союза. Партийные органы каждый год принимали планы по антирелигиозной работе. К примеру, в 1931 г. предполагалось проведение собраний «по всем предприятиям и учреждениям с постановкой бесед, лекций, докладов на антирелигиозные и естественно-научные темы с показанием опытов» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 3. Л. 12], организация повсеместно уголков безбожников, содержащих лозунги, плакаты, тематические стенгазеты, проведение «во всех цехах, колхозах, красных уголках громких чтот газет «Безбожник» и антирелигиозной литературы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 3. Л. 12]. В целом предписывалось придать антирелигиозной работе «массовый характер» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 164] и широкий охват с включением в его ряды беспартийных крестьян и особенно женщин [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 166]. Редакции газеты «Карахалк» рекомендовалось регулярно освещать вопросы религиозно-бытового характера [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 165], «включить в издательский план выпуск антимульманской антирелигиозной литературы на кабардинском и балкарском языках» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 165]. В цитируемом документе также содержался перечень элементов, которые должны были в обязательном порядке присутствовать при реализации на местах антирелигиозной работы. В частности рекомендовалось делать акцент на классовую сущность религии, «разоблачать противонаучный характер религиозных представлений», бороться с попытками «духовенства к отождествлению коммунизма с исламом» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 167] и пр. Обосновывалась необходимость активизации данной работы в преддверии религиозных праздников. Параллельно велась деятельность по закрытию и перепрофилированию под светские нужды культовых зданий. В итоге, по некоторым сведениям, к началу Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148].

Таким образом, массовые крестьянские волнения, происходившие в Кабардино-Балкарии в конце 20-х гг. – начале 30-х гг. XX в. являлись следствием всей предшествовавшей экономической и культурной политики новой власти, реализация которой сопровождалась грубой ломкой существовавшей ранее системы организации хозяйственных отношений и социального пространства. По справедливому замечанию Г.Х. и З.Г. Мамбетовых, «крестьянство психологически просто не было готово к столь глубоким преобразованиям, изменению своего жизненного уклада» [Мамбетов, Мамбетов 1999 : 6]. В рамках массовых крестьянских волнений религиозный компонент проявился рельефно, что во многом способствовало крутым изменениям в рамках конфессиональной политики властей. Прямым следствием реакции руководства Кабардино-Балкарии на массовые крестьянские

волнения стали аресты и заключения в отношении служителей культа, связанный с этим отход значительной их части от требоисполнений и прочей деятельности, ликвидация системы мусульманских образовательных учреждений, становление и усиление атеистической работы, превращение ее в одно из главнейших направлений агитационно-пропагандистской деятельности в субрегионе.

Список источников и литературы

- Айшаев 2006 – *Айшаев О.О.* Крестьянское вооруженное восстание в Чегемском и Баксанском ущельях КБАО в феврале 1930 года. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2006. 44 с.
- Бейтуганов 1991 – *Бейтуганов С.Н.* Восстание крестьян Кабардино-Балкарии в 1928–1931 гг. // Советская молодежь. 1991. 9 августа.
- Дзюев 1997 – *Дзюев Г.К.* Кровавое лето 1928-го: Очерки. Нальчик: Эльбрус, 1997. 105 с.
- История... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР* под ред. Т.Х. Кумыкова М.: Наука, 1967. Т. 2. 439 с.
- Кобзев 2014 – *Кобзев А.В.* Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 149–158.
- Кудаева 2019 – *Кудаева З.Ж.* Адыгский «неофициальный» фольклор периода гражданской войны и советского периода (к постановке проблемы) // Вопросы кавказской филологии. 2019. Вып. 12. С. 174–186.
- Мамбетов, Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. 272 с.
- Прасолов 2013 – *Прасолов Д.Н.* Восстания в Кабардино-Балкарии конца 1920-х гг.: социальное содержание и этнокультурные последствия / История сталинизма: Жизнь в терро-ре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 18–20 октября 2012 г. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. 1, 2, И-26, Р-2, Р-134, Р-237, Р-780.
- УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1, 175, П-1.

References

- AISHAEV O.O. *Krest'yanskoe vooruzhennoe vosstanie v Chegemskom i Baksanskom ushchel'yakh KBAO v fevrale 1930 goda.* [Peasant armed uprising in the Chegem and Baksan gorges of the KBAO in February 1930]. Nal'chik: Poligrafservis i T, 2006. 44 p. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Vosstanie krest'yan Kabardino-Balkarii v 1928–1931 gg.* [The uprising of the peasants of Kabardino-Balkaria in 1928–1931] IN: *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 9 augusta (In Russian)
- DZUEV G.K. *Krovavoe leto 1928-go: Ocherki.* [The Bloody Summer of 1928: Essays]. Nal'chik: El'brus. 1997. 105 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR pod red. T.KH. Kumykova* [History of the Kabardino-Balkarian ASSR edited by T.H. Kumykov]. Moscow: Science. 1967. Vol. 2. 439 p. (In Russian)
- KOBZEV A.V. *Musul'manskoe dukhovenstvo v SSSR v 1940–1980-kh gg.* [Muslim clergy in the USSR in the 1940 s and 1980 s.] IN: *History issues.* 2014. Vol. 1. P. 149–158. (In Russian)
- KUDAIEVA Z.ZH. *Adygskii «neofitsial'nyi» fol'klor perioda grazhdanskoi voiny i sovetskogo perioda (k postanovke problem)* [Adyghe “unofficial” folklore of the period of the Civil War and the Soviet period (to pose the problem)] IN: *Voprosy kavkazskoi filologii.* 2019. Vol. 12. P. 174–186. (In Russian)
- MAMBETOV G.KH., MAMBETOV Z.G. *Sotsial'nye protivorechiya v Kabardino-Balkarskoi derevne v 20–30-e gody.* [Social contradictions in the Kabardino-Balkarian village in the 20–30 s.] Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTS RAN. 1999. 272 p. (In Russian)
- PRASOLOV D.N. *Vosstaniya v Kabardino-Balkarii kontsa 1920-kh gg.: sotsial'noe sodержanie i etnokul'turnye posledstviya* [Uprisings in Kabardino-Balkaria in the late 1920s: social content and ethnocultural consequences]. IN *Istoriya stalinizma: Zhizn' v terrore.*

Sotsial'nye aspekty repressii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg. 18–20 oktyabrya 2012 g. Moscow: ROSSPEN. 2013. 485 p. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [The Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. 1, 2, I-26, R-2, R-134, R-237, R-780. (In Russian)

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 1, 175, P-1. (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the authors

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior Researcher in the Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 654.197 (470)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-90-99

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

Гульфия Джамаловна Базиева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gulfiyabaziyeva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

© Г.Д. Базиева, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия государственных органов власти и общественных организаций по сохранению этнокультурных традиций народов, проживающих на территории Кабардино-Балкарской Республики. Основные задачи культурной политики РФ в настоящий период направлены на сохранение и развитие этнокультурной идентичности, формирование гражданского общества с тесным взаимодействием всех управленческих структур, усиление развитие индустрии культуры с использованием новых информационно-коммуникационных технологий. В числе основных целей государственной культурной политики КБР обозначены: сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для народов республики ценностей, норм, традиций и обычаев. Культурное программирование создает системные основания для реализации национальной политики, обеспечивающей межрегиональное взаимодействие с различными субъектами РФ и укрепление идей государственности. Выделены основные направления деятельности национально-культурных центров КБР нетитульных этносов республики: участие в формировании гражданской идентичности и упрочении российского патриотизма, реализация национальных проектов и программ, направленных на устойчивое развитие социума, противодействие национализму, ксенофобии, экстремизму, взаимодействие с органами управления. Подчеркивается важная роль Кабардино-Балкарского фонда культуры им. В.Х. Ворокова в гуманизации общественного сознания, в формировании конструктивного сотрудничества. Задача построения гражданского общества в современной Кабардино-Балкарии требует всесторонних действий в области образования, культуры социального развития и местного самоуправления.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, гражданская идентичность, национальная культура, национально-культурные объединения, культурная политика, государственное программирование

Для цитирования: Базиева Г.Д. Государственная поддержка национально-культурных центров Кабардино-Балкарии // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 90–99. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-90-99

Original article

**STATE SUPPORT FOR
NATIONAL CULTURAL CENTERS OF KABARDINO-BALKARIA**

Gulfiya Dz. Bazieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gbaz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1860-9856>

© G.D. Bazieva, 2025

Abstract. The article discusses the problems of interaction in the work of state authorities and public organizations to preserve the ethnocultural traditions of peoples living in the territory of the Kabardino-Balkarian Republic. The main tasks of the cultural policy of the Russian Federation in the present period are aimed at preserving and developing ethnocultural identity, forming a civil society with close interaction of all management structures, strengthening the development of the cultural industry using new information and communication technologies. Among the main goals of the state cultural policy of the KBR are: preservation of historical and cultural heritage and its use for upbringing and education; transmission from generation to generation of values, norms, traditions and customs traditional for the peoples of the republic. Cultural programming creates systemic grounds for the implementation of national policies that ensure interregional interaction with various constituent entities of the Russian Federation and strengthen the ideas of statehood. The main activities of the national-cultural centers of the KBR of non-titular ethnic groups of the republic are highlighted: participation in the formation of civic identity and strengthening of Russian patriotism, the implementation of national projects and programs aimed at sustainable development of society, countering nationalism, xenophobia, extremism, interaction with governing bodies. The important role of the Kabardino-Balkarian Cultural Foundation named after V.Kh. Vorokova in the humanization of public consciousness, in the formation of constructive cooperation. The task of building a civil society in modern Kabardino-Balkaria requires comprehensive action in the field of education, culture of social development and local self-government.

Keywords: Kabardino-Balkaria, civic identity, national culture, national-cultural associations, cultural policy, state programming

For citation: Bazieva G.D. State support for national cultural centers of Kabardino-Balkaria. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 90–99. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-90-99

В современный период проекты целевых программ развития культуры народов КБР предусматривают целый ряд новых направлений развития гражданского общества, основанного на принципах уважения и согласия (культурно-образовательные проекты гуманитарного профиля (авторские курсы, радио, кинематограф, распространение звуко- и видеозаписывающих устройств, телевидение и интернет проекты), формирование концептуального изучения культуры и ментальности народов, проживающих на той или иной территории на уровне электронных СМИ и др.). Необходима выработка нового направления культурологического знания, соответствующего доминирующим формам восприятия и мышления современной молодежи. Открытая система гражданского общества, ориентированная на диалог культур, должна соответствовать интеллектуальному уровню национального и мирового гуманитарного знания.

Массовая культура, информатизация и компьютеризация, обновление печатно-множительной продукции, расширение информационно-коммуникативных систем создают новые смыслы и ценности. «Конституция Российской Федерации закрепляет статус культуры как уникального наследия многонационального народа Российской Федерации, поддерживаемого и охраняемого государством, и уполномочивает Правительство Российской Федерации на обеспечение проведения единой социально-ориентированной государственной политики в области культуры» [Президент 2014].

Изменение динамики культурных взаимодействий связано с формированием глобальных потоков, формирующих транснациональную культуру. В этой связи этнические, региональные и социокультурные ценности призваны формировать гражданскую и культурную идентичность на основе идей государственности, противостоять массовым унифицирующим ценностям, направленным только на удовлетворение собственных индивидуальных потребностей.

Государственная поддержка Национально-культурных центров (НКЦ) КБР осуществляется в рамках культурного программирования, направленного на выполнение следующих задач: распространение идей патриотизма и гражданственности, расширение связей с соотечественниками, проживающих в других республиках РФ или за рубежом, упрочение идей миролюбия и гуманизма, пропаганда ценностей этнических культур в мировом глобальном пространстве. В современный период государственная поддержка некоммерческих организаций КБР носит структурный и плановый характер: повышается квалификация представителей некоммерческого сектора, предоставляются субсидии на реализацию социальных проектов, оказывается информационная поддержка, организационно-методическое сопровождение деятельности и др.

В 2019 году Правительством Кабардино-Балкарской Республики была принята программа «Взаимодействие с общественными организациями и институтами гражданского общества в Кабардино-Балкарской Республике», в русле которой осуществляется поддержка общественных и религиозных организаций, гармонично развиваются межнациональные и межконфессиональные отношения, в том числе с соотечественниками за рубежом и др. В частности, в рамках программы работает несколько подпрограмм: «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов Кабардино-Балкарской Республики», «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию», «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» и др.

В настоящий период в Кабардино-Балкарии зарегистрированы общество русской истории и культуры «Вече», отделение Союза армян России «Ахбюр», региональная казачья культура, общественная организация турков-месхетинцев «Ватан ёлунда», белорусская общественная организация «Сябры» (движение за единение), а также 10 национально-культурных центров (азербайджанский «Азери», татарский «Туган Тел», корейский «Самчели», эстонский «Кодумаа», осетинский «Ныхас», грузинский «Риони», дагестанский «Дагестан», абхазский «Абхазия», украинский «Днипро», «Казачий культурный центр») и межнациональный культурный центр «Сплочение».

В координации работы НКЦ КБР ведущую роль играет Кабардино-Балкарский фонд культуры (начал работу в ноябре 1987 года, в апреле 1999 года была произведена перерегистрация «Некоммерческая общественно-государственная организация Кабардино-Балкарский фонд культуры»). Председателем фонда со дня его основания являлся заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза журналистов, кинематографистов РФ, Генеральный директор независимой общественной телерадиокомпании «Нальчик» – председатель Кабардино-Балкарского фонда культуры, кавалер ордена «Дружбы» В.Х. Вороков (1936–2020).

В 2023 году Кабардино-Балкарскому фонду культуры было присвоено имя В.Х. Ворокова. В настоящий период фонд культуры курирует деятельность десяти НКЦ и шести общественных организаций. В своей деятельности фонд проводит активную работу по возрождению, сохранению и пропаганде культурно-исторического наследия народов КБР и руководствуется «Стратегией государственной национальной политики РФ на период до 2025 года».

Одним из основных направлений деятельности НКЦ является участие в формировании гражданской идентичности и упрочении российского патриотизма. В фестивале «Единство – наша сила» в 2024 году приняли участие более 400 человек. Фестиваль, который проводится в республике с 2007 года, призван формировать патриотические чувства, гражданскую и этнокультурную идентичность народов КБР. Особенно актуальны проблемы идентичности для малочисленных народов, к которым относятся и нетитульные этносы Северного Кавказа: белорусы,

украинцы, татары, корейцы, грузины, осетины и др. «Культура – это система человеческих ценностей. И отношение к ним как к ценностям определяет духовное состояние людей. Мать, Родина, Семья, Любовь, Жизнь, Вера – это не просто явления биологические, географические или социальные. Это ценности, отношение к которым и сопрягает растущую личность с культурой» [Вересов 2005: 193].

В 2024 году в Кабардино-Балкарском фонде культуры им. В.Х. Ворокова состоялась круглые столы «Роль общественных организаций в сохранении мира и согласия», «Семьи без границ: единство в многообразии», организованные совместно с региональным отделением «Ассамблеи народов России» в КБР. Руководители НКЦ и участники отметили, что сохранение стабильности и согласия в республике, а также семейных ценностей являются первоочередной задачей каждой культурно-просветительской организации.

Ежегодно в фонде культуры проводятся мероприятия, посвященные патриотической тематике. Так, в 2024 году состоялось около 70 мероприятий, организованных фондом культуры в школах, средних специальных и высших учебных заведениях, библиотеках и т.д. При поддержке Министерства культуры КБР, Министерства национальностей и общественным проектам КБР, администрации г. Нальчика проводятся встречи с деятелями культуры и искусств: проект «Читающий Нальчик», конкурс «Поддержка молодых талантов» (конкурсы детских рисунков и вокалистов), а также мероприятия совместно с ДШИ №1, посвященные различным юбилейным датам. Представители НКЦ активно сотрудничают с Международной Черкесской организацией, общественной организацией балкарского народа «Алан», учебными заведениями республики.

В фонде культуры с участием всех НКЦ проводятся также юбилейные торжества, посвященные выдающимся деятелям национальной культуры: композитору Комитасу и писателю Ованесу Туманяну (2009), (организатор: армянский национально-культурный центр «Ахбюр», ежегодно осетинский центр «Ныхас» отмечает юбилей К. Хетагурова, в 2010 году совместно с эстонским центром «Кодумаа» в фонде культуры состоялся вечер, посвященный 90-летию Народного артиста СССР Георга Отса, в 2024 году азербайджанский НКЦ «Азери» провел вечер памяти Рашида Бейбутова и др. На таких мероприятиях звучат поэтические и музыкальные произведения, экспонируется выставка профессиональных и самодеятельных художников, выступают представители диаспор, а также научной и творческой интеллигенции республики.

По словам профессора А. Дадашева, руководителя НКЦ «Азери», «целью создания центра является знакомство жителей КБР с азербайджанской культурой» [Многоголосая 2025]. С 2003 г. азербайджанская диаспора Кабардино-Балкарии отмечает Новруз-байрам. В первом праздничном торжестве участвовали более ста человек разных национальностей. Активисты НКЦ «Азери» (Ш. Бабаев, С. Багиров, С. Гасымов, Р. Керимов, А. Мамедов, Ф. Набиев, А. Мурадова, А. Аскерова, Ф. Шахпазов и др.) постоянно принимают участие в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии, стараются приобщить молодежь к историческому и культурному наследию своего народа.

Пропагандой культурных традиций казачества занимается также «Терско-Малкинское окружное казачье общество», которое было учреждено 12 июля 2010 г. Общество во время новогодних школьных каникул проводит праздник «Атаманская елка», а также организует военно-спортивные турниры, осуществляет шефские связи с воинскими частями. В сентябре 2014 г. в Майском муниципальном районе прошли военно-патриотические молодежные игры «Казачьи лагеря» на призы атамана Терско-Малкинского окружного казачьего округа, направленные на физическое и патриотическое воспитание молодежи. Общество проводит также спортивные турниры, посвященные памяти генерал-майора авиации, Героя Советского Союза Н. Диденко, Героев Российской Федерации Д. Ветчинова и П. Пуркина, адмирала флота А. Головки. Терско-Малкинский округ

сотрудничает с межрегиональным общественным движением «Терское казачье войско», входящим в Общероссийское казачье объединение «Союз казаков России» [Многоголосая 2025].

В рамках программы по сохранению и воспроизведению этнической, культурной и языковой самобытности НКЦ КБР совместно с фондом культуры проводят этнографические и тематические вечера, Дни памяти, традиционные национальные и религиозные праздники, празднуют юбилеи и т.д. (мусульманские центры отмечают «Курбан-байрам», «Науруз-Байрам», «Сабантуй» («НКЦ «Дагестан», «Азери», «Туган Тел»), «День независимости Белоруссии» празднует НКЦ «Сябрь», отмечаются и христианские праздники (рождественские вечера, пасхальные мероприятия, масленица и т.д.) [Базиева 2013: 121].

В сентябре 2011 г. председатель дагестанского НКЦ И. Сурхайханов был приглашен на открытие «Памятника единства» – яркого символа единения и многовековой дружбы дагестанских народов, открытого 14 сентября в селе Кумух Лакского района накануне празднования Дня единства народов Дагестана. Памятник символизирует победу объединенных сил горцев над полчищами Надир-шаха в 1741 году. В центре мемориала фигура хана Муртазали Казикумухского, возглавляющего войско. Автором памятника является скульптор М. Алиев, для которого открытие мемориала стало самым знаковым событием 2011 г. «Тогда, 270 лет назад, все собрались в одну упряжку и разбили захватчика, который нес угрозу многим государствам. Это был большой, замечательный праздник в горах, а ведь мои земляки давно тоскуют по таким праздникам [Вестник 2011].

В направлении *актуализации реализации национальных проектов и программ*, проводятся мероприятия, направленные на устойчивое развитие социума. «Культура в целом, особенно современная, располагает большим арсеналом социоинформационных технологий, а также институтов, выполняющих роль социального механизма по отношению к культуре» [Народная 2000: 25]. При фонде культуры создан молодежный совет, в состав которого входят представители из различных НКЦ республики. В средних специальных заведениях представители молодежного совета проводят этнические вечера, посвященные культуре народов КБР. Ежегодно фонд культуры принимает участие в проекте «Читающий Нальчик», в рамках которого организуются встречи с писателями, поэтами, деятелями культуры КБР. Так, в 2024 году были организованы встречи с Юрусланом Болатовым, Султаном Катанчиевым, Азнором Сарбашевым, Дыжин Чурей и др.

С 2006 года по 2017 год НКЦ «Туган тел» возглавляла С.Ш. Савченко (Фахретдинова), с 2018 года руководителем татарского центра «Туган тел» является Ф.М. Хатажукова (Назимутдинова). Центр принимал активное участие в фестивалях «Мир Кавказу», «Единая Россия», в проведении этнографического праздника «Венок дружбы». В 2007 году НКЦ был награжден Дипломами партии «Единая Россия».

Представители центра принимают участие в форуме татарской молодежи в г. Казань, на котором проводятся обучающие программы, семинары-тренинги, флэшмобы. семинары-тренинги. В рамках проекта «Диалог культур» ежегодно проводится «День татарской культуры». В 2017 году на Втором Всероссийском молодежном образовательном форуме «Золото тюрков» делегаты из КБР студенты КБГУ и СКГИИ представили два проекта: колыбельные песни тюркоязычных народов и обучающую программу по декоративно-прикладному искусству карачаевцев и балкарцев «Алтын кьол». Татарский центр в Атажукинском саду г. Нальчика празднует «Сабантуй», на который приглашаются все жители республики. В программе мероприятия: концертная программа, традиционные татарские игры, торжественное чаепитие со знаменитыми сладостями «чек-чек».

Ансамбль белорусского центра «Каларыт» вошел в справочник самодельных творческих коллективов белорусов России, выпущенный в октябре 2009 года

Министерством регионального развития РФ (руководитель ансамбля – Т.В. Чумакова является автором песни «Беларусь-Россия»). НКЦ турков-месхетинцев «Ватан ёлунда» (руководитель засл. работник культуры КБР Б.А.Ампашулин) имеет несколько музыкальных коллективов и танцевальную группу. В 2017 году НКЦ отметил десятилетний юбилей, который проводился в г. Майском. Центр отмечает такие праздники, как «День национальной культуры», «Праздник весеннего равноденствия Навруз-байрам» и др.

Украинский национально-культурный центр «Днипро» проводит праздники национальной культуры: «Україно, моя Україно!», вечера, посвященные юбилеям выдающихся писателей и поэтов Ивана Франко, Тараса Шевченко, Леси Украинки и др. В рамках проекта «Диалог культур» центр регулярно проводит открытый урок по истории и культуре украинского народа «День украинской культуры».

Летом 2016 г. члены ОД «За единение – «Сябры»» участвовали в открытии международной летней школы «Корни дружбы наших народов – в нашей истории», организованной на базе КБГУ при финансовой поддержке фонда «Русский мир». Студенты КБГУ и Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина (Республика Беларусь), а также учащиеся филологического класса МОУ СОШ №20 г. Нальчика слушали лекции профессоров, доцентов КБГУ и доктора исторических наук, профессора Тбилисского государственного университета Д.Д. Квициани на актуальные в контексте проблематики проекта темы. В своем выступлении он отметил, что цель проекта – содействие формированию культуры межэтнической толерантности, утверждению роли русского языка как языка межнационального общения, мира и дружбы – максимально достигнута [Многоголосая 2025].

В 2002 г. Урванский район Кабардино-Балкарии стал побратимом древнего города Дербента (РД). За годы дружбы налажены прочные связи в образовании, культуре, спорте, региональном туризме. Дети из КБР и РД совместно участвовали в различных фестивалях и олимпиадах. В 2015 г. большая делегация из КБР посетила праздничные юбилейные мероприятия в честь 2000-летия г. Дербента. Особую активность в Днях культуры КБР и спортивных соревнованиях проявили представители Урванского района, хорошо знакомые с культурой, национальной кухней и товарной продукцией РД. Одним из главных вопросов деятельности представителя РД в КБР также является взаимодействие с землячеством, с НКЦ «Дагестан», который действует при Кабардино-Балкарском фонде культуры. Н. Шамсиев награжден Почетной грамотой Министерства по СМИ, общественным и религиозным организациям КБР (2014). За достигнутые трудовые успехи и многолетнюю плодотворную работу отмечен Почетным знаком Республики Дагестан «За любовь к родной земле» (2016).

9 ноября 2010 г. Министерством по делам молодежи и работе с общественными объединениями КБР в рамках проекта «Диалог культур» был организован «День дагестанской культуры» в Нальчикском филиале Белгородского университета потребительской кооперации. Целью мероприятия было знакомство студентов университета с историей, культурой и географией расселения дагестанских народов). Большой интерес у студентов вызвали книжная выставка (произведения Расула Гамзатова, книги о национальных танцах дагестанских народов и истории Дербента) и документальный фильм о Дербенте (основные памятники и храмы Дербента, традиции и обычаи его жителей).

В рамках программ, направленных на *противодействие национализму и экстремизму*, проводятся круглые столы, конференции, встречи представителей из различных республик Северного Кавказа. В 2013 г. в Нальчик с двухдневным визитом прибыла делегация из Республики Дагестан во главе с министром по национальной политике А. Гасановым. В рамках встречи состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Минспорттуризмом КБР и Комитетом по туризму

Республики Дагестан в целях возобновления туристических поездок жителей КБР к Каспийскому побережью, а представителей многонационального Дагестана – в Приэльбрусье.

В Фонде культуры КБР состоялась встреча дагестанской делегации с руководителями национально-культурных центров. Дружеский диалог объединил представителей дагестанской и других диаспор, лидеров молодежных движений и студентов из Дагестана, обучающихся в вузах КБР. «Цель нашей поездки – познакомиться с коллегами министерств и ведомств соседних республик лицом к лицу для налаживания взаимного сотрудничества, поговорить о наших общих проблемах и возможных путях их решения, оценить работу Представительства Республики Дагестан в Республике Кабардино-Балкарии, встретиться с дагестанской диаспорой и обсудить волнующие их вопросы» [Делегация 2024], – сказал в своем приветствии руководитель делегации, министр по национальной политике Республики Дагестан А. Гасанов. В результате этой встречи были внесены предложения о создании Дома дружбы в Дагестане и проведении совместных фестивалей, концертов, выставок.

В 2014 г. в Государственной национальной библиотеке Кабардино-Балкарии прошел вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Расула Гамзатова. В нем приняли участие официальный представитель главы Дагестана в КБР Н. Шамсиев, председатель НКЦ «Дагестан» художник И. Сурхайханов, народный поэт КБР А. Созаев, поэт Ю. Болатов, директор музея-усадьбы К. Кулиева Ф. Кулиева, доктор филологических наук Н. Смирнова, студенты колледжа информационных технологий КБГУ и Северо-Кавказского государственного института искусств.

В ноябре 2013 г. на празднование десятилетнего юбилея НКЦ «Кодумаа» приехала делегация посольства Эстонии в Москве в составе советника-посланника Лавури Куузинг, советника по культуре Хелене Тедре, пресс-атташе Регины Паланди. На встрече с гостями министр культуры КБР Мухадин Кумахов отметил: «Россия всегда была богата разнообразием народов, проживающих в равноправии на ее необъятной территории. Дружба народов – главная ценность, которую мы должны сохранить и передать нашим потомкам. Желаю мира и процветания нашим народам» [Многоголосая 2025].

В феврале 2009 г. председателем грузинского НКЦ «Риони» был избран А.Б. Лобжанидзе (с 1988 по 2009 год руководителем центра являлся Г.Б. Лобжанидзе – почетный строитель России). Деятельность национального центра направлена на изучение исторического наследия грузинского народа, на сохранение его культуры, языка, народных традиций и обычаев, а также на формирование межнациональных отношений на основе принципа равноправия и взаимоотношения всех народов. Члены «Риони» активно участвуют в общественной жизни Кабардино-Балкарии, в республиканских и городских мероприятиях, таких как «Диалог культур», «Национальная кухня» и др. В рамках проекта «Диалог культур», целью которого является знакомство молодежи с этническим многообразием Кабардино-Балкарской Республики, активистами НКЦ «Риони» были проведены встречи со школьниками г. Нальчика, на которых было рассказано об истории, традициях, обычаях и географии Грузии.

Благодаря тесному сотрудничеству грузинского центра с Министерством по делам диаспор Грузии, между Кабардино-Балкарской Республикой и Республикой Грузия осуществляется обмен опытом по сохранению национально-культурных традиций. В 2016 г. в церемонии открытия международной летней школы «Корни дружбы наших народов – в нашей истории», организованной на базе КБГУ им. Х.М. Бербекова при финансовой поддержке фонда «Русский мир» принял участие руководитель грузинского НКЦ «Риони» А. Лобжанидзе. Участники школы – студенты КБГУ, Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина (Республика Беларусь), а также учащиеся филологического класса МОУ СОШ

№ 20 г. Нальчика – слушали лекции профессоров, доцентов КБГУ и доктора исторических наук, профессора факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета Д. Д. Квициани на актуальные в контексте проблематики проекта темы. После завершения школы все ее участники получили сертификаты, а победители и призеры различных конкурсов были награждены грамотой КБГУ.

Культурно-образовательные программы НКЦ направлены на сохранение этнической идентичности и развития толерантных отношений в современном поликультурном пространстве через изучение культуры других народов РФ. В современных исследованиях подчеркивается, что необходимо выявлять роль вызовов и рисков для социальной и национальной безопасности, «эффекты дестабилизации миропорядка усиливаются под воздействием растущей внутри современных обществ конфликтности» [Семененко 2021: 58].

Деятельность НКЦ КБР стала основой национального и гражданского согласия и добрососедских отношений на территории Кабардино-Балкарии. Формирование системы государственной поддержки культурно-просветительской работы НКЦ, а также конструктивный диалог между органами местного самоуправления способствует укреплению межнационального согласия, развитию межкультурных отношений. Формы и методы взаимодействия государственной власти и некоммерческого сектора национально-культурных объединений должны носить не эпизодический, а системный характер.

В современный период необходимо продолжить работу по совершенствованию законодательной базы как на федеральном, так и на региональном уровнях с целью защиты национальных меньшинств; развивать взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с общественными объединениями по духовно-нравственному воспитанию населения и использованию культурных ценностей для сохранения гражданского мира и согласия; оказывать содействие национально-культурному взаимодействию, укреплению толерантности и профилактике экстремизма, прежде всего, в молодежной среде. Потенциал активного развития национально-культурного движения можно использовать в целях распространения позитивного опыта в реализации культурно-образовательной, просветительской, гуманитарной составляющей. Межкультурный диалог может быть обеспечен с помощью перспективных подходов в современном культурном программировании, в том числе: создание и внедрение в общественную практику интегрированных курсов с учетом этнокультурного компонента, разработка авторских инновационных программ и проектов, учитывающих государственную (общероссийскую), национально-региональную и местную (локальную) специфику, разработка и реализация мероприятий по пропаганде этнокультурного наследия народов России.

Реализация задач культурного программирования предполагает координацию деятельности, осуществляемой правительственными и неправительственными организациями, создание информационной базы и сетей для обслуживания и развития инициатив, направленных на поддержку НКЦ Кабардино-Балкарии.

Список источников и литературы

Аствацурова 2008 – *Аствацурова М.А.* Диаспорный дискурс: актуальные обобщения и перспективные направления развития в полиэтничном макрорегионе // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. 9–10 октября 2008. С. 17–20. 400 с.

Багдасарова 2009 – *Багдасарова А.Б.* К проблеме изучения и сохранения этнической культуры в полиэтничном регионе // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности. Мат-лы Всероссийской научной конф. 9–10 июня 2009. Ростов-на-Дону, 2009. С. 39–41. 400 с.

Базиева 2013 – *Базиева Г.Д.* Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик: КБИГИ, 2013. 163 с.

Вересов, Мельников 2005 – *Вересов Н., Мельников А.* Образование и культура: нереальные цели и реальные ценности // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество / Рос. институт культурологии. М.: Академ.проект, 2005. 528 с.

Вестник 2011 – *Вестник. Северный Кавказ.* № 5–6. 2011 // URL: <http://www.severnykavkaz.ru/.../2011/#!/729> (Дата обращения 12.08.2024).

Многоголосая культура народов Кабардино-Балкарии // URL: <http://гнбкбр.рф/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/cossacks/> (Дата обращения: 23.07.2025).

Делегация из Дагестана во главе с Алексеем Гасановым посетила Кабардино-Балкарию с двухдневным визитом // URL: www.minnaz.ru (Дата обращения 21.08.2024).

Народная культура в современных условиях / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии; Отв. ред. Н.Г. Михайлова. М.: РИК, 2000. 219 с.

Семененко, Лапкин, Пантин 2021 – *Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации. Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 58. 56–77 с. // URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.2005>.

References

ASTVACUROVA M.A. *Diaspornyj diskurs: aktual'nye obobshcheniya i perspektivnyye napravleniya razvitiya v polietnichnom makroregione* [Diaspora discourse: current generalizations and promising directions of development in a multi-ethnic macroregion]ю IN: Polietnichnyj makroregion: yazyk, kul'tura, politika, ekonomika. 9–10 oktyabrya 2008. 400 p. (In Russian)

BAGDASAROVA A.B. *K probleme izucheniya i sohraneniya etnicheskoy kul'tury v polietnichnom regione* [To the problem of studying and preserving ethnic culture in a multi-ethnic region]. IN: Nacional'nye elity i problemy social'no-politicheskoy i ekonomicheskoy stabil'nosti. Mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konf. 9–10 iyunya 2009. Rostov-na-Donu, 2009. P. 39–41. 400 p. (In Russian).

BAZIEVA G.D. *Etnicheskaya kul'tura narodov KBR v usloviyah sovremennyh transformacij: kul'turologicheskij analiz* [Ethnic culture of the peoples of the CBD in the conditions of modern transformations: cultural analysis]. Nal'chik: KBIGI, 2013. 163 p. (In Russian).

VERESOV N., MEL'NIKOV A. *Obrazovanie i kul'tura: nereal'nye celi i real'nye cennosti* [Education and culture: unrealistic goals and real values]. IN: In the perspective of cultural studies: everyday life, language, society. Ros. institut kul'turologii. M.: Akadem.proekt, 2005. 528 p. (In Russian).

Mnogogolosaya kul'tura narodov Kabardino-Balkarii [Polyphonic culture of the peoples of Kabardino-Balkaria]. URL: <http://гнбкбр.рф/wp-content/uploads/proects/culture/ethnos/cossacks/> (Data obrashcheniya: 23.07.2025).

Delegaciya iz Dagestana vo glave s Alekseev Gasanovym posetila Kabardino-Balkariyu s dvuhdnevnyim vizitom [A delegation from Dagestan led by Alexei Hasanov visited Kabardino-Balkaria on a two-day visit]. URL: www.minnaz.ru (Data obrashcheniya 21.08.2024). (In Russian)

Narodnaya kul'tura v sovremennyh usloviyah [Folk culture in modern conditions]. M-vo kul'tury RF. Ros. in-t kul'turologii; Отв. ред. N.G. Mihajlova. M.: RIK, 2000. 219 p. (In Russian)

Prezident Rossijskoj Federacii. Ukaz ot 24 dekabrya 2014. № 808 «Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki» [On approval of the foundations of state cultural policy] (As amended by Decrees of the President of the Russian Federation] (V redakcii Ukazov Prezidenta RF ot 25.01.2023 № 35, ot 17.07.2025 № 487). (In Russian)

SEMENENKO I.S., LAPKIN V.V., PANTIN V.I. *Social'nye razmezhevaniya i politicheskie protivostoyaniya v nauchnom diskurse: kriterii ocenki i klassifikacii.* [Social demarcations and political confrontations in scientific discourse: evaluation and classification criteria]. IN: Polis. Politicheskie issledovaniya. 2021. № 5. S. 58. 56–77 s. // URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.2005>. (In Russian)

Vestnik. Severnyj Kavkaz [Herald North Caucasus]. №5-6. 2011 // URL: <http://www.severnykavkaz.ru/.../2011/#!/729> (Data obrashcheniya 12.08.2025). (In Russian)

Информация об авторе

Г.Д. Базиева – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этнологии.

Information about the author

G.D Bazieva – Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher of the Sector of Ethnology.

Статья поступила в редакцию 27.10.2025; одобрена после рецензирования 17.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 27.10.2025; approved after reviewing 17.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-100-109

АДЫГЭ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС) БЗЭЦІЭНЫГЪЭМ ЛЕКСИКОЛОГИЕМ ШИУБЫД УВЫПІЭР

БиццІо Борис Чэмал и къуэ

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» Федеральнэ шІэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© БиццІо Б.Ч., 2025

Аннотацэ. Яджыр сыт хуэдэ бзэми, абы емылыгытауэ псом я дежи нэхъ гульыгъэ шызыгыуэтыр грамматикэм ехъэллэ Іуэхугъуэхэрщ – морфологием, синтаксисым, фонетикэм. Ауэ бзэцІэныгъэм инэхъыбапІэм къежъапІэ хуэхъур бзэм и псалъэхэр зэхуэхъэсынырщ. Адыгэбзэм и дежи аращ Іуэхур къызэрежъар – XVII лІэщІыгыуэм шыщІэдзауэ тхылъхэм ихуэу хуежъащ адыгэ псалъэхэр. Абы, дауикІ, къыкІырккъым ди бзэцІэныгъэми абдеж къыщыщІидзауэ: XX лІэщІыгыуэм ипэ иту дунейм материал къытехъахэм шІэныгъэ тегъэщІапІэ яІуэ къахэпхыфынур Нэгумэ Шорэрэ Лопатинский Леврэ я ІэдакъэщІэкІхэрщ. МыдэкІэ адыгэбзэм тхыбзэ игъуэту ар джыныр къэрал Іуэху шыхъуар 1920–30 гъэхэрщ. ИкІи абы лъандэрэ лексикологием, адрей унэтІыныгъэхэми хуэдэу, зиужь, ефІакІуэ зэпъгурэ ди нобэм къэс къокІуэкІ. Мы статьям къалэну шыдгъуэвар а гъуэгуанэ къыхъым (лІэщІыгыуэ псо хъум) дриплъэу ар зыхунэсамрэ дяпэкІэ злэжъын хуейуэ къэнахэмрэ утыку къилъхъэнырщ. Мыпхуэдэ проблемэхэм теухуа тхыгъэ иужьу къызэрыдэкІрэ илгъэс 30 хуэдиз хъуащ, гурыІуэгъуэщ абы лъандэрэ шІэныгъэри и пІэм зэримытар, аращи, гульыгъэ хэха зыхуэтщІыр иужьрей зэманым дунейм къытехъа, иджыри зыри зытемыпсэлъыхъа лъэхъэнэрщ. Къэхутэныгъэ Іэмалу къэдгъэсэбэпаш зэхуэхъэсыныгъэр, зэпкърыхыныгъэр, къызэщІэкъуэныгъэр. Мыпхуэдэ къызэщІэзыкъуэ лэжъыгъэм мыхъэнэ иІуэ догугъэ лексикэм дяпэкІэ елэжъынухэм, адыгэ бзэцІэныгъэм и тхыдэр зэфІэзыгъуэвэжъынухэм, ар предмету еджапІэм щезыгъэджынухэм я дежкІэ.

Зэрыгуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, лексикология, лексикэ, мыхъэнэ, этимология, диалект, лексикография, псалъалгъэ, семасиология, ономасиология

Цитатэ къызэрыхэпхыну: БиццІо Б.Ч. Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) бзэцІэныгъэм лексикологием шиубыд увыпІэр // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 100–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-100-109

Original article

THE PLACE OF LEXICOLOGY IN KABARDINO-CIRCASSIAN LINGUISTICS

Boris Ch. Bizhoviev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bizhoviev1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© B.Ch. Bizhoviev, 2025

Abstract. Regardless of the language under study, when it comes to linguistics, the most important task is considered to be the writing of a grammar—that is, morphology, syntax, and, usually, phonetics, which are included in grammar. However, as the history of vocabulary development shows, language study begins not with these, but with the collection of a language's lexical composition. The Kabardino-Circassian language is no exception to this rule. Words from this language began to appear in varying quantities in various publications beginning in the 17th century. This does not mean that a national study of this language arose at that time: of all that was published before the 1920s and 1930s, the only works that can be relied upon as scientific material are those of Sh.B. Nogmov and L.G. Lopatinsky. Scientific study of this language became a state matter only with the establishment of Soviet power. From that moment on, lexicology, like other areas of Adyghe studies, has continued to develop to this day. This article aims to analyze the centuries-long path traversed by national lexicology and identify the results it has achieved and the remaining issues that need to be addressed in the future. About a quarter of a century has passed since this topic was first addressed, so it is clear that it is time to summarize all the new developments in this field during this period and to redefine the preceding period. The research methods included collecting, analyzing, and synthesizing all the scholarly literature on the lexicology of the Kabardino-Circassian language.

Such a comprehensive work on vocabulary will be useful for those who will further develop the problems of lexicology, as well as for those who teach the history of Adyghe linguistics.

Keywords: Kabardino-Circassian language, lexicology, vocabulary, meaning, etymology, dialect, lexicography, dictionary, semasiology, onomasiology

For citation: Bizhiov B.Ch. The Place of Lexicology in Kabardino-Circassian Linguistics // Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 100–109. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-100-109

Научная статья

МЕСТО ЛЕКСИКОЛОГИИ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Борис Чамалович Бижоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bizhiov1952@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8193-7126>

© Б.Ч. Бижоев, 2025

Аннотация. Независимо от того, какой язык является объектом исследования, когда речь заходит о языкознании, важнейшей его задачей считается написание грамматики, то есть разработка морфологии, синтаксиса, а также обычно включаемой в грамматику фонетики. Между тем, как показывает история развития лингвистики, изучение языка начинается не с них, а со сбора лексического состава языка. Кабардино-черкесский язык в этом плане также не является исключением из правила. Слова из этого языка начали появляться в том или ином количестве в разных изданиях, начиная с XVII века. Это вовсе не значит, что национальная наука об этом языке возникла с тех времен: из всего того, что было обнаружено до 20-30-х годов XX века, опираться как на научный материал можно только на наследие Ш.Б. Ногмова и Л.Г. Лопатинского. А научное исследование указанного языка стало государственным делом лишь при установлении Советской власти. С этого момента лексикология, как и другие направления адыгovedения, развивается до наших дней. Цель настоящей статьи - проанализировать вековой путь, пройденный национальной лексикологией, и выявить достигнутые ею результаты, определить круг нерешенных проблем, над которыми нужно трудиться в будущем. Прошло около четверти века с того времени, когда появилась работа с подобной темой, поэтому понятно, что пора обобщить все новое, что произошло в науке на новом этапе, а также по-новому охарактеризовать предшествующий период. Методами исследования были сбор, анализ, обобщение всей научной литературы по лексикологии кабардино-черкесского языка.

Подобный обобщающий труд о лексике будет полезен для тех, кто в дальнейшем будет разрабатывать проблемы лексикологии, а также тем, кто преподает как предмет историю адыгского языкознания.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, лексикология, лексика, значение, этимология, диалект, лексикография, словарь, семасиология, ономазиология.

Для цитирования: Бижоев Б.Ч. Место лексикологии в кабардино-черкесском языкознании // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 100–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-100-109

«БзэщIэныгъэ» щыжаIэкIэ, абы епхауэ псом япэу нэгум кыщIыхьэр «грамматикэ» гурыIуэгъуэрщ, ауэ а щIэныгъэм и къэухьыр куэдкIэ нэхь инщ: грамматикэм, хабзэ зэрыхуауэ, хагъэхьэр морфологие, синтаксис унэтIыныгъэхэрщ, инэхьыбапIэм фонетикэри абыхэм дыщIагъу, бзэм и зэхэлъыкIэр арыншэу шызу джа зэрыхьунум кыхэкIкIэ. АтIэ а щымкIэ зэфIэкIыну пIэрэ бзэр къэхутэныр? Хьэуэ, зэфIэкIыркыым. Ар къэгъэнауэ, бзэхэр джын кыщрагъажьэр абыхэм я дежкыым, атIэ псалъэхэр зэхуэхьэсынымрэ абыхэм яIэ мыхьэнэхэр зэхэгъэкIынымкIэщ. Псалъэхэм ехьэлауэ щIэныгъэм нэхьыбэрэ кыщагъэсэбпыр «лексикэ» фIэщыгъэцIэрщ, грекыбзэкIэ абыи «псалъэ» мыхьэнэрщ иIэр. Псалъэр зищIысыр зэмыщхьурэ ягъэнаIуэ щIэныгъэлIхэм, мис абыхэм ящыщу нэхьыбэр зи акъылэгъур: «псалъэр – ар фIэщыгъэ занэщ, фонетикэ илъэныкыуэки, грамматикэ илъэныкыуэки зэкъуэпч мыхьу гъэпсыкIэрэ псалъафагъэрэ иIэу» [Шмелев 1977: 53].

Псалъэхэр джынымкIэ унэтIыныгъэм лексикологиекIэ йоджэ, ди бзэкIэ абы псалъэдж фIэпщ хьунуш. Псалъэхэр бгъэдыхьэкIэ зэмылIэужкыгъуэхэмкIэ зэпкърах. Къапщтэмэ, зы бзэм и псалъэхэр нэгъуэщIыбзэхэм я псалъэхэм ирагъапщэурэ. ИнэхьыбапIэм адыгэбзэр зыпэтлытыр дэ нэхь ди нэIуасэ урысыбзэрщ, ауэ абы имызакъуэу идогъапщэ инджылызыбзэми, хьэрыпыбзэми, тыркубзэми, нэгъуэщIхэми.

Зэпэзылгыт псалъэджыр, къалэн игъээщIэн хуейм теухуауэ, лъэныкыуитIу зэтокI: теорие псалъэджрэ практикэ псалъэджу. Япэрейм бзэщIэныгъэ къэхутэныгъэ «къабзэу», къэхутэн икIи егъэджын пщэрыль иIэмэ, етIуанэр зи ужь итыр бзэр зэбгъэщIэн папщIэ узыхуеинухэрщ, псом япэ иту пэжырытхэ, пэжырыпсалъэ, нагъыщэ гъэувыкIэ къалэнхэрщ.

Псалъэджым иIэщ «семантикэкIэ» еджэу къудамэ (грекыбзэкIэ – «кыкIыр», «кыиуатэр»). Псалъэм и семантикэр адыгэбзэкIэ псалъэм и мыхьэнэуэ зэбдзэкI мэхьу. Мыхьэнэри тIууэ зэтопщIыкI – лексикэ мыхьэнэрэ грамматикэ мыхьэнэрэ. Япэрейм лIэужкыгъуитIу убгъэдыхэ мэхьу: гъэпсыкIэм укыбгъэдэкрэ мыхьэнэм ухуэкIуэу е мыхьэнэм укыкIрэ гъэпсыкIэм хуэбунэтIу. Мис а унэтIыныгъэхэм епхауэ щIэныгъэм кыхегъэщхьэхуэки семасиологиерэ ономазиологиерэ. Семасиологие бгъэдыхьэкIэм деж дыщIоупщIэ: сыт мы псалъэм е псалъэ зэпхам кыкIымырэ къыгъэлыагъуэмрэ? Ономазиологием зэхигъэкIыр нэгъуэщIщ: мы мыхьэнэр кърагъэлыагъуэу бзэм сыт хуэдэ псалъэхэмрэ псалъэ зэпхэхэмрэ иIэ? Сыт мы предметым е къэхьугъэм и цIэр?

KIэщIу нэхь мыхьуми дриплэжынщ а унэтIыныгъэхэм я къежьэкIэ хьуамрэ абыхэм зэрызаужьамрэ я тхьэдэм.

Адыгэхэр нэхь ныбжьышхуэ зиIэ лъэпкъыу ЩIы хьурейм тетхэм дащыщми, ди бзэм теухуауэ нэхь тхыгъэжьдыдэудгъуэтыжыр XVII лIэщIыгъуэмкыщIэнахэрщ [Лавров 1957]. Нэхь убгъуауэ адыгэбзэр яджу хуежыащ XVIII лIэщIыгъуэм: Гюльденштедт И.А., Паллас П.С., Клапрот Г.Ю., Шегрен А.М., нэгъуэщIхэми я фIыгъэкIэ а лъэхьэнэм ди бзэм и шытыкIам теухуауэ ди деж хьыбар зыбжанэ къэхьэса хьуаш.

Псом хуэмыдэжу кыхэгъэщыпхьэщ Нэгумэ Шорэ Бэчмырзэ и къуэм и IуэхушIафэхэр. Абы и лэжыгъэхэр, ди жагъуэ зэрыхьунщи, тхылым щихуар езыр дунейм ехьжу лIэщIыгъуэ псо дэкIыжа нэужыщ [Ногма 1956; 1959]. Модрей зи цIэ кытIуахэм къащхьэщыкIыу, Шорэ мыр и анэдэлъхубзэти, абы нэхьыбэ хуээфIэкIащ, щIэныгъэшхуэ дыдэ имыла пэтми: ди бзэм и япэ грамматикэ, и япэ псалъалыи и Iэдакьэ кыщIэкIащ. Нэгумэм и Адыгэ-урыс псалъалыэм

къызэщIеубыдэ псалъэу 4253-рэ, абыхэм ящыщу 211-р цIэ унейрэ щIыпIэцIэрэщ. Абы къыкIыраши, мыр япэ адыгэ-урыс зэзидзэкI псалъалъэ къудей мыхъуу, икIи антропонимие, топонимикэ псалъалъи хъуаш. ЩIыпIэцIэхэр зэрэхэтыр апхуэдэуи щыхъэт тохъуэ псалъалъэм кIуэну псалъэхэр езы Шорэ къызэрыхихам. Ар къыщIыхэдгъэщыр псалъалъашхъэхэр абы хъэзыру урыс тхыльхэм кърихауэ жызыIэ щыIэщи аращ. Нэгумэм и лэжыгъэм и пщIэр ноби нэхъ лъахъшэ хъуакъым, сыту жыпIэмэ абы тхуихъумащ ди бзэм XIX лIэщIыгъуэм ипэхэм нэхъыбэу къыщагъэсэбэпу щыта псалъэхэр, абыхэм я къэпсэлъыкIэу щытар. Ар тегъэщIапIэ пщIыуэрэ пэжу зэфIыбогъэувэжыф ди бзэм нобэ домылъагъуж фонетикэ, псалъэ къэхъукIэ, псалъэ хъуэжыкIэ нэщэнэ зыбжанэ. Модрей бзэр зымыщIэхэм езыхэм зэрызэхыхым тещIыхъауэ икъукIэ зэблэшауэ ятхахэм апхуэдэу ии дзыхъ ебгъэмэ, ущагъэуэнкIэ хъунуш.

Нэгумэм иужькIэ зэманьфIкIэ (ильэс щэ ныкъуэ хуэдизкIэ) адыгэбзэм гульытэ игъуэтакъым. А Iуэхур къэзыIэтыжар Л.Г. Лопатинскэрщ. Абы Къэбэрдей грамматикэрэ Урыс-адыгэ псалъалъэрэ зы тхыльу Тифлис (Тбилиси) къыщыдигъэкIауэ щытащ [Лопатинский 1891]. Псалъалъэм къызэщIиубыдэрт урыс псалъэу 9000-рэ адыгэ псалъэу 7000-рэ. Адыгэ псалъэхэр зыгъэлабгъуэ Iыхъэ щхъэхуэ зэрыщIыгъуам и фIыгъэкIэ мыбы зэуэ псалъалъэ лIэужыгъуитIым – урыс-адыгэ, адыгэ-урыс – я къалэн игъэзашIэрт.

Лопатинскэм и псалъалъэм иужькIэ 1904 гъэм дунейм къытхъауэ щытащ лэжыгъэ пIащэфI, Баллинт Г. и Iэдакъэ къыщIэкIауэ, «Къэбэрдей-венгр-латин лексикон» и цIэу. Мыбы тегъэщIапIэ нэхъыщхъэу иIар Лопатинскэм и тхыльырт, ауэ абы нэмыщI нэгъуэщI хэкIыпIэхэри къыгъуэтри псалъэ зэридзэкIхэр нэхъыбэ ищIат. Ауэ мы псалъалъэр Венгриер арат щытрадзари, Къэбэрдейм абы щыщ къэсакъым, сэбэпи мыбы щыхъуакъым. Аращ Баллинт илэжъам пщIэи щIимыгъуэтар, ар шэч хэмыльу къилэжъ пэтми: сыт и уасэ, псалъэм папщIэ, абы ди бзэм Европэ щIэныгъэлIхэр щыгъуазэ хуищIауэ зэрыщыта къудейр!

Иджы лексикологием и гугъу тщIымэ, адыгэбзэ лексикологиемкIэ япэ лэжыгъэхэр зытхар урыс еджагъэшхуэ цIэрыIуэ Н.Ф. Яковлевырщ. 1920–30 гъэхэм абы жыджэру иджащ адыгэбзэм и псалъэхэр, псом хуэмыдэу гульытэ зыхуищIари абыхэм я социологие лэныкъуэмрэ семасилогиемрэщ. Адыгэбзэ лексикологием и лъабжэр ягъэтIылауэ жыпIэ хъунуш Яковлевым и мыпхуэдэ тхыгъэхэм: «Материалы для кабардинского словаря» (1927), «Черкесская культура по данным языка» (1928), къэбэрдей-шэрджэсыбзэм хуитха грамматикэмрэ (1948) адыгейбзэм хуитхамрэ (1941) псалъэм теухуауэ хэт Iыхъэшхуэхэм. Псалъэхэм ятеухуауэ Яковлевым къихута псоми я гугъу мыбдеж щытхуэщIынукъым – абы зы тхыль щхъэхуэ теухуэн хуейщ, ауэ нэхъыщхъэу, я мыхъэнэр ноби нэхъ мащIэ мыхъуауэ абыхэм яхэтхэр къэдгъэлыгъуэнщ: 1. Езы бзэм къыгъэщIа псалъэхэр я беагъ, къулейсызагъ илъэныкъуэкIэ зэрызэпкърихар. 2. Хьэрыпыбзэм, къэжэрыбзэм, тыркубзэм, урысыбзэм къыхиха псалъэхэр щэнхабзэ-тхыдэ, этимологие лэныкъуэхэмкIэ зэрызэпкърихар. 3. Зы пычыгъуэ фIэкIа мыхъу псалъэ, лъабжэ зэIухахэр къызэрыхигъэкIар, абыхэм я мыхъэнэ, макъзэхэлъыкIэ нэщэнэгъэлабгъуэ зэрахуищIар. 4. Зы пычыгъуэ фIэкIа мыхъу лъабжэ зэIухахэр зи щхъэ хушытрэ хушымыту зэрызэхигъэкIар. 5. Псалъэ зэхэлъхэм я нэхъыбапIэр зы пычыгъуэ фIэкIа мыхъу псалъэ, лъабжэ зэIухахэу зэпкърыуда зэрыхур къызэригъэлыгъуар. 6. КъуалэбзууцIэ языныкъуэхэм я мыхъэнэр мыгъэнэхуауэ е и кIэм нэсу пхуэмыгъэнахуэу зэрыщытым гу зэрылытар. 7. Адыгэ псалъэхэм «р» макъкIэ къригъажьэ зэрахэмытыр къызэригъэлыгъуар (мыбы иужькIэ адыгэбзэм и фонетикэ ухуэкIэм и нэщэнэ гуэрхэр къыщIигъэщаш).

Яковлевыр адыгэбзэм щелэжъа 1920–30 гъэхэм нэгъуэщI зы щIэныгъэлI цIэрыIуи а IэнатIэм пэрытащ – ар Н.С. Трубецкойщ. Кавказыбзэхэм ящыщ зыи абы гульытэншэ ищIакъым, ауэ псом хуэмыдэжу абы фIэгъэщIэгъуэну иджар абхъаз-адыгэ бзэ гупырщ. «Северокавказские словарные сопоставления» тхыльым

Трубецкоим шызэпилгытащ ищхэрэ кавказыбзэхэм я нэхыбапIэм я лексикэ занэу шэ, абыхэм ящыщу 15-р ди бзэ гупым зэдайуэ кыиггэлыггэуащ. Абхыз-адыгэбзэхэм я лексикэм ехьэлIауэ Трубецкойр зыхуэкIуа гупсысэр Яковлевым жиIэм техуэркыым, абы ди пасэрей псалгэ фондым кыыхегуатэ зы пычыггэуэ фIэкIа мыхьухэм кьадэкIуэу пычыггэуитIу зэхэлгхэри [Трубецкой 1987: 281–282].

Лексикологием и Гуэхуггэуэ зыбжанэм топсэлгыхь Турчанинов Г.Ф., Цаггэ М. сымэ я грамматикэри [Турчанинов, Цагов: 1940: 49–51].

КIэлгыплгыныггэ ггэщIэггэуэнхэр лексикэм ехьэлIауэ шриггэкIуэкIащ адыгэбзэм и псалгэ зэхэлгхэм ятеухуа и диссертатэм АбытIэ М.Л. (1948).

ПыухыкIауэ лексикэм и Гуэхуггэуэхэм темыхуаами, лексикологием иккыукIэ кыыхуэщхьэпаш Рогавэ Г.В. и тхылгыр: «К вопросу о структуре именных основ и категориях в адыгских (черкесских) языках» (1956).

Лексикэм елэжыым сэбэп кыыхуэхьун куэд яхиггэуэтэнущ Кьумахуэхэ Мухьэдинрэ Зарэрэ я кьэхутэныггэхэм. Ахэр теухуащ шIыпIэбзэхэмрэ псалгэкIэхэмрэ (Кумахов 1955, Кумахова 1960), псалгэ кьэхуэкIэхэм (Кумахов 1964), псалгэхьуэжым (Кумахов 1971), литературэбзэхэм я зыужыкIэм (Кумахова 1972), бзэм и стилхэм (Кумахов, Кумахова 1979), ззыгыапщэ-тхыдэ фонетикэм (Кумахов 1981), кавказпсэ бзэщIэныггэм (Кумахов 1984), адыгэ Гуэрыгуатэм и бзэм (Кумахов, Кумахова 1985; 1989), ззыгыапщэ-тхыдэ грамматикэм (Кумахов 1989).

Лексикологием и Гуэхуггэуэхэм ящыщунэхь гулгытэ иггэуэтэщ, лгэныкыуэ куэдкIэ кьэхута хьуащ ззыгыапщэ-тхыдэ аспектыр. А ехьулIэныггэр нэхыбэу я фIыщIэщ Балькьэр Б.Хь., Кьумахуэ М.И., Шаггыр I.Кь. сымэ. ПыухыкIауэ лексикологием и гуггэу тщIымэ, мыбдеж псом япэ и цIэ кьIуапхьэщ Шаггыр Iэмин – адыгэ бзэщIэныггэм а и унэтIыныггэм хэлхьэныггэшхуэ хуэзыщIам. А шIэныггэлIым и Iэдаккэ кыщIэкIащ мы тхылгхэр: Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков (1962), Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков (1977), Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков (1982), Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков (1989).

Бзэм и псалгэхэм зеггэужынымырэ абыхэм я бжыггэхэм кыыхэггэхьуэнымырэ, лексикэ микросистемэ земылIэужыггэуэхэм (зэпэщытыныггэ, мыхьэнэггэуэ, мыхьэнэбаггэ, IуэкIээщхьыггэ), адыгэбзэм урысыбзэм ижь кызырыщIихум куууэ и лэжыггэхэм шытепсэлгыхьащ Апажэ М.Л. [Апажэ 1963: 92–134; 1968: 196–200; 1982: 187–204]. Мыхьэнэбаггымырэ IуэкIээщхьыггэмырэ диссертации, тхылг шхьэхуи тритхыхьащ ПшыукI Хь.Хь. (1982).

Грамматикэм шымыщ кьэхутэныггэхэр здынэсари зыхушыщIэри кьэзыггэлыггэуэ лэжыггэшхуэ хьуащ «Адыгэбзэ» и цIэу томитIу 2006 ггэм дунейм кыггетхьа тхылгыр [Кабардино-черкесский язык 2006 (а); 2006 (б)]. Мыбы и проектыр зэхэзылгхьа, адыгэ бзэщIэныггэм и классик хужьпIэну зыхуэфашэ Кьумахуэ Мухьэдин и жэрдэмкIэ грамматикэщIэ хьун хуея лэжыггэм зриггэубггэури етIуанэ томыр триухуащ зи гуггэу тщIы кьэхутэныггэхэм. Абы и Iыхьэхэр яггэхьэзырыну Iуэхум кыыхишат нэхь зэфIэкI зиIэ шIэныггэлIхэр: лексикологиемкIэ Апажэ Мухьэмэд, фразеологиемырэ адыгэ диаспорэу Тыркумырэ хьэрып кьэралхэм шыIэхэм я бзэмкIэ БищIо Борис, ономастикэмкIэ КIуэкIуэ Жэмалдин, диалектологиемкIэ Тау Хьэзешэ, КьШП-м шыпсэу адыгэхэм я бзэмкIэ Темыр Рае, лингвокультурологиемкIэ Бьж Зарэ. Псом япэу Кьумахуэм, апхуэдэуи зи цIэ кьитIуа бзэщIэныггэлIхэм я фIыггэкIэ томитIым пщIэшхуэ шаггэуэтэщ лингвистикэм, бзэр джынымкIэ кьэралым кышыдыкI журнал нэхыщхьэм кыггетхуауэ шыта рецензэ убггэуар, Ландер Ю.А., Тестелец Я.Р. сымэ я IэдаккэщIэкIыр, мыпхуэдэу еух: «Рецензэ зэтт монографийер адыгэбзэхэр джыны и хэлхьэныггэшхуэщ, мыбы и мыхьэнэр узэрыггэуээн тхылг кьудейм кышыцынэркыым, атIэ фундаментальнэ кьэхутэныггэ лэжыггэщ. Мыр кызырыдыкIар Кавказ Ищхэрэм и шIэныггэ икIи и щэнхабзэ ггэщIэм дежкIэ Iуэхуггэуэшхуэщ, адыгэбзэр кьэхута зэрыхьуа тхыдэм и лгэбаккэуэ лгэщу хэуэнууш» [Ландер, Тестелец 2007: 138].

ящыщц: макъыцІэхэри зэрызыпащІыж псалъэхэри псалъэ лъэпкъыгъуэ щхъэхуэу кыыхэгъэщыпхъэщ.

АфІэунэ А. зи гугъу ищІ псалъэхэм я гуэшыныгъэми езым и еплыкІэ хуиІэжщ. Псалъэхэр я къэхъукІэкІэ, ухуэкІэкІэ, зэхэлъыкІэкІэ, ящІэль гупсысэкІэ, кыызэрагъэсэбэп щІыкІэкІэ гуэшащ.

Гуэдзэну монографием дэщІыгъущ макъыцІэхэм, макъызыпэщІыжхэм я псалъалъэ убгъуа.

Абазэ М.М. кыдиггэкІащ Тыркум щыпсэу къэбэрдей адыгэхэм я бзэм теухуа монографии [Абазова 2014]. Хэхэс адыгэхэм я бзэм кыщокІуэ литературэбзэм хэмыт псалъэ Іэрамэ гуп е , хэтми, я мыхъэнэкІэ зэтемыхуэу. Псалъэм папщІэ, неологизмхэр: гъуэшх – сагъыз, зэпхырыкІыбжэ – кІуэцІырыкІыбжэ, лъэпагуэбзэ – тыркубзэ, н.; зи мыхъэнэ зихъуэжа псалъэхэр: гъуеин – «гъын» мыхъэнэ иІуэ, ин – «нэхъыжъ», къэбжын – «къэлыгъэн», н., абыхэм я бзэм куэду кыыхыхъащ щыпсэу къэралым и бзэм кыыхэкІа псалъэ гуп. Авторым жиІэр пэжщ: адыгэхэм я нэхъыбапІэр щыпсэу Тыркум абыхэм я бзэм и щытыкІэр джыным мыхъэнэшхуэ иІэщ, а Іуэхум пІалыи кыыхэбгъэкІ хъунукъым, сыту жыпІэмэ анэдэльхубзэр яІэщІэхужыным нэсащ.

Токмакъ М.Хъ. и лэжыгъэр Іыхыыхуэ зэхэлъщ, эмотивхэм я адыгэ-урыс псалъалъэ кІэщІ дэщІыгъуу [Токмакова 2017]. Япэ Іыхъэр теухуащ эмотив мыхъэнэхэр адыгэбзэм кызырэщыгъэлъэгъуа щІыкІэхэм. ЕтІуанэ Іыхъэм адыгэ щэнхабзэм мыхъэнэшхуэ зиІэ псалъэхэм: гу, псэ, нэ, щхъэ – щытопсэлъыхъ. Ещанэ Іыхъэм эмотивхэм я семантикэ зэхушытыкІэхэм, зэпыщІэныгъэ зэмылІэужыгъуэхэм я гугъу щещІ. Ахэр нэхъ убгъуауэ кыгъэлъэгъуэн папщІэ губгъуэ бгъэдыхъэкІэ жыхуаІэр къегъэсэбэп. ЕплІанэ Іыхъэр эмотивхэр кызырэыхуэ щІыкІэхэм теухуащ. Етхуанэ Іыхъэр топсэлъыхъ эмотивхэр псалъэ лъэпкъыгъуэуи джын зэрыхуейм. Апхуэдэ бгъэдыхъэкІэм эмотивхэм яІэ мыхъэнэ нэхъ куухэри кыщІегъэщ. Еханэ Іыхъэм щызэпкърыхаш эмотивхэм я синтаксис Іэмалхэр. Мыбы щызэхэгъэкІащ «эмотив тхыгъэмрэ» «прагматикэ эмотив тхыгъэмрэ».

Жылэтеж Хъ.Ч. и лэжыгъэр теухуащ адыгэбзэм и жылагъуэ-политикэ лексикэр (ЖПЛ) зэрызэхэтымрэ ар кызырэыхумрэ лъэныкъуэ зыбжанэкІэ гъэбелджыла щІыным [Жилетежев 2019]. Иджырей бзэщІэныгъэр и лъабжъэу лэжыгъэм ІупщІу щыгъэбелджылащ ЖПЛ-кІэ зэджэр, абы и гъунапкъэхэр кыщыгъэлъэгъуащ, мыбы хыхъэ псалъэхэр кызырэыхумрэ зэрызаужымырэ щыгъэнэІуащ. Адыгэбзэм и ЖПЛ-м лексикэ-тематикэ гупу 6 кыщыхэгъэкІащ: 1) политикэ лексикэ; 2) политикэ партхэм, зэгухъэныгъэхэм, жылагъуэ зэщІэхъееныгъэхэм епха псалъэхэр; 3) хуитыныгъэ лексикэ; 4) дзэ-политикэ лексикэ; 5) жылагъуэ гъащІэм и псэкупсэ-хъэл ІуэхущІафэхэр къэзыгъэлъагъуэ фІэщыгъэцІэхэр; 6) экономикэм ехъэлІа псалъэхэр. Лэжыгъэм гулыгъэ хэха щыхуэщІащ адыгэбзэм кыыхыхъа хамэбзэ псалъэхэм ягъуэт тхыкІэ зэтемыхуэхэм, ахэр зэгъэзэхуэжа зэрыхъуну Іэмалхэри щыубзыхуащ.

Шэч хэмылгу гугъущ бзэщІэныгъэ унэтІыныгъэ псо зэрызэтеувамрэ абы зэрызиужыамрэ кызыщІэпкъуэу утепсэлъыхыныр. Мы тхыгъэм псом япэу и квалэныр нобэ абы и Іуэху зытетыр, иІэ ехъулІэныгъэхэмрэ мызыгъуэгукІэ зыхунэмысахэмрэ къэгъэлъэгъуэнырщ. Ауэ мы статьям и мыхъэнэкІэ мынэхъ инмэ мынэхъ мащІэу нэгъуэщІ зы пщэрылти иІэщ – ар ди бзэщІэныгъэр анэдэльхубзэкІэ «къэгъэпсэлъэнырщ». Ди бзэм и къэкІуэнум дыщытегузэвыхъ мы лъэхъэнэм абы и гъащІэр кІыхъ нэхъ зыщІыфыну Іэмалхэм языхэзщ ар щІэныгъэм и бзэ щІыныр. Бзэм и къарур елыгъащ ар кыызэрагъэсэбэпымрэ кыщагъэсэбэпымрэ я куэдагъым. Ауэ щыхъукІэ псори дыхущІэкъупхъэщ анэдэльхубзэр нэхъыбэрэ зэрыдгъэлэжъэным. Апхуэдэ квалэн ди пащхъэ идгъэуэвжауэ адыгэбзэ къудамэм щылажъэхэм анэдэльхубзэкІэ щІэныгъэ статьяхэр кытрыдогъадзэ, тхылхэр кыдыдогъэкІ. Мы лэжыгъэри абыкІэ зы лъэбакъуэщ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников и литературы

- Абазова 2014 – *Абазова М.М.* Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 136 с.
- Абрегов 2006 – *Абрегов А.Н.* Монография Кабардино-черкесский язык в 2-х томах как источник энциклопедических знаний о языке // Филологический вестник. Майкоп: АГУ, 2006. № 8. С. 191–196.
- Апажев 1963 – *Апажев М.Л.* Вопросы влияния русского языка на кабардинский язык. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 150 с.
- Апажев 1968 – *Апажев М.Л.* Влияние Октябрьской революции и русского языка на развитие структуры и изменения функций языков народов Северного Кавказа // Сборник научных трудов аспирантов. Вып. 2. Нальчик, 1968. С. 195–204.
- Апажев 1982 – *Апажев М.Л.* Влияние русского языка на семантическую структуру кабардино-черкесских слов // Тезисы докладов региональной научной конференции: Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков. Грозный, АН СССР. ЧИГУ, 1982. С. 39–40.
- Апажев, Пшукова 2004 – *Апажев М.Л., Пшукова М.Х.* Структурный и функциональный анализ лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2004. 144 с.
- Афаунова 2012 – *Афаунова А.А.* Семантико-грамматический анализ междометий и звукоподражаний кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 128 с.
- Бижоев 2005 – *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
- Жилетежев 2019 – *Жилетежев Х.Ч.* Общественно-политическая лексика кабардино-черкесского языка (состав и пути формирования). Нальчик: Принт Центр, 2019. 248 с.
- Кабардино-черкесский язык 2006 (а) – Кабардино-черкесский язык в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
- Кабардино-черкесский язык 2006 (б) – Кабардино-черкесский язык в 2- т. Т. 2. Лексика, фразеология, диалектология, устно-поэтический язык, ономастика. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 519 с.
- Карданов 2009 – *Карданов М.Л.* Образование и функционирование анатомической номенклатуры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 160 с.
- Лавров 1957 – *Лавров Л.И.* Памятник осетинского и кабардинского языков XVII века // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. 1957. Вып. V III. С. 287–299.
- Ландер, Тестелец 2007 – *Ландер Ю.А., Тестелец Я.Г.* [Рец. на:] Кабардино-черкесский язык // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 134–138.
- Лопатинский 1891 – *Лопатинский Л.Г.* Русско-кабардинский словарь с указателем // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12. Отд. 2. С. 1–299.
- Ногма 1956 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды в 2-х т. Т. I. Нальчик, 1956. 308 с.
- Ногма 1959 – *Ногма Ш.Б.* Филологические труды в 2-х т. Т. II. Нальчик, 1959. 198 с.
- Трубецкой 1987 – *Трубецкой Н.С.* Севернокавказские словарные сопоставления // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 271–282.
- Турчанинов, Цагов 1940 – *Турчанинов Г.Ф., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. 160 с.
- Шмелев 1977 – *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
- Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1948. 372 с.

References

ABAZOVA M.M. *Rech kabardino-cherkesskoj diasporj v Turcii* [The spoken language of the Kabardino-Circassian diasporas in Turkey]. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI RAN, 2014. 136 p. (In Russian)

ABREGOV A.N. *Monografiya Kabardino-cherkesskij yazyk v 2-h tomah kak istochnik enciklopedicheskijh znanij o yazyke* [Monograph Kabardino-Circassian language in 2 volumes as a source of encyclopedic knowledge about the language]. IN: Filologicheskij vestnik. Majkop: AGU, 2006. № 8. P. 191–196. (In Russian)

AFAUNOVA A.A. *Semantiko-grammaticheskij analiz mezhdometij i zvukopodrazhanij kabardino-cherkesskogo yazyka* [Semantic and grammatical analysis of interjections and onomatopoeia of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2012. 128 p. (In Russian)

APAZHEV M.L. *Voprosy vliyaniya russkogo yazyka na kabardinskij yazyk* [Questions of the influence of the Russian language on the Kabardian language]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1963. 150 p. (In Russian)

APAZHEV M.L. *Vliyanie Oktyabrskoj revolyucii i russkogo yazyka na razvitie struktury i izmeneniya funkcij yazykov narodov Severnogo Kavkaza* [The influence of the October Revolution and the Russian language on the development of the structure and changes in the functions of the languages of the peoples of the North Caucasus]. IN: bornik nauchnyh trudov aspirantov. Vyp. 2. Nalchik, 1968. P. 195–204. (In Russian)

APAZHEV M.L. *Vliyanie russkogo yazyka na semanticheskuyu strukturu kabardino-cherkesskijh slov* [The influence of the Russian language on the semantic structure of Kabardino-Circassian words]. IN: Tezisy dokladov regionalnoj nauchnoj konferencii: Rol russkogo yazyka v zhizni narodov Severnogo Kavkaza i razvitie ih literaturnykh yazykov. Groznyj, AN SSSR. CHIGU, 1982. P. 39–40. (In Russian)

APAZHEV M.L., PSHUKOVA M.H. *Strukturnyj i funkcionalnyj analiz leksiko-semanticheskijh sistemy kabardino-cherkesskogo yazyka*. Nalchik: Izdatelstvo KBNC RAN, 2004. 144 p. (In Russian)

BIZHOEV B.CH. *Grammaticheskie i leksiko-frazeologicheskie problemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammatical and lexical-phraseological problems of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: El-Fa, 2005. 352 p. (In Russian)

Kabardino-cherkesskij yazyk v 2-kh t. T. I Sozdaniye pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya i sintaksis [Kabardino-Circassian language in 2 volumes. Vol. 1. Writing, phonetics and phonology, morphology and syntax]. Nalchik: Izdatel'skij tsentr El-Fa, 2006. 549 p. (In Russian)

Kabardino-cherkesskij yazyk. V dvuh tomah. T. II. Leksika, frazeologiya, ustno-poeticheskij yazyk, onomastika [Kabardino-Circassian language. In two volumes. Vol. II. Vocabulary, phraseology, oral-poetic language, onomastics]. Nalchik: El-Fa, 2006. 519 p. (In Russian)

KARDANOV M.L. *Obrazovanie i funkcionirovanie anatomicheskijh nomenklatury kabardino-cherkesskogo yazyka* [Formation and functioning of the anatomical nomenclature of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Izdatelskij otdel KBIGI, 2009. 160 p. (In Russian)

LAVROV L.I. *Pamyatnik osetinskogo i kabardinskogo yazykov XVII veka* [Monument of the Ossetian and Kabardian languages of the 17th century]. IN: Izvestiya YUgo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. 1957. Vyp. V III. P. 287–299. (In Russian)

LANDER YU.A., TESTELEK YA.G. [Rec. na:] *Kabardino-cherkesskij yazyk* [Review. on:] Kabardino-Cherkess language]. IN: Voprosy yazykoznanija. 2007. № 6. P. 134–138. (In Russian)

LOPATINSKIJ L.G. *Russko-kabardinskij slovar s ukazatelem* [Russian-Kabardian dictionary with index]. IN: SMOMPK. Tiflis, 1891. Vyp. 12. Otd. 2. P. 1–299. (In Russian)

NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy v 2-h t. T. I.* [Philological works in 2 volumes. Vol. I] Nalchik, 1956. 308 p. (In Russian)

NOGMA SH.B. *Filologicheskie trudy v 2-h t. T. II.* [Philological works in 2 volumes. Vol. II]. Nalchik, 1959. 198 p. (In Russian)

SHMELEV D.N. *Sovremennij russkij yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Lexica]. M.: Prosveshchenie, 1977. 335 p. (In Russian)

TRUBETSKOJ N.S. *Severnokavkazskie slovarnye sopostavleniya* [North Caucasian dictionary comparison]. IN: Trubeckoj N.S. Izbrannye trudy po filologii. M.: Progress, 1987. P. 271–282. (In Russian)

TURCHANINOV G.F., CAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M., L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1940. 160 p. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. M.-L.: Izdatelstvo AN SSSR, 1948. 372 p. (In Russian)

ZHILETEZHEV H.CH. *Obshchestvenno-politicheskaya leksika kabardinocherkesskogo yazyka (sostav i puti formirovaniya)* [Socio-political vocabulary of the Kabardino-Circassian language (composition and ways of formation)]. Nalchik: Print Centr, 2019. 248 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Биццо Б.Ч. – филологие щцэныгъэхэмкIэ доктор, щцэныгъэ лэжъакIуэ пашэ, адыгэбзэ секторым и унафэщI.

Информация об авторе

Б.Ч. Бижоев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором кабардино-черкесского языка.

Information about the author

B.Ch. Bizhoyev – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher, Head of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 19.09.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-110-116

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА МУЖЧИНЫ
В ПОЭМЕ Б.М. ПАЧЕВА «ЗА КОГО ВЫЙДЕШЬ ЗАМУЖ?»**

Зарета Валериевна Кодзокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© З.В. Кодзокова, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальной проблемы современной лингвистической науки – гендерным концептам и их репрезентации в языковой картине мира. Основной целью является изучение особенностей сатирической концептуализации образа мужчины в языке поэмы Б.М. Пачева «За кого выйдешь замуж?» («Хэт лы удэкӀуэн?»). Мужские образы в поэме-песне рассматриваются в качестве потенциальных женихов. В исследуемом произведении при помощи ряда реплик-характеристик описываются негативные черты характера потенциального жениха. Отмечено, что в ряд порицаемых черт мужского характера автор относит такие пороки, как неуживчивость, склочный характер, безделье, высокомерие, болтливость и любопытство, нарциссические черты личности, не соотносимые с образом адыгского мужчины, репрезентирующиеся рядом с этноспецифичными выражениями.

В качестве базовой положительной черты характера адыгского мужчины автор приводит умение бесстрашно выражать свои мысли и защищать более слабых и справедливость.

Ключевые слова: Бекмурза Пачев, концепт цыыхухъу «мужчина», образ жениха, гендерные концепты

Для цитирования: Кодзокова З.В. Концептуализация образа мужчины в поэме Б.М. Пачева «За кого выйдешь замуж?» // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 110–116. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-110-116

Original article

**CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF MAN
IN B.M. PACHEV'S POEM "WHO WILL YOU MARRY?"**

Zareta V. Kodzokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>

© Z.V. Kodzokova, 2025

Abstract. This article explores a pressing issue in modern linguistics: gender concepts and their representation in the linguistic worldview. The primary objective is to examine the satirical conceptualization of the male image in B.M. Pachev's poem "Whom Will You Marry?" ("Хэт лы удэкӀуэн?"). Male characters in the poem-song are viewed as potential

suitors. The work uses a series of characterizations to describe the potential suitor's negative character traits. It is noted that the author's condemned male character traits include such vices as inability to get along, quarrelsomeness, idleness, arrogance, talkativeness, and curiosity, as well as narcissistic personality traits that are incompatible with the image of an Adyghe man and are represented by a number of ethnically specific expressions.

The author cites the ability to fearlessly express one's thoughts and defend the weak and justice as a fundamental positive character trait of an Adyghe man.

Keywords: Bekmurza Pachev, the concept of "man," the image of the groom, gender concepts

For citation: Kodzokova Z.V. Conceptualization of the Image of Man in B.M. Pachev's Poem "Who Will You Marry?". Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 110–116. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-110-116

XIX век дал кабардинскому народу ряд выдающихся личностей, внесших немалый вклад в развитие письменной и словесной культуры адыгов. Бекмурза Пачев – это сказитель, превратившийся в писателя, и ему в полной мере свойственно сознание важнейшей роли сказителя в жизни народа – быть живой памятью народа, рассказать будущему поколению о прошлом и настоящем [Либединский 1958: 336]. По справедливому замечанию литературоведов, Бекмурза Пачев знал тонкости адыгского фольклора, исторические предания своего народа, и в своем письменном творчестве он развил фольклорно-эпические традиции. Его творчество стало связующим звеном перехода от фольклора к письменной литературе [Тхагазитов 2023: 376].

Во главе угла современных лингвистических исследований находятся гендерные исследования, ориентированные на выявление стереотипных представлений о мужском и женском образах в национальных языковых картинах мира. Для каждой этической группы характерны собственные культурные предпочтения, касающиеся гендерных различий [Джандар, Лоова, 2017: 50]. В плане исследования маскулинности в адыгском языковом сознании интересной представляется концептуализация образа мужчины в языке поэмы Б.М. Пачева «За кого выйдешь замуж?» (Хэт лы удэкгуэн?), относящаяся к жанру игровых песен *кебжеч* [Гутов 2019: 181]. Произведение построено на диалоге и было «шагом вперед в развитии театрального творчества кабардинцев» [Теунов 1955: 228]. Ведущий поочередно обращался к присутствующим – хочет ли такая-то девушка выйти замуж за такого-то парня или же, наоборот, парень – жениться на такой-то девушке.

Б. Пачев в поэме использовал приемы и принцип организации *кебжеча*, сохранив диалогическую форму песни и традиционное посвящение каждому из называемых молодых людей по одной мелострофе. Вместе с определенной долей употребительных в фольклоре словесных формул он наполнил песенный текст и совершенно оригинальными, авторскими характеристиками [Гутов 2019: 182].

Особенности жанра определили, что в языке поэмы «За кого выйдешь замуж?» при концептуализации мужчины доминируют характеристики с отрицательной интерпретацией.

Мужчина и женщина являются ключевыми фигурами человеческого мироздания, созданиями совершенно непохожими, но в то же время взаимодополняющими и взаимно необходимыми. Взаимоотношения мужчины и женщины прослеживаются прежде всего в семье — создаваемом ими же микросоциуме [Деткова 2014: 108]. Образ жениха является неотъемлемой частью концепта «мужчина». В адыгской лингвокультуре мужчину, находящегося в поиске супруги, обозначают сложной лексемой, состоящей из двух основ *исэльыхъу* (*исэ* «душа» + *льыхъу(н)* «искать») [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 569]. Вступление в брак в адыгской лингвокультуре ассоциируется с феноменом счастья. Пожеланием для молодых людей весьма часто служит выражение *насытыфлэ ухъу!* «Будь счастлив!».

В адыгской лингвокультуре идеал маскулинного образа формируется на основе понятий чести, достоинства, мужества. Маскулинность традиционно связывается с публичной сферой, с участием в жизни общества мужчины [Бешукова, Хачмафова 2017: 65]. В адыгском языковом сознании положительно оценивается стереотипный образ мужчины, демонстрирующий лидерские качества. Исследователи творчества «самородка» адыгской словесности отмечают, что он был «человеком смелого дерзновения и отзывчивого сердца» [Теунов 1955: 218]. Так, в языке исследуемой поэмы репрезентируется положительно оцениваемый маскулинный образ нетрусливого и независимого мужчины, умеющего выражать свое мнение и борца за справедливость, являющийся художественной проекцией личности самого автора. *Быцэ! Уэ Бэчмырзэ удэклуэн? – Сыдэклуэнц: А Бэчмырзэ цІэми жымы, Зым и губжыи цымышынэу, Нэм цІэІэбэу, мыхъумыцІагъэр Игъэ-ллагъуэу ныкъуэкъуащ* [ПашІэ 1963: 156–157]. / «Бица! За Бекмурзу выйдешь замуж? Выйду: Этот Бекмурза, не побоявшись гнева всех (букв.: не старых и не молодых), открыто выступил против недостойного поступка».

В адыгской языковой картине мира за маскулинным образом закреплено значительное количество негативных черт, которые могут послужить веским основанием неприятия мужчины в качестве будущего спутника и отца семейства. Так в языке исследуемой поэмы негативно оценивается мужчина-бездельник. Семантика безделья и праздности в исследуемом произведении транслируется рядом национально-специфических реплик-характеристик. В адыгской языковой картине мира феномен безделья часто ассоциируется со свистком или свистом, танцами. *КІэфий ещэн* «бездельничать» (букв.: дуть в свисток) [Словарь кабардино-черкесского языка, 1999: 344]. В языке поэмы выражения *махуэр фийуэ гъэклуэн* «бездельничать» (букв.: свистеть целый день), *къэфэрей ІуэхумыцІэ* «плясун-бездельник» служат репрезентантом семантики безделья и праздности. *Ланэ цІыкІу! Мухъэмэд удэклуэн? – Хъэуэ: Джэзгум фІуэу къыщофэ, Махуэр фийуэ егъакІуэ, Тутын кІэф къещытыр* [ПашІэ 1963: 150]. / «Ляна, ты за Мухамеда замуж выйдешь? – Нет: Он танцует в каждой пляске, Целый день бездельничает (букв.: свистит целый день), Собирает окурки». *Къэфэрей ІуэхумыцІэ / «Танцующий бездельник», «плясун-бездельник»: Гуащэхъан! Уэ Азрэтым удэклуэн? – Хъэуэ: Къэфэрей ІуэхумыцІэц, ЗигъэцІагъуэу къекІухъыр, Хъэм теплъамэ ныхуольыр. Мэкъу щегъэуэу мэцхъэхыр, Гъури цІэлъэІуу къекІухъ* [ПашІэ 1963: 150]. / «Гошахан, ты за Азрета замуж выйдешь? – Нет: Он танцующий бездельник, Ходит и важничает, Как только собак увидит, набрасывается на них, В период сенокоса ленится, потом ходит и выпрашивает просяное сено». Оттенок безделья усматривается в выражении *эфэ-еишхэм хуэпэбгъэн* «любить застолья и пиршества». К примеру: *ДахэцІыкІу! Уэ Къамбот удэклуэн? – Хъэуэ: Ефэ-еишхэм хуопабгъэ, Благъэ зымы имыцІ...* [ПашІэ 1963: 149]. / «Дахацук! Ты за Камбота замуж выйдешь? – Нет: Он очень любит застолья, Никто не хочет с ним сродниться...».

Кроме того, семантика безделья транслируется выражениями, обозначающими отсутствие какого-либо ремесла, должности, работы, каких либо обязанностей». К примеру: *Зы ІэнатІу имыІэ* «Нет никакой работы». *Санэ цІыкІу! Уэ МамытІэ удэклуэн? – Хъэуэ: Зы ІэнатІу имыІэ...* [ПашІэ 151]. / «Маленькая Сана! За Мамиту выйдешь замуж? – Нет. У него нет никакой работы...».

В языке поэмы находим негативную оценку нарциссических черт мужской личности: *Уей, Мадина! Уэ Жамботым удэклуэн? – Хъэуэ: И натІэцыр игъэІауэ Гъуджэм йоплъэ емызшу...* [ПашІэ 1963: 155]. / «О, Мадина! Выйдешь замуж за Жамбота? – Нет: Он отрастил себе чуб (челку) и неустанно любит себя собой перед зеркалом...».

В ряде лингвокультур наблюдается негативное отношение к плачу в социуме как к слабости, простиительной только детям (отсюда такое количество сравнений с антропоморфными образами как ребенок, как дитя и т.д.). Особенно это касается

мужчин, поскольку в большинстве культур плач считается немужским поведением [Мартынова 2014: 88]. Так, в адыгской лингвокультуре в большинстве случаев плаксивый мужчина употребляется в отрицательной коннотации. В языке исследуемого произведения находим ряд реплик-характеристик, порицающих данную черту в маскулинном образе: *Фатимэт! Нарт Али удэклуэн? – Хьэуэ: Ар мэдыгъуэри магъыжыр, Жылэм я гъыринэщ...* [ПащIэ 1963: 149]. / «Фатимат! Ты за Нартова Али замуж выйдешь? – Нет: Он ворует и потом плачет, Самый плаксивый в селе...».

Адыгская языковая личность негативно оценивает маскулинный образ болтливой мужчины-сплетника, в языке исследуемого произведения находим ряд реплик-характеристик, свидетельствующих об этом: *Хужьэ цыкIу! Къэнэмэт удэклуэн? – Хьэуэ: Бзэгу зэрхьэу къекIухь, Бжыхьым тесу мэдалуэ...* [ПащIэ 1963: 150]. / «Маленькая Хужа! За Канамета выйдешь замуж? – Нет: Ходит и занимается доносами, Подслушивает, сидя на изгороди...». *Асият! Хъанджэрий удэклуэн? – Хьэуэ: Бзэгу мычэму зэрехьэ, ...* [ПащIэ 1963: 150]. / «Асият! За Хангери выйдешь замуж? – Нет: Он постоянно распространяет сплетни (разговоры)...». *Санэ цыкIу! Уэ МамытIэ удэклуэн? – Хьэуэ: ... Шым шэсамэ уанэншэщ, Щэху еуатэр мычэму...* [ПащIэ 1963: 151]. / «Маленькая Сана! За Мамиту выйдешь замуж? – Нет: ... Если сел на коня, то без седла, Всегда распространяет секреты». *Уей, Фаруз! Уэ Мурат удэклуэн? – Хьэуэ: Абы и бзэр мыбыдэ, ...* [ПащIэ 1963: 151]. / «Уей, Фаруз! Ты за Мурата замуж выйдешь? – Нет: Он не умеет хранить секреты, ...». *ПатIэ цыкIу! Уэ Мэжид удэклуэн? – Хьэуэ: Ныбгъуэ ишхьу мэтIысри, ПцIыупсын къыщIедзэ, И дзэлыфэ итIауэ И цхьэм къыхьэр еуатэ* [ПащIэ 1963: 152]. / «Маленькая Тата! Ты за Мажида выйдешь замуж? Нет: – Садится есть перепелку и начинает врать, притворно улыбаясь, говорит все, что приходит в голову». *КIунэ цыкIу! Уэ Исуф удэклуэн? – Хьэуэ: Ар мардэншэу мэпсалъэ, ...* [ПащIэ 1963: 152–153]. / «Куна маленькая, Ты за Исуфа выйдешь замуж? – Нет: Он болтает без умолку...».

Храбрость, сдержанность (умение сдерживать свой гнев), умеренность в питании и галантность по отношению к женщинам рассматриваются как признаки настоящего адыгского мужчины. Неудивительно, что Б.М. Пачев в своем произведении дает негативную, сатирическую оценку мужской личности, которая не обладает данными чертами характера. В качестве примера негативной оценки отсутствия храбрости могут служить выражения: *ныбжъым зыпыIуедз* «шарахается от тени». *Аминат! Темыркъан удэклуэн? – Хьэуэ: ... Хэт хуэзами хуогубжь, Ныбжъым зыпыIуедз* [ПащIэ 1963: 149–150]. / «Аминат! За Темиркана выйдешь замуж? – Нет: ... Он всех встречных ругает и шарахается тени».

Ряд выражений используются автором для сатирического порицания отсутствия умеренности в еде. *Саниет! Уэ Къэзботым удэклуэн? – Хьэуэ: ... Мэл ешхьыфыр и закъуэ, Къэкъэижу къекIухь* [ПащIэ 1963: 150]. / «Саниет! За Казбота выйдешь замуж? – Нет: ... Он целого барана может съесть один, потом ходит рыгает». *Уей, Бабынэ! Жэмалым удэклуэн? – Хьэуэ: Сыт Жэмалым и физ къашэ, Махъшэ ныбэщ, Гъаблэгужьы, Выжъым хуэдэу мэжъэгъуаишэ, Сыт ишхами иримыкъу* [ПащIэ 1963: 156]. / «О, Бабина! За Жамала выйдешь замуж? – Нет: Какой из Жамала жених, С животом верблюда и прожорливый, Словно вол жует, что бы он не ел, ему все мало».

Для адыгского социума характерно трепетное и уважительное отношение к женщине. Негативной оценки заслуживают мужчины, допускающие грубость и агрессию по отношению к женщине. Б.М. Пачев использует ряд реплик-характеристик мужчин-грубиянов: *Таужан! Уэ Лиуан удэклуэн? – Хьэуэ: Шы налыниэм къыдимышым, Шыщхэ гъурым йозауэ, И зэфIэкIыр нэмысым Нысэ псом яфIонэ* [ПащIэ 1963: 165]. / «Таужан! Ты за Лиуана выйдешь замуж? – Нет: Если конь без подковы плохо тянет, он дерется с его головой, если сам не в силах что-либо

сделать, ссорится со всеми снохами». В вышеуказанном контексте выражения *Шы налынниэм кьыдимышым, Шыщхьэ гьурым йозауэ* «Если конь без подковы плохо тянет, он дерется с его головой» характеризуют маскулинный образ, плохо справляющегося с ведением домашнего хозяйства, что является весьма негативным качеством потенциального спутника жизни. Адыгская женская языковая личность рассматривает мужчину прежде всего, как кормильца семьи; отсутствие навыков выполнения мужских обязанностей по хозяйству и отсутствие какого-либо ремесла являются веским основанием крайне негативной оценки маскулинного образа. Приветствуется умение адыгского мужчины ловко справляться с сезонными работами. Кроме того, в жизни адыгского мужчины базовое место занимает образ коня, который расценивается как верный спутник жизни мужчины. Неопрятный и неухоженный вид коня в адыгском социуме свидетельствовал о неуклюжести и неумелости мужчины. *Саниет! Уэ Кьэзботым удэклуэн? – Хьэуэ: Ищ гьэхьунни флэмыфл, Лыфл ильагьум цлонэцл...* [Пашцлэ 1963: 150]. / Саниет! За Казбота выйдешь замуж? – Нет: Он не любит пасти скот, Завидует хорошим мужчинам...». *Гуащэхьан! Уэ Азрэтым удэклуэн? – Хьэуэ: ...Мэкъу цеуэнум мэщхьэхьыр, Гьупиц цлэлэьуу кьеклухь* [Пашцлэ 1963: 150]. / «Гошахан! Ты за Азрета выйдешь замуж? – Нет! В период сенокоса ленится, потом ходит и выпрашивает просяное сено». *Гуащэнур! Уэ Мамрэш удэклуэн? – Хьэуэ: Шы мытхьунцил гум щлещлэ, Луэху шцлэн флэмыфл. Гу кьутам итлысхьэм, Щхьэр флэхуауэ мэжсей* [Пашцлэ 1963: 153]. / «Гошанур! Ты за Мамреша выйдешь замуж? – Нет: Запрягает нечищеного коня, не любит работать, Когда садится в сломанную арбу, засыпает сидя».

Умение находить общий язык с окружающими является одной из базовых положительных характеристик личности. Так, в адыгской лингвокультуре целый ряд выражений транслируют негативную оценку неуживчивого и угрюмого человека: *Аминат! Темыркьан удэклуэн? – Хьэуэ: Уэрсэр и жагьуэуц, И жагьуэуэгур гьунэгьууц* [Пашцлэ 1963: 149]. / «Аминат! За Темиркана выйдешь замуж? – Нет: он не любит близкого общения, враждует с соседями». *Дахэнагьуэ! Уэ Чэрим удэклуэн? – Хьэуэ: И адэм емызэгьыу, Гьащцлэм хымыщлыкыу,...* [Пашцлэ 1963: 149]. / «Даханаго! Ты за Черима выйдешь замуж? – Нет: он не уживается с отцом, плохо разбирается в жизни...». *Зали цлыкыу! Аслээнбэч удэклуэн? – Хьэуэ: Аслээнбэчым сьидэклуэнкьым, Гурымыкьыу лы кьышыныжьыц, Хэт хуэзами дзы ныфлещьыр, Езыр зэщхьыр имыщлэж* [Пашцлэ 1963: 153]. / Маленькая Зали! За Асланбека выйдешь замуж? – Нет: За этого Асланбека не выйду замуж, Он упрямый и капризный, Сам себя не видит и у всех выискивает изъяны и пороки».

Помимо этого, обнаружены выражения, реализующие порицание:

зависти: *Марян цлыкыу! Уэ Талиб удэклуэн? – Хьэуэ: ... Фыгьуэнэд зэпытиц, Щытлэгьэн имылэ, И Ищхьэжь полэл* [Пашцлэ 1963: 151]. / «Маленькая Марян! За Талиба выйдешь замуж? – Нет: ... Он завистник, нет у него нормальной одежды и рукава свисают».

воровства, нечестности: *Хьадижэт! Уэ Хьэжсет удэклуэн? – Хьэуэ: Лафкцлэ тлэкгур ищлауэ Сату щыцкцлэ мэдыгьуэ...* [Пашцлэ 1963: 151]. / «Хадижат! Ты за Хажсета выйдешь замуж? – Нет: Он открыл лавку и обманывает покупателей...».

Исследование особенностей концептуализации образа мужчины в языке поэмы Б.М. Пачева позволило сделать следующие выводы.

Одним из основополагающих элементов гендерных стереотипов в адыгской языковой картине мира является идея о ведущей роли мужчин в публичной сфере и их активной роли в общественной жизни. Такое мужское доминирование в социальных взаимодействиях зачастую ассоциируется с такими качествами, как решительность, упорство, справедливость, умение бесстрашно выражать свою позицию. Именно такие качества являются важным критерием при выборе спутника жизни. В языке поэмы Б.М. Пачева отрицательно оценивается образ мужчин, склонных к болтливости и плаксивости, безделью и праздности. Также

отрицательный образ мужчины-жениха в адыгском миропонимании и в языке поэмы Б.М. Пачева создается за счет негативных черт, таких, как неуживчивость и угрюмость, неумение вести быт и хозяйство, отсутствие умеренности в еде. Внешняя привлекательность мужчины в адыгской лингвокультуре имеет второстепенное значение и негативно оценивается образ мужчины с признаками нарциссизма.

Список источников и литературы

- Бешукова, Хачмафова 2017 – *Бешукова Ф.Б., Хачмафова З.Р.* Языковая репрезентация гендерного стереотипа мужественности в дискурсе СМИ (на материале российских журнальных текстов) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 4 (207). С. 63–67.
- Гутов 2019 – *Гутов А.М.* Бекмурза Пачев // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы. Том I. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. С. 157–216.
- Деткова 2014 – *Деткова В.А.* Образ мужчины в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» как объект описания в двуязычном словаре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №. 3 (45). С. 108–110.
- Джандар, Лоова 2017 – *Джандар Б.М., Лоова А.Д.* О национальном своеобразии функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка (на материале немецкой и адыгской культур) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2017. № 2 (197). С. 44–51.
- Либединский 1958 – *Либединский Ю.Н.* Современники. М.: Советский писатель, 1958. 362 с.
- Мартынова 2014 – *Мартынова Е.М.* Плач и его описание в рамках аномальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 86–89.
- ПащIэ 1963 – *ПащIэ Б.М.* Тхыгъэхэр. Налшык, Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1963. 275 с.
- Словарь кабардино-черкесского языка 1999 – *Словарь кабардино-черкесского языка.* М.: Дигора, 1999. 860 с.
- Теунов 1955 – *Теунов Х.И.* Чудесный самородок (Бекмурза Пачев) // Литература и писатели Кабарды. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1955. С. 213–242
- Тхагазитов 2023 – *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция творчества адыгских писателей XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 6 (116). С. 375–383.

References

- BESHUKOVA F.B., HACHMAFOVA Z.R. *Yazykovaya reprezentaciya gendernogo stereotipa muzhestvennosti v diskurse SMI (na materiale rossijskih zhurnal'nyh tekstov)* [Language representation of a gender stereotype of masculinity in mass media discourse (from material of texts from the Russian journals)]. IN: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2017. 2017. No. 4 (207). P. 63–67. (in Russian)
- DETKOVA V.A. *Obraz muzhchiny v russkih i anglijskih paremiyah semanticheskoy gruppy «Semejnye otnosheniya» kak ob"ekt opisaniya v dvuyazychnom slovare* [The image of a man in the Russian and English paronyms of a semantic group “family relationships” as a description object in a bilingual Dictionary]. IN: Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. No. 3 (45). P. 108–110. (in Russian)
- GUTOV A.M. *Bekmurza Pachev* [Bekmurza Pachev]. IN: Istoriya adygskoj (kabardino-cherkesskoj) literatur. Tom I. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr», 2019. P. 157–216. (in Russian)
- JANDAR B.M., LOOVA A.D. *O nacional'nom svoebrazii funkcionirovaniya gendernyh stereotipov v yazykovom soznanii nositelejazyka (na materiale nemeckoj i adygskoj kul'tur)* [On a national originality of gender stereotype functioning in native speakers' language consciousness (from material of the German and Adyghe cultures)] IN: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie. 2017. No. 2 (197). S. 44–51. (in Russian)

LIBEDINSKIJ YU.N. *Sovremenniki* [Contemporaries]. М.: Sovetskij pisatel', 1958. 362 p. (in Russian)

MARTYNOVA E.M. *Plach i ego opisanie v ramkah anomal'noj kommunikacii* [Crying and its description within abnormal communication limits]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. No. 1 (31): in 2 parts. Part I. P. 86–89. (in Russian)

PASHCHIE B.M. *Thyg'ekher* [Collected Works]. Nalshyk, K''eberdej.-Bal''k''er thyl'' tedzaple, 1963. 275 p. (in Russian and in Kabardino-Circassian)

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. М.: Digora, 1999. 860 p. (in Russian and in Kabardino-Circassian)

TEUNOV H.I. *Chudesnyj samorodok* (Bekmurza Pachev) [A Wonderful Nugget (Bekmurza Pachev)]. IN: Teunov H.I. Literatura i pisateli Kabardy. Nal'chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. P. 213–242. (in Russian)

TKHAGAZITOV YU.M. *Evoluciya tvorchestva adygskih pisatelej XX veka* [The evolution of creativity of Adyghe writers of the 20th century]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2023. No. 6 (116). P. 375–383. (in Russian)

Информация об авторе

З.В. Кодзокова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Kodzokova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-117-126

К ИССЛЕДОВАНИЮ АКТУАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ АДЪЕКТИВНО-СУБСТАНТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Элина Тугановна Кумыкова (Гучапшева)¹, Дина Мухарбиевна Кумыкова²

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

² Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» Нальчик, Россия

¹ etkumykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-4941>

² dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© Э.Т. Кумыкова (Гучапшева), Д.М. Кумыкова, 2025

Аннотация. Цель настоящей статьи – выявление сочетаемостных свойств и особенностей функционирования адъектива и субстантива в контексте семантического взаимодействия лексических единиц при их актуализации, что находит отражение в дискурсе и противопоставляется лексической валентности. Методологические основания и методы контекстуального анализа, трансформационной методики в сочетании с приемами интроспекции и логического сопоставления определяют ключевые принципы семасиологического анализа объектов изучения. Ввиду актуальности проблематики функционально-прагматических характеристик языковых данных, предпринят комплексный анализ с целью выявления семантико-сочетаемостных возможностей и особенностей взаимодействия прилагательных и существительных. Новизна исследования заключается в том, что на фоне изучения множества взаимообуславливающих факторов устанавливаются сложные конфигурации семантического наполнения адъективных сочетаний, что позволяет расширить имеющиеся представления о предмете анализа. Кроме того, верифицируется утверждение о синтаксической, а также когнитивной обусловленности формирования смыслов адъективного высказывания, являя дополнение к пониманию когнитивных моделей мира. В результате исследования находит семасиологическое подтверждение тезис о соотносительности и вариативности семантико – функциональных возможностей адъективных сочетаний. При этом, многоплановость ракурсов в качестве мощного инструмента семантического анализа открывает новые горизонты для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: семантическая сочетаемость, атрибутивный, предикативный, актуализация, пропозициональность

Для цитирования: Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., Кумыкова Д.М. К исследованию актуализации значения адъективно-субстантивных сочетаний // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 117–126. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-117-126

Original article

ON THE STUDY OF MEANING ACTUALISATION IN ADJECTIVE-SUBSTANTIVE COMBINATIONS

Elina T. Kumykova (Cuchapsheva)¹, Dina M. Kumykova²

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

² Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ etkumykova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-4941>

² dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© E.T Kumykova (Cuchapsheva), D.M. Kumykova, 2025

Abstract. The aim of the study is to identify the compatibility properties and characteristic features of functioning adjective and substantive in the context of semantic interaction of the actualized lexical units as reflected in discourse and contrasted with lexical valence. The methodological foundations and contextual analysis, transformational techniques combined with introspection and logical comparison determine the key principles of semasiological analysis of the objects under investigation. Due to the relevance of revealing functional and pragmatic characteristics of linguistic data, the study provides a comprehensive analysis of adjectival semantic compatibility nuances and interaction patterns in functioning adjectival combination. The novelty of the study lies in the fact that against the background of studying a multitude of interdependent factors, complex configurations of the semantic content of adjectival combinations are established, that makes it possible to expand existing understanding of the subject of analysis. The phenomena being revealed comprise the benefit of the research thus expanding the existing notions. Furthermore, we verify the statement about the syntactic as well as a cognitive conditionality of meaning actualization in an adjectival utterance, thereby adding to the deeper understanding of cognitive models. The conjecture of existing correlation between semantic variability and functional feasibility of adjectival combinations has found semasiological confirmation in the course of analyses, while the versatility of perspectives as a powerful tool for semantic analysis opens up new horizons for supplementary research in this field.

Keywords: semantic compatibility, attributive, predicative, actualization, proposition

For citation: Kumykova (Cuchapsheva) E.T., Kumykova D.M. On the study of meaning actualisation in adjective-substantive combinations. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 117–126. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-117-126

Изучение особенностей функционирования языковых данных в общем и сочетаемостных свойств имени прилагательного и существительного в частности представляет собой неисчерпаемое поле для лингвистического анализа в силу природных особенностей как их частеречной принадлежности, так и механизмов речепорождения. Лексическая сочетаемость традиционно рассматривается как проявление способности лексических единиц одного типа взаимодействовать между собой, что, в свое время, было обозначено как «сложение смыслов» [Щерба 2004]. Это явление наиболее полно и обоснованно выявляется в дискурсе и противопоставляется лексической валентности как потенциальной возможности единиц вступать в лексическое взаимодействие с другими языковыми данностями.

Актуальность исследования определяется растущим интересом к семантико-сочетаемостным возможностям языковых единиц в контексте современного лингвистического дискурса. Научная новизна данной работы заключается в комплексном анализе подходов к исследованию сочетаемостных свойств имен прилагательных и существительных, что позволяет выявить новые аспекты их взаимодействия, а также задать новые направления их изучения в рамках лексико-семантической сочетаемости. Работа основывается на традиционных и современных теоретических концепциях, что позволяет провести углубленный анализ не только синтаксических функций, но и семантико-сочетаемостных особенностей этих языковых единиц. Методологические основания и методы контекстуального анализа, трансформационной методики в сочетании с приемами интроспекции и логического сопоставления определяют ключевые принципы семасиологического анализа объектов изучения.

Научными предпосылками работы, детерминирующими базовые положения и принципы семасиологического анализа объекта нашего рассмотрения, являются труды Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, Е.М. Вольф, Е.С. Кубряковой, Е.В. Падучевой, А.И. Смирницкого, Ю.С. Степанова, D.Bolinger, T.Givon, Quirk и др., составляющие фундамент современного теоретического знания о данном классе

слов. Значение и значимость сведений о семантических, синтаксических, словообразовательных и других свойствах прилагательного, содержащихся в этих трудах, остаются актуальными для лингвистических изысканий.

Ввиду современной заостренности проблематики функционально-прагматических характеристик языковых данных, релевантность дополнительного исследования с целью осуществления комплексного анализа на предмет определения особенностей взаимодействия прилагательных и существительных при их функционировании в атрибутивной и предикативной позициях представляется значимым для уточнения и расширения имеющихся представлений о данном объекте исследования. Более того, верификация синтаксической, а также когнитивной обусловленности формирования смыслов при актуализации адъективно – субстантивных сочетаний, что входит в задачи предпринимаемого исследования, может служить более глубокому пониманию когнитивных моделей мира.

Несмотря на богатый багаж приобретенного знания – в самых различных областях гносеологического спектра, проблемы семантико – сочетаемостных возможностей и характеристик прилагательного и существительного остаются актуальными в наши дни, ставя перед учеными все новые задачи. Это объясняется тем, что современная лингвистика, изучая имя прилагательное в сочетаниях с существительным (и не только), сталкивается с невероятным богатством его языковых и дискурсивных проявлений [Вейнрейх 1981], [Вежбицкая 1999], [Гак 1977], [Bhat 1994].

Объяснение функционирования прилагательного в различных синтаксических и семантических контекстах требует анализа множества взаимодействующих факторов, определяющих специфику этого класса слов. А.А. Уфимцева подчеркивает уникальную и несимметричную природу качественных прилагательных – простых в структуре, но глубоко многослойных по значению [Уфимцева 1986]. Прилагательные обладают сложной семантикой, где наряду с когнитивными элементами, указывающими на свойства объектов, присутствуют модальные оттенки – субъективные оценки и аспекты [Vindler 1968], [Шрамм, 1979]. Подобные исследования проводились на материале самых разных языков [Филичева 1969], [Givón 1970], [Адмони 1973], [Вольф 1978], [Глушко 2011]. Более того, аспекты этих изысканий многообразны и предлагают пути изучения свойств прилагательного в широчайшем диапазоне воззрений на его свойства. Они проходят через аналитическую призму его синтаксических функций, таких как атрибутивное и предикативное употребление, а также семантических особенностей. Поскольку характерной чертой прилагательных как класса слов является обобщенность, расплывчатость семантических признаков, то эта специфика, в свою очередь, предполагает возможность репрезентации, а следовательно, и изучения, различных смыслов, которые могут «наслаиваться» друг на друга в отдельном употреблении слова [Bolinger 1967].

Отдельное место занимает изучение роли прилагательного в формировании смысла высказывания ввиду его способности вносить оценочность в смысл высказывания, например, положительную эмоциональную оценку предметов и явлений действительности [Босова 1998].

Плодотворным остается ономаσιологическое направление, заданное в свое время в нашей стране при разработке теории номинации В.Г. Гаком, Ю.С. Степановым, А.А. Уфимцевой, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телией, Г.В. Колшанским, которое можно рассматривать в качестве предтечи, своего рода ранней отечественной трактовки когнитивизма, поскольку во всех работах ономаσιологов красной нитью проходит тезис о речемыслительном характере процессов номинации, который неразрывно связывается в целом с прагматическими факторами речи. Изучение семантических и синтаксических особенностей прилагательного с позиций когнитивной лингвистики (см. работы: [Макарова 2011], [Сулименко 2012],

[Климова 2014]), несомненно, открывает большие перспективы нового осмысления специфики семантико-синтаксического взаимодействия адъектива и субстантива, рассматривая вклад прилагательных в построение когнитивных моделей мира. Это обусловливается тем фактом, что их характерное свойство – выражение изменчивого, динамичного, подвижного признака – становится возможным при оценке данного признака извне, с позиций говорящего. Исследование сочетаемости адъективно – субстантивных образований через призму когнитивных процессов позволяет углубленно понять данную конструкцию. Оно способствует выявлению когнитивных механизмов, которые раскрывают составную семантику сложных лексем, их концептуальную наполненность, а также особенности некоторых глубинных ментальных процессов в различных языках и культурах.

В этом плане стоит, например, отметить положительный опыт комплексного лингво-когнитивного анализа особенностей атрибутивных комплексов в рамках конструкции «*прилагательное + существительное*» на материале русского языка, с учетом английских и немецких аналогов. Расположение композиционной семантики в виде шкалы в зависимости от степени выводимости или невыводимости значений сочетаний из суммы их составляющих представляется интересным и сообразным предлагаемому анализу. На одном конце этой шкалы помещаются свободные словосочетания, затем, в порядке убывания, располагаются традиционно-эпитетные, экзистенциально-перцептивные и стандартизированные сочетания, которые наиболее легко выводятся из значений своих компонентов. Далее следуют клишированные, этикетные и номинирующие сочетания, которые не проходят тест на предикацию, но, тем не менее, могут быть выведены из суммы значений составляющих. В центре шкалы находятся композиционные сочетания, значения которых имеют имплицитный смысл, основанный на фоновых знаниях носителей языка. К ним относятся: 1) стереотипные выражения всех видов; 2) культурологически маркированные; 3) исторически обусловленные [Юдина 2006].

Синтаксические свойства прилагательного являются ключом к пониманию его семантики. Исходя из этого тезиса, вполне закономерным становится обращение к явлению синтаксической синонимии применительно к функционированию имени прилагательного в сочетании с существительным, а именно к препозитивному и постпозитивному его применению в качестве предикатива [Teissier 1968], [Кумыкова (Гучапшева), Кумыкова 2018 б].

Семантика синтаксиса была наиболее глубоко исследована в ряде работ, посвященных концепциям глубинных и поверхностных структур [Chomsky 1972], [Падучева 1974]. В этих исследованиях представлено описание языковых явлений с помощью глубинных структур, которые обладают достаточной детальностью, а также демонстрируются преобразования, позволяющие переходить от глубинных структур к синтаксическим формам предложений и обратно. Среди различных типов синтаксической синонимии особое значение имеет синонимия-толкование, которая позволяет устранять из предложений семантически сложные конструкции, последовательно редуцируя их до более простых структур с явной связью между формой и значением.

Классическая грамматика традиционно противопоставляет атрибутивное и предикативное употребление, опираясь на различие между определением и предикатом. Это различие основано на фундаментальной грамматической категории предикативности, общепринято присущей только предложению, выражающему полное суждение. Например, словосочетание *изумительный пейзаж* можно рассмотреть в конвенциональном ключе как номинативную единицу, лишенную предикативности, в отличие от предложения *Пейзаж изумителен*, где предикат *изумителен* выражает полное суждение о субъекте. Эта традиционная оппозиция основана на устоявшейся в научном поле и вполне оправдавшей себя теории словосочетания и предложения, где предложение определяется в своей сущности

коммуникативной единицей, в то время как словосочетание – номинативной. Однако с развитием лингвистического, психолингвистического, концептологического, когнитивного знания, накоплением эмпирических данных в расширенном диапазоне анализа, разработкой новых подходов, методов, принципов масштабирования языковых данных (например, применения компонентного анализа к единицам большим, чем слово, когнитивный анализ и т.д.) немалый корпус самых разноплановых, но вместе с тем единых в своих выводах работ убедительно подтверждает, что такое жесткое разделение не вполне оправданно с точки зрения глубинных семантических процессов, детерминирующих актуализацию значения прилагательного, особенно при его дискурсивой наполненности [Харитончик 1986], [Кумыкова (Гучапшева), Кумыкова 2018а], [Кумыкова (Гучапшева) Кумыкова, Гукетлова 2018]. Взаимодействие между атрибутивной и предикативной функциями прилагательного настолько тесно, что говорить об абсолютной непроницаемости границы между ними невозможно. На тесное взаимодействие, одновременно неоднозначную взаимообратимость определительных (атрибутивных) и предикативных отношений справедливо указывали В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, Е.С. Кубрякова [Виноградов 1975], [Шмелев 1976], [Кубрякова 1986]. Исследования в этой области подтверждают данное утверждение, раскрывая, каким образом атрибутивное прилагательное может нести в себе скрытую предикацию.

Так, если проанализировать атрибутивное словосочетание *избитая фраза*, то в нем препозиционно наличествует прилагательное *избитая*, которое однозначно и непротиворечиво является атрибутом, характеризующим номинатив *фраза*. Однако, условно, используя синонимическую синтаксическую трансформацию атрибутивной конструкции в предикативную, можно получить скрытое суждение: *Фраза является избитой*. Подобные трансформационные методики, рожденные в недрах генеративной грамматики, позволяют выявлять глубинные структуры – в данном случае в терминах «скрытая предикация», которая не выражена явным способом, но имплицитно присутствует.

Можно вполне достоверно утверждать, что включение в высказывание единиц скрытой предикации является важной чертой функционирования имен прилагательных. Такая имплицитно присутствующая пропозициональность привносит в словосочетание дополнительный смысл и контекстуальные нюансы, которые не всегда легко выразить явным предикатом.

Более того, современные исследования, использующие методы когнитивной лингвистики, показывают, что прилагательные не просто характеризуют существительные, а активно участвуют в формировании когнитивных моделей мира. Они активируют емкий концептуальный пласт, задействуя конкретные фрагменты знания, в том числе и экстралингвистического, включая параметры этноспецифического спектра, которые оказываются когнитивно связанными с определенным существительным, обогащая понимание описываемого объекта. Так, например, в словосочетании *теплая пыль* адъектив *теплый* в сочетании с вполне ясным и непротиворечивым номинативом *пыль* запускает в сознании дополнительные концептологические механизмы, активируя образ непротопанной дороги или тропинки, жаркого солнца, простора, сопровождаемый – наряду с вполне конкретным референтом сферы референтной отнесенности имени и одновременно с ним – дополнительными неинтенциональными признаками, характеризующими чувства и ассоциации. Подобное можно констатировать и для словосочетания *авторитарный руководитель*, в котором, помимо категоризации номинатива – *руководителя* – по определенному набору интенциональных характеристик в соответствии с семантикой атрибутива, происходит активизация воспроизведения в сознании говорящего или слушающего определенного образа руководителя, окутанного сетью ассоциаций и восприятий: неприятный, холодный, нечуткий человек и т.д. Здесь явственно эксплицируется тот факт, что семантика прилагательных

зачастую выходит за рамки простого описания признака, а адъективы, в данном случае, *теплый, авторитарный* включают в себя целые комплексы когнитивных представлений. Кроме того, лингвокогнитивный ракурс анализа семантико-синтаксических отношений атрибутива и предикатива в подобных случаях наталкивает на мысль о том, что образы и ассоциации неинтенциональной наполненности субстантива при его сочетаемости с атрибутивным прилагательным не будут универсальными. Напротив, с большой уверенностью можно выдвинуть тезис о специфичности возникающих при этом дополнительных когнитивных связей и образов для разных лингвокультур, что может стать предметом дополнительного исследования.

Помимо этого, важно учесть влияние контекста на функционирование прилагательного. Одно и то же прилагательное может выступать в роли атрибута в одном контексте и предиката – в другом. Сравним: *Мы изучили насыщенные задачи* и *Задачи (которые мы изучили) насыщенные*. В первом примере *насыщенные* является свойством, характеризующим интенционал существительного *задачи*, т.е. его атрибутом, во втором – оно предидирует признак, не входящий в поле концептуального значения существительного, являясь, таким образом его предикатом. Типическое своеобразие примеров, подобных этому, позволяет сделать утверждение, что именно заданный контекст, намерение говорящего определяет синтаксическую функцию прилагательного и, следовательно, его семантическое наполнение.

Более глубокое исследование требует также учета грамматикализации прилагательных. В процессе развития языка некоторые прилагательные могут переходить в другие части речи, теряя свои первоначальные значения и приобретая новые функции. Однако изучение особенностей процессов грамматикализации прилагательного не остается только в поле диахронических описаний. Оно имеет самое непосредственное отношение к материалам синхронии лингвистического исследования. Такое явление очень распространено, например, в кабардино-черкесском языке [Шагиров 1977: 51], [Кумыкова 2011]. Явление грамматикализации прилагательного в его сочетании с существительным при определенных условиях настолько характерно для кабардино-черкесского языка, что отразилось в появлении конкретного для таких случаев термина «атрибутивное словослияние». Более того, очевидная специфичность подобных атрибутивно-субстантивных конструкций, представляющих собой единое слово как в графическом оформлении, так и с точки зрения его фонетического восприятия при функционировании в речи, породила среди ученых споры относительно того, являются ли сочетания типа *дыджытс* (горькая вода), *жыгыццлэ* (молодое дерево) атрибутивным словослиянием или становятся новым словом – сложной номинацией – с собственной частеречной номинативной принадлежностью. К слову, дискуссия по этому поводу остается открытой, поскольку находит твердых сторонников и с той, и с другой стороны, что обещает стать продуктивным лингвистическим инструментом для лучшего понимания и адекватного описания концептологических механизмов. Более того, это явление наглядно демонстрирует динамичность языковой системы и необходимость учета исторического развития языковых единиц.

В результате, на фоне изучения множества взаимообуславливающих факторов выявляется наличие сложных конфигураций семантического наполнения адъективных сочетаний, что позволяет расширить имеющиеся представления. Наряду с этим, в ходе проведенного нами анализа верифицируется утверждение о синтаксической, а также когнитивной обусловленности формирования смыслов адъективного высказывания, являя собой дополнение к пониманию сути и форм лингво-когнитивного процесса, в рамках которого происходит сопоставление и гармонизация смыслового пространства для участников разного рода коммуникативного взаимодействия.

Подводя итоги, отметим, что изучение семантико-сочетаемостных свойств имени прилагательного, закономерностей его дискурсивно – семантического и

функционально-синтаксического соположения с существительным представляет собой задачу невероятной сложности, требующую междисциплинарного подхода. Только синтез традиционных грамматических методов с современными достижениями когнитивной лингвистики, семантики и прагматики, позволит полнее раскрыть богатство и многогранность функционирования этого важного класса слов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленное изучение взаимодействия между атрибутивной и предикативной функциями, на выявление закономерностей скрытых предикаций и на анализ роли прилагательных в формировании когнитивных моделей мира.

Список источников и литературы

- Адмони 1973 – Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.
- Босова 1998 – Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: Психолингвистический аспект : автореферат дис. ... доктора филологических наук. Барнаул, 1998. 48 с.
- Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
- Вейнрейх 1981 – Вейнрейх У. Опыт семантической теории / У. Вейнрейх // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая семантика. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 50–176.
- Виноградов 1975 – Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (На материале русского языка) // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 231–250.
- Вольф 1978 – Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. 200 с.
- Гак 1977 – Гак В.Г. О семантическом инварианте и синонимии предложения // Вопросы романо-германской филологии: сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1977. Вып. 112. С. 42–50.
- Глушко 2011 – Глушко О.Б. Немецкие прилагательные с полусуффиксами: структурно-семантический и коммуникативный анализ: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Уфа, 2011. 24 с.
- Климова 2014 – Климова Ю.А. Атрибутивная картина мира в языке: лингвокогнитивный анализ русских прилагательных, обозначающих запахи / Ю. А. Климова, О. В. Сенюкова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). URL: <https://moluch.ru/archive/62/9373/> (Дата обращения: 17.08.2025).
- Кубрякова 1986 – Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Кумыкова 2011 – Кумыкова Д.М. К вопросу субстантивации прилагательных в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4 (42). С. 136–140.
- Кумыкова (Гучапшева), Кумыкова 2018 а – Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., Кумыкова Д.М. Об акциональности / неакциональности семантического компонента имени и его актуализации в адъективном словосочетании // Научный диалог. 2018. № 5. С. 83–92.
- Кумыкова (Гучапшева), Кумыкова 2018 б – Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., Кумыкова Д.М. К некоторым основаниям классификации прилагательных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6 (84). Ч. 1. С. 93–97.
- Кумыкова (Гучапшева), Кумыкова, Гукетлова 2018 – Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., Кумыкова Д.М., Гукетлова Ф.Н. Семантическое взаимодействие прилагательного и существительного: уровни анализа // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 87–91.
- Макарова 2011 – Макарова Е.А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 2 (14). 2011. С. 184–190.
- Падучева 1974 – Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.

- Сулименко 2012 – Сулименко Н.Е. Когнитивный аспект семантики русских прилагательных. // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (031). Тамбов, 2012. С. 79–91.
- Уфимцева 1986 – Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 201 с.
- Филичева 1969 – Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М.: Высш. шк., 1969. 205 с.
- Харитончик 1986 – Харитончик З.А. Прилагательное : значение, словообразование функции : диссертация ... доктора филологических наук. Минск, 1986. 356 с.
- Шагиров 1977 – Шагиров А.К. Синтаксические наблюдения над адыгскими атрибутивными комплексами с качественным определением // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик: КБИИФЭ, 1977. С. 49–57.
- Шмелев 1976 – Шмелёв Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976.
- Шрамм 1979 – Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 134 с.
- Щерба 2004 – Щерба Л.В. Лев Владимирович Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
- Юдина 2006 – Юдина Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: на материале конструкции «прилагательное + существительное»: дис. ... доктора филологических наук. Москва, 2006. 397 с.
- Bhat 1994 – Bhat D.N.S. The adjectival category: criteria for differentiation and identification / D.N.S. Bhat. Amsterdam: Benjamins, 1994.
- Bolinger 1967 – Bolinger D. Adjectives in English: attribution and predication / D. Bolinger // *Lingua* 18. 1967. P. 1–34.
- Chomsky 1972 – Chomsky A.N. *Studies on Semantics in Generative Grammar*. The Hague: Mouton, 1972.
- Givón 1970 – Givón T. Notes on the Semantic structure of English Adjectives / T. Givón // *Language*. 1970. Vol. 4. № 4. P. 816–837.
- Teysnier 1968 – Teysnier J. Notes on the Syntax of the Adjective in Modern English. *Behavioral Science*, 20: 225–249, 1968.
- Vendler 1968 – Vendler Z. *Adjectives and Nominalizations*. Mouton and Co., The Netherlands, 1968.

References

- ADMONI V.G. *Sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka* [Syntax of modern German]. L.: Nauka, 1973. 366 p. (In Russian)
- BOSOVA L.M. *Sootnoshenie semanticheskikh i smyslovykh polej kachestvennykh prilagatel'nykh: Psiholingvisticheskij aspekt* [The relationship between semantic and semantic fields of qualitative adjectives: Psycholinguistic aspect]: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk. Barnaul, 1998. 48 p. (In Russian)
- VEZHBICKAYA A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and the description of languages]. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. 780 p. (In Russian)
- VEJNREJH U. *Opyt semanticheskoy teorii* [An experiment in semantic theory]. IN: *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: lingvisticheskaya semantika*. Vyp. X.M.: Progress, 1981. P. 50–176. (In Russian)
- VINOGRADOV V.V. *Voprosy izucheniya slovosochetaniy (Na materiale russkogo yazyka)* [Questions of studying phrases (Based on the Russian language)]. IN: V.V. Vinogradov. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike*. M.: Nauka, 1975. P. 231–250. (In Russian)
- VOL'F E.M. *Grammatika i semantika prilagatel'nogo (na materiale ibero-romanskikh yazykov)* [Grammar and semantics of the adjective (based on Ibero-Romance languages)]. M.: Nauka, 1978. 200 p. (In Russian)
- GAK V.G. *O semanticheskom invariante i sinonimii predlozheniya* [On the semantic invariant and synonymy of a sentence]. IN: *Voprosy romano-germanskoj filologii: sbornik nauchnykh trudov / MGPIIYA im. M. Toreza*. M., 1977. Vyp. 112. P. 42–50. (In Russian)
- GLUSHKO O.B. *Nemeckie prilagatel'nye s polusuffiksami: strukturno-semanticheskij i kommunikativnyj analiz* [German adjectives with semi-suffixes: structural-semantic and communicative analysis]: avtoreferat dis. ...kandidata filologicheskikh nauk. Ufa, 2011. 24 p. (In Russian)

KLIMOVA YU.A. *Atributivnaya kartina mira v yazyke: lingvokognitivnyj analiz russkikh prilagatel'nyh, oboznachayushchih zapah* [Attributive worldview in language: a linguacognitive analysis of Russian adjectives denoting smell]. – Tekst: neposredstvennyj. IN: Molodoj uchenyj. 2014. № 3 (62). URL: <https://moluch.ru/archive/62/9373/> (Data obrashcheniya: 17.08.2025). (In Russian)

KUBRYAKOVA E.S. *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. M.: Nauka, 1986. 156 p.

KUMYKOVA D.M. *K voprosu substantivizatsii prilagatel'nyh v kabardino-cherkesskom yazyke* [On the issue of substantivization of adjectives in the Kabardino-Circassian language]. IN: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2011. № 4 (42). P. 136–140. (In Russian)

KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T., KUMYKOVA D.M. *Ob aktsional'nosti / neaktsional'nosti semanticheskogo komponenta imeni i ego aktualizatsii v ad'ektivnom slovosochetanii* [On the actionality/non-actionality of the semantic component of a name and its actualization in adjective phrases] IN: Nauchnyj dialog. 2018. № 5. P. 83–92. (In Russian)

KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T., KUMYKOVA D.M. *K nekotorym osnovaniyam klassifikatsii prilagatel'nyh* [On some grounds for the classification of adjectives]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 6 (84). CH. 1. P. 93–97. (In Russian)

KUMYKOVA (GUCHAPSHEVA) E.T., KUMYKOVA D.M., GUKETLOVA F.N. *Semanticheskoe vzaimodejstvie prilagatel'nogo i sushchestvitelnogo: urovni analiza* [Semantic interaction of adjective and noun: levels of analysis]. IN: Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanij. 2018. № 1 (36). P. 87–91. (In Russian)

MAKAROVA E.A. *Semantika kachestvennyh i odnositel'nyh prilagatel'nyh v kognitivnom osveshchenii* [Semantics of qualitative and relative adjectives in cognitive light]. IN: Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. № 2 (14). 2011. P. 184–190. (In Russian)

PADUCHEVA E.V. *O semantike sintaksisa. Materialy k transformacionnoj grammatike russkogo yazyka* [On the Semantics of Syntax: Materials for a Transformational Grammar of the Russian Language]. M.: Nauka, 1974. 292 p. (In Russian)

SULIMENKO N.E. *Kognitivnyj aspekt semantiki russkikh prilagatel'nyh* [Cognitive aspect of the semantics of Russian adjectives]. IN: Voprosy kognitivnoj lingvistiki. № 2 (031). Tambov, 2012. P. 79–91. (In Russian)

UFIMCEVA A.A. *Leksicheskoe znachenie. Principy semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical meaning. Principles of semiological description of vocabulary]. M.: Nauka, 1986. 201 p. (In Russian)

FILICHEVA N.I. *O slovosochetaniyah v sovremennom nemeckom yazyke* [On phrases in modern German]. M.: Vyssh. shk., 1969. 205 p.

HARITONCHIK Z.A. *Prilagatel'noe : znachenie, slovoobrazovanie funktsii* [Adjective: meaning, word formation, functions]: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk : Minsk, 1986. 356 p. (In Russian)

SHAGIROV A.K. *Sintaksicheskie nablyudeniya nad adygsкими atributivnymi kompleksami s kachestvennym opredeleniem* [Syntactic observations on Adyghe attributive complexes with a qualitative definition]. IN: Voprosy sintaksicheskogo stroya iberijsko-kavkazskikh yazykov. Nal'chik: KBIIFE, 1977. S. 49–57. (In Russian)

SHMELYOV D.N. *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic articulation of utterances in modern Russian]. M.: Nauka, 1976. (in Russian).

SHRAMM A.N. *Ocherki po semantike kachestvennyh prilagatel'nyh* [Essays on the semantics of qualitative adjectives]. L.: Izd-vo LGU, 1979. 134 p. (In Russian)

SHCHERBA L.V. *Lev Vladimirovich Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Lev Vladimirovich Language system and speech activity]. Izd. 2-e. M.: Editorial URSS, 2004. 432 p. (In Russian)

YUDINA N.V. *Leksicheskaya sochetaemost' v kognitivnom aspekte: na materiale konstruktsii "prilagatel'noe + sushchestvitelnost'"* [Lexical compatibility in the cognitive aspect: based on the construction "adjective + noun"]: dis. ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2006. 397 p. (In Russian)

BHAT D.N.S. *The adjectival category: criteria for differentiation and identification* / D.N.S. Bhat. Amsterdam: Benjamins, 1994.

BOLINGER D. *Adjectives in English: attribution and predication* / D. Bolinger // *Lingua* 18. 1967. P. 1–34.

CHOMSKY A.N. *Studies on Semantics in Generative Grammar*. The Hague: Mouton, 1972.

GIVÖN T. *Notes on the Semantic structure of English Adjectives* / T. Givön // *Language*. 1970. Vol. 4. № 4. P. 816–837.

TEYSSIER J. *Notes on the Syntax of the Adjective in Modern English*. *Behavioral Science*, 20: 225–249, 1968.

VENDLER Z. *Adjectives and Nominalizations*. Mouton and Co., The Netherlands, 1968.

Информация об авторах

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент,

Э.Т. Кумыкова (Гучапшева) – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

D.M. Kumykova – Candidate of Sciences (Philology), associate professor,

E.T. Kumykova (Guchapsheva) – Candidate of Sciences (Philology), associate professor.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-127-133

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Лариса Борисовна Кучмезова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© Л.Б. Кучмезова, 2025

Аннотация. Статья посвящена полиаспектному исследованию диалектных этнографизмов цокающего диалекта карачаево-балкарского языка. Впервые рассматриваются отличительные особенности диалектных этнографических слов, зачастую вышедших из употребления и сохранившихся только в историко-лингвистических материалах, фольклорных текстах, художественных произведениях, описывающих быт, традиции и духовную культуру носителей цокающего диалекта. В статье сопоставительно изучаются диалектные этнографизмы, отличающиеся от аналогичных слов в литературном языке фонетическими и орфоэпическими нормами. Семантику этих этнографических диалектизмов можно интерпретировать только в контексте цокающего диалекта. С одной стороны анализируются уникальные диалектные лексемы, в большинстве случаев не имеющие прямых эквивалентов в литературном карачаево-балкарском языке, с другой стороны – диалектные этнографизмы, функционирующие как автономные словарные единицы, выявляющие в отдельных случаях прямые эквиваленты в литературном языке. Особое внимание в работе уделено лексикографической интерпретации данных языковых единиц, относящихся к различным историческим периодам развития цокающего диалекта.

Ключевые слова: этнографизм, диалектизм, лексико-семантическая группа, цокающий диалект, локальные произносительные нормы, лексикографические источники

Для цитирования: Кучмезова Л.Б. Этнографические диалектизмы в карачаево-балкарском языке // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 127–133. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-127-133

Original article

ETHNOGRAPHIC DIALECTISMS IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Larisa B. Kuchmezova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© L.B. Kuchmezova, 2025

Abstract. The article is devoted to a multi-aspect study of dialectal ethnographisms of the tsok dialect of the Karachay-Balkar language. For the first time, the distinctive features of dialectal ethnographic words are examined, which have often fallen out of use and are

preserved only in historical and linguistic materials, folklore texts, and works of art describing the life, traditions, and spiritual culture of speakers of the clicking dialect. This article comparatively examines dialectal ethnographisms that differ from similar words in the literary language in phonetic and orthoepic norms. The semantics of these ethnographic dialectal words can only be interpreted in the context of the tsok dialect. On the one hand, unique dialectal lexemes are analyzed, which in most cases do not have direct equivalents in the literary Karachay-Balkar language, on the other hand, dialectal ethnographisms that function as autonomous vocabulary units, revealing in some cases direct equivalents in the literary language. Particular attention in the work is given to the lexicographic interpretation of these linguistic units relating to different historical periods of the development of the Tsok dialect.

Keywords: ethnographism, dialecticism, lexico-semantic group, clicking dialect, local pronunciation norms, lexicographic sources

For citation: Kuchmezova L.B. Ethnographic dialectisms in the Karachay-Balkar language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 127–133. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-127-133

В карачаево-балкарском языке этнографические диалектизмы играют важную роль в сохранении национальной самобытности носителей цокающего диалекта, служат проводником уникального национального мировосприятия, системы ценностей и представлений о мире и человеке. Они способствуют углубленному пониманию вопросов культуры и уклада жизни носителей цокающего диалекта, обогащают язык, в котором заключены понятия народных обычаев и традиций и помогают восстанавливать культурное и духовное наследие через изучение значений этнографических диалектных слов. В народных традициях, обычаях и обрядах наиболее полно и ярко отражаются национальные особенности, характер и менталитет носителей цокающего диалекта. Локальные диалектные этнографизмы представляют собой ценный материал, обогащающий словарный состав цокающего диалекта.

Изучение этнографических диалектизмов составляет особый научный интерес, поскольку до сих пор не становилось предметом специального исследования. В карачаево-балкарском языке отсутствуют специализированные словари, посвященные данной проблематике, работы, раскрывающие лексико-семантические особенности диалектных этнографизмов с точки зрения их этимологических особенностей. Ряд научных работ освещает различные аспекты поднимаемого здесь вопроса [Ашпоев 2011], [Гузеев, Махиева 2015], [Додуева и др. 2017], [Кетенчиев и др. 2022], [Кучмезова 2020].

Цель настоящей статьи – изучение этнографических диалектизмов через призму разнообразных лексико-семантических аспектов, сопряженных с национальной системой ценностей и ментальными установками, проявляющимися в картине мира ц/з диалекта карачаево-балкарского языка.

Этнографическую лексику как тематически обусловленную группу лексических единиц можно разделить на общеупотребительную и диалектную.

Этнографические диалектизмы представляют собой лексемы, которые связаны по значению или форме с особенностями местного бытового уклада. При этом выделяются следующие виды взаимосвязи: а) диалектные слова, отсутствующие в литературном языке, обозначающие уникальную местную реальность, незнакомую носителю литературного языка: *узгъа* (ц.диал., уст.) «ручная мельница», *фотку* «древесная опилка», *фулму* «мучная пыль»; б) диалектные слова, относящиеся к определенному лексико-семантическому классу, у которых проявляются семантические свойства, не характерные для соответствующего литературного термина: *тапхыр / атауул* «род, фамилия; ветвь, ответвление от рода, часть рода», *къаланкъа* (ц.диал.) / *ау* (лит.) «занавеска (в углу комнаты, за которой стояла невеста во время свадьбы); занавешивавшая ложе молодых, полог, ширма» [РКБС 1989, 214], *гысты* (ц.диал.) / *кюлте* (лит.) «сноп», *тайпокъ къазан* (ц.диал.) «огромный медный казан, куда вмещалась мясо целого вола; котел» и др.

Как особый разряд лексических единиц, этнографические диалектные лексемы карачаево-балкарского языка, вышедшие из активного языкового употребления, относятся к обрядовой лексике, обозначающей предметы, явления, понятия и особенности повседневной жизни, характерные для цокающего диалекта. Диалектные этнографизмы, отражающие местные реалии повседневности, не имеют точного общеязыкового аналога и отсутствуют в материалах литературного языка, значения которых можно передать через описательные средства, демонстрируя уникальные особенности местного образа жизни и трудовой деятельности: *шатын* – *саутларын шатынлагъа байлай эдиле / ат илкичле* (лит.) «коновязь; оружие и снаряжение они привязывали к коновязи»; *шанкъурт* – *гыбытны къыйырчыгына салынган быргычыкъ* [КБНПС 2023: 405] «трубочка, желоб для бурдюка, чтобы можно было вливать в него и сливать из него»; *гъауел* – *кюз артында неда жаз башында жел бла бирге къар къатыш жауун жауун, адамны, малны да бек къыйнайды. Кюнню ол халына гъауел дейдиле* [КБНПС 2023: 391] «снег с ветром и дождем, выпадающий осенью или весной, очень затрудняет и тяготит, и животных, и людей. Такую непогоду называют так»; *шауел* – *сууукъ, къыш кюн, эрттенликде къатхан къарны юсюнде жылтырагъан ийне, тюйме, нартюх къышхыр кибикле, жылтырап, адамны кёзюн къаматадыла. Шауел деген ма олду* [КБНПС 2023: 405] «холодным зимним днем, блестящий, промерзший по утрам иней в виде иголок, пуговиц или отрубей, вызывающий резь в глазах»; *шох* – *къама бауну, таулу чомачаны да туююмчеги* [КБНПС 2023: 405] «штырь, притыка для шнура / ремешка кинжала (темляк); повязка для занозы» и др.

Диалектные этнографизмы, представляющие собой разнообразные сведения об историческом прошлом носителей цокающего диалекта, систематизированы в лексико-семантические тематические группы, которые выделяются в зависимости от предметного и абстрактного значений слов. Объединение таких слов в группы обусловлено классификацией самих реалий. К диалектным этнографизмам, созданным носителями цокающего диалекта и используемым местными жителями в конкретных условиях, относятся наименования множества предметов обихода, специфических черт домов и других построек. Исходя из различных особенностей анализируемого материала, можно выделить две большие группы этнографических диалектизмов: 1) относящиеся к материальной сфере жизни; 2) относящиеся к духовной сфере культуры.

К диалектным этнографизмам, относящимся к материальной сфере жизни входят:

1) наименования жилья и хозяйственных построек (их частей): *гедеш* (ц. диал.) / *тауукъ орун* (лит.) «курятник»; *гёш* «разновидность навеса»; *саппакъ* (ц. диал.) тирмен (лит.) «мельница»; *айлау* (ц. диал.) / *отоудан уллуракъ, уллу юйню къыйыр жанында, аш-суу жорюген жерден бёлегирек* «зал; пристройка к краю дома, побольше комнаты, часть дома, отделенная от кухни»; *арафла* (ц. диал.) [КБНПС 2023, 387] / *илкичле* (лит.) «жердь, стропила дома» и др.

2) названия предметов домашнего обихода и приспособлений для ведения хозяйства:

а) названия домашней утвари: *къач цырца* (ц. диал.) «почетный подарок в виде чаши, наполненной разными лакомствами, пряностями и предметами легкого туалета»; *копал* (ц. диал.) «чаша деревянная»; *копуй* (ц. диал.) / *кели* (лит.) «ступка (небольшая деревянная)»; *кюштел* (ц. диал.) / *чыккыр* (лит.) / *бёчке* (карач.) «кадка, бочка, чан»; *тёнчек* (ц. диал.) / *гопан аякъ* (лит.) «чаша с двумя ручками на трех ножках»; *агуна* (ц. диал.) / *саплы гопан* «чаша с ручками на двух ножках для тюри»;

б) названия инструментов и приспособлений для хозяйственной деятельности: *кифе* (ц. диал.) / *чага* (лит.) «мотыга, тяпка»; *готон* (ц. диал.) / *сабан агъач* (лит.) / *къаладжюк* (карач.) «плуг, соха»; *къыйтхы* (ц. диал.) / *тырнаууч* (лит.) «борона,

грабли»; *эшек зип* (ц. диал.) [Гузеев, Махиева 2015, 145] / *жантау* (лит.) «длинный аркан, изготовленный из кожи крупного рогатого скота»; *гулос* (ц. диал.) / *гылмай* (лит.) «держак (на ручке косы)» (у карачаевцев *гылмай* «держак на ручке сохи»); *шатын* (ц. диал.) [КБНПС 2023, 405] / *ат илкичле* (лит.) «коновязь»; *ылыстыр* – *гебenni тартханда, аны тубюнден чыкъгъан бичен гулмакла. Алагъа токалашла да дейдиле* «комкообразные ключья, комья сена, образующиеся во время перевозки сена»; *ытын* – *сабан агъачны гидасыны башында чындыны бегитирге деп салынган эки агъач чойден тубюндеги* «деталь сохи над лезвием бороны, поддерживаемый ремнем»; *шох* – *къама бауну, таулу чомачаны да тойюмчеги* «узел, поддерживающий штырь к подвязке кинжала»; *тахан* (ц. диал.) / *чигинжи* (лит.) / *багъана* / *чыпын* «столб»;

3) наименования, связанные с пищей: *уууз* (ц. диал.) / *ырпыс* (лит.) «молозиво»; *жора боза* / *бирге жыйылып, биреуню атын эсгерип ичген боза* «буза, которую пьют вспоминая о ком-то»; *жымыл* (ц. диал.) / *жетмеген, татыусуз нартюх* / *жымыл нартюх* «недозревшее зерно кукурузы»; *хамиси* / *хамеши* «верхний плотный слой кислого молока»; *ютхюмюц* (ц. диал.) – *терк бишген, болмачы, амалына кёре этилген боза. Жукъа, къарыусуз ичги* «жидкая, наспех, кое-как сваренная буза»; *нардыу гюттю* (ц. диал.) «солнечная пышка», *тишимек* (ц. диал.) «блин» [Кучмезова 2020, 129], *умур* (ц. диал.) / *муру* «крошка», *цорма* (ц. диал.) / *как* (лит.) «мучная каша» и др.

4) названия, связанные с одеждой и обувью: *гефхин* (ц. диал.) / *ал бота* (лит.) «передник, фартук» [Гузеев, Махиева 2015, 20]; *фадауан* (ц. диал.) / *мидел* (лит.) «солома, повторно подкладываемая в горскую обувь» [694; Кучмезова 2020, 130]; *тюфхюр* (ц. диал.) / *апун* (лит.) / *тюнгюч* «подушка для сидения» и др.

К диалектным этнографизмам, относящимся к духовной сфере культуры, можно причислить названия обрядов и обычаев, которые регулируют социальные нормы и определяют традиции, например: *къаланкъа* (ц. диал.) / *ау* (лит.) / *мюйюш жабыу* «занавеска (в углу комнаты, за которой стояла невеста во время свадьбы до окончания свадебного ритуала); занавешивавшая ложе молодых, полог, ширма» [ТСКБЯ Т. II, 516–517; РКБС 1989, 214], *кетпай* (ц. диал.) / *гяпчи* / *зыккыл теке* [РКБС 1989, 292] «ряженный, шут, который развлекает народ на свадьбах, вечерах» и др.

Они отличаются своей локальной закрепленностью: в других местах диалектные этнографизмы, характерные для языка цокающего диалекта, либо отсутствуют вовсе или имеют совершенно иное смысловое значение: *сёмюр* «широкая посуда для процеживания бузы с впадиной и отверстием посередине», *гота* «корзина для всякой мелочи», *супху* «пробка» и др. Приведенные примеры обозначают уникальную местную реальность, незнакомую носителю литературного языка и не имеют синонимов в исследуемом языке. Отличительной особенностью традиционного наследия и национальной самобытности языковой культуры цокающего диалекта является то, что материальная и духовная сферы жизни носителей этого диалекта отображены именно в этих выразительных диалектных этнографизмах.

В некоторых случаях диалектные особенности этнографизмов интерпретируются внешними, неязыковыми факторами, существующими в ограниченном географическом распространении определенной группы слов. Так, этнографизмы *кифе*, *кюштел*, *гефхин*, *тюфгюр* понятны не всем носителям карачаево-балкарского языка, но когда эти диалектные слова уточняются литературными эквивалентами *чага*, *чыккыр*, *ал бота*, *апун*, то становится понятно всем носителям языка, что это «тяпка, бочка, передник, подушка для сидения». Приведенные диалектизмы употребляются только носителями цокающего диалекта, проживающими на территории Черекского района. Они имеют все характеристики структурированных диалектных этнографизмов, отраженных в толковых и переводных словарях.

В них можно найти, к примеру, обозначения разнообразных кулинарных шедевров, многие из которых в настоящее время не готовят, историзмы и устаревшие слова, вытесненные литературными эквивалентами и вошедшие в пассивный состав карачаево-балкарского языка: *айран бушто* «тюря (хлеб, крошенный в айран)»; *мёрезе* «мамалыга с плавленым сыром»; *гюттю* «лепешка»; *чырлама* «род лакума»; *уумач* – *кьууут бла жауну неда айранны бирге кьатышдырып этилген аш. Неда кьууутха бал кьошуп, боза бла ийлеп, ёречикле этип ашайдыла* «еда, которую готовили, перемешав кукурузную муку, сливочное масло и айран», *хамиси бушто* – *аякъгъа жылы гыржын бла бишлакъны бирге уууп, айран кьуюп, кьатыш этсе, анга хамиси бушто дейдиле* «когда в чашу вместе с теплым хлебом крошат сыр и перемешивают, такое блюдо называли *хамиси бушто* «тюря» (хлеб, крошенный в молоко, сметану, айран)», *жаубасхан* – *башы алынмагъан бишлакъ бла жау кьатышдырылгъан хамисини кьалачла бла ашау* «блюдо, в котором жирный сыр и масло ели попеременно вместе с калачами» [КБНСС 2023, 392–403] и др.

Таким образом, этнографические диалектизмы распределяются на несколько тематически обусловленных групп, которые связаны по значению или форме с особенностями местного бытового уклада. Исследование лексико-семантических особенностей этнографических диалектизмов дает возможность глубже понять особенности культуры, включая ее обычаи, быт и названия материальных ценностей. Помогает сохранению традиционного наследия и дальнейшей передаче его последующим поколениям. За счет диалектных этнографизмов литературный язык обогащается, а знания о местных традициях, обычаях, особенностях уклада жизни получают новое развитие.

Анализ фактологического материала позволяет отметить, что извлеченные из переводных и толковых словарей, фольклорных материалов, художественных произведений этнографические диалектизмы имеют важное значение в изучении и разработке основных вопросов диалектологии, лексикологии, лексикографии карачаево-балкарского языка как в синхронном, так и диахронном аспектах. Кроме того, следует отметить, что не все этнографические диалектизмы входят в существующие лексикографические источники изучаемого языка. Есть необходимость создания Словаря этнографических терминов с учетом их диалектных особенностей.

Список источников и литературы

Аппоев 2011 – *Аппоев А.К.* Лексико-семантические группы этнографической терминологии карачаево-балкарского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13 (228). Филология. Искусствоведение. Вып. 54. С. 26–30.

Гузев, Махиева 2015 – *Гузев Ж.М., Махиева Л.Х.* Краткий словарь малкарского (Ц/З) диалекта карачаево-балкарского языка. Нальчик: Издательский отдел КБНЦ РАН, 2015. 150 с.

Додуева и др. 2017 – *Додуева А.Т., Жабоева А.А., Девеева А.А.* Локативные составляющие лексики свадебного обряда в карачаево-балкарском языке // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. № 04-3. С. 166–168.

КБРС 1989 – *Карачаево-балкарско-русский словарь.* М.: Рус.яз., 1989. 832 с.

КБНПС 2023 – *Карачаево-балкарские народные сказки и сказания / собир. Д.М. Таумурзаев; сост., предисловие М.Ч. Джуртубаева.* Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2023. 412 с.

Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Философия национальной карачаево-балкарской пицци // Национальные образы мира в художественной культуре: международная научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929–2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 479–485.

Кетенчиев и др. 2022 – *Кетенчиев М.Б., Ахматова М.А., Додуева А.Т.* Архаическая лексика в карачаево-балкарских паремиях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 297–307.

Кучмезова 2020 – *Кучмезова Л.Б.* Проблемы развития карачаево-балкарского языка и его диалектов. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН. 2020. 148 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 1996, Т. 1. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю). Т. 1. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2002, Т. 2. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю). Т. 2. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1168 с.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка 2005, Т. 3. Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3-х томах (Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю). Т. 3. С–Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1157 с.

References

АПОЕВ А.К. Leksiko-semanticheskie gruppy ethnograficheskoi terminologii karachaevo-balkarskogo yazyka [Lexico-semantic groups of ethnographic terminology of the Karachay-Balkar language] IN: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. IN: Filologiya. Iskusstvovedenie [Philology. Art history]. 2011. № 13 (228). Issue 54. Pp. 26–30. (In Russian)

ГУЗЕЕВ Zh.M., МАНИЕВА L.H. Kratkij slovar' malkarskogo (C/Z) dialekta karachaevo-balkarskogo jazyka [A short dictionary of the Malkar dialect of the Karachay-Balkarian language]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBNC RAN, 2015. 150 p. (In Balkarian)

ДОДУЕВА А.Т., ЗХАБОВЕВА А.А., ДЕВЕЕВА А.А. Lokativnye sostavlyayushchie leksiki svadebnogo obryada v karachaevo-balkarskom yazyke [Local Components of the Vocabulary of the Wedding Rite in the Karachay-Balkar Language]. IN: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Innovatsionnaya nauka» [International Scientific Journal “Innovative Science”]. 2017. No. 04-3. Pp. 166–168. (In Russian)

KARACHAEVO-balkarsko-russkii slovar' [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 832 p. (In Karachay-Balkarian-Russian)

KARACHAEVO-balkarskie narodnye skazki i skazaniya [Karachay-Balkar Folk Tales and Legends] / sobir. D.M. Taumurzaev; sost., predislovie M.Ch. Dzhurtubaeva [collected by D.M. Taumurzaev; compiled and prefaced by M.Ch. Dzhurtubaev]. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House. 2023. 412 p. (In Karachay-Balkarian)

КЕТЕНЧИЕВ М.Б., АХМАТОВА М.А., ДОДУЕВА А.Т. Arhaicheskaja leksika v karachaevo-balkarskih paremijah [Archaic vocabulary in Karachay-Balkarian parodies]. IN: Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki [Polylingualism and transcultural practices]. 2022. Vol. 19. No. 2. Pp. 297–307. (In Russian)

КУЧМЕЗОВА Л.Б. Problemy razvitiya karachaevo-balkarskogo yazyka i ego dialektov [Problems of development of the Karachay-Balkar language and its dialects]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'ckij otdel IGI KBNC RAN. 2020. 148 p. (In Russian)

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language] (K'arachai-malk'ar tilni angylatma sezlyugyu). Т. 1. А–Ж. Nal'chik: El'-Fa, 1996. 1016 p. (In Karachay-Balkarian)

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language] (K'arachai-malk'ar tilni angylatma sezlyugyu). Т. 2. З–Р. Nal'chik: El'-Fa, 2002. 1168 p. (In Karachay-Balkarian)

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language] (K'arachai-malk'ar tilni angylatma sezlyugyu). Т. 3. С–Я. Nal'chik: El'-Fa, 2005. 1157 p. (In Karachay-Balkarian)

Информация об авторе

Л.Б. Кучмезова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Information about the author

L.B. Kuchmezova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Language.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 21.10.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-134-141

АДЫГЭБЗЭМ И БАЛЪКЪ ПСЭЛЪЭКІЭМ И ЯЗЫНЫКЪУЭ ЛЕКСИКЭ ЩХЪЭХУЭНЫГЪЭХЭР

Хэжэ Залинэ Рашид ихъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щІэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щІэныгъэ центр» Федеральнэ щІэныгъэ центрым и филиал, Налшык, Урысей hezhevaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Хэжэ З.Р., 2025

Аннотацэ. Статъяр зытеухуар адыгэбзэм и балъкъ псэлъэкІэм ирисалъэхуэ Къэбэрдей-Балъкъэр Республикэм хыхъэ Малкэ (Хъэжыхъэблэ), Бэтэх, ЯтІэкъуэ къуажэхэм шыпсэухэм я бзэм и лексикэ щхъэхуэныгъэхэмрэ ахэр литературэбзэм кызырэщхъэщыкІ щыкІэмрэ къэгъэлыгъуэнырщ. Лэжыгъэм кыхэдгъэщакъ лексикэ илъэныкъуэкІэ щыпІэбзэхэмрэ псэлъэкІэхэмрэ яІа нэщэнэгъэлыгъуэхэмрэ абыхэм иджырей зэманым къриубыдзу яІэ щытыкІэмрэ зэгъэщэным мыхъэнэшхуэ зэриІэр.

Лексикэ и лъэныкъуэкІэ балъкъ псэлъэкІэмрэ литературэбзэмрэ яІэ зэтемыхуэныгъэр зыбжанэ мэхуэ: литературэбзэми балъкъ псэлъэкІэми я зэдай псалъэхэм гъэпсыкІэ илъэныкъуэкІэ иІэ щхъэхуэныгъэхэр; балъкъ псэлъэкІэми литературэбзэми я зэдай псалъэм и мыхъэнэр шызэтемыхуэр; зы фІэщыгъэцІэ, е зы гурыІуэгъуэ гуэрым я жыІэкІэр балъкъ псэлъэкІэмрэ литературэбзэмрэ псалъэ гъэпсыкІэхэм яІэ щхъэхуэныгъэхэр.

Литературэбзэмрэ балъкъ псэлъэкІэмрэ я псалъэ гъэпсыкІэхэм яІэ щхъэхуэныгъэхэр нэхыбзу а тІум яку дэль хабзэ хэхам тет фонетикэ зэпэхуныгъэхэм кыхэкІаш, ауэ а фонетикэ зэпэхуныгъэм кымызэгъэ зэщхъэщыкІыныгъэ ущрихъэлІэ щыІэщ.

Зэрыгуазэ псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, литературэбзэ, балъкъ псэлъэкІэ, лексикэ щхъэхуэныгъэхэр

Цитатэ кызырэщхъыныр: Хэжэ З.Р. Адыгэбзэм и балъкъ псэлъэкІэм и языныкъуэ лексикэ щхъэхуэныгъэхэр // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 134–141. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-134-141

Original article

SOME LEXICAL FEATURES OF THE MALKIN DIALECT OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zalina R. Khezeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, hezhevaz@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© Z.R. Khezheva, 2025

Abstract. The article examines the peculiarities and some differences between the speech of the indigenous inhabitants of the villages of Bateh and Etoko, and the lower part of the village of Malka (Khazhikhable), in the Zolsky district of the Kabardino-Circassian Republic. This article substantiates the need for a revision and comprehensive analysis of the main

lexical features and isoglosses of the Malka dialect to account for structural transformations in the vocabulary of the modern Kabardino-Circassian language. The article analyzes the main differences in the vocabulary of the Malka dialect in comparison with the data of the literary language, identifies lexical discrepancies, where identical concepts in the literary language and dialect are expressed by different lexical units, and traces some differences in the design of words common to the Malka dialect and the literary language. Some discrepancies in the semantics of lexemes in the studied dialect with the norms of the literary language are characterized.

Keywords: Kabardino-Circassian language, literary language, Malkinsky dialect, lexical features

For citation: Khezheva Z.R. Some lexical features of the Malkin dialect of the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 134–141. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-134-141

Научная статья

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛКИНСКОГО ГОВОРА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Залина Рашиadowна Хежева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, hezhevaz @yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6384-4647>

© З.Р. Хежева, 2025

Аннотация. Статья посвящена определению лексических особенностей и некоторых различий с литературным кабардино-черкесским языком в речи коренных жителей сел, Батех и Этоко, нижней части с. Малка (Хажихабле) Зольского района КБР. В статье обосновывается необходимость ревизии и всестороннего анализа основных лексических особенностей и изоглосс малкинского говора для учета структурных трансформаций в области лексики современного кабардино-черкесского языка. В статье проанализированы основные отличия в словарном составе малкинского говора в сравнении с данными литературного языка, выявлены собственно лексические расхождения, когда идентичные понятия в литературном языке и говоре выражаются разными лексическими единицами, прослежены некоторые различия по оформлению формы слов, являющихся общими для малкинского говора и литературного языка. Охарактеризованы некоторые несоответствия в семантике лексем в исследуемом говоре с нормами литературного языка.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, литературный язык, малкинский говор, лексические особенности.

Для цитирования: Хежева З.Р. Некоторые лексические особенности малкинского говора кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 134–141. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-134-141

Иужьрей ильгэс зыбжанэхэм къриубыдэу щыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ я тхыдэм, ахэр джыным бзэщIэныгъэм мыхьэнэшхуэ ирит зэпытщ икIи нобэ а унэтIыныгъэм и актуальнагъым зыми шэч къытрихьэркъым. Псом хуэмыдэжу, иджыпсту бзэм и шытыкIэм, абы егъэлеяуэ псынщIэу зызэрихьуэжым щыхьэт тохьуэ лексикэ ильэныкъуэкIэ лингвистикэ къэхутэныгъэхэм хэтлгъагъуэ зэхьуэкIыныгъэхэр. Зэрыгурыуэгъуэщи, лъэпкъ машIэхэм я щыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ джыныр нэхъ хэгъэчыныхьауэ шытын хуейщ, фонетикэ, морфологие, лексикэ я лъэныкъуэкIэ бзэм иIэ щхьэхуэныгъэхэр убзыхуа, зэрызэрыIыгъыу къэпщыта хьун щхьэкIэ.

Адэгэбзэм и щыпIэбзэхэмрэ псэлъэкIэхэмрэ нэхъ убгъуауэ джын шыщIадзар блэкIа лэщIыгъуэм и 50 гъэхэрщ. Бзэм и фонетикэ системэм, макъзешэхэмрэ макъ дэкIуашэхэмрэ я вариант зэщхьэщыкIыныгъэхэм, морфологием ипкъ иткIэ

процесс еркуэклхэм, лексикэ шхьэхуэныгъэхэм куууэ тетхыхьащ щыпцэбздэджхэу Къумахуэ М.И. [Кумахов 1957], Балькэр Б.Хь. [Балкаров 1959], Багы П.М. [Багов 1968], Кгуащ Т.Хь. [Куашева 1969], Мамрэш К.Т. [Мамрешев 1959], Шагьыр I. Кь. [Шагиров 1969], Тау Хь.Т. [Тау 1998], Биццо Б.Ч. [Бижоев 2018], Бэрбэч Б.Ч. [Бербеков 1992] сымэ.

Ди щэныгъэ лэжыгъэхэм япэуэкли къазэрыхэдгъэщаци, 1972–1975 гъэхэм къриубыдэу Къэбэрдэ-Балкэр щэныгъэ-къэхутакуэ институтым къызэригъэпэща щыпцэбздэж экспедицэм хэта бзэщэныгъэлхэм адыгэбзэм и щыпцэбзэхэмрэ псэлыэклэхэмрэ ареал илъэныкыуэклэ яубзыхуащ, а зэманым къриубыдэу абыхэм ялэ нэщэнэгъэлыагъуэ нэхьыщхьэхэр губгъуэрытх материал зэхуахьэсам ипкэ итклэ къагъэлыгъуащ (Хежева, 2023).

Адыгэбзэм и балкэ псэлыэклэм бзэ илъэныкыуэклэ илэ нэщэнэгъэлыагъуэхэм нэхь хэхауэ елэжыащ Шагьыр Iэмин. 1955 гъэм щэныгъэллым итха лэжыгъэм балкэ псэлыэклэм и шхьэхуэныгъэхэр нэгъэсауэ щызэпкърихаш, фонетикэ, морфологие, лексикэ ехьэллауэ ар литературэбзэм къызэрыщхьэщыклэ псори игъэбелджылащ (Шагиров, 1955). Ди лэжыгъэм и лъабжьэу убж хьунуц Шагьырым и къэхутэныгъэхэр, ауэ, зэрыгурылуэгъуэщи, бзэм зэрызэрылыгъуэ, щыпцэбзэхэри псалэклэхэри къыдэкуэу блэкла зэманым къриубыдэу игъуэта зэхуэуэныгъэхэр къэтпщытэну яужь дитащ.

Лэжыгъэм къыщыкыуэ бзэ шхьэхуэныгъэхэр дгъэнэуащ Хьэжыхьэблэ (Малкэ), Бэтэх, Ятлэкъуэ къуажэхэм щызэхуэтхьэса губгъуэрытх материалхэм къахэтха шапхьэхэмклэ (ПИМА, 2024).

Балкэ псэлыэклэмрэ литературэбзэмрэ лексикэ илъэныкыуэклэ ялэ зэщхьэщыкыныгъэхэр лэужыгъуэ зыбжанэу зэхэбгъэклэ хьунуц:

1. Литературэбзэми балкэ псэлыэклэми я зэдай псалэхэм гъэпсыклэ илъэныкыуэклэ ялэ шхьэхуэныгъэхэр;
2. Зы хьэпшыным, е зы гурылуэгъуэ гуэрым илэ флэщыгъэцлэр балкэ псэлыэклэмрэ литературэбзэмрэ щызэтемыхуэр.
3. Литературэбзэми балкэ псэлыэклэми я зэдай псалэм и мыхьэнэр щызэщхьэщыкылхэр.

Балкэ псэлыэклэмрэ литературэбзэмрэ я псалгэ гъэпсыкылэхэм ялэ шхьэхуэныгъэхэр нэхьыбэу а тлум яку дэль хабзэ хэхам тет фонетикэ зэпэхуэныгъэхэм къыхэклащ, ауэ а фонетикэ зэпэхуэныгъэм къымытлэса зэтемыхуэныгъэ гуэрхэми дрохьэллэ.

Ищхьэклэ зэрыщыжытлащи, балкэ псэлыэклэм ирипсалгэ япэ гупым я жьабзэм литературэбзэм къыщыкыуэ лылылыль-щлэфие макъ дэкуашэ укьуэдияхэм яплэклэ лылылыль макъ дэкуашэ укьуэдия шабэхэр къагъэсэбэп, етгуанэ гупым хыхьэхэм я жьабзэм щлэфие макъ дэкуашэ укьуэдия шабэхэр къыщоклуэр. Абы къэшэ литературэбзэмрэ балкэ псэлыэклэмрэ хабзэ хэхам тет фонетикэ зэпэхуэныгъэ ялэныр. Апхуэдэу, литературэбзэм къыщыкыуэ лылылыль-щлэфие макъ дэкуашэ укьуэдия зыхэт псалгэу хьуар балкэ псэлыэклэм и лэужыгъуэитлым я фонетикэ нэщэнэ нэхьыщхьэм щыхуэгъэкуащ. Псалгэм папщлэ: **щы** – **ш'ы** (Мыбдежи адэкли къыщытхь шапхьэхэр ди губгъуэрытх материалхэм къыхэтхаш – Х.З.): *Ахэр си анэихуэм жиуэжу зэхэсхаш, уни шыи зыри димылуэ дыкьашэ дыкьрагъэтлысэхри, жи, шыунэ къэтлтри дышлэсащ, абы дышлэсурэ унэ тиллащ жиа, хэку зауэихуэми мыбде дыщытсэуащ, жиа...* (Лакъ Абуали Исуф и къуэ, 1965 гъ., Ятлэкъуэ); **щы** – **ш'ы** «три»: Шоферу *сышеджэм шыгъуэ, хьыджэбз цыкылухэм ауан сыкьашырт: ш жылэт жалэурэ, лэджэрэ жызагъылэрти, къышыдыхьэхырт. – Ей, хьэ фыдыхьэхырт-тлэ? Абы къычлыр силэтэлымэ...* (Хьэжнэгъуей Борис Мухьутар и къуэ, 1932 гъ., Хьэжыхьэблэ); **жьэпшынэ** – **ж'эпшынэ** «губная гармошка»: *Мамэ мыгъуэм, си анэм «румын гуэрхьэр» жиуэу шыташ... дэсхуэ, зы нэхь офицер хуэдэу дэсым яхэт хьунти: мыхуэди силэц, мыпхуэди силэц» жери*

Иэтэртэмшичлэ мо бзэклэ, урысыбзи сыти зымышлэм, ж'эпиынэ, мис мыпхуэду губной гармошкэ цыкыу немецку кыысхуихьри кыызитауэ моуэ мыпхуэдиз хууэ куэдлейрэ абы дриджэгуу тлыгъауэ мис а закъуэр соулэж. (Жэрыкыуэ Жанзилэ Пшыбий ипхуэ, 1939 гь., Бэтэх)

Литературэбзэм	Балыкь псалыкьэм
<i>щы</i>	<i>ш'ы</i>
<i>щэ</i>	<i>ш'э</i>
<i>щынэ</i>	<i>ш'ынэ</i>
<i>щлы</i>	<i>ш'лы</i>
<i>щлэ</i>	<i>ш'лэ</i>
<i>щлэн</i>	<i>ш'лэн</i>
<i>жсьэ</i>	<i>жс'э</i>
<i>жсьы</i>	<i>жс'ы</i>
<i>жсьэгу</i>	<i>жс'агу</i>

Литературэбзэмрэ балыкь псалыкьэмрэ хабзэ хэхам темыт фонетикэ зэщхьэ-щыкыныгыгэхэри ялэщ:

Литературэбзэм	Балыкь псалыкьэм
<i>гуарцэ</i>	<i>уарцэ</i>
<i>хьэфлэнэ /фланэ</i>	<i>хьэмфланэ</i>
<i>пщыхьэщхьэ</i>	<i>п'ш'ыхь</i>
<i>уэншэку</i>	<i>уэршоку</i>
<i>уэнжакъ /уэнджакъ</i>	<i>уэржакъ</i>

Литературэбзэмрэ балыкь псалыкьэмрэ кышыкыуэ хабзэ хэхам темыт зэхуэкыныгыгэхэми я кьежыапэр бзэм и тхыдэм хыдолыагыуэ. Литературэбзэм кышыкыуэ *гуарцэ* псалыкьэм и плэклэ *уарцэ* псалыкьэр кьэгъэсэбэпыныр етлуанэрей кьэхьугъэщ. Бзэгу лъэдакьэм кышыкыуэ *лупэлүш* макъ дэклуашэ кышиуд *гу-р* *лүмпэм* кышыкыуэ макъзешэ ныкыуэ *у-м* щыхуэкыуэм и шапхьэ зыбжанэ адыгэбзэм дыщрохьэллэ. Ищхьэклэ зи гугъу тшлэ *лүэхугъуэхэр* щыхьэт тохуэ *уарцэ* псалыкьэр литературэбзэм хэтлыагыуэ *гуарцэ* псалыкьэм и пэ кыит макъ дэклуашэ *г-р* пыхуу кызырыхуам: *Щатхьуц кьуэр, кьуэ кьуэцлым дэтлысхьэщ ятлагыуэ джабэ бгыр щлатхьури, бгъэныщхьэ унэр абы хэдъери, щлыхьэплэ илэу тцлыри дэтлысэкласи, жи кьэкуар. Уарцэ дгъэсаси, жиа, зыр зым дьдэлэпыкыуаси, жиа.* (Кьардэн Маритэ Владимир ипхуэ, 1971 гь., Ятлэкуэ).

Балыкь псалыкьэм кышыкыуэ *хьэмфланэ* псалыкьэр литературэбзэм кышыкыуэ *хьэфланэ/фланэ* псалыкьэм нэхрэ нэхь пасэу кьежыауэ хуэбгъэфашэ хьунуш. Иджрей адыгэбзэм *хьэфланэ/фланэ* псалыкьэм ямышьэнэр зэтохуэ, ауэ хуэбгъэфашэ зэрыхунумклэ пасэм мы псалытлым ямышьэнэр зэщхьэщыкыуэ шыташ. *Хьэмфланэ* псалыкьэр *лыхьитлү* зэхэтщ (хьэм + фланэ), хьэмым кышцагъэсэбэп, ар зэрагъэкъабзэ *лэмэпсымэм* и *флэщыгъэцлэу* шыташ. Нэхь иужьылуэклэ хьэмыр ирагъэкъэбзэн шхьэклэ фланэ кызырыгуэжыкыр кьагъэсэбэпу щладзаш: *Хьарзынэу пшлантлэм дьздэсыху, пшлантлэжьым дьзыдэсыхулэ зэнысэгъуи сыти хьарзынэу дьдэсаи, дьзэгурылуаш, аурэ мы местэм де шлы яту сыту кьэхьурэ шлы нэцлыбзу кьыдатаи, хьэмфланэ тырнаушчлэ кьуацэ-чыцэ дгъэкъабзэу дитаи.* (Жэрыкыуэ Жанзилэ Пшыбий ипхуэ, 1939 гь., Бэтэх).

Литературэбзэм кышцагъэсэбэп *пщыхьэщхьэ* псалыкьэм нэхрэ балыкь псалыкьэм кышыкыуэ *п'ш'ыхь* псалыкьэри нэхь пасэу кьежыауэ хуэбгъэфашэ хьунуш. Балыкь псалыкьэм *п'ш'ыхь* псалыкьэр куэдрэ кышцагъэсэбэп литературэбзэм кышыкыуэ *пщыхьэщхьэ* псалыкьэм и плэклэ, *блыш'хьэ* *п'ш'ыхь* (лит.: *блыщхьэ* *пщыхьэщхьэ*),

губж *n'ш'ыхь* (лит.: губж пщыхьэщхьэ), бэрэж'ей *n'ш'ыхь* (лит.: бэрэж'ей пщыхьэщхьэ) псалъэ зэпхэхэм, *Фи n'ш'ыхь флы ухъу!* (лит.: Фи пщыхьэщхьэ флы ухъу!) псалъафэм хэту. *Пыыхь* псалъэр литературэбзэм кыщагъэсэбэп псалъэ зэхэтхэм я зы 1ыхьэу: *дыгъуэтиыхь, вэсэтиыхь*.

Литературэбзэм кыщык1уэ *уэнжакъ/уэнджакъ* псалъэм и п1эк1э балъкъ псалъэк1эм кыщагъэсэбэп *уэржакъ* псалъэр. Мыр тырку бзэ гупым убгъуауэ кыщагъэсэбэп, абы кыхэк1ри кавказыбзэ куэдым къащтащ. Псалъэм папщ1э, грузиныбзэм (куржыбзэм) кыщок1уэ «унэ», «жъэгу» мыхьэнэ зи1э *оджахь* псалъэр. Тырку бзэ гупым хыхьэ язынык1уэ бзэхэм мы псалъэм пкыгъуэ **р-р** щыхэтщ. Нэгъуеибзэм и ак-нэгъуей щып1эбзэм ущыхуозэр *оржакъ* псалъэм. Балъкъ псалъэк1эм дызыщрихьэл1э гъэпсык1эр нэгъуеибзэм кыхэк1ауэ ялыгтэ. Литературэбзэм кыщык1уэ *уэнжакъ* псалъэм хэт **н-р**, хуэбгъэфашэ зэрыхьунумк1э, фонетикэ пыхьуэм и шапхьэщ.

Лексикэ ильэнык1уэк1э литературэбзэмрэ балъкъ псалъэк1эмрэ я1э зэщхьэщык1ыныгъэхэр мащ1э дьдэкъым. Шагъыр I. зэритхымк1э, балъкъ псалъэк1эм дащрохьэл1э литературэбзэм мащ1э дьдэрэ ф1эк1 кымыгъэсэбэп, е кымыгъэсэбэпыххэ псалъэхэм. Апхуэдэщ, псалъэм папщ1э, мэл гъэхьуным ехьэл1а *т1ам1уш'1э, т1аш'ыш'1э* псалъэхэр. (Шагилов, 1969). Иджырей балъкъ псалъэк1эми абы ипкь итк1э зэхуэтхьэса губгъуэрытх материалхэми кызырагъэлыгъуэмк1э, ижъ-ижъыж лъандэрэ адыгэхэр мэл гъэхьуным хуэ1эк1уэлак1уэ пэтми, мы псалъэм литературэбзэм зыщиубгъуакъым, щып1эбзэ, псалъэк1э гуэрхэм дыщрихьэл1эми, ахэр зи жъабзэм кыхэщыр ныбжышхуэ зи1э мэлыхьуэ зэкъуат1акъуэхэрщ. Псалъэм кык1ыр ящ1э щхьэк1э, я уэрсэр псалъэк1эм кыхыхьауэ дрихьэл1акъым.

Литературэбзэм езым кыгъэщ1ыжа, езы бзэм и псалъэ абыхэм я п1э щригъуэуэ и деж балъкъ псалъэк1эм хамэбзэ псалъэхэр кыщигъэсэбэпым и шапхьэхэми дрохьэл1э: *хъуазэ* (лит.) – *сэломэ* (балъкъ); *пхъэлэпэ* (лит.) – *тэрнауш* (балъкъ).

Литературэбзэм кыщагъэсэбэп *кытц1э к1ыхь, кытц1э хъурей* псалъэ зэпхэхэм я п1эк1э балъкъ псалъэк1эм кыщагъэсэбэп *шынэсливэ ч1ыхь, шынэсливэ хъурей* псалъэ зэпхэхэр. *Шынэсливэ-р* урысыбзэм кыхэк1ащ. Кыхык1а бзэм мы псалъэм *кытц1э гъэгъуа* мыхьэнэр щи1эщ, балъкъ псалъэк1эм мыбы кыпщ1э ф1ыц1э л1эужыгъуэ гуры1уэгъуэр кызыщ1еубыдэ. Гу зэрылыгттащи, литературэбзэм кыщык1уэ *кытц1э* псалъэмрэ балъкъ псалъэк1эм кыщык1уэ *шынэсливэмрэ* я мыхьэнэр зэгъунэгъу дьдэкъым. *Кытц1э* псалъэм *пхъэгуль* мыхьэнэр и1эщ, *шынэсливэм* – *пхъэгуль* л1эужыгъуэ хэха кыгъэлыгъуэуэ.

Пхъэгуль хужь л1эужыгъуэхэр кыгъэлыгъуэн папщ1э литературэбзэм кыщыгъэсэбэпащ *кытц1э хужь* псалъэ зэпхар. Балъкъ псалъэк1эм *пхъэгуль хужь* л1эужыгъуэ мыхьэнэ и1эу *ц1ынч1ыпэ* псалъэр хэтщ.

Литературэбзэми балъкъ щып1эбзэми мымащ1эу хыбогъуатэ хамэбзэ псалъэхэр. Абыхэм къагъэсэбэп хамэбзэ псалъэхэр кызыыхаха бзэхэр щызэтемыхуэм и шапхьэ гуэрхэри щы1эщ: *Абы цужь лъандэрэ ц1эздзауэ солажъэ, мис иджыпсту сыздэлажъэр с 16 года мыбы солажъэри... сушилкэ, сушилкэ, ц1эуэ ягъуауэ, сушилкэм сыцолажъэ, лаборант и весовщик, т1ури здызохь, весэк1э дошэч.* (Щэрмэт Iэминат Билял ипхьу, ильэс 1956 гь., Малкэ (Хъэжыхьэблэ).

Литературэбзэм	Балъкъ щып1эбзэм
<i>тыкуэн</i> (хьэрышыбзэм кыхэк1а псалъэ)	<i>лафк1э</i> (урысыбзэм кыхэк1а псалъэ)
<i>тэрзэ</i> (тырку бзэ гупым кыхэк1а псалъэ)	<i>весэ</i> (урысыбзэм кыхэк1а псалъэ)

Литературэбзэм кыщагъэсэбэп *маф1эдэ-м* и п1эк1э балъкъ псалъэк1э зы1урылхэм я жъабзэм хэтщ урысыбзэм кыхаха *сеныч* (серник) псалъэр.

Балык псалыкэм ирипсалыкэм я жьабзэм кыщокыуэ IyкIэки тхыкIэки литературэбзэм кыщагъэсэбэп псалыкэм техуэ, ауэ мыхьэнэки кьащхьэщыкIхэр. Нэхьышхэ дыдэу гу зылытапхьэхэм ящыщ а зы псалыкэм дыдэм балык псалыкэм лыккыгъуэ мыхьэнэр кыщигъэлыагъуэу, литературэбзэм лIэужьыгъуэ мыхьэнэр кыщигъэлыагъуэу зэрыщытыр.

Апхуэдэу, балык псалыкэм *пхъэгъуэ* псалыкэм кыщызыщIеубыдэ «кыщIэ гупым хыхьэ» мыхьэнэр, литературэбзэм «кыпкы зэрылы пхъэщхьэмьыщхьэ гуащIэ (алыча)» мыхьэнэр щегъуэт.

Шагыр I. кызырилгытэмкIэ, литературэбзэм *нэрыбгэ* псалыкэм мыхьэнэ зыбжанэ щегъуэт. Мы псалыкэм литературэбзэм кыщегъэлыагъуэ: 1. «унагъуэм щыщ зи ныбжкIэ щIалэ цIыхубз», «нысащIэ» мыхьэнэр: *Нэрыбгэ кыфыхьыбар у(ы)гъурлы фхухьу!*; 2. «унагъуэм щыщ цIыху», «псэ» мыхьэнэр: *Нэрыбгэ данцэ фыхьурэ?* Иджырей балык псалыкэм мы лексемэр кызызэригъэсэбэп щIагъуэ щыIэккым, урихьэлэ хьуми, зи ныбжэ нэхь хэIуэтахэм псалыкэм «унагъуэм щыщ цIыху» мыхьэнэ кьудейр мыхьуу, «цIыхубэм щыщу зы (цIыху)», «гупышхуэм щыщу зы (цIыху)» гурыуэгъуэхэр зэриIэр, дауи, кыбжаIэнущ.

Кыыхэгъэщыпхьэщ, иджырей балык псалыкэм урысыбзэм кыыхэки псалыкэхэр зыребэкир, ики я мыхьэнэ занщIэр иIэу ахэр кызырагъэсэбэпыр: *зашелкэ* «русск. зашелка»: *Ар згъэтыси зилгыхьууи сэ сьдэлъейи абыми фочыр, действительну, шIэрыпсу шоферым и шIыбымкIэ фIэлът. ЗашелкитIкчIэ егъэубыдауэ, зыр къезгъэутIытиа кьудейуэ: уэлэхьы къэсыжсам, жиа.* (Хьэжнэгъуэей Борис Мухьутар и кьуэ, 1932 гь., Малкэ (Хьэжыхьэблэ); *школ* «русск. школа»: *Сэ сызэрышытар бжесIэн иджыпсту... ики сылэжэ 'ацI школым, жэмми зесхьацI, хозыйтвэри зесхьацI, гъэири, кыщыдэхуэм деж си 'эуэ шытацI.* (Къардэн Лилэ Бубэ ипхьу, 1942 гь., ЯтIэкьуэ); *кIэнфет* «русск. конфеты»: *Арати, еуэи дахцIыкIум еш 'хьуу, зы чылгымнIэ аш 'ык кьридзи, кьати 'тэи абыми цIыцIыцI... набж 'эм дыхэлгэдэжши, аддэ дыIучи 'абыми, иш 'хьэр тетхи деплыри: чIэнфетт. ЧIэнфет лъанIэ гуэрт.* (Хьэжнэгъуэей Борис Мухьутар и кьуэ, 1932 гь., Малкэ (Хьэжыхьэблэ), н.

ДауикI, апхуэдэ щытыкIэр адыгэбзэм и нэгъуэщI щIыпIэбзэхэми псалыкIэхэми куэду узыщрихьэлэ кэхьугъэщ. Балык псалыкэм ехьэлIауэ апхуэдэ щытыкIэр кьэзышэр, кызызырилгытэмкIэ, зи гугъу тшIа кьуажэхэр, нэхьыбэу Бэтэх кьуажэмрэ ЯтIэкьуэ кьуажэмрэ, Ставрополь Iум зэрыпэгъунэгъум кыыхокI.

Хабзэ хэхам темыт зэтемыхуэныгъэхэр Малкэ (Хьэжыхьэблэ) кьуажэм дэс псоми я жьабзэм хьыдолыагъуэ. Литературэбзэм нэхь пэгъунэгъуу псалыкэ Псынэдахэ кьуажэмрэ балык псалыкэм тет Бэтэх кьуажэмрэ, илгэс бжыгъэ хьуауэ зэгъунэгъуу зэрыпсэум кыыхэки, Бэтэхдэхэм я жьабзэр мыдрей балык псалыкIэхэм ирипсалыкэм ейм мащIэу кыщхьэщокI. Апхуэдэу, балык псалыкэм и нэцэнэу щыт бзэ занэхэри псынэдахэдэхэм кьапсэл псалыкэхэри зэхуэдэу кыщагъэсэбэп бэтэхдэхэм я жьабзэм. Балык псалыкэм дызыщрихьэлэ щIыпIэбзэ псалыкэ *шынэсливэ, весэ, бэронэ, тэрнауи* сыт хуэдэхэм кьадэкIуэу, бэтэхдэхэм я жьабзэм хэтц *кьытцIэ, кьитхь, пхъэIэнэ* псалыкэхэр.

Шэч хэмьлыу иджыпстурей балык псалыкIэр лексикэ и лъэныкыуэки и макъ дэкIуашэхэр зэрыгъызыуамки литературэбзэм кызызыщхьэщыкIыж щIагъуэ щыIэккым, абы щыхьэт тохьуэ губгъуэрытх материалыщIэри. Фонетикэ илгэныкыуэки узырихьэлэ щхьэхуэныгъэхэр зи бзэм кыыхэщыр зи ныбжыр илгэс 70-м щхьэдэхэ закьуэтIакьуэхэрщ.

ТегъэщIапIэхэр Список источников и литературы

Багов 1968 – *Багов П.М.* Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1968. 153 с.

- Балкаров 1959 – *Балкаров Б.Х.* Язык бесленеевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. 148 с.
- Бербеков 1992 – *Бербеков Б.Ч.* Диалектная лексика кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1992. 88 с.
- Бижоев 2018 – *Бижоев Б.Ч.* Иранская лексика в кабардино-черкесском языке // Иран и Северный Кавказ: история и перспектива сотрудничества (материалы международной научно-практической конференции). Владикавказ, 2018. С. 80–82.
- Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Выпуск 2. Нальчик, 1957. С. 111–120
- Куашева 1969 – *Куашева Т.Х.* Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: КБНИИ, 1969. С. 119–189.
- Мамрешев 1959 – *Мамрешев К.Т.* Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик: КБНИИ, 1959. 85 с.
- Таов 1998 – *Таов Х.Т.* Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Науч. доклад на соискание уч. ст. д.ф.н. Нальчик, 1998. 52 с.
- Хежева 2023 – *Хежева З.Р.* История изучения кабардино-черкесских диалектов и говоров // Филологические науки. Вопросы теории и практик. 2023. Т.16. Выпуск 10. С. 3534–3539.
- Шагиров 1955 – *Шагиров А.К.* Особенности малкинского говора кабардинского языка: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Академия наук СССР, Институт языкознания, 1955. 14 с.
- Шагиров 1969 – *Шагиров А.К.* Малкинский говор // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969. С. 290–316.

References

- BAGOV P.M. *Kubano-zelenchukskie govory kabardino-cherkesskogo yazyka* [KubanZelenchuk dialects of the Kabardino-Circassian language]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 154 p. (In Russian)
- BALKAROV B.KH. *Yazyk besleneevcev* [Language of the Besleneeyevites]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 148 p. (In Russian)
- BERBEKOV B.CH. *Dialektnaya leksika kabardinskogo yazyka* [Dialect lexicon of Kabardian language]. Nal'chik, El'brus, 1992. 88 p. (In Russian)
- BIZHOEV B.CH. *Iranskaya leksika v kabardino-cherkesskom yazyke* [Iranian vocabulary in the Kabardino-Circassian language]. IN: Iran and the North Caucasus: the history and prospects of cooperation (materials of the international scientific and practical conference). Vladikavkaz, 2018. P. 80–82. (In Russian)
- KHEZEVA Z.R. *Istoriya izucheniya kabardino-cherkesskih dialektov i govorov* [History of the study of Kabardino-Circassian dialects and subdialects]. IN: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. Vypusk 10. P. 3534–3539. (In Russian)
- KUASHEVA T.H. *Terskie govory* [Terek dialects]. IN: Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii. Nal'chik, 1969. P. 119–190. (In Russian)
- KUMACHOV M.A. *K voprosu o klassifikacii adygskih dialektov* [On the issue of classification of Adyghe dialects]. IN: Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 2. Nal'chik, 1957. P. 111–120. (In Russian)
- MAMRESHEV K.T. *Osobennosti baksanskogo dialekta kabardinskogo yazyka* [Features of the Baksan dialect of the Kabardian language]. Nal'chik, 1959. (In Russian)
- TAOV KH.T. *Problemy kabardino-cherkesskoj dialektologii* [Problems of Kabardino-Circassian dialectology]. Nauch. Doklad na soiskanie uch. St. d.f.n. Nal'chik, 1998. 52 p. (In Russian)
- SHAGIROV A.K. *Osobennosti malkinskogo govora kabardinskogo yazyka: avtoref. diss. ...k. filol. n.* [Features of the Malkin dialect of the Kabardian language: abstract. diss. ... To. Philol. n.] M.: Akademiya nauk SSSR, Institut yazykoznanija, 1955. 14 p. (In Russian)
- SHAGIROV A.K. *Malkinskij govor* [Malkin dialect]. IN: Ocherki kabardinocherkesskoj dialektologii. Nal'chik, 1969. P. 290–316. (In Russian)
- Polevoi material Khezhevoi Z.R. (Field material by Z.R. Khezheva)

Авторым теухуауэ

З.Р. Хэжь – филологие щIэныгъэхэмкIэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щIэныгъэ лэжьакIуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

З.Р. Хежева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.R. Khezheva – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-142-150

УНИКАЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ КОНСОНАНТИЗМОВ БЕСЛЕНЕЕВСКОГО ДИАЛЕКТА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Нина Гумаровна Шериева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>.

© Н.Г. Шериева, 2025

Аннотация. В предлагаемой работе приводятся итоги анализа системы консонантов бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка, где определяются особенности использования согласных звуков и выявляются уникальные характеристики, что подтверждается обширным иллюстративным материалом. Актуальность исследования заключается в том, что появилась необходимость установить современное состояние диалекта, т.к. изданные по теме работы были подготовлены несколько десятков лет назад, в течение которого в языке бесленеевцев произошли некоторые изменения, и более не отражают текущую ситуацию.

Целью статьи является исследование нынешнего состояния фонетических процессов бесленеевского диалекта. Для достижения цели устанавливаются сохранившиеся только в диалекте языковые реалии, уникальное произношение звуков, в сравнении с литературным языком, в связи с чем вводятся специальные символы, не используемые в классическом алфавите кабардино-черкесского языка. Представленные речевые образцы взяты из нового полевого материала, собранного нами в 2023 году на территории проживания бесленеевцев.

В статье доказано, что в бесленеевском диалекте некоторые консонанты произносятся со своим специфическим звучанием и в сравнении с кабардино-черкесским литературным языком в определенных ситуациях могут заменяться другими звуками. Например: используется *жъ* вместо *ж*; *ж* вместо *жь*; промежуточный между *ж* и *жь* звук *жъ*; *цлъ* вместо *цл*; *дж* вместо *жъ*; *г* вместо *дж*; присутствует более твердое и округленное звучание *члъ*; переход *ш* в *ч*, и т.п.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, диалект, бесленеевский диалект, фонетика, согласные звуки

Для цитирования: Шериева Н.Г. Уникальность системы консонантизмов бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 142–150. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-142-150

Original article

THE UNIQUENESS OF THE SYSTEM OF CONSONANTISMS OF THE BESLENEEVO DIALECT OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Nina. G. Sherieva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, nina.sherieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5550-7170>

© N.G. Sherieva, 2025

Abstract. The proposed work presents the results of the analysis of the consonant system of the Besleneyevsky dialect of the Kabardino-Circassian language, where the features of the use of consonant sounds are determined and unique characteristics are revealed, which is confirmed by extensive illustrative material. The relevance of the study lies in the fact that there was a need to establish the current state of the dialect, since the works published on the topic were prepared several decades ago, during which some changes occurred in the language of the Besleney people, and no longer reflect the current situation.

The purpose of the article is to study the current state of phonetic processes of the Besleneyevsky dialect. To achieve this goal, linguistic realities preserved only in the dialect, unique pronunciation of sounds, in comparison with the literary language are established, in connection with which special symbols are introduced that are not used in the classical alphabet of the Kabardino-Circassian language.

The presented speech samples are taken from new field material collected by us in 2023 in the territory of residence of the Besleneyevtsy.

The article proves that in the Besleneyev dialect some consonants are pronounced with their own specific sound and, in comparison with the Kabardino-Circassian literary language, in certain situations they can be replaced by other sounds.

For example: *жъ* is used instead of *ж*; *жс* instead of *жъ*; the intermediate sound between *жс* and *жъ* is *жъ*; *цлъ* instead of *цл*; *джс* instead of *жъ*; *з* instead of *дж*; there is a harder and rounded sound *члъ*; transition *и* to *ч*, etc.

Keywords: Kabardino-Circassian language, dialect, Besleneyevsky dialect, phonetics, consonant sounds.

For citation: Sherieva N.G. The Uniqueness of the System of Consonantisms of the Besleneevo Dialect of the Kabardino-Circassian Language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 142–150. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-142-150

Впервые о бесленеевском диалекте упоминал Ш.Б. Ногмов, указывая, что кабардинское и бесленеевское наречия являются самыми чистыми [Ногмов 1947: 37]. На сегодняшний день носители данного диалекта проживают в четырех населенных пунктах: Бесленей Хабезского района, Вако-Жиле Адыгехабльского района Карачаево-Черкесской Республики, Коноково и Кургоково Новокубанского (Успенского) района Краснодарского края. Также большое количество бесленеевцев осели в Турции, Сирии и Иордании.

Фонетический состав диалекта Л.Г. Лопатинский определял как «среднеадыгейский» или «бесленеевский», представляющий собой переходную ступень между нижнеадыгейским и кабардинским языками [Лопатинский 1891: 1].

В период, последовавший за событиями Великой Октябрьской революции, на основе бесленеевской говорной традиции стали появляться исследования отдельных лингвистов, проявляющих интерес к адыгским языкам: Н.Ф. Яковлев пытался установить причины появления бесленеевского племени и определить место их языка в системе адыгских наречий и говоров [Яковлев 1928; Яковлев 1930]; Д.А. Ашхамаф, объединяя бесленеевскую речь с речью кабардинских жителей Черкесии и с речью кабардинцев, абазинцев в Адыгейской автономной области, дал общее название «черкесско-кабардинский диалект» [Ашхамаф 1939]; Г.Ф. Турчанинов издал несколько работ по изучению данного диалекта [Турчанинов 1946; Турчанинов 1949; Турчанинов, Цагов 1941].

Основательнее других бесленеевский диалект исследовал Б.Х. Балкаров. Анализ собранного им же в 1948 г. языкового материала позволил ученому прийти к выводу о том, что данное наречие является диалектом кабардино-черкесского языка, где наиболее сохранились архаичные нормы общеадыгских языков [Балкаров 1969: 111–112].

В дальнейшем, практические и теоретические характеристики диалектов кабардино-черкесского языка были освещены в трудах М.А. Кумахова [Кумахов 1957], З.Ю. Кумаховой [Кумахова 1967] и Х.Т. Таова [Таов 1975].

В 2023 году в четырех вышеназванных селах был проведен опрос для изучения нынешнего положения диалекта и фиксации происходящих в нем изменений.

В ходе работы мы опросили около 40 носителей языка, собрав богатый материал, отображающий разговорную речь людей разных возрастных групп обоих полов. Полученные данные позволили нам определить характерные фонетические, грамматические, лексические и синтаксические черты современной речи бесленеевцев. В настоящее время, опираясь на эти свежие сведения, опубликовано ряд исследований, подробно описывающих современное состояние диалекта [Шериева 2024а; Шериева 2024b; Афаунова, Шериева 2025].

Повышенный интерес представляет система согласных звуков бесленеевского диалекта, т.к., хотя в большей степени совпадает с литературной нормой, здесь мы можем обнаружить уникальные звуки, не используемые в классическом алфавите кабардино-черкесского языка. Большинство звуковых отличий бесленеевского диалекта от литературного языка обнаруживается в системе шипящих и шипяще-свистящих согласных. Здесь сохраняются первичные шипящие аффрикаты. Они образуют два фонологических ряда по признаку твердости и мягкости. Например, вместо переднеязычного шипящего звонкого твердого спиранта **ж** широко употребляется переднеязычный шипяще-свистящий звонкий мягкий спирант **жь**:

беслен.	лит.	рус.
<i>къажьыриIа</i>	<i>къажериIац</i>	сказал им
<i>фIаццызьэ</i>	<i>фIаццызьац</i>	назвали
<i>зэбгырычIыжьэти</i>	<i>зэбгырычIыжэти</i>	разошлись
<i>жьэуап</i>	<i>жэуап</i>	ответ

Есть и другой способ употребления: литературному переднеязычному звонкому свистяще-шипящему мягкому спиранту **жь** соответствует переднеязычный звонкий твердый спирант **ж**:

беслен.	лит.	рус.
<i>нэуыжчIэ</i>	<i>нэу[ы]жьчIэ</i>	после
<i>си лэуыжьыр</i>	<i>си лэу[ы]жьыр</i>	мой след
<i>йыуыжьым</i>	<i>йыу[ы]жьым</i>	потом

Вместе с этим в диалекте обнаруживается много слов, соответствующих литературному произношению:

1. Употребление **жь**:

беслен.	лит.	рус.
<i>нанэжьым</i>	<i>нанэжьым</i>	бабушке
<i>мэлажьэ</i>	<i>мэлажьэ</i>	работает
<i>лЫжь</i>	<i>лЫжь</i>	старик

2. Произношение **ж**:

беслен.	лит.	рус.
<i>зэрыжаIэжьымчIэ</i>	<i>зэрыжаIэжьымчIэ</i>	как рассказывают
<i>мэжджытхэр</i>	<i>мэжджытхэр</i>	мечети
<i>жэщчIи</i>	<i>жэщчIи</i>	по ночам

В использование таких звуков мы не находим определенной системы. Сами носители языка не могут объяснить особенности данного проявления: в каких словах применяется тот или иной звук.

Нам удалось зафиксировать использование в речи бесленеевцев отсутствующего в литературном языке мягкого шипящего согласного **жь**, являющегося парой переднеязычному звонкому шипяще-свистящему согласному **жь**, но с ослабленной мягкостью. Звуковое произношение здесь более округленное, а звучание представлено в промежутке между **ж** и **жь**:

беслен.	лит.	рус.
<i>бжьын</i>	<i>бжьын</i>	лук
<i>плъыжь</i>	<i>плъыжь</i>	красный
<i>зэныбжьэгъухэр</i>	<i>зэныбжьэгъухэр</i>	друзья

Реже наблюдается процесс использования данного звука вместо твердого согласного **ж**:

беслен.	лит.	рус.
<i>цхъэжъ и чгьыгу</i>	<i>цхъэж и цгьыгу</i>	каждый на своей земле
<i>дунем ехыжъа</i>	<i>дунейм ехыжац</i>	скончался

Единично можно встретить переднеязычный шипяще-щелевой звонкий составной согласный **дж** вместо мягкого шипящего спиранта **жь**:

беслен.	лит.	рус.
<i>си ныбджыр</i>	<i>си ныбжьыр</i>	мой возраст
<i>ныбджэгъу</i>	<i>ныбжьэгъу</i>	друг

В речи одного лишь человека (жителя Вако-Жиле) встретили среднеязычный звонкий спирант **г** вместо шипящего звонкого твердого согласного **ж**, который имеется в литературном кабардино-черкесском языке. Чем обусловлено необычность такого употребления неизвестно, возможно позаимствовано из адыгейского языка.

беслен.	лит.	рус.
<i>гычIа дэгъуу</i>	<i>фгьуэ жьыцIац</i>	хорошо стирал
<i>цыгъынIэр игычIа</i>	<i>цыгъынхэр ижьыцIац</i>	постирал одежду
<i>гычIэгъэ</i>	<i>жьыцIыгъэ</i>	белье

Исследуемый диалект отличается и другими особенностями в фонетической системе. В частности, в произношении мягких заднеязычных смычно-взрывных согласных **г**, **к**, **кI**, которые перешли в составные согласные звуки **дж**, **ч**, **чI**, как и в литературном, так и в других диалектах кабардино-черкесского языка.

Профессор Б.Х. Балкаров отмечал, что составные согласные мягкие и твердые звуки **джь**, **джъ** в литературном языке выступают как спирант **дж** [Балкаров 1969: 78]. В нашем материале мы не сталкивались с таким явлением. В исследуемой речи мы выделили только звук, имеющий мягкое звучание. Можно полагать, что составному согласному звуку **дж** в литературном языке соответствует спирант **ж**:

беслен.	лит.	рус.
<i>джаIэ</i>	<i>жаIэр</i>	говорят
<i>чыджэсIэ</i>	<i>щыжысIэр</i>	почему говорю
<i>къуаджэ</i>	<i>къуажэ</i>	село

Необходимо обратить внимание на то, что в данных примерах вместе с составным согласным звуком **дж** параллельно был использован согласный **жь**, как отмечалось выше. Данное явление распространенное и может образовывать синонимичные ряды. Вместе с тем нередко употребляется и литературный вариант **дж**:

беслен.	лит.	рус.
<i>седжэну</i>	<i>седжэнуц</i>	буду учиться
<i>йоджэ</i>	<i>йоджэ</i>	называется
<i>джыстуи</i>	<i>йыджыпсту</i>	сейчас

Вместо литературного составного согласного звука **дж** значительно меньше употребляется среднеязычный согласный спирант **г**:

беслен.	лит.	рус.
<i>мэжгыт</i>	<i>мэжджыт</i>	мечеть
<i>гысту</i>	<i>йыджыпсту</i>	сейчас

Такие примеры в диалекте встречаются редко. Они свидетельствуют о том, что процесс аффрикатизации приблизился к завершению.

Равносильное использование переднеязычного щелевого шипящего абруптив **кI** / **чI** в бесленеевском диалекте выражено отчетливее. Здесь произносится близкое к литературному языку звучание:

беслен.	лит.	рус.
<i>дочIыри</i>	<i>дочI[ы]ри</i>	выходят
<i>нобэчIэ</i>	<i>нобэчIэ</i>	на сегодня
<i>чIэчIу</i>	<i>чIэщIу</i>	коротко

Нам удалось зафиксировать в речи двух человек, проживающих в разных селах, присутствие более твердого и округленного звучания согласного **чІ**. Мы его условно обозначили как **чІь**:

беслен.	лит.	рус.
<i>дыкъыдочІьж</i>	<i>дыкъыдочІж</i>	выходим обратно откуда-л.
<i>къычІьэчІьу</i>	<i>къыцІэчІу</i>	выходя

Абруптив **кІ** смогли зафиксировать в речи нескольких человек из разных населенных пунктов:

беслен.	лит.	рус.
<i>шыпхъу цІыкІумІ</i>	<i>шыпхъу цІыкІумІ</i>	две сестренки
<i>уыщыкІуэкІэ</i>	<i>у[ы]щыкІуэчІэ</i>	когда идешь
<i>нэуыжкІэ</i>	<i>нэу[ы]жчІэ</i>	после
<i>ІуыкІыжъа</i>	<i>Іу[ы]чІыжъац</i>	отошел
<i>тхъэмышкІэм</i>	<i>тхъэмыщчІэм</i>	бедному

В ряде случаев переднеязычный щелевой шипящий глухой спирант **ш** переходит в переднеязычный шипящий глухой спирант **ч**:

беслен.	лит.	рус.
<i>гуэча</i>	<i>гуэшац</i>	разделен
<i>чатэ</i>	<i>шатэ</i>	сметана
<i>шхуы Іэпэчыпс</i>	<i>шху[ы] Іэпэшыпс</i> (подлива к мясным блюдам)	
<i>чыгъу</i>	<i>шыгъу</i>	соль

Необходимо заметить, что в речи жителей аула Бесленей, в зависимости от части села, литературному кабардино-черкесскому согласному **ш** соответствует согласные **щ** или **ч**: в верхней части села – **ч**, нижней части – **щ**. Например:

беслен.	лит.	рус.
<i>щэ / чэ</i>	<i>шэ</i>	молоко
<i>щатэ / чатэ</i>	<i>шатэ</i>	сметана
<i>щхуы / чхуы</i>	<i>шху[ы]</i>	кефир

Литературному кабардино-черкесскому переднеязычному свистяще-шипящему абруптиву **щІ** в диалекте могут соответствовать различные звуки. Чаще всего используется переднеязычный шипяще-щелевой абруптив – **чІ**:

беслен.	лит.	рус.
<i>сыхуычІэкъуурэ</i>	<i>сыху[ы]щІэкъуурэ</i>	стремясь
<i>и жъауэ сычІэту</i>	<i>и жъауэ сыщІэту</i>	под началом кого-л.
<i>нэгъуэчІ</i>	<i>нэгъуэщІ</i>	другой

Такое произношение Б.Х. Балкаров отмечал в речи только молодого поколения [Балкаров 1969: 79], но наши современные тексты подтверждают, что мягкий абруптивный согласный **чІ** употребляется в речи людей всех возрастов. Это и понятно, учитывая, что Б.Х. Балкаровым исследование проводилось в середине XX века, та молодежь, о которой он писал, в настоящее время находится в преклонном возрасте. Такое употребление перешло и в речь их детей и внуков.

Составляя пару данному звуку, иногда используется более твердый и округленный по произношению согласный **чІь**:

беслен.	лит.	рус.
<i>чІьыпІэхэр</i>	<i>щІыпІэхэр</i>	территории
<i>чІьыгуыр</i>	<i>щІыгу[ы]р</i>	земля
<i>ди нэгу чІьэт</i>	<i>ди нэгу щІэтц</i>	стоит перед глазами

Одним из распространенных способов является использование звука **щІь** вместо литературного согласного звука **щІ**. Здесь более округлое произношение, а твердость чуть смягченное:

беслен.	лит.	рус.
<i>щІьильхъауэ</i>	<i>щІильхъауэ</i>	положил (под что-л.)
<i>мафІэ щІьагъанэти</i>	<i>мафІэ щІагъанэрти</i>	разводили огонь
<i>а щІьыпІэм</i>	<i>а щІыпІэм</i>	в этой местности

В речи бесленеевцев также можно встретить случаи замещения литературного согласного звука **щІ** согласным **шІ** (произносится округленно, при этом голосовой элемент твердости более усиливается). Это явление менее распространенное:

беслен.	лит.	рус.
<i>сабиxэ уауытшІын хуе</i>	<i>сабийхэм уеу[ы]пщІын хуейщ</i>	нужно спросить у детей

Замена согласного звука **щІ** в диалекте согласным **щ** встречается очень редко. Здесь уже не два звука, а один, переднеязычный глухой шипяще-свистящий спирант **щ** противопоставляется литературному **щІ**:

беслен.	лит.	рус.
<i>йафІэгъэщэгъуэну</i>	<i>йафІэгъэщІэгъуэну</i>	являясь удивительным
<i>щэн</i>	<i>щІэн</i>	делать что-л.
<i>щын</i>	<i>щІын</i>	сделать что-л.

Как полагает Б.Х. Балкаров, данные примеры являются характерными для общеадыгского языка, и свистяще-шипящий спирант **щІ** тоже составляет лексический фонд. Глухое звучание этих фрикативных звуков сохраняется в числительных кабардино-черкесского литературного языка: *пщыкІуыз* (одиннадцать), *пщыкІуытІ* (двенадцать) и др. [Балкаров 1969: 79].

Одним из распространенных фонетических явлений в диалекте является употребление литературного согласного **щІ**:

беслен.	лит.	рус.
<i>псынщІу</i>	<i>псынщІэу</i>	быстро
<i>блыщІрэ йырэ</i>	<i>блыщІрэ й[ы]рэ</i>	семьдесят восемь
<i>щІадза</i>	<i>щІадзащ</i>	начали
<i>щІэльэІумэ</i>	<i>щІэльэІумэ</i>	если попросят

В бесленеевском диалекте отмечается случай, когда литературный глухой свистяще-шипящий согласный **щ** переходит в шипящий спирант **ш**:

беслен.	лит.	рус.
<i>пщашщрэ</i>	<i>пщашщрэ</i>	три девушки
<i>сышаша</i>	<i>сышашащ</i>	воспитали где-л.
<i>зауэм шыгъуэ</i>	<i>зауэм щыгъуэ</i>	во время войны

В исследуемом диалекте можно выделить согласный звук **щъ** с промежуточным произношением между согласными **ш** и **щ** литературного языка, где звук более округленный и с меньшей мягкостью:

беслен.	лит.	рус.
<i>пщъашъэ</i>	<i>пщашъэ</i>	девушка
<i>щъыгъын</i>	<i>щыгъын</i>	одежда
<i>сщъыгъуыпщэжа</i>	<i>сщыгъу[ы]пщэжащ</i>	забыл

В бесленеевском диалекте в словах *тауэ?* «как?», *тэнэ?* «где?» вместо переднеязычного звонкого смычного согласного звука **д** произносится переднеязычный глухой смычный согласный звук **т**:

беслен.	лит.	рус.
<i>таурэ зэхэсыну</i>	<i>даурэ зэхэсыну</i>	как будут сидеть
<i>тэнэ цыІэми</i>	<i>дэнэ цыІэми</i>	где бы ни был
<i>тэнчІэ къакІуэхэми</i>	<i>дэнчІэ къачІхэми</i>	откуда бы не пришли

В бесленеевском диалекте часто среднеязычный сонорный спирант **й** или переднеязычный звонкий шипящий спирант **ж** в словах выпадают. Подобная форма встречается и в других диалектах и говорах кабардино-черкесского языка:

беслен.	лит.	рус.
<i>мыде</i>	<i>мыбдеж</i>	здесь
<i>абде</i>	<i>абдеж</i>	там
<i>йыльэсичІэ</i>	<i>йыльэсийчІэ</i>	восемь лет
<i>дунер</i>	<i>дунейр</i>	мир

Реже встречаются слова, где указанные звуки сохраняются:

беслен.	лит.	рус.
<i>Луацхъэжъым дежъ</i>	<i>Луацхъэжъым деж</i>	возле горы
<i>анэм и деж</i>	<i>анэм и деж</i>	у матери

Также удалось в речи одного человека обнаружить отсутствие согласного **щ** в слове:

беслен.	лит.	рус.
<i>араи</i>	<i>аращи</i>	следовательно

В диалекте в суффиксе **-хэ** множественного числа встречаются примеры, где вместо согласного **х** присутствует спирант **h**, звучащий почти как придыхание, чем сближается с другими диалектами кабардино-черкесского языка. Такая форма тоже употребляется редко:

беслен.	лит.	рус.
<i>нэхъыжъhэр</i>	<i>нэхъыжъхэр</i>	старшие
<i>зэдопсальэhэ</i>	<i>зэдопсальэхэр</i>	разговаривают

Данная морфема может быть обозначена ларингальным звонким согласным звуком **гI**, который характерен и для других диалектов:

беслен.	лит.	рус.
<i>адыгэгIэм</i>	<i>адыгэхэм</i>	адыги
<i>кIуэдыжъагIэр</i>	<i>кIуэдыжъахэр</i>	пропали
<i>агIэм</i>	<i>абыхэм</i>	они

Но описываемый аффикс преимущественно произносится в соответствии с литературным языком:

беслен.	лит.	рус.
<i>лыхэр</i>	<i>лыхэр</i>	мужчины
<i>сабийхэр</i>	<i>сабийхэр</i>	дети
<i>хуэзыгъасэхэт</i>	<i>хуезгъасэхэрт</i>	учила (их)

Обнаруживается еще одна диалектная особенность: заднеязычный согласный спирант **хъ** соответствует ларингальному согласному спирantu **хь**. Сфера такого употребления ограничена и отмечена только в трех словах:

беслен.	лит.	рус.
<i>бзэм нэхъ лъапIэ</i>	<i>бзэм нэхъ лъапIэ</i>	дороже языка
<i>нэхъыжъ псалъэ</i>	<i>нэхъыжъ псалъэ</i>	слово старшего
<i>нэхъыжъыгъэ</i>	<i>нэхъыжъыгъэ</i>	старшинство

В данной форме в диалекте преимущественно произносится согласный **-хъ** литературного языка:

беслен.	лит.	рус.
<i>нэхъыбэми</i>	<i>нэхъыбэми</i>	в большей степени
<i>нэхъапэ</i>	<i>нэхъапэ</i>	раньше
<i>таурыхъхэри</i>	<i>таурыхъхэри</i>	сказки

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что присутствующий в формах сказуемого союзного суффикса **-щи** звук **щ** заменяется в речи бесленеевского диалекта среднеязычным глухим спирantom **-х**:

беслен.	лит.	рус.
<i>дисхи</i>	<i>дисщи</i>	живем
<i>щыIэххи</i>	<i>щыIэщи</i>	находятся
<i>дызэзэуэнхи</i>	<i>дызэзэуэнщи</i>	будем драться

Б.Х. Балкаров данный звук обозначил знаком **h** [Балкаров 1969: 81], но так как в алфавите кабардино-черкесского языка имеется буква, соответствующая данному звуку, нами дополнительно условный символ не введен.

В исследуемой речи выделяются и такие формы:

1. Вместо согласного **кхъу** употреблен **къу**:

беслен.	лит.	рус.
<i>хьэчIэкъуачIэхэ</i>	<i>хьэкIэкхъуэкIэхэр</i>	животные

2. Наблюдается и обратное явление: замена литературного согласного **кью** согласным **кхью**:

беслен. <i>кхьюэдждэ цЫкІу</i>	лит. <i>кьюажэ цЫкІу</i>	рус. маленькое село
3. В слове <i>къэгупсысын</i> вместо с/пс употребляется согласный ш :		
беслен. <i>Іуохур къэгзгупшыпсар</i> <i>гупшыпсу</i> <i>дыригъэгзгупшыпсу</i>	лит. <i>Іуэхур къэгзгупшыпсар</i> <i>йэгзгупшыпсу</i> <i>дыригъэгзгупшыпсу</i>	рус. тот кто придумал дело думая дать возможность думать

Список источников и литературы

- Афаунова, Шериева 2025 – *Афаунова А.А., Шериева Н.Г.* Фонетические особенности моздокского и бесленеевского диалектов кабардино-черкесского языка (сходства и различия) // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. С. 55–73.
- Ашхамаф 1939 – *Ашхамаф Д.А.* Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп: Адыг-нациздат, 1939. 22 с.
- Балкаров 1959 – *Балкаров Б.Х.* Язык бесленейцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн.изд., 1959. 148 с.
- Балкаров 1969 – *Балкаров Б.Х.* Бесленейский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Типография им. Революции 1905 г., 1969. С. 76–118.
- Кумахов 1957 – *Кумахов М.А.* К вопросу о классификации адыгских диалектов // Ученые записки КБГУ. Вып 2. 1957. С. 111–120.
- Кумахова 1967 – *Кумахова З.Ю.* Некоторые вопросы нормы кабардино-черкесского литературного языка // Ученые записки. Серия Филология. Т. XXIV. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. С. 153–160.
- Лопатинский 1891 – *Лопатинский Л.Г.* Краткая кабардинская грамматика. СМОМПК. Вып. XII. Тифлис, 1891. 46 с.
- Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. 239 с.
- Таов 1975 – *Таов Х.Т.* Некоторые вопросы бесленеевского диалекта // Ученые записки. Серия Филология. Т. XXVII. Нальчик: Полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 1975. С. 144–156.
- Турчанинов 1946 – *Турчанинов Г.Ф.* Язык, письменность, печать // Сборник «Кабардинская АССР». Нальчик: Кабардинское государственное издательство, 1946. С. 256–281.
- Турчанинов 1949 – *Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половине XIX столетия // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949. С. 39–61.
- Турчанинов, Цагов 1941 – *Турчанинов Г., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1941. 160 с.
- Шериева 2024а – *Шериева Н.Г.* Фонетические особенности бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2024. № 1 (60). С. 42–51.
- Шериева 2024б – *Шериева Н.Г.* Особенности грамматического строя бесленейского диалекта кабардино-черкесского языка // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2024. № 3 (62). С. 108–118.
- Яковлев 1928 – *Яковлев Н.Ф.* Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, Т. I. Ростов-на-Дону, 1928. С. 117–128.
- Яковлев 1930 – *Яковлев Н.Ф.* Языки и народы Кавказа. Тифлис: Заккнига, 1930. 69 с.

References

AFAUNOVA A.A., SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti mozdokskogo i besleneevskogo dialektov kabardino-cherkesskogo yazyka (shodstva i razlichiya)* [Phonetic

Features of the Mozdok and Besleneevsky Dialects of the Kabardino-Circassian Language (Similarities and Differences) // Nauchnyj dialog. T. 14. № 4. S. 55–73. (In Russian and Kabardino-Circassian)

ASHKHAMAF D.A. *Kratkij obzor adygejskih dialektov* [A brief overview of the Adyghe dialects]. Majkop: Adygnacizdat. 22 s. (In Russian)

BALKAROV B.H. *Yazyk beslenejcev* [The language of the Beslenev people]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe kn.izd., 148 s. (In Russian and Kabardino-Circassian)

BALKAROV B.H. *Beslenejskij dialekt* [Beslenev dialect] // Ocherki kabardino-cherkesskoj dialektologii. Nal'chik: Tipografiya im. Revolyucii 1905 g., S. 76–118. (In Russian and Kabardino-Circassian)

KUMAROV M.A. *K voprosu o klassifikacii adygskih dialektov* [On the issue of classification of Adyghe dialects] // Uchenye zapiska KBGU. Vyp 2. S. 111–120. (In Russian)

KUMAROVA Z.Yu. *Nekotorye voprosy normy kabardino-cherkesskogo literaturnogo yazyka* [Some questions about the norm of the Kabardino-Circassian literary language] // Uchenye zapiski. Seriya Filologiya. T. XXIV. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, S. 153–160. (In Russian)

LOPATINSKIJ L.G. *Kratkaya kabardinskaya grammatika* [Brief Kabardian grammar]. SMOMPK. Vyp. XII. Tiflis. 46 s. (In Russian)

NOGMOV Sh.B. *Istoriya adygejskogo naroda* [History of the Adyghe people]. Nal'chik: Kabgosizdat. 239 s. (In Russian)

TAOV H.T. *Nekotorye voprosy besleneevskogo dialekta* [Some questions about the Beslenevsky dialect] // Uchenye zapiski. Seriya Filologiya. T. XXVII. Nal'chik: Poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 g., S. 144–156. (In Russian)

TURCHANINOV G.F. *Yazyk, pis'mennost', pechat'* [Language, writing, printing] // Sbornik «Kabardinskaya ASSR». Nal'chik: Kabardinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, S. 256–281. (In Russian)

TURCHANINOV G.F. *O nekotoryh foneticheskikh yavleniyah v kabardinskom yazyke pervoy poloviny XIX stoletiya* [About some phonetic phenomena in the Kabardian language of the first half of the 19th century] // Yazyki Severnogo Kavkaza i Dagestana. Vyp. 2. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR, S. 39–61. (In Russian)

TURCHANINOV G., CAGOV M. *Grammatika kabardinskogo yazyka* [Grammar of the Kabardian language]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 160 s. (In Russian)

SHERIEVA N.G. *Foneticheskie osobennosti besleneevskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka* [Phonetic features of the Beslenevsky dialect of the Kabardino-Circassian language] // Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. № 1 (60). S. 42–51. (In Russian and Kabardino-Circassian)

SHERIEVA N.G. *Osobennosti grammaticheskogo stroya beslenejskogo dialekta kabardino-cherkesskogo yazyka* [Features of the grammatical structure of the Beslenev dialect of the Kabardino-Circassian language] // Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij. № 3 (62). S. 108–118. (In Russian and Kabardino-Circassian)

YAKOVLEV N.F. *Kratkij obzor cherkesskih (adygejskih) narechij i yazykov* [A brief overview of Circassian (Adyghe) dialects and languages] // Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta, T. I. Rostov-na-Donu. S. 117–128. (In Russian)

YAKOVLEV N.F. *Yazyki i narody Kavkaza* [Languages and peoples of the Caucasus]. Tiflis: Zakkniga. 69 s. (In Russian)

Информация об авторе

Н.Г. Шериева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка

Information about the author

N.G. Sherieva – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья

УДК 398.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-151-160

К ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ АДЫГСКОГО ЭПОСА

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-224>

© А.М. Гутов, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию связи тематической парадигмы эпического произведения и отношения к действительности с его поэтическим строем. Две основные разновидности героического эпоса в адыгском фольклоре, архаические сказания о богатырях нартах и типологически более поздние песни и сказания историко-героического характера, надежно сохраняют преемственную связь друг с другом и, помимо того, обнаруживают очевидные признаки взаимодействия с некоторыми смежными жанрами. Тем самым народный эпос демонстрирует органическое единство этноязыковой поэтической культуры, развивающейся на протяжении всей истории от древнейших мифологических нарративов до сказаний и песен, посвященных реальным историческим событиям и личностям. В том и другом случаях стержневыми призваны быть повествования о героических деяниях, что и определяет само название фольклорного жанра. Между тем эпос как совокупность сюжетов и персонажей тяготеет к тому, чтобы отражать различные стороны бытия общества. Это обстоятельство позволяет жанру аккумулировать мотивы «негероического» характера. Данный процесс отмечен и в архаических циклах, но он особенно интенсивен в песнях и сказаниях историко-героического плана, чему благоприятствует естественное снижение порога стереотипизации на уровне как сюжетики и тематики, так и образов героев. Для рассмотрения характера происходящих изменений основным исследовательским методом избран историко-сравнительный, фактический материал почерпнут из аутентичных записей, опубликованных в научных изданиях и хранящихся в и фондах архива рукописей и звукозаписей.

Ключевые слова: народный эпос, архаический эпос, историко-героический эпос, нарратив, континуум, жанровая систематизация, дефиниция

Для цитирования: Гутов А.М. К жанровой специфике адыгского эпоса // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 151–160. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-151-160

Original article

TO THE GENRE SPECIFICITY OF THE ADYGH EPIC

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3072-224>

© А.М. Gutov, 2025

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between the thematic paradigm of an epic work and its attitude to reality and its poetic structure. The two main types of heroic epic in Adyghe folklore, the archaic tales of the Nart warriors and the typologically later historical and heroic songs and tales, maintain a reliable connection with each other and, in addition, show clear signs of interaction with some related genres. In this way, the folk epic demonstrates the organic unity of the ethno-linguistic poetic culture, which has developed throughout history, from the earliest mythological narratives to the tales and songs dedicated to real historical events and personalities. In both cases, the focus is on the narratives of heroic deeds, which defines the very name of the folklore genre. However, the epic, as a collection of plots and characters, tends to reflect various aspects of society's existence, allowing the genre to incorporate motifs of a "non-heroic" nature. This process is also noted in archaic cycles, but it is especially intense in songs and legends of a historical-heroic nature, which is facilitated by a natural decrease in the threshold of stereotyping at the level of both plot and theme, as well as the images of heroes. To examine the nature of the changes that are taking place, the main research method is historical-comparative, and the factual material is drawn from authentic recordings published in scientific publications and stored in the archives of manuscripts and sound recordings.

Keywords: folk epic, archaic epic, historical and heroic epic, narrative, continuum, genre systematization, definition

For citation: Gutov A.M. To the genre specificity of the Adygh epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 151–160. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-151-160

В словесном искусстве строгая жанровая систематизация может быть в большей мере уделом исследователей, нежели самих носителей традиции. В пределах «компетенций» одного жанра, фольклорного или литературного, порою могут появляться произведения, которые правомерно было бы отнести и к какой-либо другой разновидности, причем атрибуция может устанавливаться как по формальным, так и по идейно-тематическим признакам. Сама масса создателей и носителей устно-поэтических произведений далеко не всегда нуждается в безупречно четком определении жанров и, также, в неукоснительном соблюдении их канонов, хотя функции как один из важных ориентиров идентификации обычно сохраняются. По данной причине некоторые родовые особенности эпоса могут проявиться и в произведениях, которые по ряду признаков можно было бы отнести к другому жанру. Искать объяснений этому в неупорядоченности родовидовой и жанровой системы фольклора было бы упрощением. Более целесообразно попробовать разобраться в причинах, которыми обусловлено такое положение вещей в области жанровых дефиниций.

Для анализа мы избрали сказания и песни, которые относятся к архаическому нартскому и к историко-героическому эпосу адыгов. Основной исследовательский метод – традиционный историко-сравнительный с использованием частных методик как вспомогательных. Для того, чтобы установить истоки рассматриваемого явления, мы посчитали уместным кратко отметить некоторые суждения общетеоретического характера, без чего было бы сложно установить его общесловесно-фольклорные и сугубо этноязыковые особенности.

В гуманитарных исследованиях еще со времен Аристотеля словом *эпос* обозначается один из трех основных родов литературы, вернее – словесного художественного творчества в целом. В фольклористике, так же, как и в литературоведении, данным термином обозначают совокупность жанров нарративного характера, придавая ему собирательный смысл. Однако, как известно, он закрепился в обиходе и как более узкое терминологическое обозначение той разновидности фольклорных произведений, основу которых составляют *сказания и песни, посвященные подвигам*. Отсюда широко принятое научным сообществом привычное для исследователей сочетание *героический эпос* – термин, которым выделяется один из самых популярных жанров устно-поэтического творчества. В свою очередь, внутри названного жанра выделяются две его разновидности, наиболее внушительные по целому ряду признаков, в их числе – по социальной функции, по

популярности, по художественным особенностям. Наиболее употребительные термины данного плана *мифологический* или *архаический эпос*, *историко-героический эпос* [Мифы... 1982: 664–666]. Несмотря на полную определенность данных формулировок, содержание их далеко от того, чтобы говорить о полной ясности их плана выражения. Прежде всего, в разных фольклорных традициях оба типа эпоса могут образовывать или две разновидности эпоса с выраженными дифференцирующими признаками, или же систему, единую по всем важнейшим формальным параметрам. Главное различие между типами эпоса определяется отношением к реальной действительности. В основе ключевых мотивов и сюжетов одного из них лежат не достоверные события и сюжеты, прямо соотносимые с историческими реалиями, а система мифологических представлений. Естественно, что по данной причине в большинстве случаев связь с действительностью бывает не прямой, а опосредованной. Наряду с этим и повествования, базирующиеся на понятиях из сферы квазиреальности, представляют собой не отражение и поэтическое осмысление некогда происходивших событий, а по преимуществу продукт воображения, становящегося в системе условностей жанра, по сути, субститутотом действительности. Этим обстоятельством объясняется присутствие в текстах и внушительной доли синкретизма. Сюда входят и нарративы, по своему главному назначению преимущественно информативного или полифункционального характера, и произведения, представляющие собой феномены, достойные признания в качестве образцов осознанно актуализируемого словесного искусства. В данном отношении наиболее употребительны термины *мифологический эпос* и *архаический героический эпос*. Произведения же другой группы в большей степени опираются на реальные конкретные явления или же на такие сюжеты, которые приближены к исторической действительности. Более того, порою они даже возникают непосредственно как поэтическое осмысление только что свершившихся событий – знаменательного сражения, нашествия чужеземного войска, подвига или гибели славного наездника, . Поэтому в данном контексте уместны понятия *историко-героический эпос*, *младший эпос*, *поздний эпос*, используемые фактически равноправно как рабочие термины. Между тем принадлежность того или иного произведения к одной из жанровых разновидностей эпоса не всегда может означать, что оно непременно соответствует по всем параметрам признакам или архаической, или историко-героической категории. Прежде всего, как во всяком явлении словесного искусства, в нем свою важную роль играет типизация по определенным достаточно стереотипным параметрам – по характеру описываемого события, по типу персонажей, по форме бытования (поэтическое повествование с выраженным ритмическим рисунком, характерными атрибутами звуковой организации и развернутым сюжетом; типичный прозаический нарратив; смешанный прозаически-стихотворный текст) и пр. Исследователи много раз обращали внимание на то, что в народном эпосе образы обычно бывают предельно типизированными. Поэтому в эпическом контексте под определенные стандарты подводятся естественным образом и жизненные ситуации, и образы реальных лиц, которые в коллективном сознании уже отложились в соответствии со стандартами коллективного мышления. Это приводит к тому, что одним из родовых свойств эпоса является тяготение к стереотипизации образов и ситуаций. А поскольку как типы образов, так и ситуации бывают в немалой мере обусловлены стадийным положением общества, в различных локальных или этноязыковых средах возникают универсальные сюжеты и образы, сходные по функции, а отсюда и по некоторым существенным признакам. В то же время это не исключает внушительной доли своеобразия каждой этноязыковой традиции, а вместе с тем даже каждого отдельного художественного текста. Иными словами, несмотря на функциональные сходства в области мифологических представлений, сюжетов и персонажей с их неизбежным синкретизмом, здесь представлено многое, что характерно для

общих закономерностей функционирования слова в его эстетической функции, чем и характеризуется народный эпос как жанр фольклора.

В то же время чуть ли не каждый фольклорист-филолог сталкивается в своей практике с тем, что, если в дефинициях исходить только из содержания, то далеко не всякое произведение о традиционных эпических персонажах оказывается возможным причислить к категории повествований о *героических подвигах*. По сути, это даже можно считать одной из фольклорных констант. Несмотря на то, что по ряду других особенностей – по стилю изложения, по характеристике образов персонажей, по воссоздаваемым представлениям о системе условностей – оно ближе всего оказывается именно к *эпосу*. При этом понимается данное слово не как в широком смысле обозначение одного из трех основных родов словесного искусства, а в значении узком, сугубо фольклористическом. Иными словами, получается, что сказание упоминаемого типа методом исключения относится ближе не к сказкам, легендам, бытовым преданиям или какому-либо иному жанру фольклора. Оно, как правило, ближе к повествованиям о героях, но помещенных в ситуацию не типично «героическую», а, как оказывается, иногда в достаточно отдаленную от героики, от описания и даже упоминания воинских ристалищ. Если же в повествовании и называются походный конь, боевое оружие и снаряжение или какие-либо военные предприятия, то они играют роль в большей мере подчиненную, второстепенную, декоративную, нежели ключевую. Центральными персонажами в такого рода произведениях являются те же самые герои, о которых в ключевых эпических сказаниях повествуется как об истинных вершителях воинских подвигов. Действие и конкретные реалии воссоздают типичную систему условностей эпоса с комплексом представлений о пространстве и времени, об идеальном герое, о предметной атрибутике эпоса. Но при этом в сказании может и не быть даже упоминания о каких бы то ни было героических поступках, хотя в роли центральной фигуры повествования может быть представлен персонаж, носящий имя известного эпического богатыря. В результате получается так, что своим содержанием и стержневыми мотивами произведения подобного рода как бы далеки от героики, от сражений с их яркими воинскими подвигами. Но при этом по традиционным образам персонажей, повествовательному стилю, по форме бытования они остаются в пределах жанровой атрибутики героико-эпических условностей. Говоря образно, они сформировались в русле представлений об эпическом мире как об определенной однозначно представленной системе.

Так, например, в адыгском фольклоре даже один из самых громких подвигов нарта Сосруко, сказание о добывании огня во имя спасения нартских воинов от верной гибели, совершается не совсем в соответствии со стержневым принципом «борьба и победа», как характеризует жанр эпоса В.Я. Пропп [Пропп 1958: 8]. В сказании, одном из самых популярных в адыгской версии, зафиксированном фактически на всей территории исторического расселения адыгов и в зарубежной диаспоре, нет даже упоминания о каком бы то ни было боевом противостоянии [Нартхэр 2002: 50–208 (тексты 119, 136, 158–165, 173–180)]. Оружие (чаще всего это меч великана, которым в концовке кульминационного эпизода герой сносит голову ему же), если оно и применяется, то лишь на завершающей стадии, как орудие достижения конечной цели, но не как основное средство борьбы. Ключевые действия, «нейтрализация» противника и добывание огня, совершаются с использованием хитрости, ловкости, обмана.

Следует признать, что и в упоминаемом сказании конфликт достаточно острый: перед нартом Сосруко стоит задача или любыми путями добыть огонь, или же, возможно, и самому погибнуть. В данном случае ему предстоит каким бы то ни было образом заполучить желаемое благо, что возможно только при одном условии: войти в контакт с обладателем огня, чудовищем, которое не намерено одаривать кого бы то ни было своим достоянием, однако не настроено к нартскому

богатырю с той откровенной враждебностью, с какой, например, соперник героя в богатырском поединке. Противостояние не выражено со всей явственностью как это может происходить между явными врагами, однако герой стоит перед необходимостью во что бы то ни стало решить проблему. А это невозможно «мирным путем». Поэтому в данном случае мы имеем не воинский поединок между двумя антагонистами, а скорее всего конфликт между персонификациями хаоса и космоса, где великан-иныхж это воплощение неупорядоченной исходной для мироздания стихии, в которой еще нет осознанного разделения между добром и злом, а герой функционально олицетворяет разумное, «цивилизационное» начало, выделившееся из еще не упорядоченного, хаотичного мира. Соответственно, он представляет собой положительный полюс более высокого уровня цивилизации и по этой причине уже обладает целым комплексом позитивно оцениваемых характеристик. По законам жанра, на фоне задачи, стоящей перед богатырем, противник не должен вызывать симпатий, однако и считать его открытым злобным врагом героя тоже не приходится, если не учитывать общей закономерности эволюции: у носителя логоса в противостоянии хаосу нет иной альтернативы, нежели его уничтожение. Соответственно, достижение им цели, конечно же, это подвиг, но подвиг не из разряда воинских, а, как принято именовать, «культурных». Это образчик одного из древнейших по своей сути архетипов, сложившихся в системе мифологических представлений и успешно аккумулированных эпосом.

Диахронным анализом непременно обнаруживается, что даже конкретная объективация такого сюжета как добывание огня путем обмана или уничтожения его изначального владельца (обычно это мифическое существо), в адыгском эпосе представлено в качестве явления достаточно развитой поэтической культуры. Это проявляется и в четко выраженной художественной организации текста с такими типичными для поэзии атрибутами как мелодика, строгая ритмическая структура, богатые аллитерации, тирадное строфическое деление, обилие характерных языковых изобразительно-выразительных средств – эпитетов, метафор, гипербол, иносказаний.

Данному сюжету в мировой мифологии, в том числе в мифах этноязыковых массивов, которые никогда в обозримом историческом прошлом не соприкасались друг с другом, предшествует архетипическая схема с еще менее выраженным конфликтом. Так, в некоторых этнических традициях хранитель огня может не только не являться прямым антагонистом героя-добытчика, но сам по доброй воле одаривать его желанным для того благом [Сказки и предания нганасан 1976: 39–52 (в 7 записях 6 разных версий); Сказки и мифы киваи 1977: 45–46]. Есть основания считать, что акт добывания блага архетипическим героем имеет свою эволюцию – от бесконфликтного получения в дар от могущественного благодетеля к обретению искомого через простейший конфликт (похищение путем обмана первичного обладателя) и далее, на более высокой стадии эволюции сюжета, – через борьбу и победу. В адыгском фольклоре зафиксирована эволюционная стадия возникновения противоречий на таком уровне, когда конфликт является неизбежным, хотя он и не откровенно явственный. Отсюда жанровая идентификация подобных сказаний прозрачна и не вызывает сомнений, поскольку само деяние вполне квалифицируется как героика, пусть не воинская, но все же заслуживающая того, чтобы это было признано героическим или, как принято именовать, *культурным подвигом*.

Не присутствует мотив подлинно богатырского деяния и в ряде других ключевых сюжетов нарских сказаний. Есть основания признать, что такое положение является общим родовым свойством эпоса вообще. Подобно упомянутому случаю, многие из сюжетов данного типа удачно вписываются в эпическую жанровую систему как воплощение мотивов, имеющих свои генетические истоки в мифологии, зачастую – будучи повествованиями о культурных подвигах, а поэтому органичными в эпических нарративах архаического типа.

К ним по своему генезису примыкают сказания на сюжеты с дополнительной функцией «информативного» характера, призванные или донести до слушателя версию о каких-то важных деталях, или же дать свое объяснение некоторым описываемым значимым явлениям. К данной группе сюжетов и мотивов, надо признать – довольно неоднородной, правомерно отнести, в частности, многообразные версии появления героя на свет, а также сюжеты, ядро которых составляют так называемые этиологические мотивы. Это сказания о возникновении некоторых природных явлений, о появлении некоторых особенностей у той или иной местности, о характерных свойствах живых существ, о появлении первых орудий труда или инструментов (включая и музыкальные), о приручении диких животных, об окультуривании некоторых растений, о происхождении топонимических или иных названий. В большинстве случаев они не связаны с конкретными подвигами. Однако акцентируемая необычность самого этого явления надежно вводит мотив в эпическую систему. В нартском сказании повествуется о том, как герой рождается из камня, от союза человека и мифического существа или каким-либо иным совсем необычным образом. В сказаниях младшего эпоса, историко-героического, будущего богатыря приносит орел. В более поздней версии герой оказывается тайно рожденным, побочным, сыном человека высокого происхождения. Порою он оказывается найденышем или подкидышем. Главное здесь то, что его происхождение покрыто тайной. Но во всех перечисленных версиях ключевое назначение сюжета – информативное или «маркировочное», так как главное это то, что при его посредстве герой выделяется из общей среды. Иными словами, всякое указание на необычность, на отступление от обычного становится одним из приемов идеализации персонажа. Естественно, в отличие от сюжетов о добываниях, сказание о рождении не может содержать повествования о подвиге, тем более – воинском. Сочетание слов «героическое рождение» само по себе представляется семантически несовместимым. Несмотря на изложенное, сюжет о рождении имеет прямое отношение к эпике уже одним тем, что рассказом о чудесном или просто необычном появлении богатыря на свет герой выделяется из среды своих соплеменников как личность неординарная. Примечательно, что трансформации данной архетипической структуры прослеживаются эволюционно – от мифологических повествований до сказаний историко-героического эпоса, позднего по своей типологии.

Совсем иное дело, когда в сказании речь идет, например, о споре богатырей-нартов по поводу подстреленной на охоте черно-бурой лисицы [Нарты АЭ 2025: 377–389, 389–398]. Это уже типично сказочный сюжет, который, как может представляться, не должен иметь ничего общего с героикой как таковой. Фабула сказания в данном произведении строится на мотиве словесного состязания. Два славных нарта-богатыря (причем оба относятся к числу ключевых персонажей типичных героических сказаний) на охоте одновременно стреляют и попадают в одну лисицу. Затевадается спор – кому из них должна принадлежать добыча (ситуация больше бытовая или же интригующая авантюрными эпизодами, нежели эпическая). Решение приходит не на воинском поприще, а в споре – чья история окажется занимательнее или же чье намерение более благородно, тому и должен достаться трофей. Сюжет осложнен двумя вставными историями, причем одна из них зафиксирована как сказочное приключение с метаморфозами, на мотив превращений наподобие истории героя «Золотого осла» Апулея [Фольклор адыгов 1979: 301–304]. Между тем ключевые персонажи – это популярные нартские богатыри, а в качестве третьей судьбы выступает в вариантах языческое божество, покровитель лесных угодий Мазытха (*Мэзытхэ*).

Близость данного сюжета к бытовым историям сближает сказание с народными новеллами как явлениями относительно позднего происхождения. Но его центральные персонажи – герои-богатыри. Правомерен вопрос: случайно или же

закономерно то, что герои носят имена эпических персонажей, и насколько правомерно отнесение этого нарратива к героическому эпосу? Мы склоняемся к тому, что на определенном этапе эволюции жанра богатыри-нарты стали восприниматься не просто как сообщество воинов, а как социально организованная общественная данность со своим укладом (в котором, естественно, доминирует военный быт), семейными отношениями, формами хозяйствования и даже житейскими проблемами. Это благоприятствует проникновению в эпические циклы мотивов невоенного характера, хотя стержневыми, циклообразующими, остаются сказания о подвигах. При этом в формальном отношении размывания границ жанра фактически не происходит. Вербальному тексту изначально свойственны повествовательный стиль эпоса с характерными стилистическими оборотами и особой, эпической, манерой изложения, а также предметной атрибутикой сказаний о героях. В своей совокупности отдельные родовые признаки сближают сказание с архаическим эпосом более, нежели с каким-либо иным фольклорным жанром.

Однако для историко-героического эпоса адыгов, ни данный мотив, ни построенный на его основе сюжет оказываются нехарактерными. По всей вероятности, в этом случае надо учитывать лежащий в основе сюжета мифологический архетип, аккумулированный старшим эпосом, но далее неспособный адаптироваться к поэтической системе младшего. Его сказания и песни устойчиво опираются на события достоверные или близкие к достоверности, а не на мифологические представления, поэтому если в нем подобное и происходит, то чрезвычайно редко.

Надо признать, что все же и в стилевом русле младшего эпоса порою проявляются сюжеты, сложившиеся на основе мифологических архетипов, при этом также не всегда характеризуемые героическим содержанием. Типичный пример – историко-героический цикл о Бора Могучем, сказание которого базируется на мотивах так называемого эдипова комплекса – конфликт отца с сыном (зеркальная интерпретация – сыноубийство вместо древнегреческого убийства отца сыном, хотя в самой древнегреческой мифологии встречается и такой вариант), инцест, самоистязания. Подробнее он был рассмотрен нами в связи с архаическими мотивами в адыгском младшем эпосе [Готов 2000: 14–33]. Поэтому здесь считаем достаточным отметить, что при всей мифо-эпической «укорененности» сюжета в нем нет ни намека на состязательность, ни открытого вооруженного противостояния как, например, в описании поединка отца с сыном в былине об Илье Муромце в русском фольклоре или же истории Рустема и Сохраба в «Шах-наме» А. Фирдوسی. Зато есть типичная для мифа и эпоса история, органично переплетающаяся с ситуациями и образами, в особенности характерными для стадии раннесредневекового рыцарства. Они и очевидны в сюжете цикла о Бора Могучем.

Несколько необычный ракурс проявлен еще в одном произведении младшего эпоса, песне и сказании о князе Лежероко [Готов 2000: 54–69]. Оно также основывается на древнейшем мотиве – обязательности участия смертного человека для победы сил добра в войне с мифическими существами, носителями зла и разрушения. Варианты актуализации данного мотива также присутствуют в древнегреческой мифологии. Так, в сюжете о борьбе богов с титанами, где первые олицетворяют добро и логическую упорядоченность, а вторые – злое начало и хаос, условием победы сил добра предсказана обязательность участия смертного существа, каковым избирается герой Геракл, сын бога и смертной женщины, а потому и сам сергный [Аполлодор 1972: 9]. Тот же мотив присутствует в описании Троянской войны: условием победы ахейцев оказывается обязательное участие на их стороне юного Ахиллеса, также смертного [Там же: 70]. Совершенно очевидно, что образы этих двух персонажей типологически различны. Образ Геракла представляется порождением значительно более древней эпохи, и он даже содержит приметы архаического «культурного» героя, если вспомнить о его легендарных двенадцати подвигах. Образ Ахиллеса, пусть и наделенного таким архетипическим

свойством как неуязвимость, все же порождение более поздней стадии формирования нарративов. Неслучайно сама описанная в Илиаде Троянская война нашла историческое подтверждение в археологических раскопках, в то время как среди подвигов Геракла большинство надлежит отнести к разряду деяний мифических первопредков – здесь мотивы добывания блага, очищения пространства от сил хаоса и зла. В сказании адыгского эпоса реминисценции мифологических структур со всей явственностью переплетаются с воинскими подвигами. Более того, ни в сказании, ни в песне нет никаких широких описаний поединков или сражений. Внимание концентрируется на явлениях оккультного и магического характера.

Дальнейшая эволюция героико-эпической традиции ведет к большему вниманию, обращаемому на житейские, бытовые проблемы, чему благоприятствует смена источников для сюжетов: вместо опоры на мифологические представления, младший эпос ориентирован на события реальной действительности. Вследствие этого больше внимания уделяется частностям, в том числе и бытовым, а также эмоциональному состоянию личности, что в свою очередь стимулирует усиление лирических мотивов. Это проявляется сначала в том, что тематический диапазон раздвигается настолько, что в нем заметное место занимает женщина, и это обстоятельство принципиально ново и важно для рассматриваемого жанра. В более ранних образцах женщина еще не наделяется активной действующей силой. Так, в цикле о наезднике Нашхожуко герой преследует грабителей, которые разорили его селение, и отбивает у них свою жену, чем и ограничивается ее функция в песне и сказании [Народные песни... 1986: 10–212]. В другом цикле герой, Хасанш из рода Шогемоко, в одиночку нападает на свадебный поезд, увозящий его возлюбленную к нелюбимому ей жениху, и погибает. Но в данном случае женщина проявляет заметно большую активность: она просит разрешения самой уложить тело юноши, поскольку он погиб в борьбе за нее. Под этим предлогом она опускается в могильную яму и закаляется, предпочтя смерть рядом с любимым человеком жизни с нелюбимым [Там же: 1–133, 134–17, 138–141].

Лирические мотивы находят более свободное развитие с появлением песен, которые сложены от имени женщины. З.М. Налоев посвятил им статью-исследование, озаглавленное «Женщины – творцы великих песен» [Налоев 1978: 61–81]. Характерная особенность большинства из них – проникновенный лиризм содержания при полном соответствии формы исполнения канонам героической песни. Из плана содержания фактически уходят суровый воинский аскетизм и чуть ли не вся предметная атрибутика, типичная для песен и сказаний о подвигах. Даже когда в песне упоминаются боевой конь, оружие и походное снаряжение, они не столько призваны воспеть мощь и мужество воина-наездника, сколько являются сугубо поэтическими средствами, при помощи которых лирическая героиня выражает свои чувства и оценки.

Логическим завершением длительного процесса эволюции становится возникновение смеховых песен, также исполняемых в русле героической поэтики, но по содержанию весьма далеких от мотивов самой героики. Такова, например, записанная нами в 1972 году «Песня об Инароковском пожаре» [Народные песни 2018: 393–402]. Если в песнях, сложенных от имени женщины, но исполняемых в духе традиционных героических песнопений и призванных или очистить лирическую героиню от подозрений, или же излить ее переживания сугубо лирико-бытового характера, в данном случае наблюдается принципиально иное. В том же по своей форме героическом (вернее – псевдогероическом) ключе, даже с преобладанием минорных интонаций, дается смеховое, явно карикатурное описание поведения сельчан на пожаре. Смеховой эффект достигается контрастом между драматической по своей сути темой, несколько торжественной традиционной формой исполнения и совершенно не драматическим содержанием. Можно признать это завершением спирали эволюции: образно говоря, жанр исчерпал свои ресурсы и обернулся посмотреть на свое отражение – в духе травести.

Со временем существенные изменения в плане содержания приводят к изменениям и в области поэтики. Традиционная манера исполнения – соло в сопровождении хоровой партии «ежу» окончательно уступает место одиночному пению в сопровождении музыкального инструмента или же к функциональной трансформации хора. Лексика и семантическая парадигматика песенного текста радикально меняется, характерный для героических пшинатлей и древних песен речитатив окончательно уступает приоритет протяжной песне, идеальный герой старинных песен сменяется *лирическим героем* в терминологическом значении данного понятия.

Подводя итоги нашим наблюдениям, есть основание отметить следующее.

Сказания и песни о героических подвигах составляют бесспорно основу эпического жанра в его наиболее выраженных разновидностях в адыгском фольклоре – архаическом эпосе о богатырях-нартах и типологически более позднем историко-героическом эпосе. В то же время это только основа, вокруг которой формируются сюжеты и негероического содержания.

Сказания и песни негероического характера являются органической составной частью эпоса и могут иметь разные истоки возникновения – от мифологических нарративов и фантастических персонажей в них (более характерных для нарративов архаического эпоса) до реальных событий и образов, которые имеют реальных прототипов.

Соответственно, они выполняют в поэтическом тексте разные функции. В цикле архаического эпоса это прием идеализации, когда речь идет о рождении героя, приобретении им богатырского коня и оружия, особенностях самого героя или некоторых предметов. Сюда же примыкает серия сюжетов этиологического характера – о появлении какого-либо орудия, о приручении животного, об «окультуривании» полезного растения, о введении какого-либо обычая и пр.

В историко-героическом эпосе подобного характера сюжеты переосмысливаются или совсем не проявлены. В то же время в них с большей интенсивностью проникают сюжеты о более обыденных, бытовых отношениях, причем с описанием действий и характеристиками конкретных достоверно существовавших лиц, что низводит повествование с эпического пафоса к нарративам бытового, авантюрного, романтического плана. В результате количественного перевеса песен и сказаний «негероического» содержания открываются благоприятные обстоятельства для развития народной лирики. Таким образом актуализуется межжанровый континуум в адыгском фольклоре.

Список источников и литература

- Аполлодор 1972 – *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972. 216 с.
Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Поэтико-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эльфа, 2000. 219 с.
Мифы... 1982 – Мифы народов мира., Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. 720 с.
Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.
Народные песни... 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под общей ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М. Советский композитор, 1986. 224 с. (На адыгских и русском яз.)
Народные песни... 2018 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под общей ред. Е.В. Гиппиуса. Т. IV. Ч. 1, 2. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 530 с. (На адыгских и русском яз.)
Нартхэр 2002 – *Нартхэр*. Адыгэ эпос. ХьэдэггэлIэ А. иред. Томибл хьурэ, я-II-рэ том. Мыекьуапэ: ГУРИПП «Адыгя». 2002. Н. 300. (Нарты. Адыгский эпос. Под ред. А. Гадагаты. В семи томах, т. II. Майкоп: ГУРИПП «Адыгя», 2002. 300 с.). (На адыгских языках)
Нарты АЭ 2025 – *Нарты*. Адыгский эпос. Под ред. А.М. Гудова. Т. III. Нальчик: Принт-Центр, 2025. 556 с.

Пропп 1958 – *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М.: Государственное издательство художественной литературы; 1958. 604 с.

Сказки и мифы... 1977 – Сказки и мифы папуасов киваи. М.: Главная редакция восточной литературы. 1977. 328 с.

Сказки и предания... 1976 – Сказки и предания Сказки и предания нганасан. М.: Главная редакция восточной литературы. 1976. 341 с.

Фольклор адыгов 1979 – Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Сост. А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус. 1979. 404 с.

References

APOLLODOR. *Mifologicheskaya biblioteka* [Mythological Library]. Leningrad: Nauka, 1972. 216 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Poe`tiko-stilevy`e tradicii ady`gskogo e`e`posa* [Poetic and Stylistic Traditions of the Adyghe Epic]. Nalchik: El-fa, 2000. 219 p. (In Russian)

*Mify` narodov mira*. T. 2. М.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1982. 720 p. (In Russian)

NALOEV Z.M. *Iz istorii kul`tury` ady`gov* [From the History of the Adyghe Culture]. Nalchik: Elbrus, 1978. 192 p. (In Russian)

Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov [Folk Songs and Instrumental tunes of the Adyghes]. Pod obshhej red. E.V. Gippiusa. T. III. Ch. 1. Moskva, Sovetskij kompozitor, 1986. 224 p. (In Kabardino-Circassian and Russian)

*Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghes]. Pod obshhej red. E.V. Gippiusa. T. IV. Ch. 1, 2. Nal`chik, IGI KBNC RAN, 2018. 530 p. (In Kabardino-Circassian and Russian)

Narty. Adygsckij epos [Narts. Adyghe epic]. Pod red. A. Gadagatlya. V semi tomah. T. II. Majkop: GURIPP «Adygeya», 2002. 300 p. (in Adyghe)

Narty. Adygsckij epos [Narts. Adyghe epic]. Pod red. A.M. Gutova. T. III. Nal`chik, Print-Centr, 2025. 556 p. (in Adyghe and Russian)

PROPP V.Ya. *Russkij geroichesckij e`pos* [Russian heroic epic]. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1958. 604 p. (In Russian)

*Skazki i mify` papuasov kivai* [Tales and myths of the Kivai Papuans]. М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 1977. 328 p. (In Russian)

Skazki i predaniya nganasan [Fairy Tales and Legends of the Nganasan] М.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 1976. 341 p. (In Russian)

Fol`klor ady`gov v zapisyax i publikacijax XIX – nachala XX vv. [Folklore of the Adyghe in the Recordings and Publications of the 19th and Early 20th Centuries]. Sost. A.I. Alievoj. Nal`chik: E`l`brus, 1979. 404 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гуттов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 09.10.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 09.10.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 398.22
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-161-180

ЛЫХЪУЖЬЫР ДУНЕЙМ ЗЭРЕХЫЖЫР АДЫГЭ ЭПОСЫМ КЪЫЗЭРЫХЭЩЫР

Быхьурэ Мухьэмэд ФуIэд и кьуэ

Гуманитар кьэхутэныггэхэмкIэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шIэныггэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныггэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балькьэр шIэныггэ центр» Федеральнэ шIэныггэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© Быхьурэ М.Ф., 2025

Аннотацэ. Лэжыггэр теухуаш лыхъужьыр дунейм зэрехыжыр кьэзыIуатэ мотивыр адыгэ эпосым кьызэрыхэщыр кьэпщыггэным. Кьалэн нэхьыщхьэу шыггэувахэм ящыщ нарт пшыналгэхэмрэ хьыбархэмрэ, тхыдэр зи льябжэ уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ мотивым зэрызыщиубгьуар, кьэIуэтэкIэкIэ зэрызэщхьэщыкI лIэужьыггэуэхэр, ахэр IуэрыIуатэм кьыхыхэным шхьэусыггэу хуэхьуа Iуэхуггэуэхэр белджылы кьэщIыным. Гулгыгэ лей зыггэуэхэм ящыщ мотивым и зыужьыкIар кьэггэлггэуэныр – пасэрей гупсыскIэхэм, фIэщхьуныггэхэм кьышежьэу нарт эпосым и ублапIэ лэжьхэнэм (миф хьыбарыжхьэу Тхьэггэлэдж, Амышц, Лэпщ, Сэтэней сымэ теухуахэм) кьыхыхьэу адэкIэ лыхъужьыггэкIэ гьэпса циклхэм (Сосрыкьуэ, Батрээ, Ашэмээ, Бэдынокьуэ сымэ ехьэллэхэм) зэрызыщиужьар, нарт эпосым и ужьыхыжыггэу лэжьхэнэм (Пагуэ и кьуэ Тэгэрщауэ, Орзэмэджыкьо Ерыщэкьо, Жьэмадыу, н. я циклхэм) шиггэуэта теплэхэр, адэкIэ тхыдэр зи льябжэ лыхъужь эпосым (Андемыркьан, ЕщIэнокьуэ зэшхэм, КIэфыщ зэшитIым, Бзэтхьэл и кьуйтIым, Хьэтхым и КьуэкIасэ, Созэрыхьэ, Кьербэч, Хьэсанш, Дамлэй сымэ, н. ехьэллэхэм) зэрыщызэлыщIэсар гьэнэхуэныр. Пасэрей эпосымрэ нэхь иужькIэ кьэунэхуамрэ зэггэпщэным кьыдэкIуэу, кьэхутэныггэм кьыщыхьаш псысэ шапхьэ зыбжани, мы жанрхэр нэцэнэ куэдхэмкIэ зэхьуажэу кьызэрыздэггэуэгурыкIуам кьыхьэкIыу зэщхьу пкьыггэу куэд зэрабггэдэлым шхьэкIэ.

Зэрыггэуээн псалгэхэр: адыгэ IуэрыIуатэ, нарт эпос, тхыдэр зи льябжэ лыхъужь эпос, хьыбар, псысэ, сюжет, мотив

Цитатэ кьызэрыхэщыну: Быхьурэ М.Ф. Лыхъужьыр дунейм зэрехыжыр адыгэ эпосым кьызэрыхэщыр // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 161–180. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-161-180

Original article

THE MOTIVE OF THE HERO'S DEATH IN THE ADYG EPIC

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© M.F. Bukhurov, 2025

Abstract. This article explores one of the little-studied motifs of the Adyg epic – the hero's death. All of its main forms of objectification in the Nart and historical-heroic epics are studied in detail, and the problem of their genesis, evolution, and transformation is considered. A significant place is given to the analysis of the methods of realizing this motif

in the early cycles of the epic (mythological tales dedicated to the deeds of the patrons of vegetation, the animal world, fire and blacksmithing Thagalej, Amysh, Tlepsh and stories about Sataney-guasha), heroic cycles about Sosruko, Batraz, Ashamez and Badinoko, in the tales of the final stage of the evolution of the archaic epic (in the cycles about Tatarshao, the son of Pago, Eryshcheko Orzamedzhuko, Zhamadu, etc.), as well as in the songs and legends of the historical-heroic epic of the Adyg (in the tales of Andemirkan, the Yeshanoko brothers, the Kefishevs, the sons of Bzatkhal, about Khatkha Kochasa, Sozarykha, Kerbech, Hasansh, Damalei, etc.). As a result, the evolutionary characteristics of this motif are established depending on the folklore genre in which it is presented. Adyg fairy tale texts and folklore and ethnographic materials from other peoples are used for comparison.

Keywords: Adyg folklore, Nart epic, historical-heroic epic, legend, fairy tale, plot, motive

For citation: Bukhurov M.F. The motive of the hero's death in the Adyg epic. Vestnik KBIHR = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 161–180. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-161-180

Научная статья

МОТИВ ГИБЕЛИ ГЕРОЯ В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из малоизученных мотивов адыгского эпоса – мотива гибели героя. Детально изучаются все его основные формы объективации в нартском и историко-героическом эпосе, рассматривается проблема их генезиса, эволюции и трансформации. Значительное место отводится анализу способов реализации этого мотива в ранних циклах эпоса (мифологических сказаниях, посвященных деяниям покровителей растительности, животного мира, огня и кузнечного ремесла Тхагаледжа, Амышша, Тлепша и повествованиях о Сатаней-гуаше), героических циклах о Сосруко, Батразе, Ашамезе и Бадиноко, в сказаниях завершающего этапа эволюции архаического эпоса (в циклах о Татаршао, сыне Паго, Ерышчеко Орзамеджуко, Жамаду и др.), а также в песнях и преданиях историко-героического эпоса адыгов (в сказаниях об Андемиркане, братьях Ешаноко, Кефишевых, сыновьях Бзатхала, о Хатхе Кочасе, Созарихе, Кербече, Хасанше, Дамалее и др). В результате устанавливаются особенности эволюции данного мотива в зависимости от фольклорного жанра, в котором он представлен. Для сравнения привлекаются тексты адыгских сказок и фольклорно-этнографические материалы других народов.

Ключевые слова: адыгский фольклор, нартский эпос, историко-героический эпос, сказание, сказка, сюжет, мотив

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Мотив гибели героя в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 161–180. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-161-180

Лпыхъужьыр дунейм зэрехьжыр къэзыгуатэ мотивыр лъэпкъ зэмылIэужьы-
гъуэхэм я Iуэрыгуатэм къызэрхэщым ехэлIа къэхутэныгъэ купщIафIэ куэд
къыдэкIауэ щыIэхэщ. А псом тепщIыхьмэ, жьпIэ хьунуш, эпосыр джыным
зи лэжьыгъэхэр хуэзунэтIа дэтхэнэ зыми мыр гулыгтэншэу къимыгъэнауэ.
Адыгэ щIэныгъэлIхэм я IэдакъэщIэжIэхэми мотивыр щIэпщытыкIыным щыпIэ
щхьэхуэ щыхухэхаш. Псалгэм папщIэ, белджылы къащIащ мы Iуэхугъуэм нарт
эпосым зэрыщыиужьар. Апхуэдэу я Iэ лъэIэсащ тхыдэр зи лъабжьэ эпосым
дызыщрихьэлIэ лыхьужь зыбжанэм я дуней ехыжыкIэр къызыхэщыж сюжетхэми.
Мотивым и гугъу щIыным XIX лэщIыгъуэм къыщIадзауэ къэплъытэ хьунуми,
нэхъ гупсэхуу мыр джыным щыщIадзар XX лэщIыгъуэм и етIуанэ Iыхьэрщ.
Нэхъ пасэу къытрадзахэр е хьыбар, е пшыналгъэ зырызхэм теухуа комментарии

кIэщIхэу щытмэ, мы иужьрей лъэхэнэхэм мотивым Iыхьэ щхьэхуэхэр щыхухэха монографихэр дунейм кытехьэу щIадзэ. Псом хуэмыдэжу мы Iуэхугуэм зи гуащIэ хэзылхьэхэм ящыщI Алий А.И. [Алиева 2019: 23–242], Гьут I.М. [Гутов 2009: 10–52], ХьэдэгьэлIэ А.М. [Гадагатль 1967: 161–163], Хьут Щ.Хь. [Хут 2003], Шортэн А.Т. [Шортанов 1974: 22], н. Кьапщгэмэ, мы зи цIэ кьитIуа еджагьэшхуэхэм я гупсысэхэрщ ди лэжыгьэр щыдгьэзащIэм гьуазэ пэлытэу кьэдгьэсэбпари.

Дызытепсэлыхь мотивым ехьэлауэ Iуэхугуэ куэдыр зэпкьрыха хьуа пэтми, иджыри зэ мыбы кыщIытедгьэзэжым нэхьыщхьэу щхьэусыгьуэ хуэхуащ, ублапIэ лъэхэнэм кыщегьэжьауэ мотивым адыгэ эпосым зэрызыщиужьар кыщапщыта лэжыгьэ щхьэхуэ зэрыщымыIэр. Апхуэду зэрыщытым кыпкьрокIыж статьям щызыхуэдгьэувыжа мурадымрэ кьалэнхэмрэ: дунейпсо IуэрыIуатэм щызэлгыщIэса пкыгьуэхэр адыгэ эпосым кызырыщыгьэсэбпар наIуэ кьэщIыныр; нарт хьыбархэмрэ пшыналгьэхэмрэ, тхыдэр зи лъабжьэ уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ мотив кьэIуэтэкIэм зэщхьу щадэтлгьагьумрэ зэщхьэщыкIыныгьэу ябгьэдэлгьэхэмрэ убзыхуныр; мотивым и пкыгьуэ куэдыр миф гупсысэхэм кыщегьэу зэрыщытым кыхэкIыу, зэрыхьукIэ нэхьыбэм я кьуэпсхэр гьэнэхуэныр, н. Кьэдгьэлгьэуа эпос лIэужьыгьуитIым хиубыдэ IуэрыIуатэхэкIхэм нэмыщI, псысэм кыхэтха шапхьэхэми защыхуэдгьазэ щыIэщ, Iуэхугуэ куэдхэмкIэ мы жанрхэр зэхуажэу кызырызэдэгьуэгурыкIуам кыхэкIыу.

ЩIэныгьэлIхэр зыхуэкIуа гупсысэхэм тепщIыхьмэ, адыгэ нарт эпосым и зыужьыныгьэм Iыхьэ щхьэхуэу кыхобелджылыкI ублапIэ лъэхэнэр – миф хьыбарыжхэр. Апхуэдэхэщ Тхьэгьэлэдж, Амышц, Лъэпщ сымэ теухуахэр. Дызэрыщыгьуазэщи, мыбыхэм дазыщрихьэлIэ пкыгьуэхэм нэхьыбэр IуэрыIуатэм кыыхьыныным щхьэусыгьуэ хуэхуащ пасэрэи зэман жьыжэм псэуа цIыхум и кьэухьым кьитIасэ дуней епIыкIэр, фIэщхьуныгьэхэр. Абыхэм я лъэужь хьыдолгьагьуэ мы лыхьужьхэр дунейм зэрехыж щIыкIэр кьэзыIуатэ мотивми. Гу зылытапхьэращи, мы хьыбархэм лыхьужьыгьэр кьазэрыхэщыр мащIэ дыдэуш, е кьахэщыхьэркьым, атIэ цикл кьэс абыхэм я IуэхущIафэ нэхьыщхьэу кьэIуэттар гьавэр, унагьуэ псэушхьэхэр, щIым зэрелэжь Iэмэпсымэхэр нартхэм кьахуэхьынырщ. Абы щыгьуэми мыхэр бийм пэуу езауэрэ кьытрахьыркьым (кьытрахьыжыркьым), атIэ кьахутэр, кьагьэлэсэр. А псом кьикIращи, Сосрыкьуэ, Батрээ, Ашэмэз сымэ хуэдэу, жагьуэгьу ягьуэтрэ абыхэм яIэщIэкIуэдэжу щыткьым, атIэ, нэхьыбэу дызэрырихьэлIэращи, я псэхэр хьэпшып, псэушхьэ гуэрым, н. пыщIащ. Псалгьэм папщIэ, Албот Хьэжумар (1885 гь.кь.) кьыIуэтэжауэ щыта «Амышцрэ Тхьэгьэлэджрэ» [Нарты... 2024а: 67–68] хьыбарым кызырыхэщымкIэ, мы лыхьужьхэр зэкьуэшитIщ, Уэрсэр и кьуэхэщ. Амышцыр кыщIэкI имыIуэ мэзым щIэтт, мээ псэушхьэхэр кьыубыдурэ цIыхум кьаритырт, апхуэдэ щIыкIэки шы, вы, мэл, бжэн, жэм сытхэр нартхэм яIэ хьуащ. Тхьэгьэлэдж гьавэ лыхьуэрт. Абы зыгуэрым уэсят кыхуэщI, и кьащхьэм кIэлгыплгыну кьельэIуу. А уэсытыр игьэзащIэу кьащхьэм кIэлгыплгырэ, Тхьэгьэлэдж кьыхутащ кьащхьэм ху щхьэмыж цыкIуищ кыхэкIауэ. А ху щхьэмыж цыкIуищым кьытехьукIащ цIыхум яшх гьавэр. ТхьэкIумащIэ Мурат (1885 гь.кь.) кьыжиIэжа «Нартхэ я мэлыхьуэжь Амышц и лIэжыкIар» [Нарты... 2024а: 73–74] хьыбарым тепщIыхьмэ, Амышц сабийуэ кыщIидзэри и гьащIэ псор мэлыхьуэу ихьащ. Амышц апхуэдизкIэ мэл куэд иIэу щытати, кьуршым дихуа нэужь, кьуршыр фIыцIагьуэ фIэкIа умылгьагьужу апхуэдэт. Амышц и мэл бжыгьэр ищIэжу щытакьым. Зы махуэ гуэрым ахэр игьэхьуу бгыщхьэм иту и мэлым хэт ажэжыр мывэм дэкIуеуэ, ажэ жьакIэр жьым игьэсысауэ илгьэгуащ. Амышц ар зэрилыгьуу, хьушэр кьызэщIиугьуаери кьрихужьэжащ, хэт хуэзэми кьуажэм дэсу хьуам мэлу иIэр яхуигуэшащ. Кьэуар кьагурымыIуэу лыхьжхэр щыщIэупщIэм, кьажриIащ и ажэжыым и жьакIэр жьым зэригьэсысар, ар и лIэгьуэр кьызырысам и нэщэнэу зэрыщытыр. Амышц и псэмрэ ажэжыым и жьакIэмрэ пыщIэныгьэ зэхуаIэу кьызырыIуэтамкIэ, эпосым кьыгьэлгьагьуэу кьэпIытэ хьунуш, мы лыхьужьыр кыщIигьэщIар Iэщ

цЫкIур кЫгIэсэу цЫхум яхуигьэбэгьуэну арауэ зэрыщытыр. Ар кьехула нэужы дунейм йохыжыр.

Зэрынэрылгагьуши, хьыбарым IупшI дьдэу кьыхэмыщми, и псэр ажэжым (ажэ жьакIэр жьым зэригьэсысам) зэрыпыщIар езы Амыщ и псалгэхэм кьауатэр: «Сэ си гьащIэр сыухащ. Си мэлыхуэныр сыухын хуейти, аращ си ажэжым и жьакIэр жьым щигьэсысар, – жиIэри Амыщ лIэжащ» [Нарты... 2024а: 73].

Дызытепсэлыхь Iуэхугьуэм нарт эпосым и щIэдзапIэ льэхэнэм зэрызыщиужьам и шыхьэту кьэпхь хьунуш «Льэпшгы идышгэ кIыун» [Нарты... 2024а: 114–116] хьыбарри. И пхьурылху Хьотхьошгьдэмыр гьукIэным хуигьэсэнэу Льэпщ и деж ешэр. Лэжыгьэм иригьэша Льэпщ щхьэукьуауэ шылы, щIалэ цЫкIум елгагьу абы и пэм бадзэ гуэр кьызэрипщар. Бадзэр Льэпщ и Iэпкьлэпкьым ирикIуэрэ лээгум йох, кIыщыр кьызэхекIухь, фIэмьщI зэтельым кьуохьэри абдежым щобзэх, Льэпщи хуиту бауэу мэжей. Зэман докIри, зрикIуа гьуэгу дьдэм тету бадзэм кьегьээж, кIыщыпсыр зэрытым тель гьуштым кьрикIуэжын хуейти, бадзэмрэ Льэпщ и жеикIэмрэ зэпыщIэныгьэ гуэр я эхуаку зэрыдэлым гу лызыта Хьотхьошгьдэмыр ар еIэт. Бадзэр кIыщыпсым имькIыжыфу гугьу ехьу щыщIидзэкIэ, Льэпщи жейм емызэгьуу хуожьэ. ЩIалэ цЫкIум гьуштыр егьэтылыжри, бадзэр псым зэпрокIыжри, Льэпщ и пэм йопщхьэж, мыдрейри пщIэнтIауэ кьызэщюу. Бадзэм икIуа гьуэгуанэри, здэщыIа щыпIэхэри Льэпщ пщIыхьэпIэу ильэгьуауэ кьыщохьу. КьызэрыщIэклэмкIэ, абы и псэр бадзэу кьыхэкIри дыщэ зыщIэль щыунэм щыIауэ арти, Льэпщ дунейм ехьжа нэужь, и пхьурылхур макIуэри дыщэр кьыщIэх.

Зэрынэрылгагьуши, хьыбарым кьыхош лэпкь куэдым я IуэрыIуатэм дызыщрихьэлIэ мотив цIэрыIуэр – гьудэ-бадзэ гуэрым и теплээм иту зэманкIэ псэр цЫхум кьыхэкIыу кьэзыIуатэр. Пэжщ, бадзэм елытауэ шыIа пасэррей фIэщхьуныгьэхэм зы теплээ яIэрэ дэнэ щыпIи щызэтехуэу щытауэ пхужыIэнукьым. Ахэр куэд мэхьу, зэмылIэужыгьуэ зыбжанэуи зэщхьэщыкIыжаш, апхуэдэу зэрыщытри кьыщыпщыта лэжыгьэ купщIафIи дунейм кьытехьахэщ (еплэ пс.п.: «Мифы народов мира» [Мифы народов... 1992: 188]). А псом я гугьу дымыщIми, дызытепсэлыхь мотивыр IуэрыIуатэм щхьэусыгьуэншэу кьызэрыхэмыхар кьридгьэлэгьуэну зы шапхьэ кьэтхьынщ. Е.Е. Левкиевскэм зэритхымкIэ, кьуэкIыпIэ славянхэм зэгуэр яхэлэуэ щытащ мыпхуэдэ фIэщхьуныгьэ: цЫхум и псэр щыхэкIкIэ, бадзэ (языныкьуэхэм деж бадзэ хужь) сурэтым иувэрэ и жьэмкIэ кьыжьэдэкIыу, дунейм ехьжар щIалэхьа нэужьы а бадзэ теплэр иIэу и псэр и благэхэм кьахуэкIуэу я гугьэт. Абы кьыхэкIкIэ, псэм и кьарэгьул папщIэу фызыжь зыбжанэ зэхуэсырти фоупс зэрыт шынакь Iэнэм трагьэувэрт, лIам и псэм бадзэу кьигьээжэу абы щыщ зыIуигьэхуэну щыгугьэхэу. Хьэдэм щхьэщытIысхьа бадзэри букIыу ядэртэкьым. Зэрагугьэу щытамкIэ, цЫхур дунейм ехьжа нэужь, ар иджыри махуэ пщыкIуткIэ унэм гьэпщкIуауэ щыпсэурт. ЩIымахуэр унэм щизых бадзэр лIам и псэу ягугьэти и гугьу ящIыртэкьым. Языныкьуэхэм деж ар псэууэ дунейм тетым и псэу я фIэщ хьурти, унагьуэм ис цЫхухэм я бжыгьэм хуэдиз бадзи унэм щIэсын хуейуэ кьалгытэрт [Левкиевская 2000: 163].

Араши, зэрыхуэбгьэфащэ хьунумкIэ, Льэпщ и псэр бадзэу кьыхэкIыу дыщэ зыщIэль щыунэм зэрыкIуар кьэзыIуатэ мотивым мыпхуэдэ фIэщхьуныгьэу зэгуэр цЫхум яхэлбар льябжэ хуэхьуауэ жыпIэ хьунуш. Гу зылытапхьэраши, зи гугьу тщIы хьыбарым деж Льэпщ дунейм ехьжыпэркьым, атIэ и псэр бадзэ сурэтым иту зэман гуэрым кьриубыдэу кьыхэкIыурэ хьыхэжу арщ. Мыпхуэдэ щытыкIэр (зэманкIэ дунейм ехьжу кьытехьэжыныр) нарт эпосми, тхьидэ эпосми, псысэми зыщаужьаш. Нарт эпосым деж Батрэзи, Бэдынокьуи, Щауеи, н. кьызэралхуу пхьуантэм дальхьэри псым хадзэ, кьэхьухэмэ нартхэм я кIуэдыр абыхэм кьикIынкIэ хьуну щошынэхэри. Ауэ ахэр хэкIуадэркьым, атIэ лы хьуауэ, хахуагьэ, кьару ягьуэтауэ кьагьээж. Мотивым Андемыркьан и циклми дыщыхуозэ. Псысэхэм лыхьужьэхэм, псалгэем папщIэ, я щхьэцым я псэр хэлыщи, ар кьыхачмэ – дунейм

йохыжхэр, хаггэувэжмэ – кьохыжхэр. Жанр псоми зыщаубгьуащ, псалгэм папщлэ, сабийр яхэрэ гьуэгущьибл шызэхэклэм шыхыфладзэу, ауэ ахэри кьагьуэтри яп. Араши, зы лэныкьуэклэ лыхыжьыр ягьэклэуэдыну хуейщ, ауэ е ямыуклыу эзыр-езыру и псэр хэклэну шыгугьэ хуэдэу, псэууэ кьагьанэхэр. Шцэныгьэлхэм зэрыхуагьэфашэмклэ, мыри пасэм цыхум яхэла хабзэжхэм и зы лэужьу луэрыуатэм кыхэнащ. Ар гьэунэхуныгьэрщ – шлалэщлэр балигьыплэ, лыплэ иуварэ имыуварэ кьызэращлэу шытарщ: луэхугьуэ гугьу, лэпошхэпо гуэрхэр кьыпагьэтылыгьирти, абы пхыкыфыр, ахэр зыгьээщлэфыр балигь хьуат. Апхуэдэ хабзэхэр хуэунэтлат ягьэунэхум «и псэр хэклэу» «кыыхыхэжын» хуэдэу шытыну, н.ж., шлалэщлэр адрей дунейм маклуэри, лы хьуауэ кьегьээж – арат купщлэ нэхышхьэр [Фрэзер 1984: 646]. В.Я. Пропп зэритхымклэ, ар льябжьэ хуэхьуащ, лыхыжьыр якукыну хуей хуэдэу хыфладзэу, ауэ кьелу кьызэрыгьэлэгуам [Пропп 1976: 273]. Ауэ, кьэтпщыта текстхэм кьызэрагьэлагуэмклэ, мыпхуэдэм нарт эпосым и ублаплэ лээхэнэм дышыхуээркъым, атлэ нэхыбэу зыхэтлягьуэр лыхыжьыгьэклэ гьэнщла циклхэрщ.

Езы Лэпщ теухуауэ жыплэмэ, мыр зэрылар кьэзыуатэ сюжет гьэщлэгуэни эпосым хэтщ. Нартитлэ Лэпщ деж маклуэ, джатэ зырыз ирагьэщлыну. Нэхыжьыр хуейщ джатэ, зэуар зэгуихыу, нэхыщлэр – зэпыджар пхихыу. Лэпщ тлури зыхуеям хуэдэ яхуешлэри еутлыпщыж. Нартитлыр кьэклэужу псым кьышикыжым, нахыжым и джатэр псым хохуэ, мыдрейр псым хоуэри джатэпэм пылу ар кыхехыж. Ар зыльэгуа нарт нэхыжьыр Лэпщ хуогубжь, кьигьэпцлауэ кьышохури – мыдрейм и джатэр езым ейм зэрыпхылар и псэм теухэркъым. Мо лы гужьар джатэмклэ мауэри Лэпщ и куитлыр пех, и ажалри абы кыхокл [Нарты... 2024а: 141–142].

Пасэрей флэщхуныгьэхэр льябжьэ хуэхьуауэ жыплэ хьунуц Сэтэней и дуней ехыжыклэр кьэзыуатэ мотивми. Кьуэдзокьуэ Палиб (1878 гь.кь.) кьилуэтэжа «Сэтэней зэрылар» [Нарты... 2024а: 168–170] хыбарым кьызэрыхэщымклэ, Сэтэней пщыхьэплэу елагуэ, Сосрыкьуэ зауэм зы мыгуагьэ гуэр кьызэрышеуэллар. И лыхыуаклуэ йожьэри и псэр хэмытыжу губгьуэм илыу и мылхукьуэр кьегьуэтыж. Игьэпскыу шилыхьэн мурад илэу псы лыхыуа шхьэклэ, имыгуэту уэсэпсклэ игьэпскыу шлэдзэ, арщхьэклэ, дыгьэм егьэгушри, уэсэпери хуримыкьуж мэхьу – и нэклур мытхьэщлауэ кьонэ. Хыбарым адэклэ кьызэрыхэщымклэ, «– Сымыгуэжыт, сытыр си лэмал, – жиэри и кьуэм тегуальхьэри тепыхьэу шлэдзаш, и нэпсхэмклэ Сосрыкьуэ и напэр итхьэщлу. И нэхэр шыщлитхьэщлыкым, Сосрыкьуэ и нитлыр кьызэтрихаш. Сэтэней гуфлэу и лупэм ба шыхуищлым, Сосрыкьуэ и жьэр кьызэтрихри кьэбэуащ, абы хэту Сэтэней и псэр и кьуэм хыхьэри эзыр хьэдэу кьытеуклуриикыжаш» [Нарты... 2024а: 169].

Кьэтхьа шапхьэхэм кьызэрагьэлагуэмклэ, нарт эпосым и ублаплэ лээхэнэм кыхэнащ зэман жыжьэхэм псэмрэ лэпкьлэпкьымрэ зэхуалэ шытыклэм теухуауэ пасэрей цыхум бгьэдэла флэщхуныгьэхэм (тотемизм, анимизм, реинкарнация, метемпсихоз, н.) я лэужь. Абыхэм тепщыхьэмэ, псэр эзыр-езыру дунейм тетыфынут, псэушхьэ, хьэпшып гуэрым шыхьумауэ шытыфынут, абыхэм я сурэтым иту зеклуэфынут, зым и псэр адрейм хыхьэфынут, кыхэклэу хыхьэжыфынут, н.кь. Уеблэмэ, Дж.Дж. Фрэзер и кьэхутэныгьэхэм тепщыхьэмэ, а зэман жыжьэхэм псэуахэм ягугьэт, и лэпкь-лэпкьыр зэрызэрымыубыдам кыхэклэу, сабий кьалхуагьащлэм и псэр нэгьуэщлэ хьэпшып, кьэклэгуэ жылэ быдэ гуэрым «шагьэпщкьумэ», нэхь хьума хьуну, абы теппыхьа дауэдапши иращлэжкьырт [Фрэзер 1984: 623–634]. Псалгэм папщлэ, Антти Аарнерэ Стиф Томпсонрэ я сюжетгьэлагуэм (адэклэ АТ) [Thompson 1961] 302 бжыгьэмклэ кьышыгьэлэгуа сюжетым дызышрихьэллэ персонажхэм я псэхэр я лэпкьлэпкьым хэмылуэ, атлэ нэгьуэщлыплэ шыгьэпщкьуауэ луэрыуатэм кьызэрышыкьлуэри а флэщхуныгьэхэм кьашауэ кьалыгьэр. Псом хуэмыдэу мы нэщэнэр ядыдолыагуэ

бий кьалэн зыгъэзащIэхэм – иныжым, мэзылым, Емынэжь, Лъэбыцэжьей, Пшы-Марыкьуэ, н.: абыхэм уапэлгъэщынукьым, я псэхэр щыгъэпщIуар кьыумыгъуэтмэ. ГъэцIэгъуэнращи, гъащIэм и пэжым тегъэпсыхьа тхьдэр зи лъабжьэ эпосми бийм мыпхуэдэ нэщэнэ щыбгъэдэль щыIэщ. Апхуэдэщ ЕщIэнокъуэ Атэбий лыкIэ и бий Дэгужьыр (Дэгужьей). Дызытепсэлгъыхь жанрхэм мотивым апхуэдиз мыхьэнэ щIратми щхьэусыгъуэ иIэщ. Мыхэр псори лыхьужьыгъэкIэ гъэнщIащ, а лыхьужьыгъэр езыр Iэта хьун папщIи, бийр лъэшу, мэгъу зэфIэкI иIэу, шынагъуэу, пэлгъэщыгъуейуэ щытын хуейщ. ИтIанэщ лыхьужь нэхьыщхьэм и кьарур, хахуагъэр, зэфIэкIыр IупщI щыхьур – бий мыхьэнэншэм текIуэным абы и пщIэр иIэтыркьым. Аращи, зэрынэрылгагъуэу, бийр зэрыхагъащIэ мотивым и мыхьэнэри цыкIукьым.

Апхуэдэ дыдэуи, кьазэрыщыхьуу шытамкIэ, цIыхум и IэпкьIэпкьым щыщ гуэрым (щхьэцым, лъэгуажьэм, блэгъукIэм, н.) псэр, кьарур хэлъынкIи хьурт. ЩIэныгъэлIэхэм зэрыхуагъэфащэмкIэ, мы иужьрейр щхьэусыгъуэ хуэхуащ лыхьужьым лIапIэ, тIасхьапIэ и IэпкьIэпкьым иIэу IуэрыIуатэм кьыщIыхьыам. В.Я. Пропп зэритхымкIэ, псалгъэм папщIэ, щхьэцым псэр, кьарур хэлъу зэгур ягугъуэ шытащ, икIи арат щхьэц упсыныр ямыдэу щIыщытари [Пропп 1986: 41]. Апхуэдэ фIэщхьуныгъэхэм я кIапэ-лъапэу хуэбгъэфащэ хьунуш ди зэманми сабийм и япэ щхьэцыр (дзыгъуэ щхьэц) яупса нэужь, хьыфIамыдзэу зэрызэрахьэр, балигъхэм ейри зыщIыпIэ кьыщамыгъанэмэ нэхьыфIу, бзу сыт зыгуэрым ихьмэ, щхьэузрилэ хьуну кьэзылыгъэ зэрыщыIэр.

Дызытепсэлгъыхь тIасхьапIэ зиIэ лыхьужь образхэм дунейпсо IуэрыIуатэм зыщаужьащ, икIи нэхьыбэм деж а тIасхьапIэр ахэр шапсыхькIэ кьахуэнэ хабзэщ. Ахилесс и анэ Фетида щIалэ цыкIур Стикс псым щыхищIэкIэ, ар зэриIыгъа лъэдакъэхэр шабапIэу кьонэри, адрей IэпкьIэпкь псор шэ пхымыкIыу мэхьур, аращ абы лIапIэу кьыхуэнэри. Фафнира благуэм и лымыкIэ Зигфрид шагъэпскIкIэ, тхьэмпэр зыкIэрыпщIа и блэгъукIэр тIасхьапIэу кьыхуонэри, абы йокIуэдыкI.

Нарт Сосрыкьуэи апхуэдэщ: «Мывэр Лъэпщ зэгуйхри – дэным хуэдэу Сосрыкьуэ кьыдэхури Сэтэней и куэщIым кьыхуащ, данэ куэщIыр зэпхихри щIым теуащ. Лъэпщ IэдэкIэ Сосрыкьуэ и лъэгуажьытIыр иубыдри лъэпсылгъэм хильхьащ. Ар псым игъэунщIыIури, езыр жыр хьуащ, и лъэгуажьэпитIыр лыуэ кьэнащ» [Нарты... 2024a: 188].

Зэрынэрылгагъуэу, Сосрыкьуэ тIасхьапIэу иIэр и лъэгуажьытIырщ. Ар нартхэм (иныжьхэм) кьащIэу лыхьужьыр зэраукIым теухуа сюжетыр кьэлэутэкIэкIэ зэмылIэужьыгъуэ куэду зэтепщIыкIыжа пэтми, псори зыхуэкIуэжыр зыщ: Сосрыкьуэ и щэхур кьрагъэщIэн папщIэ, ар зрикIуэну гъуэгуи удыр трагъэтIысхьэ. Гъуэгуи лыхьужьыр хьэпшып тельыджэхэм щрохьэлIэ, тажыр кьыщтэу зыщхьэритIэгъа нэужь, ар удыр арауэ имыщIэу, и щэхур иIуатэу щIедзэ, ишми жрегъыIэ. Апхуэдэ щыкIэкIэ Сосрыкьуэ и тIасхьэр щIэзыха удыр мэкIуэжри, зэхихар бийм яжреIэж, мыдрейхэми унафэ ящI, жаншэрхьымкIэ ар яукIыну. Жаншэрхьыр тIэунейрэ Iуащхьэм кьрагъэжэх, Сосрыкьуэ дрехуеиж, ещанэу лъэгуажьэкIэ еуэу дрихуеижын хуей мэхьури, лъэгуажьытIыр пех, ишри псыхьуэрыжэ ящI, и лъэгухэр щIрагъэудри апхуэдэу нартыр яукI [Нарты... 2024a: 373–374, 375–377].

Батрээ и циклым щытетхыхькIэ, нэхьыбэу щIэныгъэлIэхэм гулыгъэ зыхуащIыр мы лыхьужьыр дунейм зэрехьжар наIуэ кьэщIынырщ. Ауэ мотивым щIыпIэшхуэ шеубыд и адэ Хьымыщ теухуа хьыбархэми, абы щыгъуэми зэмылIэужьыгъуэ куэду кьэлэутауэ. Кьэтпщыта хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ тепщIыхьмэ, жыпIэ хьунуш Батрээ и циклым хуэдэу мотивым зыщызужьа нарт эпосым узэрыщримыхьэлIэр: сюжетхэм я бжыгъэр зэрынэхьыбэм имызакъуэ, кьэлэутэкIэкIи зэмылIэужьыгъуэхэщ, нэхь ирикьууи, нэхь нэгъэсауи кьэлэутэжжахэщ, бзэ и лъэныкьуэкIи нэхь кьулейхэщ.

ЩэщIэ Бый (1874 гь.кь.) и варианттым [Нарты... 2024b: 141–147] кьызэ-рыхьэщымкIэ, Хьымыщ лыхьужь уардэу, пкьыфIэу зэрыщытым кьыхэкIыу,

нарт бзылхуггэхэр кыкIэлъызеплэ хуащ. Ар и щхьэусыггэуэ нартхэр абы бий кыхуэхуащ, уклá зэрыхунум и Iэмали лыхуэхэу щIадзащ. ПэувкIэ лыггэрэ кьарукIэ пэлъэщынухэтэкьыми, бзаджаггэ хуекIуэну мурад ящI, уд гуэр ягьякIуэу и лIапIэр кьраггэхутэну. Хьымыщым фIэфIт пхьэкIэн джэгуну, икIи, хабзэ зэрыхуэхуати, джэгугурэ езэша нэужь, зытес пхьэм деж щыщхьэукгэуэрт. Удым кьажреIэ, абы ирихьэлIэу Хьымыщыр а пхьэм трапхэн, итIанэ зэрыхьзэрий макьышхуэ кьалэтын хуейуэ. А макьым кыггящтэу Хьымыщыр кыщыльэтыну хушIэкьунут, апхуэдэ дыдэуи ар зыпIыжа и атэлыкь анэр гужьеяуэ унэм кыщIэжынут, я нэплъэггэуэхэр зэтэхуэу зыр зым и нэгу щиплэ дакыкьэм ирихьэлIэу еуэхэмэ, абы щыггэуэт Хьымыщ и Iэпкьлэпкьым шэр щыпхыкIынуур. Удым и псалъэхэм тету нартхэм Хьымыщыр яукI. Пщыдэтэкьо Мадин (1915 гь кь.) хьыбарыр кызыериуэтэжар нэггэуэщIуш. Мыбдежым Хьымыщыр лыггэрэ кьарукIэ Марыкьуэм ефIэкIыу зэрыщытым кыхэкIыу, бий зэхуохуэ. Марыкьуэрэ и гьусэхэмрэ щакIуэ здэщылэм, иныжь мэзым кьикIа кхуэпIащэ абраггэуэр кьахуэукIыркьым. Хьымыщым ар хузэфIокI. Марыкьуэм тхьэ еIуэ апхуэдэ зэфIэкI зIэр дунейм тримыггэтыну, ггэщIаггэкIэ Хьымыщыр иныжь щIыналъэм ирешэ, щхьибл зыфIэт иныжьым ириггэукIын мурад иIэу. АрщхьэкIэ иныжьыр хиггящIэу щилъаггукIэ, Марыкьуэ ггэщIкIуауэ и щIыбагь кыдохьэри Хьымыщыр кьеукI [Нарты... 2024б: 147–151]. (Хьыбархэм кьазэрыхэщымкIэ, мыбы зыкьомкIэ поджэж Андемыркьанрэ Бесльэн-ПцIапцIэрэ жаггэуэггэу щIызэхуэхуаум и щхьэусыггэуэри: кхуэпIащэр кьрахулIэ пэтми, Бесльэным шэр хутемыггяхуэу, ар зэрыс гум зэ уэггэукIэ Андемыркьаным кхуэр кIреIулIэ.) Тыу Бэрэкьай (1880 гь.кь.) кыжиIэжа хьыбарым тепщIыхьмэ, нартхэу Чэчанрэ Хьымыщрэ зэшитIщ, Марыкьуэ и кьуэхэщ. Я адэм щIалитIыр кызыэхеху, арщхьэкIэ тэлай докIри, зыхишэжын мурадкIэ кьакIэлъокIуэ. Хьымыщым иггэзэжын щимыдэкIэ, дзэшхуэ кьрешалIэри Марыкьуэм абы зауэ кьрешIылIэ, а зауэми Хьымыщыр хокIуадэ [Нарты... 2024б: 151–156]. Уэрдокьуэ Мырзэбэч (1884 гь.кь.) и варианттым Марыкьуэм еггэбэлэрыггэри Хьымыщыр еукI, тепщэныггэр («мывэ шэнтыр») зыIэриггэхьэну [Нарты... 2024б: 156–158].

Езы Батрээ дунейм зэрехыжар кьэзыIуатэ мотивым и гуггэу пщIымэ, мыри лIэужьыггэуэ зыбжанэу эпосым щыхьумащ. Япэу зи гуггэу тщIынуур кьэзыIуэтэжауэ щытари ищхьэкIэ зи цIэ кьитIуа ЩэшIэ Быйщ [Нарты... 2024б: 263–265]. Кьапщтэмэ, Хьымыщ теухуауэ абы кыжиIэжари мыри – тIури зыкьомкIэ зэтохуэр. Апхуэдэу щыт пэтми, гу лъумыггэу кьанэркьым жыIэжакIуэм зы сюжетыр лыхуужь зырызым щыхуихькIэ, Iэзаггышхуэ хэлъу зэрызэщхьэщиггэкIым. Псалъэм папцIэ, ггэщIэггэуэнщ Батрээ теухуаум мы лыхуужьым и тIасхьэр и бийхэм кызыэращIэ щIыкIэр: Хьымыщ ехьэлIам лыхуужьым и тIасхьэр щIэзыхыр удмэ, мыбдежым ар зыIуатэр Батрээ зыпIа Жьокьоянэщ: удым и чэнджэщкIэ, Батрээ щымыIэжу Жьокьоянэ жраIэ, арщхьэкIэ зигу-зищхьэ зэтэль, зи кьаныр зыщIыхуж атэлыкь фызыжьым зыми кыхимыхуэ, иригушхуэу жеIэр, ар фIырыфIкIэ зэрахуэмыукIынуур, езымрэ Батрээрэ я нэ плъэггэуэхэр щызэтэхуэм емыуэмэ, и псэр зэрамыггэныфынуур. Ар кьащIэну араггэуэ щIалэм и жаггэуэггэуэхэр зыхушIэкьури, я мурадыр кьащехуулIэм, Батрээ езэшауэ пхьэ тетIысхьэпIэм щыщхьэукгэуауэ зыраггэхьэлIэри, абы трапхэ, Iэуэлъауэ, зэрыхьзэрий макьышхуэ кьалэт, абы кыггээщта лыхуужьымрэ гужьеяуэ унэм кыщIэжа Жьокьоянэрэ я нэплъэггэуэ щызэхуэзэм ирихьэлIэу кытэхуа шабзэшэм ар хеггящIэр. Мыбдежым гу зылытапхьэращи, хьэрэмагь лъэпкь игу кьэмыкIыу Батрээ и щэхур иIуэта пэтми, Жьокьоянэ и псалъэхэмкIэщ мы лыхуужьым и тIасхьапIэр бийм кызыерищIэр. А щытыкIэм мыр пэггунэггэу ещI дунейпсо IуэрыIуатэм щыщIэрыIуэ АТ 315 сюжетым дызыщрихьэлIэ бзылхуггэуэ образым: фызыр (анэр, шыпхьур) бийм (иныжьым, благгэуэм, н.) дехьэхри и щхьэггэусэм и лIапIэр абы хуэIуатэр (еплэ пс.п. «Звериное молоко» сюжетым [Сравнительный указатель... 1979: 115–116]. Ауэ, зэрынэрыльаггэуши, образыр зэхуэкIыныггэхэр иггэуэтауэ Батрээ и циклым кыщокIуэр.

Абы кышхьэщыкыу, Мыгу Нухь (1898 гь.кь.) и варианты [Нарты... 2024b: 254–256] АТ 315 сюжетыр зэрызеклуэ хабзэм тету кышхьгэсэбэпащ. Абы кыдэклэу, кэлэуэтэклэу мыр пэггунэггущ Самсон и дуней ехыжыклар кызыхэщым [Фрэзер 1985: 299–300]. Батрээ и адэм иль ищлэжыну нартхэр имыггэпсэу шыхьум, ар яукыну мурад ящл. Езауэклэ зэрытемыклуэнур кышхьащлэм, бзаджаггэм хуоклуэр. Нэхь пкыфлэу, нэхь зэлэзэрыту, жыаклуэу зы нарт кыхахри Батрээ и анэм деж ягьаклуэ, кыдраггэхьэхыну. Хуэм-хуэмурэ зэпыщлаи мэхьухэр. Я зэхушхьыклар Батрээ кышхьлэмэ имыггэпсэунхэу лы бзаджэм шыжиэклэ, анэм и флэщ мэхьури, лыхьужьыр зэраггэклэуэдыну лэмалхэм лыхьуэу шладзэ. Кызэрыщлэклэмклэ, и анэм и щхьэщыр зыхэхуэна клэпсэклэ япхмэ, Батрэзым зэпчыфынутэкьыми, апхуэдэу ящлри яукл.

Кьэрэггул Мытл (1866 гь.кь.) кыжиэклэжа хьыбарми [Нарты... 2024b: 256–263] льябжэ хуэхуар дуней псом щызэллыщлыса АТ 960А сюжетырщ. Батрээ Дамызэпщым и кьуэ Кьуайданыр еукл, и афэм ехуэпсэщати, ар зылэриггэхьэну. Кьуайданыр тхэ йольэлу жьуджалэр хашэу и клэуэдыккэ хуар илэуэтэжыну. Зэман доклри, абы и шыпхур Батрэзым и щхьэггусэу зэдэпсэуэ еклэуэккыурэ, жы кыккыуоури жьуджалэр унэм шлэхьэр. Ар щилыаггуккэ, Батрэзыр кыходыхьэшхыккэ, и щхьэггусэр кыккэрэхьыжьэри шлэдыхьэшхар кьреггэлуатэ. И дэлхур Батрэзым лэщлэклэуэдауэ кышхьщлэклэ, бзылхуеггэм, и лым зыккырымггашлэу, цыхухуэ шыггынклэ зехуапэри луашхьэпаллэ кьрет. Абдежми Батрэзыр щыхеггашлэри апхуэдэ шлэклэклэ и дэлху Кьуайданым иль ещлэж.

Батрээ и циклым хуэдэу, Ашэмэз ехьэллэ хьыбархэмрэ пшыналлэхэмрэ лыхьужьыр зэрыхэклэуадэм теухуа сюжетым зыужьыныггэхьэхуэ шаггэуэтэкьым. Апхуэдэу щыт пэтми, мыбыхэми дазыщрихьэллэ хьыбар зыбжанэм я гуггу шлэпхьэщ. Батрээ ехьэллэ циклами хуэдэу, мы лыхьужьым ейри и адэ Ашэ дунейм зэрехьыжым тепсэллыхь хьыбарымккэ кышхьедзэ. Цыргьой Сэит (1868 гь.кь.) кыжиэклэжа варианты [Нарты... 2024b: 279–280] ипкэ итккэ жыплэмэ, нарт Ящэрэ Льягуц-Жакларэ ящлхэр зэпылът. Ящэ и щлым дэшхуей жыг абраггэуэ кышхьыккэ, мэл миным нэблаггэ и льябжэм шлэхуэнуй, ар Льягуц-Жаклэм абы ирифыггуллэ хуаш, кыгтрихынуи мурад ещл. Ар щхьэусыггэуэ я зэхуаку кьауггэ кыдохуэу, зозауэхэри, Ящэр хоклуадэ, абы иль зыщлэжыну клэа и кьуихри Льягуц-Жаклэм кьеуккэ.

Ашэмэз и адэм иль зэрищлэжам теухуа хьыбар зыбжанэми шлэдзаплэу мотивыр щыхэхуэуэ щылэщ, ауэ апхуэдэхэм деж бийм езауэу Ашэр зэрыхэклэуадэр убггуауэ кьэлэуэтэкьым, иккэ мыпхуэдэ лыхьэм и кьалэныр лыхьужь нэхьыщхьэр адэншэу кызэрыдэклэуэтейм гулыггэ худиггэщлыну арщ. Дызэрыщыггуазэщи, шлэныггэллхэр зыхуэклэуа гупсысэхэм тепщлыхьэмэ, лыхьужьыр адэншэу щытыныр нэхь пасэу эпосым кыыхыхьэхэм ящыщ зыщ. Зэман жыжжэм щыла хабзэжьхэр, флэщхьуныггэхьэр мотивыр кьэунэхуным шлэдзаплэу хуэхуаами, луэрылуатэм нэхьыбэу щиггэзащлэр лыхьужь нэхьыщхьэр адрейхэм кьашхьэщыггэклэнырщ, кыыхэггэщхьэхуеккынырщ. Нарт эпосми лыхьужь псысэхэми я нэхьыбаплэм хэти ныбэм илэу я адэхэр хоклуадэ, хэти, псом хуэмыдэу, партеногенезым теухуауэ щыла гупсысэжьхэм кьатепщлыккэ мотивхэм, адэншэхэщ (кьэклэыггэ жылэ, пхьэщхьэмыщхьэ сыт хуэдэу хьыджэбзым ишхам, е псы ирифам, н. кыыхэккыу уэндэггу мэхьури, сабийр дунейм кытохьэ). Ашэмэз теухуа луэрылуатэри, дауиккэ, апхуэдэщ. Абы и шапхэу кьэпхь хьунуц «Ашэрэ Льябыцэжьейрэ» [Нарты... 2024b: 402–408] хьыбарыр, Ашэ дунейм зэрехьыжам нэггэуэщлэу кьэлэуэтэккэ илэу кызыхэщыр: «Ашэккэ зэджем Льябыцэжьейр иуеккыу и шыбзри кыхуну мурад ищлати, Льябыцэжьей иггэзаггэртэкьым. Льябыцэжьейрэ Ашэрэ зэлэушлэхэри зэзуаш. Льябыцэжьейр кьытеклуэри Ашэр кьуиккэлащ» [Нарты... 2024b: 402].

Езы Ашэмэз зэрауккэ сюжетым и гуггу пщлымэ, мыр и льябжэуэ зы хьыбар 1960 ггэм ятхыжауэ щытащ, Тыу Бэрэкай (1878 гь.кь.) кьилэуэтэжу [Нарты...

2024b: 430–432]. Абы кызырыхэщымкIэ, Ашэмэзыр Батрээ иукIа Пшы-Марыкьюэ и кьюэщ. БалигышIэ иувэу физ кыишэну мурад щичIым, нарт пщашэ гуэрым лыхъуаш. Хьыджэбзым кыжрелэ, и адэр зукIахэр щIыналгэм кыришэжыфмэ, кыдэжIуэну. Абыхэм я мурадт, Ашэмэзи ин хьумэ яукIынуи, КьюныудкIэ эджэр (мы зы хьыбарыращ кызыыхэщыр) абы хуцIапIыкIат. Дауэ мыхъуами, хьыджэбзым кышигытIыльгар зэриггээщIэным Ашэмэзыр хуцIэкьурти, Кьюныудым и мурадыр хуеIуатэ, зэран кыхуэмыхьуну, атIэ акылыншафэ зытригъауэу мэзым щIыхъэжыну йольэIу, мыдрейми ар еггээщIэ. Къазэрыщхъэщымыжам папщIэ зыпIахэр кыхуэмыарэзыуэ Кьюныудым кышищIэм, ар Ашэмэз поув, иукIыну, абы иришэжыа жылэри иплэ ириггэтIысхъэжын мурад иIэу. Зоуауэхэри, Ашэмэзыр хокIуадэ.

Дызытепсэлыхь мотивыр Бэдынокьюэ и циклым кызырыщыкIуэми щхъэхуэныггэ хэлгъщ. Батрээ, Ашэмэз сымэ ныбэм илгъу я адэхэр хэкIуадэмэ, мыбдежым абы иплэкIэ нэхьыбэу зыщызужьар мы лыхъужьым и адэр укIыпIэм кызырыришыжам теухуа сюжетырщ. Дызэрыщыгъуазэщи, мыр лIэужьыгъуитIу циклым кыхыхьаш. Япэр Бэдын нартхэм я тхъэмадэу жьы зэрыхуам кыхэкIыу яукIыжыну и кьюэм кызырыриггэлыр кызыщыIуэтарщ, етIуанэр жьы хьуар бгым едзыыхьыныр зэрышаггэтам теухуарщ. Ауэ езы Бэдынокьюэ дунейм зэрехыжар кыхэщу кьэIуэтэкIэкIэ зэтемыхуэу сюжет зэмылIэужьыгъуэ зыбжанэ щыIэхэщ. Апхуэдэу щытми, зы хьыбар щхъэхуи циклым хэткьым, хэхауэ мы Iуэхугъуэм тепсэлыхьы: нэхьыбэм дызэрырихьэлIэр е нэгъуэщI сюжетхэм хэхуэнауэщ, е адрей нарт лыхъужьхэм языхэзым ехьэлIам мыр хэггэувауэщ, абы щыгъуэми мыбы и кIуэдыжыныр сытым дежи зыгуэркIэ Сосрыкьюэ епхауэ щытщ.

Сэмэн Едыдж (1873 гь.кь.) и хьыбарыр, «Пшы Бадинокьюэ и кIуэдыжыкIар» [Нарты... 2025a: 395–398] фIэщыггэщIэр иIэ щхъэкIэ, нэхьыбэу зытеухуар нарт тхъэмадэ Джылахьстэн и пхьум деж Сосрыкьюэ, Бэдынокьюэ сымэ псэлыхьыу зэрыкIуарщ, икIи абы мотивыр Iыхъэ щхъэхуэу (зы пчыгъуэу) хэувэу аркьудейщ. Хьыбарым и вариант псоми кызырыхэщымкIэ, Джылахьстэн псалгэ быдэ ет, Бэдынокьюэ и бжыр кыхэзычыфым и пхьур иритыну. Сосрыкьюэ хылаггэ хельхьэри кыхеч, ар Джылахьстэн кьещIэри щIоггъуэж, и унагъуэр зыщIегъури бгъуэнщIагъ быдапIэ гуэрым зыщеггэщIкIу. Сосрыкьюэ Бэдынокьюэ гьусэ ещIри быдапIэм IуотIысхъэ, дэки дыхьи зрамыгъакIуэу. Джылахьстэн ггэщIкIуауэ Лэпщ деж макIуэри, «зыхуэпшийм теухуэу, зытеухуар мыхъужыну саггындакышитI схуэщI!» – жери йольэIу. ХуищIауэ кышихьыжым, Сосрыкьюэ кьеггаштэри, зы шэр IэпщIохури, мэкьутэ. Кьэна закьуэмкIэ Джылахьстэн Сосрыкьюэ ггэщIаггэкIэ лэгум диггэува Бэдынокьюэ йоуэри ар хеггашIэ. Апхуэдэ щIыкIэкIэ мэгъу нэщэнэ зыбггэдэлъ шабзэшэмкIэ Бэдынокьюэр яукIыр.

АкIэгъу Алыи 1876 (гь.кь.) и вариантм [Нарты... 2025a: 404–408] хьыбар зыбжанэм я пкыгъуэхэр щызэхэхуэнащ, лыхъужьхэм яггээщIэ кьалэнхэри хьуэжа хьуаш. Бэдынокьюэ балигышIэ иувауэ иджыри и атэлыкьхэм деж щыIэу хьыбарым кыщIедзэ. Кьэзылгъухахэр нартхэр арауэ кышищIэкIэ, и лэпкьэгъухэм яыхьэжын мурад ещIри зыпIыжа и анэм шырэ Iэщэ-фаштэрэкIэ йольэIу. Апхуэдэм деж IуэрыIуатэм зэрихабзэщи, анэми лыхъужьыр еггэунэху, а ггэунэхуныггэхэм пхокIри зыщIэлгъуахэр кыIэрохьэ. АдэкIэ хьыбарым кыхоувэ Бэдынокьюэ нартхэм я ефэ-ешхэм зэрахыхьэр. Мыбдежым кызырыхэщымкIэ, нартхэм я тхъэмадэр Сосрыкьюэщ, абы и гуапэ хьуркьым нарт хьыжьэр зэрахыхьар. Унафэ ещI, блащхъужьей хэсу фадэбжьэ ирату Бэдынокьюэр ираггэукIыну, арщхъэкIэ мыдрейми щIопщыкьукIэ блэр кыхедзри бжэр иреф (мотивым нэхьыбэу дышрихьэлIэр и адэр укIыпIэм кызырыришыжарщ). Щымыхьум, Сосрыкьюэ абы кIуэдыпIэ кыхуильтыхьуэу щIедзэ. Iэхьуэ пщыIэ гуэрым пэмыжыжьэу абы лIа нэпщI зыщеггэщIри гъуэгум тоггэуальхьэ. Бэдынокьюэ хуээу лIарэ псэурэ зэхиггэкIыну абы щыщхъэщыхьэм, модрейри зыхуейр арати, джатэмкIэ кьоуэри Бэдынокьюэ и щхьэр зэгъуепщIыкI. Нартхэм Лэпщ деж псынщIэу яхьри уIэггэм

гъуаплэ трагьэгъабзэ. Сосрыкьуэ дунейм и щытыкIэм зригъэхъуэжыфырти, зэм уае иришIэклIым Бэдынокьуэ и щхъэкуцIыр игъэдийм, зэм дунейр пщтыр ищIым кыигъэкьуальэурэ, Бэдынокьуэр апхуэдэ щIыкIэклIэ еукIыр. ЗэрытщIэщи, мы Iыхъэм дызыщрихьэлIэ хабзэр Сэмэн Едыдж кыIуэтэжауэ ищхъэкIэ зи гугъу тщIа хыбарым хуэдэхэрщ – Джылахъстэн и пхъум деж лыхъуэ зэрыкIуауэ шытам тепсэлыхъхэрщ. Абыхэм къазэрыщхъэщыкIращи, Джылахъстэн бгъэдэл хабзэ къалэнхэр Бэдынокьуэ хуэхъауэ арщ, а щIытыкIэмкIи мы лыхъужьым и кIуэдыжыкIар къэIуэтауэ арщ.

Бэдынокьуэ дунейм зэрехыжым нэгъуэщI къэIуэтэкли иIэщ, ауэ ари Бэдынокьуэ и циклым щIэщыгъуэу кыигъэщIауэ пхужыIэнукьым, атIэ Сосрыкьуэрэ Тотрэшрэ зэрызэуам теухуа сюжетыр мыбдежым кыщыгъэсэбэпауэ арщ. Апхуэдэщ ОсылI Пщымаф (1887 гъ.кь.) кыжиIэжар [Нарты... 2025a: 398–399]: нарт пщашэр зэрихъам кыхэкIыу, Сосрыкьуэ Бэдынокьуэ бий хуохъури IуащхъэпIалгъэ ирет; Бэдынокьуэ Iуащхъэм кIуауэ здытетым, Сосрыкьуэ толбадэ, къуаргъхэр зэрызехъуэ и щхъэщыгу иту, хыщэ зэщIэкьугъуэ бгъурыту, и шым кIэрыщIа уэджынэхэр зэщIэзууэ. Тотрэш и хыбарым хуэдэу, Бэдынокьуэ и шыр а псом къагъаштэ, зричу щIэпхъуэжыну щыхуежъэкIэ, Бэдынокьуэ и куэпкыитIымкIэ екъузри шым и джажэхэр хекъутыхъ, шхуэмлакIэр кыжъэдекъуэри шыжъэр щIэх, езыри уанэгум къоху. Сосрыкьуэ зыхуейр арати, щхъэщохъэри Бэдынокьуэ и щхъэр фIэх.

Щауей теухуа циклым и гугъу пщIымэ, мыбы ущрихьэлIэркьым дызытепсэлыхъ мотивым хуэдэ зыгуэри, апхуэдэу зэрыщытми щхъэусыгъуэ хэха иIэщ. Ар мы лыхъужьым теухуа хыбархэм, абыхэм хыбаркIэ деджэми, лыхъужь псысэм и нэщэнэхэр зэрызыщIашарщ. Дызэрыщыгъуазэщи, нарт эпосым нэхъыбапIэм лыхъужь нэхъыщхъэр дунейм ехыжмэ, псысэхэр сыт щыгъуи зэриухыр фIыр Iейм текIуауэщ. Зи гугъу тщIы псысэ лIэужьыгъуэм деж ар къэIуэтащ лыхъужь нэхъыщхъэр кыпэщыль лъэпощхъэпо псоми пхыкIыфрэ жылэ псом я нэхъ дахэ, нэхъ гъэса, нэхъ Iуц дьдэ хыжэбзыр щхъэгъусэ хуэхъурэ, мылькушхуи игъуэтауэ, языныкьуэхэм паштыхыгъуэри кылысысауэ, насыпыфIэ хъуауэ зэриухымкIэ. Нартхэм я дунейр кыщыгъэльэгъуарэ хыбархэр зы циклым кызэщIикьуэу зэрыщытыр кыгумылъытэмэ, и нэщэнэхэмкIэ мы лыхъужьым ехъэлIа IуэрыIуатэр лыхъужь псысэм хэбгъыхъэкIи ущыуэнукьым. Аращи, псысэм мы хыбархэр езышалIэ адреи щытыкIэхэм къадэкIуэу, Щауей хэкIуадэкьым, атIэ дэтхэнэ зы сюжетри и мурадхэр къехъулIауэ еухыр.

НаIуэу зэрыщытщи, иджыри къэс дэ дызытепсэлыхъар нарт эпосым и ублапIэ лъэхъэнэмрэ абы и купщIэр къэзыгъэщIэ цикл нэхъыщхъэхэмрэ лыхъужьыр дунейм зэрехыжыр къазэрыхэщ щIыкIэр убзыхунырщ. Ауэ, къэтпщыта IуэрыIуатэхэкIхэм кызырагъэлыгагъуэщи, мы эпос лIэужьыгъуэм и ужьыхыжыгъуэ лъэхъэнэми мотивым зыщыжыащ, ар кызыэрыIуэта щIыкIэм ириплъэнми мыхъэнэ иIэу жыпIэ хъунуц. Псалъэм папщIэ, куэдрэ ущрихьэлIэ щыIэщ нэхъ пасэу эпосым кыхыхъа мотив е сюжет гуэр мыбдежым кыщыгъэсэбэпауэ. Мыбы и шапхъуэ къэпхъ хъунуц Ермэл Тарас (1891 гъ.кь.) кыжиIэжу ятхыжа «Жэмадыу икIодыкI» хыбарыр [Нарты... 2025b: 274–277]. Хыбарым и лъабжэщ жы хъуар укIыжын хуейуэ нартхэм яхэлыауэ щыта хабзэмрэ ар зэрыщагъэтамрэ къэзыIуатэ мотивыр. Мотивыр дуней псом щызэлъыщIысахэм ящыщ зыуэ жыпIэ хъунуц, икIи абы и щыхъэтщ дунейпсо сюжетгъэлыгагъуэхэм мыр щхъэхуэу кыщыхэгъэкIауэ зэрыщытыр. Псалъэм папщIэ, Аарнерэ Томпсонрэ я сюжетгъэлыгагъуэм мыр 981 бжыгъэмкIэ кыщыгъэльэгъуащ, дэтхэнэ зы лъэпкъми и IуэрыIуатэм щызекIуэ мотивхэр IупщI кыщыщIауэ Ю.Е. Березкинрэ Е.Н. Дувакинрэ зэхалъхъами мыр М116 индексымкIэ щыгъэбелджылащ [Березкин, Дувакин...]. Дызэрыщыгъуазэщи, мотивым адыгэ IуэрыIуатэми, псом хуэмыдэжу нарт эпосым, псысэхэм, зыужьыныгъэшхуэ щагъуэтащ. Нарт эпосым деж мыр нэхъыбэу зыхэтлыгагъуэр Бэдынокьуэ теухуа циклырщ, ауэ Сосрыкьуэ ехъэллами

кышыщыхэщ шылэщ. Циклхэр шызэтеува лъэхъэнэм тепшлыхьмэ, дауикI, Жэмадыу ейр нэхьыщIэщ, абы кьегъэлыгагуэр нэхь пасэу зэпэщ хьуауэ хьэзыру шыт мотивыр мы лыхужьым епха IуэрыIуатэм кызырыщыгъэсэбэпар. Апхуэдэу шытми, мыбдежым абы зэхьуэкIыныгъэ гуэрхэр щигъуэтащ. Бэдынокъуэ сымэ ятеухуа хьыбарым, псысэхэм жьы хьуар бгым шамьдзыжу, атIэ, абы и чэнджэщкIэ лъэпкыыр мыкIуэдыжу кызырызэтенар кьащыгурыIуэкIэ, а хабзэ мыхьумыщIэр зыханри, нэхьыжым пщIэ хуашIу ягъэпсэур. Мыбдежым аракьым – Жэмадыур бгым щадзри яукI, ар щхьэусыгъуэ хуохьу хьыбарым адэкIи кызырыпищэм: Сосрыкьуэ нарт лыхьжым иль ещIэж.

Хьыбарым и сюжетыр и лъабжьэу пшыналгъэ теплгъэ иIэу Бгьуашэ Исхьакъ (1890 гъ.кь.) нэгъуэщI зы варианты кьилуэтэжауэ шытащ [Нарты... 2025b: 277–284]. Япэм Жэмадыу зэраукIамрэ абы иль Сосрыкьуэ зэрищIэжамрэ зы хьыбару зэхьыамэ, мыбдежым нэгъуэщI зы сюжети абыхэм кьепхыжащ. Ар нартхэм я тхьэмэдэ Узьызмэс ирамыгъэукIыжу кызырырагъэлырщ. ЗэрытщIэщи, жьы хьуар укIыжынри нарт тхьэмэдэр укIыжынри сюжет щхьэхуэхуэ нэхь пасэу кьэунэхуа циклхэм дащрохьэлIэ, ауэ мыбдежым тIури кьыщокIуэр, Iзагъышхуэ хэлъуи зэгъэIуащ: Жэмадыу жьы хьуати, нарт хабзэм тету яукIыж; Сосрыкьуэ абы и лышIэжакIуэ йожьэри нартхэм яохьэ; псори зэтриукIэу щедзэри Орзэмэдж деж шынкIэ, ар щхьэгъубжэмкIэ кьыдегъэувыкI, мыдрейри псынщIэу унэм кьокIуэж; Сосрыкьуэ и кьуэу зэрыщытыр Орзэмэдж кьешIэ. Мыпхуэдэ сюжет зэкIэлъыкIуэкIэр нарт эпосым дежкIэ щIэщыгъуэу, ар Жэмадыу и циклым кьышыунэхуауэ жыпIэми ущыуэнукьым.

Нарт Узьызмэджыкьуэ Ерыщыкьуэ (Орзэмэджыкьо Ерыщэкьо) дунейм зэрехыжар кьэзыIуатэ хьыбарри пасэрей мотивхуэ зэхэлыщ. Апхуэдэхэщ лыхужьыгъэ пыщIауэ нысащIэ кьэхьынымрэ лыхужьыр мывэу жынымрэ. Ерыщыкьуэ нарт зэшиблым я шыпхьу Акуандэ-дахэр кьрехьэжэ, арщхьэкIэ Акуандэрэ Гьэрыщэкьурэ зэтраIуауэ кьыщIокI; Ерыщыкьуэ хьыджэбзыр кьихьу кьышыкIуэжкIэ, абы и псэлъыхьум хуозэ, зэауэр яублэри махуищкIэ зозауэ; Сэтэней ар шилъагъукIэ, тхьэ йолгъэIури, Ерыщыкьуи, Гьэрыщэкьуи, Iакондэ-дахэри мывэу мэжхэр.

Пасэрей мотивхэмкIэ, сюжетхэмкIэ эпосым и ужьыхыжыгъуэ лъэхъэнэр зэрыкьулейр нэгъуэщI шапхэ куэдхэмкIи кьыпхуэгъэлыгъэуэнущ, ахэр куэд мэхьу, ауэ а псоми я гугъу дымышIми, дызытепсэлъыхьахэм наIуэ кьащI, абы кьызэщIубыдэ цикл цыкIухэм ахэр Iзагъышхуэ хэлъу кьызырыщыгъэсэбэпар. НэгъуэщI лъэныкьуэкIэ уеплэмэ, тхьдэр зи лъабжьэ эпосым ижь мыбыхэм кьазэрыщIихуами гу лъумытэу кьанэркьым.

Лыхужь псысэм, тхьдэ хьыбарыжхэм я нэщэнэхэр ебэкIми, нарт эпосым иIэ хабзэ зекIуэкIэр нэхьыбэу зыхьумахэм ящыщ зыгуэ жыпIэ хьунущ Пагуэ и кьуэ Тэтэрцауэ ехьэлIа хьыбархэр. Мыхэри лыхужьыр дунейм кьызырытехьар, и сабиигъуэр, и дуней тетыкIар, игъэхьа лыхужьыгъэхэр, зэрыкIуэдыжар кьэзыIуатэ сюжетхуэ зы циклым кьызэщIеубыдэр.

Тэтэрцауэ зэрыкIуэдыжам теухуауэ 1956 гъ. проф. Ж. Дюмезиль хамэ кьэрал зы пшыналгъэ щитхьжауэ шытащ, сурэт трихри Адыгей щIэныгъэ кьэхутакуэ институтым кьигъэхьауэ шытащ [Нарты... 2025b: 217–220]. Пшыналгъэ жытIэ щхьэкIэ, нарт эпосым кьыкIэлъыкIуа эпос лIэужьыгъуэм и теплгъэхэр мыбы белджылыуэ кIэрыболгагуэр, абы кьыдэкIуэу, зэрыхуэбгъэфашэ хьунумкIэ, зэгуэр зы пшыналгъэ узэщIам и зы Iыхьэу мыр кьэнауи хуэбгъэфашэ хьунущ. Дауэ шымытами, лыхужьым и дуней ехыжыкIар мыбдежым щыхьумащ: IуащхьэпIалгъэ кьыщратым, Тэтэрцауэр йокIуалIэ; Iуащхьэм тесурэ елыгагу, биидзэр кьызырыкIуэр; мо лIы хьыжьэр биидзэм яохьэри зыпэщIэхуэр ирелIых, арщхьэкIэ шабзэшэр кьытракIутэу щIадзэри лыхужьыр хагъащIэ.

Мыбдежым дигу кьэдгъэкIыжынщ Тэтэрцауэ и «шы нэхьыжхэу» Сосрыкьуэ, Батрээ, Бэдынокъуэ сымэ дунейм зэрехыжа щыкIэр. ЗэрыжытIащи,

ахэр кээзылуатэ мотивхэм пасэрей гупсысэкIэхэм я лъэужь кыхэнащ – я псэхэр, я лпанIэр, я кьарур я Iэкьлгэпкьым щыщ Iыхьэ гуэрым хэлъщ, е мэгъу нэщэнэ гуэр зыбгъэдэль Iэщэ гуэрщ зэрыпхуэукIхэр (псалъэм папщIэ, мы иужьрейм хуэдэщ Бэдынокъуэ зэраукIа шабзэшэр). Абыхэм кьашхьэщыкIыу, Тэтэрцауэ зэрыхэкIуадэр гьашIэм и пэжым нэхь пэгъунэгъуш: езым телъыджагъэ гуэр бгъэдэлърэ и лпанIэ зыщIыпIэ щыхьумауэ, е и Iэщэ-фашэм, е бийм ейм мэгъу кьару гуэри ядэпльагьуркьым, атIэ бий мэхьаджэр бжыгъэкIэ йофIэкI, кьызэрытогуэри и псэр ягъэн. Мыпхуэдэ кьэлүэтэкIэм (лыхьужьыр гьэпцIагъэкIэ утыку ирашэу яукIыу) нэхьыбэу зыщызужьар тхыдэр зи лъабжьэ лыхьужь эпосырщ, икли мы шытыкIэр нарт эпосым абы кьыбгъэдихауэ кьэплъытэ хьунуш.

Адииху и циклыр нарт эпосым хэгъыхьапхьэу щIэныгъэлIхэм кьалъытэми, мыбы кьызэщIуыбдэ Iуэрылуатэм нэхьыбэр тхыдэ хьыбарыжхэм нэхь пэгъунэгъуш. Псалъэм папщIэ, Адииху и щхьэгъусэм и образым щызэхуэхьэсащ курыт лэщIыгъуэм щыла зекIуэллым и шыфэллыфэ куэд, апхуэдэуи абы и дуней ехьыжкIэр кьызэрылуэтар, и фызым и Iэм нурыр кьыпихрэ жэщым я нэхь кIыфIыр кьыгъэунэхуу кыхьэщу зэрыщытыр кьыумыллытэмэ, пэжым пэблагъэщ: ар ежьэурэ шы кыху и хабзэщ, абыи ирогушхуэ, арщхьэкIэ Адиихум идэркьым, и лым и лыгъэ закъуэкIэ шыр кыхуу зэрыжIэр, атIэ езым бгъэдэлъ зэфIэкIым (и Iэм дунейр кьыгъэунэхуу зэрыщытым) ар хухь; Адииху зэгуопри и Iэр щхьэгъубжэм дишиикIыу гъуэгур и лым кыхуигъэунэхуркьым, мыдрейми жэщ кIыфIым шыр лъэмыжым кьытрехуэ, езыри шыри щохури псым етхьэлэ [Нарты... 2025b: 120–121].

Мамхэгъ Абдулхь (1909 гь.кь.) кьилүэтэжам [Нарты... 2025b: 124–125] Сосрыкьуэ Адииху и щхьэгъусэу кыхош, ищхьэкIэ зэрыжытIам хуэдэу и лыр псым итхьэла нэужь, кьэхьуар и зэрану Адииху кьелыгъэри псым зыхедзэж.

Тхыдэр зи лъабжьэ лыхьужь эпосым и гугъу пщIымэ, мыбыи хэтщ уэрэд, хьыбар зыжанэ, мифологием иджыри пыщIэныгъэ быдэ хуаIэу. Апхуэдэщ, псалъэм папщIэ, Лэжьэрокъуэм и циклыр (уэрэдыр, хьыбарыр) (циклыр нэхь убгъуауэ щызэпкьрыхаш Гьут I.M. и лэжьыгъэхэм (епль, п.п. «Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса» тхылым [Гутов 2000: 54–76])). Хьуран Хьэсэн (1907 гь.кь.) кьилүэтэжа «Лэжьэрокъуэм и хьыбарыжым» [Адыгские историко-героические... 2023: 473–480] кьызэрыхэщымкIэ, жын муслъымэнхэмрэ жын джаурхэмрэ (мыпхуэдэу жынхэр зэхэгъэкIыныр нэхь иужькIэ Iуэрылуатэм кыхыхьауэ жыпIэ хьунуш; зэрыщыт хабзэр – жын хужь, жын фIыщIэ) зэзауэхэрти, иужьрейхэр зэрынэхьыбэм кыхьэкIыу, жын муслъымэнхэм кьатекIуэрт. Апхуэдэу щыхьум, я нэхьыжым йочэнджэщхэри, кьажреIэ «лгы кьабзэм зыгуэр кыхьэмыIэбауэ, лгы кьабзэкIэ кьалъхуа пщым» кьыпкьрыкIа кьадэзауэмэ, зэратекIуэнухэр. Кьэбэрдей псом цагъуэтакьым апхуэдэ, Лэжьэрокъуэм фIэкIа. (ГьэщIэгъуэнщ пасэрей жанрхэм дазышрихьэлIэ телъыджагъэ хэлъу лыхьужьыр дунейм кьытехьэныр кьызыхэщ мотивым (мотив чудесного рождения) мыбдежым зэрызыщыхьужым: Лэжьэрокъуэр адрейхэм кьашхьэщокI, «пщы кьабзэм» кьызэрилъхуамкIэ).

Сюжетым адэкIэ зэрызиужьши, жын муслъымэнхэм ар ядыгъу, мыдрейри илэсибгъукIэ абыхэм ядозауэ, текIуэныгъэр зылэрагъыхьэ. АрщхьэкIэ Лэжьэрокъуэм и щIыпIэр игу кьохьэри кIуэжыну зэрыхуейр жынхэм яжреIэ. Мыдрейхэри ар яутIыпщыжыну арэзы мэхьу, ауэ дунейм щехьыжыну зэманыр, ар кьэсымэ, ищIэн хуейхэр кьыгурагаIуэ. Лэжьэрокъуэр кьокIуэж, зэщIэкIэжауэ, и Iэбжьанэ-лэбжьанэхэр пыкIылауэ, шыгъыныджэу. Хуэм-хуэмурэ и щхьэгъусэми кьецIыхуж, абы и фIыгъэкIи цыху сурэтым кьоувэж. АдэкIэ хьыбарым кьыпоувэ лыхьужьыр дунейм зэрехьж щIыкIэр кьызыхэщ Iыхьэр.

Жынхэм жыхуаIа пIалъэр кьыщыблагъэм, и дауэ-дапщэр дэзыхын хуейхэр езыхэрати, абыхэм я унафэкIэ Лэжьэрокъуэм уэсят кьецIыж: и псэр хэкIмэ, зы цыху кьыбгъэдамыгъыхьэу и хьэщIэщым яхьу цагъэтIылын хуейуэ, бжэри ягъэбыдэу зыми хулуамыху, мащи кьамытIыну икли щIамылхьэну – арат

уэсытыр. Апхуэдэу щыжиIэм, и щхьэггусэм гурыщхьуэ ещI, Iуэхум зыгуэр зэрэхэлъымкIэ. Лэжьэрокъуэр дунейм йохыж, зэрыжиIауэ, хьэщIэщым яхь, ауэ фызым зегъэпщIури зыкыщIенэ, кьэхьум еплъыну. Ауэрэ жынхэр кызыэхуос, хьэдэм хуэщIапхьэхэр хуащIэ, дыщэ таж яIыгъщ, Лэжьэрокъуэм щхьэрыгъыу щIалъхьэну. И гыбзэр яусын щIадзэри, икIэм нэмысауэ цIыхубзым и IуэуIауэ зэхахри, зэрогъащтэри жынхэр щIокIыж. ЕтIуаунэ махуэми кытрагъазэ, фызым зегъэбыдэри якIэлъоплъ, гыбзэр усын яухри, хьэдэр щIаххэри йожьэж, зыщIалъхьари цIыхум кьрамыгъащIэу Лэжьэрокъуэм щIыр ирагъэгъуэтыж.

Мы лыхужьым и хьыбарыр абыкIи иухыркыым. Фызым зэхиха гыбзэр зригъэщIати, жаIыну кыщрагъажьэжIэ, бIыным фIэдза джатэр, Лэжьэрокъуэ ейр, хьейуэ щIидзэрт. Ефэндыр ягъапIьэри, жэуапу кьарет, псалъитI кьэс я кум псалъищ абыхэм кьезэгъыу яхухэгъуэувэмэ, итIанэ гыбзэр зэрыжаIэфынур. Аращи, зэрынэрыIагъуащIи, дунейм ехыжам и псэр, и джатэр, и гыбзэр зэпыщIауэ хьыбарым кыщыIуэтащ (егъ.: лыхужьым е бийм и псэр и джатэм хэлъу кызыхэщ мотивым).

Гу лытапхьэщ уггурлыгъэ/уггурсызыгъэм ехьэлIауэ лъэпкыым хэлъа гупсысэм и кIапэлъапэ тхыдэ эпосым кызырыхьэнами. Абы и лъэужь хыдолъагъуэ, псалъэм папщIэ, Шэджемокъуэ Хьэсанш и кIуэдыкIар кьэзыIуэтэж сюжетым. Хьэсаншым кыпэлъэщ хэкум имыс жыхуаIэм хуэдэт, и лыгъэмкIэрэ и хьэлэлагькIэ дэнэ щIыпIи цIэрыIуэ щыхьуат. Жылэ псом я нэхь дахэ Дасусэ кьишэн мурадкIэ ар лыхьури, хьыджэбзэри арэзы техьуат. Хьыджэбзым нэгъуейхэри кьалмыкьхэри кыщIэупщIэрт. Хьэсаншыр зекIуэ щыIэу, и кьэкIуэжыгъуи нэсауэ, кьалмыкьхэм пщащэр ирахьэжьащ. Нэгъуейхэм ар кьащIэри фызышэм кьапэуващ. Хьэсаншир кьэсыжати, яхохьэ, зэбгрехухэри Дадусэмрэ и жэмхэгъасэ хьыджэбзымрэ кьахехыж. КьыздэкIуэжхэм, шыщIафэ гъуэжь джанэ щыгъыу лы щIакъуэ, фочыр зыщIигъакъуэурэ пкIэуэ, гъуэгум шрохьэлIэхэр. Жэмхэгъасэ хьыджэбзыр мыувыIэжу шыщIафэ джанэм тепсэлъыхьырти, Дасусэм ар уггурсызыгъэм хуихьащ. Хьэсаншми мурад ищIащ, джанэр хьыджэбзым кьыхуихьыну. ЛIым шыбгъэдыхьэм кьыжриIащ: «Уггурсызиблым ебланэр сэращ, мо дыгъэм си псэр дыкьухьэнуш, уэ пхуэдэлI зэрыздэхьыну сигу кьоуэ». Абы хэту лы щIакъуэр фочымкIэ кьеуэри Хьэсаншыр кьиуIащ, мыдрейри еуэжри лIыр иукIащ, шыщIафэ джэдыгур жэмхэгъасэм кьритри, и псэр хэкIащ [Кардангушев 2009: 346–349].

Нарт хьыбархэмрэ пшынальэхэмрэ щызэтеува нэгъуэщI пкыгъуэ куэд зи гугъу тщIы эпос лъэужьыгъуэм кыгъэсэбэпуи ущрихьэлIи щыIэщ, ауэ а псори езы тхыдэ эпосым и лъэхьэнэм кыгъэтIэсащ. Абы кыкIращи, жанр «нэхьыжхэр» зэрызэхэлъ мотив, сюжет куэдыр я кьуэпскIэ пасэрэи фIэщхьуныгъэхэм пыщIами, зэман дэкIыу цIыхум нэхьыбэ кыгырыIуэ хьууэ а дуней еплъыкIэхэр текIуэтами, IуэрыIуатэм апхуэдэ мотив, сюжетхэр занщIэу IэщIыб ищIыркыым, атIэ художественнэ кьалэн ягъэзащIэу кьыхонэ (псалъэм папщIэ, лыхужьыр кызырыхьагъэщхьэхукI Iэмалу кьагъэсэбэп). Ауэ, абыхэм я лъэужьхэр нэхь иужьу кьэунэхуа жанрхэм хэтIагъуэми, ахэр нэхь мащIэ зэрыхьуным, цIыху гупсысэм зэрызиужьам пэджэжу зэрыщытыным IуэрыIуатэр хущIокъур. Апхуэдэ нэщэнэ нэхьыщхьэу тхыдэр зи Iаабжьэ уэрэдхэмрэ хьыбархэмрэ ябгъэдэлъщ абыхэм кьаIуатэр гъащIэм и пэжым пэгъунэгъуу зэрыщытыр.

Андемыркьан пэж дыдэу дунейм зэрытетар кыщыхута лэжьыгъэ зыбжанэ зэрыщыIэм дыщыгъуазэщ. Ауэ абы и циклым пасэрэи пкыгъуэхэу хэтыр мынэхьыбэмэ, нэхь иужькIэ кьежьахэм нэхьэрэ нэхь мащIэжыым. Псалъэм папщIэ, пасэрэищ миф пэсущхьэр (мэзылIыр) и адэу зы хьыбарым кызырыхьыIуатар. Вариант зыкьомым абы и адэ-анэр кызырыхьыгъуэ цIыхуу, ауэ батыр лъэпкыым кьыхэкIахэу, Андемыркьан кьалъхуагъащIэу бгъэр теуэу ирихьэжьу Кьэбардейм кьрихьауэ, ещанэхэм пщымрэ унэлут цIыхубзымрэ кьалъхуауэ кыщыжыIащ. Мис апхуэдэ щIыкIэжIэ пасэрэи мотивхэм кьахэщ дуней кьытехьэжIэр гъащIэм и пэжым кIуэ пэтми хуэша хьуащ. Ауэ псом щыгъуэми кьаIуатэр зыщ – мы

лыхужьыр и дуней кытехьэкIэкIэ адреихэм къашхьэщокI. А псом кыкIращи, ижь-ижьыж лъандэрэ лъэпкыым кыдгъуэгурыкIуэ образ къэгъэщIыкIэм нэхъ класэу къэунэхуа циклхэри тетщ.

А щытыкIэхэм я Iэужь хыдолъагъуэ Андемыркъан дунейм зэрехыжам теухуа сюжетми. ЗанщIэу гу лъумытэми, нэхъ куууIуэу уриплъэмэ, мыбы и образми бгъэдэльщ нарт эпосым и лыхужьхэм я нэщэнэ – и псэр и джатэмрэ и шымрэ пыщIа хуэдэщ. Зы лъэныкыуэкIэ ар лыхъусэжь нэсци Iэщэ-фашэм хуэлэрыхуэщ, ахэр щIыгъумэ, мы дунейм узэрыпэльэщын щыIэкъым. Ауэ Сосрыкыуэ, Батрээ сымэ хуэдэу, ахэр абы и тIасхъапIэхэщ. «Андемыркъан и шым тесу, и Iэщэр иыгъыу дэ тхуэукIынукуым, ауэ ар дукIын папщIэ и шым темысу, и Iэщэр имыIыгъыу кытпэщIэхуэн хуей, – жиIэри...» [Адыгские историко-героические... 2019: 166–169]. Апхуэдэу зэрыщытыр бийм кызырищIэри гъэщIэгъуэну сюжетым хэхуэнащ. Нарт эпосым мэгъу эфIэкI зыбгъэдэль персонажхэм (уд, нэжыгъушщIыдзэ, уэрсэр, н.) лыхужьым и лапIэр кърагъэхутэмэ, мыбдежым а къалэныр зыгъэзащIэр зи быдзышэ зэIурылэ и ныбжьэгъурщ: Беслээн ПцIапцIэ и унафэкIэ, Къэниболэт гъэпцIагъэкIэ и шым темысу, и джатэр имыIыгъыу Андемыркъаныр кыдешри бий утыкум ирешэ, къаухъуреихьри лыхужьыр хагъашIэ (егъ.: Пагуэ и къуэ Тэтэрщауэ зэраукIам).

Андемыркъани хуэдэу, ЕщIэнокыуэ зэшхэм ятеухуа IуэрыIуатэр тхыдэр зи лъабжьэ эпосым и пасэрэи лъэхъэнэу зэрыщытыр белджылы къэзыщI нэщэнэхэм ящыщ зыщ нарт эпосым, лыхужь псысэхэм пыщIэныгъэ куу зэрыхуалэр. Мы лыхужьхэм ехьэлIа уэрэдхэмрэ хыбархэмрэ цикл щхьэхуэ кызырагъэщIым кыдэкIуэу, мотив, сюжет куэдыр, персонажхэм я IуэхушIафэ, шыфэлIыфэ, дуней тетыкIэхэр абыхэм кыпкърахауэ зэрыщытыр наIуэ къохъу, ахэр щызэбгъапщэкIэ. Абыхэм я гугъу зэ тцIауэ щытащи, а псоми аргуэру кыщIытедгъэзэжын щхьэусыгъуэ щыIэу къэтлгытэркъым [Бухуров 2022]. Ауэ дызытепсэлыхь Iуэхугъуэр нэхъ ирикыуу къэIуэта хьун папщIэ, зэшитIым я дуней ехьжыкIам теухуа сюжетым щхьэкIэ ттхауэ щытар мыбдежми кыщыдохь: «Циклыр еух ЕщIэнокыуэ зэшхэм я дуней ехьжыкIар кыджезыIэж хыбарымкIэ. ЗэхъуэкIыныгъэ гуэрхэр игъуэтами, мыбыи и къэIуэтэкIэр хуэдэщ АТ 650В сюжетым. Жанкъетым и нысашIэр бжэ къуагъым къуегъэувэ, дыщэ пыIэр зэрыщхьэрыгъыу. Езыр гъуэлышIэм йотIысхьэжри, и сагъындакыымкIэ нэщанэ йоуэри и пыIэр щхьэреуд. Цыхубзым хуэмышэчыжу и лым жреIэ, ЕщIэнокыуэ зэшитIым я лыгъэр ишIатэмэ, апхуэдэ лей Жанкъетым зэрызэримыхьэнур. Абы кыигъэгубжьа Жанкъет ЕщIэнокыуэхэм я лыхъуакIуэ йожьэ, я лыгъэр здынэсыр игъэунэхуну. Псысэхэм «лы шыкIам» нэхъ лъэщыж кыыхуэзэу абы и щхьэ кырикIуам щыгъуазэ зищIа нэужь, бзылхугъэм щхьэрыгъ дыщэ пыIэм нэщанэ еуэныр зыхен. Ауэ мыбдежым апхуэдэкъым, атIэ Жанкъетымрэ ЕщIэнокыуэ зэшитIымрэ лыгъэкIэ зэрогъэнэху. Жабэ Хьэмырзэ кыIуэтэжа хыбарым [ФАИГИКБНЦРАН: инв. № 528/ф-28] зэрыжиIэмкIэ, зэгъусэу ахэр пащтыхьым иригъэкIуэкI тхьэлъэIум макIуэ, хьэлэбэлыкь кыщыхьейкIэ, лыхужьыгъэ къагъэлыагъуэ, шыхэр къаху. АдэкIэ кыкIэльокIуэ зэшитIымрэ Жанкъетымрэ зэраукIа щыкIэр кызыхэщ Iыхьэр: ефэ-ешхэ хуашI хуэдэу защIри, бийхэм ЕщIэнокыуитIыр, Жанкъети я гъусэу, ирагъэблагъэ; зыщIаша унэм щIэс хэгъэрейхэр хуэм-хуэмурэ щIэкIуэсыкIыурэ мо шыр кыщIанэ; унэр къаухъуреихьри зауэр яублэ; сыт хуэдэ лыгъэ яхэмылыамаи, ЕщIэнокыуитIри Жанкъетри а зауэм хокIуадэ.

ГъэщIэгъуэну къэIуэтащ циклым дазыщрихьэлIэ КIэфыщ и къуитIым я кIуэдыжыкIари. ЕщIэнокыуитIымрэ КIэфыщ и къуитIымрэ бий щызэхуэжыуа щхьэусыгъуэр хыбар вариантхэм псоми щызэтэхуэу жыпIэ хьунуш. Ар ЕщIэнокыуэхэ я анэм мыдрей тIур гъуэгуш щрихьэлIэу и нэкIур зэрауIауэ щытарщ. Ауэ абыхэм я зэбииныгъэр зэриухар кызырыIуэтар щызэщхьэщыкI щыIэщ. Вариант нэхьыбэм къазэрыхэщымкIэ, Бахьшысэрэи зекIуэм зэшхэм кыщагъэлыгъуа лыхужьыгъэм гу лызытахэм я фIэпсэкIуэд хьуаш, ахэр

лгы щлэжыным зэрытеклуэдэнухэр, икди фызыжыым деж лэлуаклуэ ягклуэхэр, Клэфыщ и кьуитлым кьыградза дыркьуэр кьахуигэгэгьуну ирагьэллэунхэу, мыдрейри арэзы мэхьури зэшитлыр кьуэ кьещл, апхуэдэ щыккэлэ и кьуэхэм ирегьэклууж. Ауэ вариант щылэхэщ, Ещлэнокьуэхэм а лейр ямыгэгьуу кьызыхэщи: Тальостэныпщым и кьуэ Кьэрэщейри абыхэм бий яхуэхьуати, Ещлэнокьуэ зэшхэм ягьусэу унафэ ящлри, тхьэллэлу кьызрагьэпэщ; зэшитлыр кьрагьэблагьэри бжыхьышхуэ щытым пэгьунэгьуу хуагьэхьэзыра тьысыплэмккэ шагьэтлыс, бжыхьыр трагьэуклуриери кьамэккэ дэпыджыккьурэ бжыхь льябжьэм ккэщлауккьыыр [Адыгские историко-героические... 2023: 369–375]. Мы иужьрей сюжетыр тхьдэ эпосым нэхьыбэу зыщызужьахэм ящыщ зыщ. Апхуэдэ дыдэуш, хьыбарым кьызырыхэщымккэ, Хьэтлохьуцокьуэм бий кьыхуэхьуа Щоджэнокьуэ зэшхэр, Алыджыкьуэри яхэту, зэригьэклуэдари: «Хьэтлохьуцокьуэ и атэлыкьыр Тамбийхэт, Тамбийхэ я щаклуэхьэ Щоджэнокьуэхэ яубыдауэ ялыгьт, ирамытыжу. Ар Хьэтлохьуцокьуэ шхьэусыгьуэ хуэхьури, Тамбийхэ игьэлущащ, Щоджэнокьуэ зэшихыр кьрагьэблагьэу ефэ-ешхэ хуащлу зэтрауккэну. Абы хуащлауэ чийхэр яхуш, узэрелэу уэн кьудейуэ ягьэуври, ар жьауаплэ-ефанлэ ящлри зэшихри, Алыджыкьуэ я пашэу, кьрагьэблагьэри, чэф хьуху ирагьэфаш. Иккэм, зи жьауэ щлэс чийхэр трагьауэри, езы Тамбийхэ а чийхэм теувэжри кьамэпккэ епыджурэ Щоджэнокьуэ зэшихыр яуклащ» [Кардангушев 2009: 328–329].

Созэрыхьэ ехьэллэ луэрылуатэм кьыщыгьэллэгуэжащ XVII ллэщыгьуэм Кьэбэрдейр зэрыта щытыккэр, яла зэдэпсэуккэр – зэпыу имылуэ кьатеуэ хамэдзэ зэрыпхуаклуэхэм пэщлэтыным кьыдэклуэу, уэлиигьуэр зэпаубыдурэ езы пщыхэми я зэхуаку зэныкьуэкуэ кьыдэхьуэу зэрыщытар. Уэрэдыр, хьыбарыр кьежьэным льяпкьым кьыккьуа тхьдэ гьуэгуанэм и зы лыхьэ щхьэусыгьуэ хуэхьуами, а льяхьэнэхэр лупщлу кьагьэллэгуэн, сюжетыр удэзыхьэх ящлын папщлэ, мыбы хальхьащ нарт эпосым, лыхьужь псысэм, мыбы япэ кьиту зэтеува Андемыркьан, Ещлэнокьуэ зэшхэм я циклхэм куэдрэ уащыхуэзэ мотивхэр, сюжетхэр, образ кьэгьэщыккэм и хабзэхэр. Псалэм папщлэ, Ккэм Исуф (1902 гь.кь.) кьилуэтэжа варианты [Адыгские историко-героические... 2023: 531–545] кьызырыхэщымккэ, Созэрыхьэ, Андемыркьан ещхьу, пелуан льяпкьым кьыхэккэт, езыми егьэлеяуэ кьаруушхуэ бгьэдэллэ. Арщхьэккэ, языныкьуэ нарт, псысэ лыхьужьхэм хуэдэу, ар абы иубзыщырт, щлхьумэрт. И сабиигьуэм Ашэмэз, Батрээ сымэ ещхьу, щлалэ цыккьу джэгухэм яхьыхэмэ, сытккди ятеклуэу еккьуэжыурэ, зэгуэрым зы щлалэ цыккьу гуэр и анэр кьогие, абыхэм кьезауэ нэхьрэ, апхуэдизу щыллхьужьккэ, и кьуэш клуэдахэр кьыгьуэтыжмэ нэхь лыгьэу зэрыщытыр кьрилуэжыу.

Пэжщ, мыр, нарт лыхьужьхэм кьащхьэщыккьу, иль ищлэжыну ежьэркьым, атлэ и анэ шыпхьум и кьуэ Хьусин Льябгьуэр кьилыхьуэну гьуэгуанэ теувэу арщ. Абы щыгьуэщ абы гьэпщкьуауэ бгьэдэллэ пелуанагьыр налуэ кьыщыхьури. Нарт эпосымккэ, псысэхэмккэ дызэрыщыгьуазэщи, щлэдзаплэм деж фэ льяпкьэ зрамышль, фейцейуэ хуэпа, зы кьару гуэри кьылгыкьуэжыуэны узыщымыгугь лыхьужь «мыхьэнэншэм» наплэзыплэм зыкьызэкьуехри, лыхьужьыгьэхэр егьахьэ, зыми хузэфлэмыккэ луэхуегьуэшхуэхэр зэфлех, апхуэдэу ар щыщытри зыщ – и мурадхэр (нысащлэ кьэшэн, иль ищлэжын, н.) зылэригьэхьэн папщлэщ. Мыпхуэдэ щытыккэр тхьдэр зи льябжьэ эпосым кьыхьыхьащ, абы щыгьуэми апхуэдэ лэмалым хуоклуэр лыхьужьыгьэккэ цлэрылуэу щыт я нэхь хьыжьэ дыдэ лыхьусэжьыр. Апхуэдэщ Ещлэнокьуэ зэшхэм я адэ Атэбийр: шыхэм ккэлыпллыну фэ зытрегьауэ, и лыгьэр егьэпщкьури, лыккэ и бий Дэгужьей зыкьримыгьэщыцуу гьусэ зыхуещл, иужьккди ар еуккьыж. Нэхь пасэу нарт эпосым щызэтеува циклхэм лыхьужьыр а бзаджагьэм хуеклуэныр бийм бгьэдэллэ мэгьу эффлэккхэм, хьуэщнэщыгьэ зэрахьэхэм пэджэжу жьплэ хьунуми, Атэбий хуэдэм а лэмалыр кьыгьэсэбэпыныр кьемызэгьыу зэрыщытыр лупщлщ, курыт ллэщыгьуэм лыгьэм, хахуагьэм теухуауэ щыла гупсысэхэр кьэпллыгьэмэ. Ауэ мыбдежым хэтлэагьуэр нэгьуэщлщ. Хьыбарым е уэрэдым щлэдэлум занщлэу гу

л'етэ пэцэдзэм деж «мыфэмышу» к'эг'эл'эг'уа л'ых'уж'ым, адэки и г'ящ'л'эр зэр'ых'унур псын'ц'л'эуэ к'ыз'эри'ц'энуми хуопаб'г'эр, а щ'ык'лэмки л'уэры'уатэм щ'лэд'лур дрег'эх'эх. Араци, нэх'ыш'х'эу к'ил'ыт'эу гу зыль'уиг'этэнү, к'ыхил'этык'л'ыну зыхуей л'уэхуг'уэр ириг'эбелд'жылыуэ мы нэц'энэр иж'и'ж'ыж л'андэм л'уэры'уатэм к'иг'эс'эбэп л'эмал'хэм ящ'ыщ зыуэ арщ. Созэр'ых'э и цик'лми а л'эмал'ыр к'ыщ'ыг'эс'эбэпа х'уащ. Идж'ыри к'эс щ'их'ума и к'ярур на'л'уэ к'ищ'л'ын хуей мэх'у, г'уэугум щ'ытык'лэ гуг'уу их'уа ц'ыхух'эм ар д'элэп'ык'уну щ'ыл'эмал'ынш'эклэ (жыг абраг'уэр л'ыж' ц'ык'лум мэзым к'ыхуш'цел'эф, псын'ц'лэм х'эна выгур к'яхухел'эфыж, мыл щ'тырыг'уу дэ'к'ып'лэм клэрына гур, выхэр зэр'ыш'лэщ'ауэ к'ыдел'эф, н.). Ауэ, гу зыль'ытап'х'эраци, шап'х'эу к'эт'х'а л'ых'уж'хэм к'ащ'х'эщ'ык'л'ыу, Созэр'ых'э а щ'ытык'лэм насып'ф'лэ ищ'л'ырк'ым, ат'лэ ар Х'эт'ох'уш'ык'уэп'щ'ым пелуан к'ыз'эриг'уэт щ'ык'л'эр абык'лэ к'эл'уэтауэ арщ. К'ап'шт'эмэ, аращ мы л'ых'уж'ым и кл'уэдык'лар к'ызып'к'рык'лари.

П'щым пелуану к'ищ'т'энү к'ыщ'ыж'ри'лэклэ, Х'усин Л'яб'г'уэ зым иримыг'эб'энынумэ, зэр'ыар'эзыр к'ыгурег'а'л'уэ. Х'усин Л'яб'г'уэр Шуж'ейм и пелуанти, Х'эт'ох'уш'ок'уэр щ'ымы'л'эу, иг'эб'энэнү г'эп'ц'л'аг'эклэ Созэр'ых'эр дешри Х'усин'ыр к'ыпег'эуэв. Созэр'ых'эр тек'л'уэу щ'ил'яг'уек'лэ, Шуж'ейр абы б'г'эдох'эри гу зыль'римыг'ат'эу г'эп'щ'к'л'уауэ и'ыг' х'эд'жас'эмклэ йоуэри еук'л. Апхуэдэ щ'ык'лэклэ л'ых'уж'ыр дунейм йох'ыж.

Зык'омк'лэ зэтохуэ Адихуэ и щ'х'эг'ус'эр п'сым зэр'ит'х'эламрэ Тамбий и к'уэ Дыгулыб'г'уэ и дуней ех'ыж'ык'ламрэ. Пэж'щ, мы иуж'рейм х'этыж'к'ым бзыль'хуг'эм и лэмк'лэ г'уэгур и л'ым к'ыхуиг'энэхуу к'ызых'эщ мотивыр. Дыгулыб'г'уэ г'усэ и'л'уэ зек'л'уэ мак'л'уэри, шы гуартэ к'рахуж'э. П'х'эр к'як'лэ'л'ож'эри, зауэ-банэ к'ох'х'ей, Дыгулыб'г'уэ и шу г'усэ'хэм щ'ыщ куэди хок'л'уадэ. Зэр'ыхуейуэ зек'л'уэр зэр'ымых'уам к'иг'эг'уб'ж'а Дыгулыб'г'уэ Бах'сэныпс к'иуам шыр к'ыхехуэри, шыри езыри ет'х'элэ [Кардангушев 2009: 329–331].

Мыпхуэдэ щ'ытык'лэ х'ыдол'яг'уэ 1987 г'эм Налэ Заур ит'х'ыжауэ щ'ыта «К'ьербэч и х'ыбарым» [Адыгские историко-героические... 2023: 590–598]. Х'ыбарыр л'ых'ыт'л'у эщ'х'эщ'ыб'г'эклэмэ, япэм к'ыщ'ы'уэтащ мы л'ых'уж'ым и сабииг'уэр, балиг'ып'лэ иувэу иг'эх'а л'ых'уж'ыг'эр, ет'уанэм – дунейм зэрех'ыж'ыр. Апхуэдэу щ'лэд'гуэш'ым и щ'х'эусыг'уэраци, япэ л'ых'эм л'уп'щ'л'у нэр'ылаг'уэ к'ещ'л' х'ыбарым нарт эпосым хуи'лэ пыщ'лэныг'эр: Бэдынок'уэ и адэр ук'л'ып'лэм к'ыз'эрыриш'ыжам мыр тохуэ, п'к'ыг'уэ гуэр'хэм я к'эл'уэтэклэм зэх'уэк'л'ыныг'э гуэр'хэр иг'уэтами. А зэх'уэк'л'ыныг'эхэр к'эзыш'эри, дауик'л, гуры'уэг'уэщ. Ар, зэр'ыжыт'лащи, зытепс'эльых'ыр г'ящ'лэм и пэжым зэр'ых'ук'лэ нэх' пэг'унэг'уу к'эл'уэтэным тх'ыдэ эпосыр зэр'ыхуш'лэк'урщ. Псал'тэм пап'щ'лэ, Бэдынок'уэ теухуами мыбыи к'ыхощ сабий к'альхуаг'аш'л'эр к'ыз'эрых'уа унаг'уэм п'лэщ'лэ зэр'аш'л'ыр. Бэдынок'уэ и цик'лым ар к'ызых'эк'л'ыр л'ых'уж'ыр идж'ыри ныбэм ил'гу и г'ы мак'ыр зэх'ах'у, ар дунейм к'ытех'эмэ, нартхэр иг'эк'л'уэдынк'лэ зэр'ыш'ыш'ынэрщ. Ауэ щ'лалэ ц'ык'лур х'ыф'лад'зами, к'азых'уэ л'ыж'ь-фызыж'ым к'яг'уэет, и анэм иратыж, ц'ыху трамыг'апл'эу, и адэ Бэдын дыди к'уэ зэри'лэм химыщ'л'ык'л'ыу, щ'л'унэм шап'л. К'ьербэч и х'ыбарым сабийр унаг'уэм п'лэщ'лэ зэр'аш'л'ыр адэр мыщ'л'ыхунымрэ к'эл'уэтащ, адыг'эхэм япэм яхэл'гу щ'ыта хабзэхэм ящ'ыщ зымк'лэ – к'яну атэлык'ым зэр'ыратымк'лэ: К'янием щ'лалэ ц'ык'л'у к'ыз'эрыхуал'хуу, зыгуэрым ип'л'ыну ех'ри, зэадэ-зэк'уэр зэр'ымыщ'л'ыхуу к'ох'х'у.

Апхуэдэщ т'л'ум дежи я адэхэр ажалым к'ыз'эрыраг'эл'ыр. Бэдынок'уэ теухуам мотивыр к'уэпск'лэ йок'л'уал'э ж'ы х'уауэ теп'щ'эныг'эр зы'лэщ'лэ'л'ыр ук'л'ыжын хуейуэ пасэ зэман ж'ыж'эм ц'ыхум яхэл'ба хабзэж'ым: Бэдын якук'л'ыжыну жыук'л хасэм щраг'эблаг'эклэ, гуащэм и к'уэр щ'л'унэм к'решри л'уэхур зы'лут'ыр жре'лэ; Бэдынок'уэ хасэм яох'х'эри и адэм лэщ'л'аг'эувауэ блас'х'уэж'ей зых'эс фадэбж'эр к'ы'лэп'щ'лех, л'ыж'ыр щ'х'эг'уб'жэм к'ыдег'эувык'л'ри кл'уэжыну унафэ хуещ'л, езыр нартхэм ар яхуимыг'эг'уну яох'х'э. Мыдрей х'ыбарым зэр'ыжи'лэмк'лэ,

Къэние лыхгужьыгэ бгъэдэльщи, и закьуэу дзэ псом япэщлэтщ (егь.: Бэдынокьуэ и анэм и закьуэу чынтыдзэр зэрыригъэзым). Зэгуэрым зауапэм Iуту Къэниер биидзэм кызырыхигъэзыхьыр Къербэчым ельагыри, и адэуи имыщлэххэу, дзэм хохъэри зэтреуклэ, Бэдынокьуэ ещхь, и Iуэхур зэфлэклэмэ, и унэ екьуэллэжыну кыжреIэри, лыр кьеутIыпщыж.

КыкIэлъыкIуэ пкыгъуэр адэхэмрэ кьуэхэмрэ зэрызэрыщыхужхэрщ. Апхуэдэ лыхгужьыр и хэту щытамэ нэхь кызырищтэр кьищлэну унэгуашэр Бэдын еупщIу кьуэу зэрехуэпсар кыгурыIуа нэужь, Бэдынокьуэ кыщлэшэри зэрегъэщыхуж, хыбарри апхуэдэу еух. Къербэч и хыбарыр абыкIэ зэфлэкIырккым, атIэ сюжетым адэклэ кыпешэр, абы шыгъуэми зэдэ-зэкьуэр зэрызэрыщыхужыр гуауэм пыщIауэщ – и кьуэм и ажал къэсауэ пIэм хэлъу и адэм ар япэу ильагыуу арщ. Къызырыщлэклэмэ, нэгъуейхэм Къербэч ягъэкIуэдыну мурад ящIри зы фочауэ кыпагъэтIыс, мор кьоуэри уIэгъэ хьэлъэ кьешI. Лъэрымыхьу пIэм щыхиубыдэклэ, и адэм деж ягъакIуэри кьрагъашэ и кьуэр ирагъэльагъужыну. И адэр хэтми, ар япэу кыпэрыхьэнэу кыщищлэклэ, щылъу абы зыкьримыгъэльэгъуэну, бгыкьум клэпсэ ирырегъашэри, ар иIыгыуу шыту и адэм IуошIэ. Къэниер щхьэщысу и кьуэм и псэр хокI, шыкхьаблэклэ ехыжри щелъхьэж, адэклэ и кьуэм иль ещIэж. А псом кыкIращи, нарт эпосым зыщызужъа сюжетыр мыбдежми кыщыгъэсэбэпаш, ауэ езым и пщальэм кыигъэтIэсаш, Къербэч лыхгусэжым и дуней ехыжыкIари абыкIэ кьэIуэта хьуаш.

Ищхьэклэ зэрыщыжытIауэ, пасэрэи жанрхэм зыщызужъа пкыгъуэхэм щыщ зыбжанэ мы дызытепсэлъыхьа циклхэм кьахыхьауэ щытмэ, адэклэ эпосым и зыужьыныгъэм хыболгагъуэ ахэр кIуэ пэтми нэхь мащIэ зэрыхьум, сыт щхьэклэ жыпIэмэ тхыдэ эпосым гъащIэм пэж дыдэу зэрыщекIуэжкIынкIэ хьунум хуэдэ дыдэу зытепсэлъыхь Iуэхугъуэхэр кыщыгъэльэгъуэжаш. Абы и шапхьэу кьэпхь хьунуц Бзэтхьэл и кьуитIым ятеухуа уэрэдымрэ хыбарымрэ.

ЗэшитIыр бжъэдыгъуэ лъэпкьт, ахэр иджыри сабийуэ, лъэпкь зэбий-зэзауэм я адэр хэкIуэдат. Я анэр щIалэ цыкIуитIым тегузэвыхь хьуаш, кьыдэкIуэтеймэ, ахэри яукIынкIэ тешыныхь. Ар кьэбэрдеипхьути, сабиитIыр зыщIигъури и дыщым кьишэжаш, абы щипIаш. Мыдрейхэри кьыдэкIуэтейри щышэсхэм, щIыналъэ псом нэхь лыхгужь ушагъэлъыхьуэнэу лы кьахэклэщ. Къалмыкьыдзэм пэщIэтахэщ. ЗекIуэ шыкIуэхэклэ, шуупэу, кыщыкIуэжкIэ шуукIуэ ядэкIуахэщ. Апхуэдэу екIуэжыурэ, я адэм и щхьэ кьрикIуар ящIэрти, бжъэдыгъум ягъэзэжаш, яль ящIэжын мурад яIэу. Дзыхь ирагъэзу зэкIуалIа бысымым бзэгу ихьаш, зыщIэс хьэщIэщыр бийхэм кьаувыхьри, зэзауэ щыхьум, зэшитIыр хэкIуэдащ [Кардангушев 2009: 312–314].

Хьэтх КьуэжIасэ теухуа IуэрыIуатэм кызырыхэщымкIэ, шапсыгъхэм ящхьэщытащ Даухэ я кьуэ пщы сэхьуа. Ар апхуэдизкIэ шыкIати, унафэу игъэуващ, нысашIэ кьашамэ, лэгъунэм езыр япэ щIыхьэн хуейуэ. КьуэжIасэм ар и псэм темыхуэу, Дау и кьуэм пэуващ, абы кыщымынэу езы пщым и щхьэгъусэм щIасэ зыхуишIаш, жылэм ятригъэлъ бэлыхьыр пщым и щхьэклэ зыхригъэщIэну. ЩакIуэгъуэ лъэхьэнэу Хьэтхыр щакIуэ дэклауэ, Дау и кьуэри абы кIэлыбдоклэ. Хыбарым кызырыхэщымкIэ, а зэманым хабзэу щыIаш – кьемыдаIуэхэр, я бийхэр Iэрыубыд ящIрэ, пхауэ, клэсу тенджыз Iуфэм яхэрэ тырку кхьухь кьекIуалIэхэм ирашэу. Дау и кьуэм КьуэжIасэр игъэшынэу игъэжIэсу тенджыз Iуфэм ихьу ищэну зэныкьуэжъу щыхьум, Хьэтхым и кьуэм клэсын имыдэу пщыр еукI, езыри пщыгъусэхэм яукIыж [Кардангушев 2009: 314–317].

ДзырипIла текстхэм кызырагъэльагъуэмкIэ, лыхгужьыр пэж дыдэу дунейм тетами, абы теухуа уэрэдыр е хыбарыр зытепсэлъыхьыр пэж дыдэу кьэхьуами, пасэрэи фIэщхьуныгъэхэм кьапкьрыкIа мотивхэм я лъэужь, ар зы псальэу фIэклэ кьэмылуэтами, узыщримыхьэлIэ куэд тхыдэр зи лъабжъэ эпосым хэмыту жыпIэми ущыуэнукьым. КъардэнгъушI Зырамыку и IэдакьэщIэклэхэм ящыщ зым кьыхош, Сьжажэ Кьылшыкьуэ и кьуэ Абдурэхьым ишэу Зеикьуэ бжъэпэм тет Щоджэнокьуэ

зэшхэр зыщлэль чэщанэр зэрыриггэльэгъуауэ цытар [Кардангушев 2009: 329]. Чэщанэм и лъабжьэхэр иджыри Гупщлэ уолъагъу. Абы телуклауэ ягъэхьыбару шыташ, убгъэдыхьэмэ, жьащцэшхуэ кыкыуэууэ дуней кьутэж кьэхьуну, абы хэлъ мывэхэр псэуальэм хэплхьэ мыхьуну. 1754 гъэм еклэуэклэ мэкъумэшыщлэ зэщлэхьейныгъэр кызызыггэпэща Дамалей Мамсырыкыуэ гъэпцлэгъэклэ Гэрыубыд ящлри гущлэгъуншэу яуклаш, и хьэдэри Малкэ, Сармакь кьуажэхэм я зэхуаку дэт «Клунэ и тьыгъэклэ» зэджэ Гуащхьэ лъапэм шыщлалхьэжаш. Къазэрыщыхьуу шытамклэ, абы и кхьащхьэдэсэ сыныр техьэгъуэ узым и хушхьуэт, абы щхьэклэ кыкыкыраупсыкыгурэ сыныр яухащ [Кардангушев 2009: 309].

Лыхьужьыр дунейм зэрехьж щыкылар адыгэ эпосым кызызышыгуэтар кьэтхьа шапхьэ кьудейхэмклэ, дауиклэ, зэфлэжыркыым. Мыхэр куэдклэ нэхьыбэщ, икыи шэч хэлъкыым ди Гэ зыхунэмысу кьэнахэри кьэппыщытэмэ, пшыналхьэхэм, уэрэдыжхьэм, хьыбархэм я кьулеягъыр нэхь Гупщлэ кызызырищлэныум. Ауэ дызытепсэлыхьахэмкыи гурыгугъуэ мэхьу пасэрэи гупсысэклэхэм кьапкырыкыу миф хьыбарыжхьэм мотивым зиужьын зэрышыщидзар, адэклэ кьэлэуэтэжэклэ зэмылэужьыгъуэ куэду зэтэпщыкыжурэ лыхьужьыгъэклэ гъэнщлэ адыгэ эпосым зэрызыщиужьар, зы лъапсэ яГэми, пкыгъуэ куэдыр зэлэпахьурэ жанрхэр кызызызэдэгъуэгурыкылар.

Тегъэщлэпгъэхэр Список источников и литературы

Адыгские историко-героические... 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. В 2-х т. Т. 1. Андемиркан / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 430 с.

Адыгские историко-героические... 2023 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. В 2-х т. Т. 2. Песни и предания раннего периода / гл. ред. А.М. Гутов. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. 612 с.

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика (серия ИМЛИ РАН «Фольклор»). М.: ИМЛИ, 2019. 736 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4

Березкин, Дувакин... – *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (Дата обращения: 06.11.2025).

Бухуров 2022 – *Бухуров М.Ф.* Основные сюжеты и мотивы цикла о братьях Ешанокко [на адыг. яз.: Ещлэноккыуэ зэшхэм я циклым дызыщрихьэлэ сюжетхэмрэ мотивхэмрэ] // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 400–416. DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-400-416. EDN: SPAGLS.

Гадагатль 1967 – *Гадагатль А.М.* Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 423 с.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 228 с.

Гутов 2000 – *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 219 с.

Кардангушев 2009 – *Кардангушев З.П.* Избранные труды [на адыг. яз.: Кьардэнгъушлэ Зырамыку. Тхыгъэ кьыхэхэхэр] / сост. М.Ф. Бухуров, М.А. Табишев, А.А. Ципинов. Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых, 2009. 756 с.

Левкиевская 2000 – *Левкиевская Е.Е.* Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. 528 с. URL: <https://rodnovery.ru/images/knigi/levkievskaya-mify-russkogo-naroda.pdf> (Дата обращения: 07.11.2025).

Мифы народов... 1992 – *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.

Нарты... 2024а – *Нарты*. Адыгский (черкесский) эпос. В 4-х т. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под ред. А.М. Гутова. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 432 с.

- Нарты... 2024b – *Нарты*. Адыгский (черкесский) эпос. В 4-х т. Т. 2. Озырмес. Батраз. Ашамез / под ред. А.М. Гутова. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 472 с.
- Нарты... 2025a – *Нарты*. Адыгский (черкесский) эпос. В 4-х т. Т. 3. Бадиноко. Шауей / под ред. А.М. Гутова. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. 556 с.
- Нарты... 2025b – *Нарты*. Адыгский (черкесский) эпос. В 4-х т. Т. 4. Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / под ред. А.М. Гутова. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. 424 с.
- Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 366 с.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.
- Сравнительный указатель... 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов*. Восточнославянская сказка / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.
- ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
- Фрэзер 1984 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. М.: Издательство политической литературы, 1984. 704 с.
- Фрэзер 1985 – *Фрэзер Дж.Дж.* Фольклор в Ветхом завете. М.: Издательство политической литературы, 1985. 512 с.
- Хут 2003 – *Хут Ш.Х.* Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.
- Шортанов 1974 – *Шортанов А.Т.* Нартский эпос адыгов // *Нарты*. Адыгский героический эпос / отв. ред. В.М. Гацак. М.: Наука, 1974. С. 8–35.
- Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.

References

- Adygskiyе istoriko-geroicheskiye pesni i predaniya. V 2-kh t. T. 1. Andemirkan / gl. red. A.M. Gutov* [Adyg historical and heroic songs and legends. In 2 vol. Vol. 1. Andemirkan / Ch. ed. A.M. Gutov]. Nal'chik: Red.-izd. otdel IGI KBNTS RAN, 2019. 430 p. (In Adyg and Russian)
- Adygskiyе istoriko-geroicheskiye pesni i predaniya. V 2-kh t. T. 2. Pesni i predaniya rannego perioda / gl. red. A.M. Gutov* [Adyg historical-heroic songs and legends. In 2 vol. Vol. 2. Songs and legends of the early period / ed. A.M. Gutov]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2023. 612 p. (In Adyg and Russian)
- ALIYEVA A.I. *Adygskiy geroicheskiy epos. Skazka: Istochnikovedeniye. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika (seriya IMLI RAN «Fol'klor»)* [Adyg heroic epic. Fairy tale: Source study. Textology. Typology. Semantics. Poetics (series IMLI RAS “Folklore”)]. М.: IMLI, 2019. (In Russian)
- BEREZKIN Yu.Ye., DUVAKIN Ye.N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motives by areas. Analytical catalog]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (date of access: 06.11.2025). (In Russian)
- BUKHUROV M.F. *Osnovnyye syuzhety i motivy tsikla o brat'yakh Yeshanoko* [Main plots and motives of the cycle about the Eshanoko brothers]. IN: Electronic journal «Caucasology». 2022. № 4. P. 400–416. DOI: 10.31143/2542-212X-2022-4-400-416. EDN: SPAGLS. (In Adyg)
- GADAGATL' A.M. *Geroicheskiy epos «Narty» i yego genezis* [The heroic epic “Narts” and its genesis]. Krasnodar: Krasnodarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1967. 423 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. Nal'chik: Izd-vo KBIGI, 2009. 228 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Khudozhestvenno-stilevyye traditsii adygskogo eposa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyghe epic]. Nal'chik: Izdatel'skiy tsentr «El'-Fa», 2000. 219 p. (In Russian)
- Kardangushev Z.P. *Izbrannyye trudy / sost. M.F. Bukhurov, M.A. Tabishev, A.A. Tsipinov* [Kardangushev Z.P. Selected works. Comp. M.F. Bukhurov, M.A. Tabishev, A.A. Tsipinov]. Nal'chik: Izd. M. i V. Kotlyarovykh, 2009. 756 p. (In Adyg)
- LEVKIYEVSKAYA Ye.Ye. *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian people]. М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel»; ООО «Izdatel'stvo ACT», 2000. 528 p. URL: <https://rodnovery.ru/images/knigi/levkievskaya-mify-russkogo-naroda.pdf> (date of access: 07.11.2025). (In Russian)

Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T. 2 / Gl. red. S.A. Tokarev [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes. Vol. 2. Ch. ed. S.A. Tokarev]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1992. 719 p. (In Russian)

Narty. Adygskiy (cherkesskiy) epos. V 4-kh t. T. 1. Ranniye tsikly epasa. Sosruko / pod red. A.M. Gutova [Narts. Adyg (Circassian) epic. In 4 vol. Vol. 1. The early cycles of the epic. Sosruko / edited by A.M. Gutov]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2024. 432 p. (In Adyg and Russian)

Narty. Adygskiy (cherkesskiy) epos. V 4-kh t. T. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / pod red. A.M. Gutova [Narts. Adyg (Circassian) epic. In 4 vol. Vol. 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / edited by A.M. Gutov]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2024. 472 p. (In Adyg and Russian)

Narty. Adygskiy (cherkesskiy) epos. V 4-kh t. T. 3. Badinoko. Shauyey / pod red. A.M. Gutova [Narts. Adyg (Circassian) epic. In 4 vol. Vol. 3. Badinoko. Shauyey / edited by A.M. Gutov]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2025. 556 p. (In Adyg and Russian)

Narty. Adygskiy (cherkesskiy) epos. V 4-kh t. T. 4. Malye epicheskiye tsikly. Razroznennyye skazaniya / pod red. A.M. Gutova [Narts. Adyg (Circassian) epic. In 4 vol. Vol. 4. Small epic cycles. Scattered tales / edited by A.M. Gutov]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2025. 424 p. (In Adyg and Russian)

PROPP V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of fairy tales]. L.: Leningrad University Press, 1986. 366 p. (In Russian)

PROPP V.Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and reality]. M.: Nauka, 1976. 326 p. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale / Ex. ed. K.V. Chistov]. L.: Nauka, 1979. 438 p. (In Russian)

FAIGIKBNTSRAN – Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Adyg)

FREZER Dzh.Dzh. *Zolotaya vetv'* [Golden branch]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1984. 704 p. (In Russian)

FREZER Dzh.Dzh. *Fol'klor v Vetkhom zavete* [Folklore in the Old Testament]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1985. 512 p. (In Russian)

KHUT Sh.Kh. *Adygskiye narodnoye iskusstvo slova* [Adyghe folk art of the word]. Maykop: Adygeyskoye respublikanskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2003. 536 p. (In Russian)

SHORTANOV A.T. *Nartskiy epos adygov* [Nart epic of the Adyg]. IN: *Narty. Adygskiy geroicheskiy epos / otv. red. V.M. Gatsak* [Narts. Adyg heroic epic / Ch. ed. V.M. Gatsak]. M.: Nauka, 1974. P. 8–35. (In Adyg and Russian)

THOMPSON S. *The types of the folktale*. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

Авторым теухуауэ

Быхъурэ М.Ф. – филологие щ'Эныгъэхэмк'э кандидат, адыгэ Гуэрыгуатэ секторым и унафэщ'э.

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, зав. сектором адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – Candidate of Sciences (Philology), Head of the Adyg Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 16.09.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 811. 35
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-181-186

**ТЕМАТИКА И СИМВОЛИКА ПОВЕСТИ
А. НАЛОЕВА «ДАЛЬНИЕ ЗАРНИЦЫ»**

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2025

Аннотация. Ахмедхан Налоев – известный кабардинский писатель, прославился прежде всего рассказами и повестями на тему героической борьбы во время Великой Отечественной войны, национальной истории и фольклорных мотивов, а также психологической разработкой, лиризмом повествования и философской направленностью. Повесть «Дальние зарницы» занимает особое место в творчестве писателя, отличаясь тонким лиризмом и психологизмом. Анализ повести раскрывает характерную фабулу произведения: тематика повести многослойна. Главные мотивы – это память и время, а главный герой, Исхак, – сакральная личность. Автор статьи приходит к выводу, что в повести прослеживается связь поколений: образы ветеранов войны, носителей народной мудрости и традиций. Все это противопоставляется современному времени, утратившему эти духовные ориентиры и скрепы. Утверждается, что судьба народа – это главный мотив повести. Так как: за личной историей героя просматривается судьба всего народа – с его испытаниями, депортациями, лишениями. Исследование приводит к выводу, что в повести «Дальние зарницы» заметны глубокие этнические корни, обращение к народному эпосу и фольклору, что дало его произведениям выразительные колорит и психологическую достоверность.

Ключевые слова: повесть, тонкий лиризм, психологизм духовные ориентиры, ветеран войны

Для цитирования: Алхасова С.М. Тематика и символика повести А. Налоева «Дальние зарницы» // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 181–186. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-181-186

Original article

**THE THEMES AND SYMBOLISM
OF A. NALOEV'S STORY "FAR SUNDAYS"**

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alkhas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2025

Abstract. Akhmedkhan Naloyev is a renowned Kabardian writer, renowned primarily for his short stories and novellas on themes of the heroic struggle during the Great Patriotic War, national history, and folklore, as well as for his psychological development, lyricism,

and philosophical focus. The novella “Distant Lightnings” occupies a special place in the writer’s oeuvre, distinguished by its subtle lyricism and psychologism. An analysis of the novella reveals the work’s distinctive plot: its themes are multilayered. The main motifs are memory and time, and the protagonist, Ishak, is a sacred figure. The author concludes that the novella traces a connection between generations: the images of war veterans, bearers of folk wisdom and traditions. All this is contrasted with the present day, which has lost these spiritual landmarks and bonds. It is argued that the fate of the people is the novella’s primary motif. The hero’s personal story reveals the fate of an entire nation – with its trials, deportations, and hardships. The study concludes that the story “Distant Lightnings” reveals deep ethnic roots, drawing on folk epics and folklore, which lends his works an expressive flavor and psychological authenticity.

Keywords: story, subtle lyricism, psychologism, spiritual orientation, war veteran

For citation: Alkhasova S.M. The themes and symbolism of a Naloev’s story “Far Sundays”. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 181–186. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-181-186

Творчество Ахмедхана Налоева занимает особое место в истории кабардинской литературы XX века. Его произведения объединяют военную тематику, народно-фольклорные мотивы и глубокий психологизм, отражая судьбу народа через судьбы отдельных личностей. Повесть «Дальние зарницы» относится к числу значительных произведений писателя, где военная тема приобретает философское и символическое звучание. В условиях современного интереса к вопросам исторической памяти, идентичности и художественного осмысления войны анализ данной повести представляет несомненную научную ценность и актуальность.

Цель исследования – выявить тематические и символические уровни повести Ахмедхана Налоева «Дальние зарницы», определить роль хронотопа, фольклорных аллюзий и образной системы в раскрытии авторского замысла.

Для достижения цели наша задача состоит в том, чтобы провести анализ повести «Дальние зарницы», исследовав структуру произведения, с учетом военной тематики, показать ее значение для национальной литературы. Рассмотреть структуру и особенности повествования. Проанализировать центральные образы и символы произведения (память, дорога, горы, зарницы). Раскрыть идейно-художественные функции народно-поэтических мотивов. Определить значение повести в контексте кабардинской и всей советской фронтовой прозы.

Научная новизна работы заключается в том, что повесть «Дальние зарницы» рассматривается как художественный синтез личной памяти и коллективного опыта народа, где хронотоп дороги и символика света выступают как ключевые структурообразующие элементы. Впервые акцентируется внимание на сопряжении реалистического и символического начал, создающих многоплановость повествования.

Повесть Ахмедхана Налоева «Дальние зарницы» посвящена Великой Отечественной войне. Повесть строится от первого лица автора, на воспоминаниях участника Астана Исхака. Начинается с того, что автору сообщают, что умер Астан Исхак. Его жена передает автору рукопись, которую тот оставил после себя. Рукопись посвящена воспоминаниям о войне.

Центральной темой повести является Великая Отечественная война: в центре повествования – судьба обычного солдата на фронте, рядового защитника Отечества, образ которого глубоко правдив. Наряду с войной в повести раскрываются личная и коллективная память: лирические воспоминания Исхака переплетаются с судьбой семьи героя и всего кабардинского народа. Тема горечи войны проявляется в попытках героя пережить перенесенные ужасы войны. Но он сохранил желание жить дальше, несмотря на тяжелые утраты и страдания. Национальная идентичность проявляется в том, что повествование идет от имени кабардинского фронтовика, при этом текст подчеркивает и советский, и народный опыт войны.

Автор произведения использует хронотоп, связывая пространство и время: фронтовые зарницы («далекие зарницы») противопоставлены мирному послевоенному быту. Стиль произведения близок к реализму: описание войны и фронтовой жизни точное и лишено всякого приукрашивания. Как отмечено, в его произведениях появляются «глубоко правдивые образы мужественных защитников Отечества, рядовых солдат самой передовой линии огня» [Шевлоков 2003: 297]. Этот реализм подчеркивает правдоподобие рассказа ветерана. В то же время в тексте присутствует символика: например, «далекие зарницы» играют роль метафоры огня войны, который далек, но не забывается. Сам образ Астана Исхака, его воспоминания и бытовые эпизоды служат символом памяти того поколения.

Как подтвердил литературоведческий обзор, творчество А. Налоева представляет широкий временной и тематический диапазон и является «живой историей народа» [Шевлоков 2003: 297]. В двухтомном собрании его избранных произведений на русском языке повесть «Дальние зарницы» помещена наряду с другими военными повестями (например, «Там, за горой Кубати»). Таким образом, она составляет единое целое с кавказской военной литературой, где реальные фронтовые истории народов Кавказа соотносятся с общероссийской литературной традицией фронтовых повестей. А. Налоев, как фронтовик и представитель кабардинской литературы, внес в данную военную тематику региональную специфику и народную память, тем самым обогащая советский военный эпос.

Астан Исхак выступает не просто героем-участником войны, но и ее свидетелем и «хранителем памяти». Его рассказ передается из поколения в поколение: герой сам обращается к потомкам в своем сочинении, что подчеркивает значимость каждого личного свидетельства. Как носитель коллективной памяти, Исхак говорит от лица своего народа: его образ символизирует связь поколения фронтовиков с историей Кавказа. Через его призму читатель видит правдивый фронтовой опыт, и этим образ Исхака обретает особую значимость – он и очевидец, и рассказчик, сохраняющий правду о войне для будущих поколений.

Повесть «Дальние зарницы» открывается первой частью под символическим названием «Сквозь пелену лет» – метафорой памяти, которая «просвечивает» сквозь десятилетия. Уже первые строки создают рамочную конструкцию: Вот первые строки: «*Ко Дню Победы 9 мая 1980 года пришло письмо от командира 26 отдельного батальона четвертой понтонной бригады полковника Галагана: “Мне поручено организовать встречу ветеранов этой бригады”, – пишет в начале рукописи Исхак Астан. – Командир просил послать ему свои соображения. Он также просил включить в программу встречи ветеранов и посещение памятных для бойцов мест в Запорожье. – село Балабино и другие*» [Налоев 2002: 109]. Так читатель быстро вовлекается в гущу событий повести.

Таким образом, повествование начинается не с фронта, а с современности – 1980 года, когда уже постаревшие участники войны готовятся встретиться, спустя 35 лет после Победы. Этот прием имеет несколько значимых функций. А именно: это, прежде всего, эффект достоверности. Упоминание конкретной даты, воинской части (26-й отдельный батальон четвертой понтонной бригады) и фамилии командира (полковник Галаган) создает впечатление документальности, будто перед нами не художественный текст, а реальные воспоминания. Далее, происходит введение в личную историю героя. Рассказчик – Исхак Астан. Он не просто «герой войны», он – человек, который спустя десятилетия, осмысливает свой опыт и, обращаясь к памяти, пишет для потомков. Затем мы сталкиваемся с мотивом возвращения. Письмо командира и просьба «включить в программу встречи ветеранов посещение памятных мест в Запорожье – село Балабино и другие...» задают важный географический и эмоциональный вектор повествованию: возвращение к фронтовым местам становится главным, определяющим вектором воспоминаний. Он как бы дает толчок памяти, словно оживляя воспоминания.

Начало повести сразу маркирует ключевую тему – память фронтовика, которая не «потускнела» со временем, но все же окутана «пеленой лет». Здесь работает важная символика: «пелена» – это и расстояние времени, и эмоциональная завеса, за которой скрываются тяжелые воспоминания.

А повествование от имени Исхака – от первого лица, делает войну личной историей. Читатель погружается не в отвлеченный исторический нарратив, а поток памяти ветерана усиливает трагизм и подлинность происходящих событий: «*Старик, переживший вторую молодость, снова возвращаются в старость. Теперь мы снова будем жить воспоминаниями. Покуда живы...*» [Налоев 2002: 178].

Письмо полковника Галагана напоминает, что война – это не абстракция, а конкретные места памяти: село Балабино под Запорожьем и другие пункты на карте, которые для Исхака – не просто географические названия, а узлы личной истории. Это создает особый хронотоп: прошлое и настоящее переплетаются, фронтовые места становятся связующими нитями между поколениями.

Следует также отметить символику дороги. Например, во второй части повести через образ поездки ветерана Исхака раскрывается глубина его внутреннего состояния. Он едет навстречу ветеранам, садится в поезд – и внезапно вспоминает, что делает это лишь второй раз в жизни. Первый раз ехал он в поезде после Победы. А тогда впервые сел на поезд, когда он уезжал из родного Калежа: тогда он наблюдал, как поезд везет его все ближе к линии фронта; и все дальше и дальше от горных вершин. И родные горы, по которым он будет так скучать, становились все дальше и дальше, приближая линию фронта.

Эта повторная поездка символична: возвращение не в родной край, а к памяти, которая увозит его снова в прошлое. Образ гор, исчезающих из окон вагона, – мощная метафора. Это – отрыв от родины, переход от мирного детства к военной реальности.

С главным героем случился эмоциональный парадокс. Во время Победного залпа Исхак получил травму. Он вспоминает кульминационный момент войны – перед самым залпом Победы его отбросило в борозду и засыпало землей. Оттого ему «очень обидно». На наш взгляд, это не просто физическая травма – это связь с трагическим фактом, что он не смог в полной мере ощутить момент Победы: То есть, герой пережил конец войны, но физическая близость к событиям была омрачена травмой.

Герой испытывает некоторую обиду: ведь его исключили из празднования Победы как участника, несмотря на все жертвы, которые он принес во время боев. Ведь он был ранен прямо в день Победы. Это – необычный ход писателя. Этот эпизод усиливает ощущение, что война не завершена в сознании героя – ее воспоминание идет сквозь пелену времени, оставаясь активной частью его идентичности.

Дорога – это своего рода хронотоп. Поездка на поезде становится мостом между поколениями и хронотопом времени. Поезд символизирует движение памяти – от реального фронта к современной встрече ветеранов. Для Исхака это два временных среза: 1945 и 1980 годы, связанные одним и тем же маршрутом, но с совершенно разными внутренними смыслами. Таким образом, первая поездка после Победы – это коллективное возвращение солдат домой. Читатель видит героя не только как участника войны, но и как человека, который вновь переживает прошлое в настоящем.

Повторное путешествие (тогда и сейчас) – литературный прием автора повести, который показывает то, что сохраняется в памяти: герой возвращается не домой, а к себе самому, к своему прошлому. А горы – это символ детства, родной земли, домашнего уюта и стабильности. А исчезновение гор – это как бы символ утраты стабильности и приближения хаоса и ужасов войны. Не злость, и не горечь, а обида в душе героя: он чувствует, что остался в стороне от торжества Победы. Это подчеркивает степень переживания всей этой истории.

Итак, поезд, горы, борозда (в которую упал герой), – эти элементы создают пространственную и эмоциональную глубину повествования, работают вместе, как хронотоп, связывающий прошлое и настоящее.

Психологизм и героические образы повести, как правило, проявляются в силу духа героев, их стремлении к справедливости. Автор обращается к внутренним переживаниям персонажей через народный фольклор – песни, легенды, метафоры, что придает тексту эмоциональную глубину. Например:

*Кабы не было земли
Не было бы рожи-и-и,
Кабы не было жены,
Не было бы тещи-и-и
И-э-эхх! Маллалай!* [Налоев 2002: 110].

В тексте произведения просматриваются и народно - поэтические традиции. А. Налоев часто использует мотив путешествия, эпические образы и символику («кьэптал», «адэ», «псыбэ» и др.), унаследованную от народных преданий Кавказа. То есть здесь также присутствует символика пути, испытаний и духовной трансформации.

Психологизм и героические образы повести, как правило, проявляются в силу духа героев, их стремлений к справедливости. Автор обращается к внутренним переживаниям персонажей через народный фольклор – песни, легенды, метафоры, что придает тексту эмоциональную глубину.

Обобщение результатов наших рассуждений позволяет сделать вывод о том, что повесть А. Налоева «Дальние зарницы» представляет собой одно из наиболее зрелых произведений военной прозы Кабардино-Балкарии, в котором автор глубоко осмысливает не только исторические события Великой Отечественной войны, но и нравственно-философские проблемы человека, прошедшего через трагический опыт XX века. Так как тематическая основа произведения связана с памятью о войне как духовной категории, а не только как с реальным историческим фактом, то воспоминания героев, их внутренние монологи и ассоциативные ряды создают многоплановую картину народной судьбы, в которой личное неразрывно связано с коллективным.

Образная система повести строится на символическом соотношении света и тьмы, огня и дождя, жизни и смерти. Символ «зарницы» выражает внутреннее состояние героев, где надежда, боль и память соединяются в единую эмоциональную ткань повествования. Налоев сочетает документальную точность с лиризмом и психологической глубиной, что формирует своеобразный синтез жанровых черт очерка, исповеди и философской притчи. Это придает тексту универсальный гуманистический характер.

Язык и стиль автора отличает высокая метафоричность, ритмическая организация фразы и обращение к внутренней речи героя. Через поэтическую образность писатель добивается эмоциональной интенсивности, необходимой для передачи трагизма и духовной силы народа.

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод, что в повести А. Налоева «Дальние зарницы» органично сочетаются реализм и символизм, личное и коллективное, документальное и поэтическое. Образ героя Исхака раскрывает нравственную силу поколения фронтовиков, а мотив памяти становится ключевым художественным принципом повествования.

Символика дороги, гор и зарниц выполняет не только композиционную, но и философскую функцию, выражая идею непрерывности истории, связи времен и поколений. Повесть утверждает мысль о необходимости сохранения исторической памяти как духовного основания народа. Таким образом, «Дальние зарницы»

не только реконструируют личную историю ветерана, но и осмысливают судьбу народа в историческом и культурном измерении.

Список источников и литературы

Налоев 2002 – *Налоев А.Х.* Избранное: рассказы, повести. В 2-х т. Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 2002. 296 с.

Шевлоков 2003 – *Шевлоков П.Ж.* Налоев Ахмедхан Хамурзович // Писатели Кабардино-Балкарии: XIX – конец 80-х гг. XX в. Библиографический словарь. Нальчик: КБИГИ, 2003. С. 297–301.

References

NALOEV A.Kh. *Izbrannoe: rasskazy, povesti. V 2-x t. T. 2* [Favorites: stories, novellas. In 2 volumes. T. 2]. Nalchik: Elbrus, 2002. 296 p. (In Kabardino-Circassian)

SHEVLOKOV P.Zh. *Naloev Akhmedkhan Xamurzovich* [Naloev Akhmedkhan Khamurzovich]. IN: *Pisateli Kabardino-Balkarii: XIX – konec 80-x gg. XX v. Biobibliograficheskij slovar`* [Writers of Kabardino-Balkaria: XIX – late 80s of the XX century. Biobibliographical dictionary]. Nalchik: KVIHR, 2003. P. 297–301. (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 20.09.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 821.512.142.0
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-187-195

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Алена Мустафаевна Гузиева (Сарбашева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Гузиева (Сарбашева), 2025

Аннотация. В статье освещается современное состояние карачаево-балкарского литературоведения, дается обзор научных трудов, посвященных актуальным проблемам художественной словесности. Внимание фокусируется на наиболее значимых исследованиях, проведенных за последние десятилетия. В числе важных достижений выделяется фундаментальный труд «Очерки истории балкарской литературы» (2009). Отмечается новизна и значимость монографических работ, в которых научно-теоретическому осмыслению подвергается широкий спектр вопросов: генезис, жанровые особенности и поэтика карачаево-балкарской авторской поэзии второй половины XIX – начала XXI века; религиозная литература; «литература выселения»; взаимодействие фольклорных и литературных традиций; система символов; принципы художественной условности; циклические структуры в литературе; этнопоэтика; формирование творческой индивидуальности и др. В результате исследования определяются основные направления научных изысканий: теоретические проблемы карачаево-балкарской литературы; духовно-культурные основы развития письменной словесности; литературно-публицистическая деятельность карачаево-балкарской диаспоры; вопросы эволюции национальной поэзии, прозы, драматургии, детской литературы в контексте развития культур народов Северного Кавказа и Российской Федерации.

Ключевые слова: карачаево-балкарское литературоведение, актуальные проблемы, монографические исследования

Для цитирования: Гузиева (Сарбашева) А.М. Тенденции развития современного карачаево-балкарского литературоведения // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 187–195. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-187-195

Original article

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN
KARACHAY-BALKAR LITERARY STUDIES**

Alena M. Guzиеva (Sarbasheva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Гузиева (Sarbasheva), 2025

Abstract. The article highlights the current state of Karachay-Balkar literary studies and provides an overview of scientific works on current issues in the field of literature. The focus is on the most significant research conducted in recent decades. One of

the most important achievements is the fundamental work “Essays on the History of Balkar Literature” (2009). The article emphasizes the novelty and significance of monographic studies that explore a wide range of topics: the genesis, genre features, and poetics of Karachay-Balkar authorial poetry of the second half of the 19th century and the beginning of the 21st century; religious literature; “eviction literature”; the interaction of folklore and literary traditions; the system of symbols; the principles of artistic conventionality; cyclical structures in literature; ethnopoetics; the problem of the creative individuality of literary classics, etc. The study identifies the main areas of research: theoretical problems of Karachay-Balkar literature; spiritual and cultural foundations of the development of written literature; literary and journalistic activities of the Karachay-Balkar diaspora; and the evolution of national poetry, prose, drama, and children’s literature in the context of the development of the cultures of the peoples of the North Caucasus and the Russian Federation.

Keywords: Karachay-Balkarian literary criticism, current problems, monographic research.

For citation: Guzieva (Sarbasheva) A.M. Trends in the development of modern Karachay-Balkar literary studies. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (68): 187–195. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-187-195

Национальная филология не располагает большим опытом исследования эволюции карачаево-балкарского литературоведения. В разделе, включенном в «Очерки истории балкарской литературы» (2010), обзорно представлено развитие науки о литературе XX – рубежа XXI в. [Малкондуев 2010], а ее современное состояние до настоящего времени не стало отдельным предметом изучения. Данным обстоятельством и продиктована актуальность нашего исследования. Цель работы – определить тенденции развития современного карачаево-балкарского литературоведения, выявить спектр вопросов, подвергнутых научно-теоретическому осмыслению в коллективных и монографических трудах.

В последние десятилетия наука о литературе обогатилась научными исследованиями, в которых проблемы национальной письменной словесности решаются в контексте региональных и общероссийских процессов. В обозначенный период написаны десятки монографических работ, посвященных приоритетным литературоведческим проблемам. В ареале современного карачаево-балкарского литературоведения заслуживают внимания труды З.Х. Толгурова, Б.И. Тетуева, Ж.К. Кулиевой, Т.Ш. Биттировой, З.А. Кучуковой, А.М. Сарбашевой, Ф.Т. Узденовой, А.Д. Атабиевой, Р.А. Керимовой, Б.А. Берберова, К.К. Бауаева.

Известно, что конец XX – начала XXI века характеризуется как новая фаза развития нашего общества, и именно на данной стадии возникает необходимость актуализации ключевых проблем отечественного литературоведения, в частности, «возвращение читателю литературного наследия в полном объеме, объективное изучение искусства слова различных эпох, освобождение его от всевозможных идеологических оценок и интерпретаций» [Закирзянов 2019: 3]. В этом направлении карачаево-балкарскими литературоведами успешно решаются задачи, продиктованные временем. Так создается фундаментальный труд «Очерки истории балкарской литературы» – обобщающая работа энциклопедического характера, представляющая качественно новую оценку уровня развития балкарской литературы. Анализом охвачено многообразие жанров и форм литературы с приоритетом эстетических критериев в оценке произведений. В коллективной монографии предложена уточненная периодизация, соответствующая характеру духовно-культурной эволюции народа и непосредственно связанная с его историей. В работе прослеживается литературный процесс, начиная с XIX века, исследователями введены в научный оборот новые факты, имена, замалчивавшиеся в свое время в связи с идеологическими установками [Очерки истории... 2010: 7]. Ответственный редактор издания – д.ф.н. Толгуров З.Х. (1939–2016), внесший большой вклад в развитие регионального литературоведения. В изысканиях ученого актуализировались такие проблемы, как национальное сознание и литература, эволюция

литературного языка, эстетическая мысль балкарского народа и другие [Толгуров 2008; 2013]. Заслуживает внимания его последняя монография «Жанр баллады в балкарской поэзии», в которой освещается история развития балкарской баллады, выявляются ее жанрово-стилевые особенности, отмечаются общие и отличительные черты национальной и русской баллад, в сопоставительном аспекте рассматриваются произведения классиков отечественной литературы [Толгуров 2015].

Заметный след в национальном литературоведении оставила к.ф.н. Кулиева Ж.К. (1939–2022), чья деятельность была направлена на изучение духовного наследия своего отца Кайсына Кулиева. В ее монографии «Кайсын Кулиев. Литературный портрет в документах и материалах», основанной на подлинных документальных материалах, объективно освещаются этапы жизни и творчества К. Кулиева. В очередной работе исследователя «Художественный перевод и культурный контекст» на основе анализа сохранившихся переписок, воспоминаний, выступлений классика освещается творческое сотрудничество поэта с переводчиками, выявляются индивидуальные особенности и своеобразие образной системы в переводах разных авторов [Кулиева 2008; Кулиева 2015: 2].

В научных трудах современных литературоведов актуализируются темы: авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века, религиозная литература. В монографии д.ф.н. Тетуева Б.И. «Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века (генезис, жанровые особенности, поэтика)» рассматривается процесс зарождения и формирования авторской поэзии указанного периода, на основе анализа обширного поэтического материала прослеживается эволюция художественного сознания, историческая преемственность литературного развития [Тетуев 2007]. В работе д.ф.н. Биттировой Т.Ш. «Карачаево-балкарская религиозная литература: рукописное наследие» исследуется творчество деятелей религиозного просвещения, определяются этнокультурные параметры духовной литературы, с привлечением нарративных и архивных источников выявляется ее жанровое многообразие (прозаические жанры – фатыуа, дууа, ууаз; поэтические жанры – назира, мунажат, зикир, моулуд и др.) [Биттирова 2016].

Как показывает практика, диапазон научных изысканий географически расширяется. Объектом изучения становится литература карачаево-балкарской диаспоры. В книге Биттировой Т.Ш. «Ата журтну ийнакълап...» («С любовью к родине отцов...») впервые представлено поэтическое творчество авторов карачаево-балкарской диаспоры, созданное в XX и начале XXI века [Биттирова 2014]. В очередной работе ученого «Къарачай-малкъар диаспорада суратлау чыгъармачылыкъ» («Литературно-публицистическая деятельность в карачаево-балкарской диаспоре») наряду с литературно-публицистическими фактами исследуются динамика и трансформация фольклора, определяются его специфика, разнообразие и роль в сохранении этнокультурной специфики этноса за рубежом [Биттирова 2015].

Карачаево-балкарские ученые смело обращаются к неизученным, малоисследованным пластам художественной словесности, в числе которых – детская литература, «литература выселения». В монографии к.ф.н. Атабиевой А.Д. «Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития)» показана первостепенная роль устно-поэтических традиций в становлении детской литературы, в историко-литературном контексте прослежены основные этапы ее развития, определен жанрово-тематический диапазон произведений, в целом выявлен художественно-эстетический потенциал литературы для детей [Атабиева 2010]. Исследование д.ф.н. Берберова Б.А. «Тема народной трагедии в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000)» ориентировано на осмысление темы депортации не только в творчестве классиков (по сложившейся традиции): она освещается, в первую очередь, в зеркале карачаево-балкарского фольклора, который «рассматривается в историко-культурном, философском, этнопсихологическом планах» [Берберов 2011: 7].

Состояние карачаево-балкарской литературы, как свидетельствует эстетический опыт, дает серьезное основание для постановки и научного осмысления ряда актуальных проблем: в частности, это – такие вопросы, как синтез фольклорных и литературных традиций, система символов, принципы художественной условности, циклические структуры в литературе, вопросы эволюции национальной поэзии, драматургии в контексте развития отечественной литературы.

В монографии д.ф.н. Сарбашевой А.М. «Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы)» предпринята попытка комплексного исследования проблемы взаимодействия фольклора и литературы. Рассмотрены закономерности и специфика преломления устно-поэтических традиций в письменной словесности, определены тенденции освоения ресурсов фольклорной эстетики в произведениях писателей, отмечена конструктивная роль народного творчества в эволюции художественной мысли [Сарбашева 2019]. Обозначенная проблема актуализируется в книге д.ф.н. Берберова Б.А. «Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности», в литературоведческой части которой представлены статьи о преемственности художественных традиций [Берберов 2018].

В исследованиях к.ф.н. Болатовой (Атабиевой) А.Д. «Малкъар эпикалы прозада суратлау белгини энчилиги» («Особенности системы символов в балкарской эпической прозе»), «Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе» в широком культурологическом и литературном контексте осмыслены символическое значение художественных образов, их смысловая перспектива. В типологическом срезе изучены различные способы проявления принципов художественной условности в национальной прозе [Болатова (Атабиева) 2016, 2019]. В работе Атабиевой А.Д. «Циклические структуры в карачаево-балкарской литературе» представлены виды и типы циклов, применяемых в художественной практике карачаево-балкарских поэтов и писателей, проанализированы вариации циклических структур в прозе (дилогии, трилогии), поэзии, драматургии с разъяснением их функционала, определением доминантных признаков [Атабиева 2023]. Новизна и теоретическая значимость монографии заключаются в том, что в региональном литературоведении вопрос освоения циклических структур практически не изучен, и данное исследование восполняет этот пробел.

Монография Сарбашевой А.М. «Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра» является первым опытом исследования фольклорно-обрядовых истоков национальной драмы и театрального искусства, научного осмысления балкарской драматургии в ее эволюционном развитии [Сарбашева 2009]. Творческим продолжением предыдущей работы стала «Поэтика балкарской драматургии», в которой рассматривается специфика жанровых форм данного вида в национальной литературе (трагедии, комедии, драмы) в единстве с системой средств художественного воплощения, что существенно расширяет представление о нем в теоретическом аспекте [Сарбашева 2015: 6].

Как показывает практика, всестороннему анализу подвергается ведущий вид национальной литературы – поэзия. Монография д.ф.н. Кучуковой З.А. «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии)» представляет собой исследование карачаево-балкарской модели мира, выстраивающейся вокруг единой идеи «вертикали». В работе идентифицируется онтологический метакод национальной поэзии, который в понимании ученого представляет «особую динамическую структуру, созданную и внедренную в культурную среду этноколлективным разумом» [Кучукова 2005: 286].

В монографии д.ф.н. Узденовой Ф.Т. «Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст» проводится «комплексное исследование парадигмы этнокультурных представлений карачаевцев и балкарцев, архетипических моделей, связанных с традиционной картиной мира» [Узденова

2016: 9]. В последующей работе литературоведа «Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие» актуализируются проблемы эволюции, жанрово и концептуально-тематического многообразия национальной поэзии, также в фокусе внимания новационные направления в системе художественно-изобразительных средств поэтического языка [Узденова 2018: 6].

Монографическое исследование д.ф.н. Бауаева К.К. «Апперцептивная специфика балкарской поэзии и ее истоки» идентифицируется как «попытка интегративного рассмотрения процесса зарождения и формирования специфических и художественных представлений на апперцептивном уровне» [Бауаев 2016: 9].

Не остается без внимания и творчество нового поколения поэтов. В монографии к.ф.н. Керимовой Р.А. «Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI века: новое поколение авторов» впервые исследуется феномен новейшей карачаево-балкарской поэзии в контексте общероссийского литературного процесса, выявляется специфика современного поэтического течения, определяется соотношение уровня преемственности и новаций в творчестве молодых авторов [Керимова 2020].

Не утрачивается научный интерес и к духовному наследию карачаево-балкарских деятелей культуры конца XIX – нач. XX века Абаева М. и Шаханова Б. [Биттирова, Сабанчиев 2017; Биттирова 2018], многоплановое творчество которых рассматривается с привлечением большого комплекса новых архивных и литературных источников, что расширяет представления об истории, культуре балкарцев и карачаевцев.

Одним из главных направлений современного национального литературоведения является концептуально-целостное изучение творчества классиков литературы. Актуальность данной проблемы обусловлена возросшим вниманием к духовному наследию ярчайших представителей карачаево-балкарской литературы, определивших вектор развития художественной словесности. Как показывает опыт, в этом русле проводится активная работа, о чем свидетельствует целый ряд монографических исследований [Атабиева 2008; Биттирова 2023; Сарбашева 2024; Узденова 2024; Керимова 2016, 2024], в которых полиаспектному осмыслению подвержены произведения Танзили Зумакуловой, Кайсына Кулиева, Кязима Мечиева, Алима Теппеева, Аминат Урусовой, Магомеда Мокаева. На основе систематизации и анализа обширного иллюстративного материала по жанрово-тематическому принципу отмечены новые черты поэтики, идентифицированы характерные стилистические решения, проведен структурный анализ репрезентативных произведений, изучена проблема формирования творческой индивидуальности, рассмотрен художественный мир классиков, очерчен масштаб творчества писателей в историко-литературном контексте.

Вместе с тем, несмотря на очевидные достижения в карачаево-балкарском литературоведении, многие вопросы остаются еще открытыми. В ряду ключевых задач, требующих решения в перспективе, на наш взгляд, стоит проблема возвращения так называемых «забытых имен», популяризации и научного осмысления их литературного наследия для сохранения в анналах культуры и духовной памяти этноса. Нельзя забывать и о том, что подлинно художественное произведение раскрывается в новом свете на каждом этапе эволюции общества и, соответственно, художественных вкусов и пристрастий. В данном плане творческое наследие каждого подлинно большого творца представляет собой неисчерпаемый источник для исследователей.

Список источников и литературы

Атабиева 2008 – *Атабиева А.Д.* Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство. Нальчик: Эльбрус, 2008. 128 с.

- Атабиева 2010 – *Атабиева А.Д.* Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 180 с.
- Атабиева 2023 – *Атабиева А.Д.* Циклические структуры в карачаево-балкарской литературе. Нальчик: Принт Центр, 2023. 248 с.
- Бауаев 2016 – *Бауаев К.К.* Апперцептивная специфика балкарской поэзии и ее истоки. Нальчик: Кабардино-Балкарский университет им. Х.М. Бербекова, 2016. 177 с.
- Берберов 2011 – *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии в карачаево-балкарской поэзии (на материале устной и письменной словесности 1943–2000). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 215 с.
- Берберов 2018 – *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 200 с.
- Биттирова 2014 – *Биттирова Т.Ш.* Ата журтну ийнакъялап... (С любовью к родине отцов...). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. 159 с.
- Биттирова 2015 – *Биттирова Т.Ш.* Къарачай-малкъар диаспорада суратлау чыгъармачылык (Литературно-публицистическая деятельность в карачаево-балкарской диаспоре). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 184 с.
- Биттирова 2016 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: Печатный двор, 2016. 264 с.
- Биттирова, Сабанчиев 2017 – *Биттирова Т.Ш., Сабанчиев Х.-М.А.* Мисост Абаев: историк, публицист, общественный деятель. Нальчик: Печатный двор, 2017. 223 с.
- Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Жизнь и творчество. (Исследование, тексты). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 336 с.
- Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 192 с.
- Биттирова 2023 – *Биттирова Т.Ш.* Духовно-нравственные поиски и художественный мир Кязима Мечиев. Нальчик: ООО «Фрегат», 2023. 344 с.
- Болатова 2016 – *Болатова А.Д.* Малкъар эпикалы прозада суратлау белгини энчилиги (Особенности символов в балкарской эпической прозе). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 156 с.
- Болатова 2019 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Принцип художественной условности в карачаево-балкарской литературе. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. 264 с.
- Закирзянов 2019 – *Закирзянов А.М.* Современное татарское литературоведение: традиции, закономерности, поиски. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2019. 372 с.
- Керимова 2016 – *Керимова Р.А.* Индивидуальные особенности поэтического стиля К. Кулиева. Нальчик: КБНЦ РАН, 2016. 144 с.
- Керимова 2020 – *Керимова Р.А.* Карачаево-балкарская поэзия конца XX – начала XXI в.: новое поколение авторов. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2020. 375 с.
- Керимова 2024 – *Керимова Р.А.* Художественный Мир Магомеда Мокаева. Нальчик: Принт Центр, 2024. 298 с.
- Кулиева 2008 – *Кулиева Ж.К.* Кайсын Кулиев литературный портрет (в документах и материалах). Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. 147 с.
- Кулиева 2015 – *Кулиева Ж.К.* Художественный перевод и культурный контекст (на материале поэзии Кайсын Кулиева). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 98 с.
- Кучукова 2005 – *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (Карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Изд-во М.и В. Котляровых, 2005. 309 с.
- Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Критика и литературоведение // Очерки истории балкарской литературы / Отв. ред. З.Х. Толгуров. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 717-728.
- Очерки истории...2010 – *Очерки истории балкарской литературы* / Отв. ред. З.Х. Толгуров. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. 808 с.
- Сарбашева 2009 – *Сарбашева А.М.* Балкарская драматургия: этнофольклорная традиция и эволюция жанра. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2009. 240 с.
- Сарбашева 2015 – *Сарбашева А.М.* Поэтика балкарской драматургии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 148 с.
- Сарбашева 2019 – *Сарбашева А.М.* Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы). Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. 172 с.

- Сарбашева 2024 – *Сарбашева А.М.* Алим Теппеев: проблема творческой индивидуальности. Нальчик: Принт Центр, 2024. 360 с.
- Тетуев 2007 – *Тетуев Б.И.* Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века (генезис, жанровые особенности, поэтика). Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 339 с.
- Толгуров 2008 – *Толгуров З.Х.* Миллет эс бла миллет литература (Национальное сознание и национальная литература). Нальчик: Эльбрус, 2008. 305 с.
- Толгуров 2013 – *Толгуров З.Х.* Эстетика кёз къарам (Эстетическое отношение к действительности и эстетическая мысль балкарского народа). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2013. Нальчик: Эльбрус, 2013. 220 с.
- Толгуров 2015 – *Толгуров З.Х.* Жанр баллады в балкарской поэзии. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 164 с.
- Узденова 2016 – *Узденова Ф.Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2016. 211 с.
- Узденова 2018 – *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2018. 230 с.
- Узденова 2024 – *Узденова Ф.Т.* Литературное творчество Аминат Урусовой: опыт структурного анализа. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 204 с.

References

- ATABIEVA A.D. *Lirika Tanzili Zumakulovoi: traditsii i novatorstvo* [Tanzili Zumakulova's Lyrics: Tradition and Innovation]. Nal'chik: Ehl'brus, 2008. 128 p. (In Russian)
- ATABIEVA A.D. *Ehvolyuetsiya balkarskoi detskoi literatury (problemy zhanrovogo razvitiya)* [The Evolution of Balkan Children's Literature (Problems of Genre Development)]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2010. 180 p. (In Russian)
- ATABIEVA A.D. *Tsiklicheskie struktury v karachaevo-balkarskoi literature* [Cyclic Structures in Karachay-Balkar Literature]. Nal'chik: Print Tsentr, 2023. 248 p. (In Russian)
- BAUAEV K.K. *Appercetivnaya specifika balkarskoj poe'zii i ee istoki* [Appercetive specificity of Balkar poetry and its origins]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskij universitet im. X.M. Berbekova, 2016. 177 p. (In Russian)
- BERBEROV B.A. *Tema narodnoj tragedii v karachaevo-balkarskoj poe'zii (na materiale ustnoj i pis'mennoj slovesnosti 1943-2000)* [The theme of the people's tragedy in Karachay-Balkar poetry (based on the oral and written literature of 1943–2000)]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. 215 p. (In Russian)
- BERBEROV B.A. *Karachaevo-balkarskii fol'klor i literatura: k probleme preemstvennosti* [Karachay-Balkarian Folklore and Literature: On the Problem of Continuity]. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTS RAN, 2018. 200 p. (In Russian)
- BITTIROVA T.SH. *Ata zhurnu iinak'lap...* (S lyubov'yu k rodine ottsov...) [With love to the motherland of the fathers...]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN, 2014. 159 p. (In Balkarian)
- BITTIROVA T.SH. *K'arachai-malk'ar diasporada suratlau chyg'armachylyk' (Literaturno-publitsisticheskaya deyatel'nost' v karachaevo-balkarskoi diaspore)* [Literary and journalistic activities in the Karachay-Balkar diaspora]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. 184 p. (In Balkarian)
- BITTIROVA T.SH. *Karachaevo-balkarskaya dukhovnaya literatura: rukopisnoe nasledie* [Karachay-Balkarian Spiritual Literature: A Manuscript Heritage]. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2016. 264 p. (In Russian)
- BITTIROVA T.SH., SABANCHIEV KH.-M.A. *Misost Abaev: istorik, publitsist, obshchestvennyi deyatel'* [Misost Abaev: historian, publicist, and public figure]. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2017. 223 p. (In Russian)
- BITTIROVA T.SH. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo. (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and Work. (Research, Texts)]. Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvoR», 2018. 336 p. (In Russian)
- BITTIROVA T.SH. *Literatura i fol'klor karachaevo-balkarskogo zarubezh'ya* [Literature and Folklore of the Karachay-Balkar Diaspora]. Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvoR», 2018. 192 p. (In Russian)

BITTIROVA T.SH. *Dukhovno-nravstvennyye poiski i khudozhestvennyi mir Kyazima Mechieva* [Spiritual and Moral Quests and the Artistic World of Kyazim Mechiev]. Nal'chik: OOO «FregaT», 2023. 344 p. (In Russian)

BOLATOVA A.D. *Malk''ar ehpikaly prozada suratlau belgini ehnciligi (Osobennosti simvolov v balkarskoi ehpicheskoj proze)* [Features of Symbols in Balkar Epic Prose]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2016. 156 p. (In Russian)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Printsip khudozhestvennoi uslovnosti v karachaevo-balkarskoi literature* [The principle of artistic conventionality in Karachay-Balkar literature]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. 264 p. (In Russian)

ZAKIRZYANOV A.M. *Sovremennoe tatarskoe literaturovedenie: tradicii, zakonomernosti, poiski* [Modern Tatar Literary Studies: Traditions, Patterns, and Searches]. Kazan': IYaLI im. G. Ibragimova., 2019. 372 p. (In Russian)

KERIMOVA R.A. *Individual'nye osobennosti poeticheskogo stilya K. Kulieva* [Individual Features of K. Kuliev's Poetic Style]. Nal'chik: KBNTS RAN, 2016. 144 p. (In Russian)

KERIMOVA R.A. *Karachaevo-balkarskaya poehziya kontsa XX – nachala XXI v.: novoe pokolenie avtorov* [Karachay-Balkar Poetry of the Late 20th and Early 21st Centuries: A New Generation of Authors]. Nal'chik: Izd-vo KBNTS RAN, 2020. 375 p. (In Russian)

KERIMOVA R.A. *Khudozhestvennyi mir Magomeda Mokaeva* [The Artistic World of Magomed Mokayev]. Nal'chik: Print Tsentr, 2024. 298 p. (In Russian)

KULIEVA ZH.K. *Kaisyn Kuliev literaturnyi portret (v dokumentakh i materialakh)* [Kaisyn Kuliev's Literary Portrait (in Documents and Materials)]. Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 2008. 147 p. (In Russian)

KULIEVA ZH.K. *Khudozhestvennyi perevod i kul'turnyi kontekst (na materiale poehzii Kaisyn Kulieva)* [Artistic translation and cultural context (based on the poetry of Kaisyn Kuliev)]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. 98 p. (In Russian)

KUCHUKOVA Z.A. *Ontologicheskii metakod kak yadro ehnpoehtiki (Karachaevo-balkarskaya mental'nost' v zerkale poehzii)* [Ontological Meta-Code as the Core of Ethnopoetics (Karachay-Balkar Mentality in the Mirror of Poetry)]. Nal'chik: Izd-vo M.i V. Kotlyarovykh, 2005. 309 p. (In Russian)

MALKONDUEV X.X. *Kritika i literaturovedenie* [Criticism and literary criticism] // *Ocherki istorii balkarskoi literatury* [Essays on the history of Balkar literature] / Otv. red. Z.KH. Tolgurov. Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. P. 717–728. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkar literature] / Otv. red. Z.KH. Tolgurov. Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. 808 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Balkarskaya dramaturgiya: ehnofol'klornaya traditsiya i ehvolyutsiya zhanra* [Balkar Drama: Ethno-Folklore Tradition and Genre Evolution]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2009. 240 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Poehtika balkarskoi dramaturgii* [Poetics of Balkar drama]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. 148 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Transformatsiya fol'klornykh traditsii v balkarskoi literature (na materiale prozy)* [The Poetics of Balkar Drama. Nalchik]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. 172 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Alim Teppeev: problema tvorcheskoi individual'nosti* [Alim Teppeev: The Problem of Creative Individuality]. Nal'chik: Print Tsentr, 2024. 360 p. (In Russian)

TETUEV B.I. *Karachaevo-balkarskaya avtorskaya poehziya vtoroi poloviny KHIKH-nachala KHKH veka (genezis, zhanrovye osobennosti, poehtika)* [Karachay-Balkar author's poetry of the second half of the 19th and early 20th centuries (genesis, genre features, and poetics)]. Nal'chik: Izd-vo M.i V. Kotlyarovykh, 2007. 339 p. (In Russian)

TOLGUROV Z.KH. *Millet ehs bla millet literatura (Natsional'noe soznanie i natsional'naya literatura)* [National consciousness and national literature]. Nal'chik: Ehl'brus, 2008. 305 p. (In Balkarian)

TOLGUROV Z.KH. *Ehstetika kez k''aram (Ehsteticheskoe otnoshenie k deistvitel'nosti i ehsteticheskaya mysl' balkarskogo naroda)* [The aesthetic attitude to reality and the aesthetic thought of the Balkar people]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI RAN, 2013. Nal'chik: Ehl'brus, 2013. 220 p. (In Russian)

TOLGUROV Z.KH. *Zhanr ballady v balkarskoi poehzii* [The ballad genre in Balkar poetry]. Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. 164 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Khudozhestvennoe prostranstvo karachaevo-balkarskoi poezii* [The Artistic Space of Karachay-Balkar Poetry]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print TsentR», 2016. 211 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Karachaevo-balkarskaya poeziya: genezis i zhanrovoe svoeobrazie* [Karachay-Balkar Poetry: Genesis and Genre Specificity]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print TsentR», 2018. 230 p. (In Russian)

UZDENOVA F.T. *Literaturnoe tvorchestvo Aminat Urusovoi: opyt strukturnogo analiza* [The Literary Works of Aminat Urusova: An Attempt at Structural Analysis]. Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print TsentR», 2024. 204 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гузиева (Сарбашева) – доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.M. Guzieva (Sarbasheva) – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-196-202

ПАРАДОКС ЛИЦА В РАССКАЗЕ ЗАУРА КАНКУЛОВА «СОН»

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© И.А. Кажарова, 2025

Аннотация. Основной предмет исследования составляет способ изображения моральной и физической ипостасей человеческого облика в рассказе З.М. Канкулова «Сон». Показано, что в образном ряду рассказа наибольшую смысловую нагрузку принимает на себя человеческое лицо. Парадокс лица в рассматриваемом рассказе возникает во многом за счет совершающейся в фантазмагорическом сюжете сна игры прямого и переносного смыслов адыгского слова «напэ». Приводятся культурологические комментарии, необходимые для понимания нюансов, отличающих лицо в адыгской языковой картине мира. Парадокс и символизм лица определяется с особой выразительностью благодаря сновидению героя. Сновидение дает возможность наглядно наблюдать сопричастие и взаимодействие морального и физического планов бытия лица. Мастерски применяя поэтику сна, писатель сосредотачивается на лице как «основном органе» совести, но при этом не столько создает образную оболочку смысла, сколько возвращает привычному, примелькавшемуся образу его буквальный смысл.

Ключевые слова: Заур Канкулов, рассказ, сновидение, лицо, облик, образ, граница
Для цитирования: Кажарова И.А. Парадокс лица в рассказе Заура Канкулова «Сон» // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 196–202. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-196-202

Original article

THE PARADOX OF THE FACE IN ZAUR KANKULOV'S NOVELLA "THE DREAM"

Inna A. Kazharova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© I.A. Kazharova, 2025

Abstract. The main subject of the study is the way in which the moral and physical hypostases of the human form are depicted in Z.M. Kankulov's short story "The Dream". It is shown that in the figurative series of the story, the human face assumes the greatest semantic load. The paradox of the face in the story under consideration arises largely due to the play of direct and figurative meanings of the Adyghe word "nape" in the phantasmagorical plot of the dream. Culturological comments necessary for understanding the nuances that distinguish a person in the Adyghe linguistic worldview are given. The paradox and symbolism of the face is defined with special expressiveness due to the hero's dream. A dream makes it possible to observe firsthand the co-presence and interaction of the moral and physical planes

of being of a person. Masterfully applying the poetics of sleep, the writer focuses on the face as the “main organ” of conscience, but at the same time he does not so much create a figurative shell of meaning as returns its literal meaning to the familiar image.

Keywords: Zaur Kankulov, story, dream, face, appearance, image, border

For citation: Kazharova I.A. The paradox of the face in Zaur Kankulov’s novella “The dream”. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 196–202. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-196-202

Подобно любому из рассказов Заура Канкулова, «Сон» невелик по объему – всего лишь две с половиной страницы, – но богат смыслами, которые мотивируют к его медленному прочтению.

Уже название создает некоторые ожидания относительно того «слоя реальности», который, вероятно, заявит о себе как основной. Так и есть: большая часть произведения – это воспоминание героя о сне, виденном накануне.

Как нередко бывает, события и образы сновидения с точки зрения бодрствующей яви предстают в форме фантастической, иллюзорной. Но, имея представление о сновидческих эпизодах, фигурирующих в других произведениях З.М. Канкулова (повесть «Затерявшийся в городе», рассказы «Белая копоть» и «Разговор в ночи»), можно предвидеть заранее, что и во «Сне» фантастическое являет собой не столько знак иллюзорности происходящего, сколько способ более глубокого понимания мира, обнажения того, что часто маскируется за привычностью его эмпирики.

Несмотря на то, что сон как особый *текст в тексте* (И.Н. Сухих) занимает большую часть рассказа, бодрствующая и сновидная реальности все же присутствуют здесь параллельно. Ведь если увиденный сон – это основное событие, то бодрствующая реальность – это основная точка зрения, с которой осмыслено это событие, она выступает неким «прологом» к нему, и она же отмечает его финал. Сначала мы наблюдаем «дневную» удрученность героя после увиденного сна, а в конце рассказа – подобное же состояние, только после ночного пробуждения.

Примечательно, что Заур Канкулов делает упор на самом нетипичном и зыбком из так называемого онирического арсенала художественной литературы – на энергии, вернее инерции сна, которая иной раз воздействует на пробудившегося очень долгое время. В данном случае это ощущение подавленности от увиденного во сне. Причем собственно сюжет сновидения тоже пронизан этой подавленностью, поскольку перед нами не первоначальная, а в некотором смысле вторичная картина сна – припоминание приснившегося, уже окрашенное настроением сновидца.

Яркое сновидение озадачивает вопросом о заложенном в нем смысле, о вероятном предвестии, а если сновидение еще и оставляет гнетущее чувство, поиск истолкования может казаться человеку чуть ли не чем-то насущным. Вот и Муагиду Тобикановичу (так зовут главного героя рассказа) требуется время, чтобы «переварить» странные образы, увиденные во сне: направляясь поутру в свой кабинет, он предупреждает секретаря о том, что его «ни для кого нет».

Вкратце сон героя рассказа таков: странный рынок, на котором торгуют странным товаром. Огромная, многолюдная территория. Длинные прилавки, покрытые белой тканью. Почему-то не видать, чтобы продавали фрукты или овощи. Прохаживаясь вдоль рядов, Муагид становится свидетелем диковинных сцен: двое покупателей торгуются за чистый лик, выложенный на прилавок неким человеком, а дальше – за другим прилавком другой продавец пытается сбыть с рук родной язык...

Просматривая изобразительный ряд рассказа «Сон», трудно не заметить внимание автора к облику своих персонажей. Так, в этом сновидении торговцы и покупатели столь же примечательны, сколь и товар. Не случайно в каждом из эпизодов «купли-продажи» Заур Канкулов не упускает возможности упомянуть особые приметы ее участников. И, конечно, в первую очередь оказывается актуализированным лицо.

О лице как самой запоминающейся части облика в рассказе «Сон» сказано немало, оно меняет выражение, оттеняется смысловыми тонкостями, свойственными языку оригинала (*напэ* в значении *лицо* и *напэ* в значении *совесть*), можно заметить, что и написание этого слова немного варьируется – *напэ* иной раз упоминается с большой буквы. Но главное, что более всего ощущение ненормальности происходящего в сновидении Муагида обусловлено эпизодом, в котором происходят метаморфозы человеческого лица. Именно эта парадоксальная выразительность приковывает к себе особое внимание.

Едва ли стоит приводить какие-либо аргументы в пользу того, что «лицо – самая чувствительная, утонченная, самая культурная часть нашего тела» [Волошин 1988: 400]. Совпадая в трактовке лица как особой части тела, разные культуры улавливают в нем собственные смысловые оттенки.

Как известно, в адыгском языке *напэ* имеет несколько значений, основные из которых сопряжены с образом человека. Так, человеческое *напэ* имеет прямое значение – это *лицо*, *щека*, и переносное – *совесть*, *честь*. Во многом парадокс лица в рассказе Заура Канкулова возникает за счет игры смысла прямого и переносного, с явным перевесом второго.

В связи с этим уместно привести категории, которыми оперирует Б.Х. Бгажноков, говоря о лице в этическом бытии адыгов: *честь*, *совесть*, *репутация* – *напэ*; психология и психофизиогномика чести и стыда; *лицо* в контексте представлений о моральной идентичности. Многие типичные в данном контексте представления, как то: *напэ илэн* – *иметь лицо (совесть)*, *напэ хужь* – *белое лицо (чистая совесть)*, *напэншэ* – *не имеющий лица (совести)*, и *напэм къэнжал тебзац* – *его лицо покрыто жестью* [Бгажноков 1999: 71–73], определяют развитие «темы лица» в рассказе «Сон». Однако несмотря на типичность и даже некоторую обыденность этих представлений, Заур Канкулов успевает раскрыть столько нюансов, показать столь быструю их смену и трансформацию, что остается лишь удивляться, как все это умещается в произведении столь малого объема.

На белый прилавок выкладывают чистейшее человеческое лицо (*напэ къабзэ дыдэ*). Мимоходом заметим, что толкование адыгского *напэ* как *лицо* и *совесть* в данном случае расширяет возможности перевода, но, с другой стороны, нарушает «логику» развертывания образа.

Вот появляются двое заинтересованных товаром, один из них спрашивается о цене:

– *Сыт жыплэр напэм?* – *цлэупцлац цэхуаклуитлым я зыр* [Къанкъул 2004: 86].

В художественном переводе:

– Почему совесть? – спрашивает один [Канкулов 2022: 120].

Напэ переведено как *совесть*, и справедливость такого решения подтверждается дальнейшим развитием событий, когда заходит речь о «какой-нибудь небольшой должности» как цене, запрашиваемой продавцом за этот товар, и о поддельных справках как альтернативной цене, предлагаемой покупателем. Однако парадоксальность ситуации (хотя во сне и не такое возможно) состоит как раз в том, что на прилавке покоится именно реальное, физическое лицо, и при этом лицо торговца пребывает на своем месте. Пока на месте. Пока торг не завершен. Заур Канкулов изображает лицо продавца отдельными и весьма выразительными штрихами: *сверкнувшие в улыбке золотые коронки, губы, сомкнутые словно кошелек скупца, огоньки, сверкнувшие в глазах* при виде должностного кресла. Кроме того, всякий раз упоминается, что носитель этого лица мужчина приятной наружности – *лы фафлэишуэ. Фафлэ* – человек с привлекательной внешностью [Адыгэбзэ псалбальэ: 664]. То есть торговец этот добротный, симпатичный мужчина. Но приятность эта с подтекстом.

«Сон» дает возможность воочию наблюдать два плана бытия лица – моральный и физический – в их соприсутствии, сопричастности и взаимодействии. Словно идут в связке внешняя приятность и духовная неоднозначность.

Любопытно, что и после завершения торга, тогда, когда вместо лица торговца (вернее поверх образовавшейся пустоты, как уточняет З. Канкулов) появляется ржавая жесть, он, как и прежде, характеризуется как *лы фафлэхихуэ*:

«Мулэхьид Тобикъанович гу лытаиц шэнтжэьей лъагэр лъых лы фафлэхихуэм и Напэм и пэкIэ иджы илэ къэнжал улъиям. Ар напэм тебзат, нэгъуэцигу жыпIэмэ, иджы зыми тебзатэкъым» [Къанкъул 2004: 87].

«Муахид Тобиканович заметил, что у этого приятного мужчины, уносившего высокое кресло, вместо Лица теперь ржавая жесть. Она покрывала лицо, иначе говоря, она располагалась теперь поверх пустоты» (Перевод наш. – И.К.).

Парадокс и символизм заключается в том, что даже когда произошло нечто странное, трудновообразимое, это, в общем-то не нарушило контекст приятности его облика...

Удерживая в одном образе природу модальную и физическую, автор совершает плавные переходы от прямого к переносному смыслу лица при помощи графики:

– Тхьэ солуэ, и къабзагъэкIи мытэмэм дьидэ мы уи Напэр икIи хужь дьидэуи щымыт. Нэгъабэ мыхъу абы и щыпэгъэм си нитIкIэ слъагъуу мис апхуэдэ зы справкэкIэ Напэ хьэлэмэт яхъуэжсац [Къанкъул 2004: 86].

– Богом клянусь, не такое уж оно чистое, это твое Лицо, да и не совсем белое. В позапрошлом году я сам видел, как на такую вот справку обменяли вполне замечательное Лицо (Перевод наш. – И.К.).

Утрата лица, покрытое жестью лицо, или, как уточняет З. Канкулов, отсутствие лица и присутствие на его месте ржавой жести. По поводу всего этого напрашиваются лингвокультурологические комментарии. Не будь необходимости в переводе, они вряд ли бы возникли.

Обобщающий момент в том, что, как подчеркивал Б.Х. Бгажноков, «у многих – практически у всех народов мира лицо служит общим выражением моральной идентичности, вовлекается в процесс личностной и публичной самопрезентации» [Бгажноков 1999: 75]. В подтверждение этого исследователь соотносит адыгское представление о лице с представлениями англичан, японцев и китайцев.

В то же время со стороны личностной и публичной самопрезентации лица могут обнаружиться некоторые индивидуализирующие особенности. В этом плане многое поясняет представление об утрате лица в русской языковой картине мира. Так, Л.И. Богданова, исследуя значение в русском языке фразеологизма «потерять лицо», замечает, что «многозначность слова **лицо** приводит к тому, что фразеологизм *потерять лицо* может передавать целый комплекс значений, среди которых основными являются следующие: утрата индивидуальности, отличительных черт личности, потеря репутации и уважения в глазах окружающих, утрата контроля над собой, своими эмоциями. Оценочные характеристики фразеологизма *потерять лицо* также отличаются от оценки «*потери стыда*» или «*потери совести*» – уточняет она. «*Потеря стыда (совести)*» получает общественное порицание, «*потеря лица*» отрицательно оценивается и болезненно осознается самим субъектом». [Богданова 2022: 78].

Сообразуясь с этими наблюдениями несложно заметить, что потеря лица в адыгском контексте вовсе не соотносится с потерей индивидуальности, имиджа, с утратой контроля над собой и своими эмоциями. Примечательно также, что в русской языковой картине мира потеря лица – это процесс обратимый, а вовсе не «моральный приговор как в случае с потерей совести или стыда» [Богданова 2022: 86].

В адыгской языковой картине подобная обратимость немислима. Здесь выступает доминантой не столько оценка или состояние субъекта, испытывающего эту потерю» (Л.И. Богданова), сколько оценка социума, которая мыслится гораздо значимей собственных переживаний субъекта.

Не менее, чем метаморфозы, произошедшие с образом человека, продавшего лицо, примечательно сопоставление двух других персонажей: продавца и предполагаемого покупателя родного языка.

Этот «некто», продающий родной язык, судя по внешним признакам, вернее, по невозмутимому лицу, занимает в торговой иерархии этого рынка неплохие позиции и, возможно, находится уровнем выше предыдущего продавца. Он несуетлив, уверен в себе и даже горделив:

«...Мес, мобдеж зыгуэрым и бээр щецэж. А «зыгуэрыр» зыгъэукъытэфын щымылэу фэ тетт, хуабжэу пагэц. Лъэныкъуэ иригъэзыну мурад ищла и бэм зэреплэ щыгъэжым. Цыхухэм яхоплэ, цэхуакъуэ къылгъыхуэу» [Къанкъул 2004: 86].

«...Вон там неподалеку кто-то продает родной язык. Этот «некто» имеет вид человека, которого едва ли можно чем-то пристыдить, уж очень горделив. На родной язык, от которого он собирается избавиться, толком и не глядит. Вглядывается в толпу, ожидая покупателя» (Перевод наш. – И.К.).

Судя по всему, он не ощущает своей сопричастности к той ценности, которую решил продать. Он гордо и независимо возвышается над ней. Интересно, что тот, кого он принял за покупателя, тоже высок, правда эта высота вполне реальная:

«Арыххэу абы и пацхъэ къохутэ лы лъагэ экъуж. Абы и нэгур зэлыгъухац. Напэ къабзи илэц» [Къанкъул 2004: 86].

«Без особых промедлений перед ним появляется высокий стройный мужчина. Открытый взгляд. Чистое лицо» (Перевод наш. – И.К.).

Лаконичен по форме, примечателен по содержанию этот немой «диалог» двух людей: того, кто возгордился и вознесся, и того, кто высок и строен. А если еще конкретней – «диалог» двух лиц, самоуверенного и гордого с одной стороны, открытого и чистого – с другой:

«Абдежым ар щлалэм и напэм щлэубжыгътахц, къыгъазэри бээрэм къытекъыжаш...» [Къанкъул 2004: 86].

«Тут он плюнул этому парню в лицо, развернулся и покинул рынок...» (Перевод наш. – И.К.)

Стоит отметить, что в этом произведении граница между реальностью и сном прочерчена изначально. Вроде бы нет ситуации «необъявленного сна» (Д.А. Нечаенко), то есть спонтанного вхождения в него читателя, как например, в другом рассказе З. Канкулова, «Белая копоть», когда лишь под занавес произведения выясняется, что все происходящее совершалось в пространстве сна.

Зато выход из сна Муагида Тобикановича оказался не столь однозначен. Это двойной выход. Как показано в начале рассказа, сон осмысливается в реальности яви, где, кстати говоря, имеет место почти обыденный для Муагида Тобикановича торг с коллегой по поводу подтасовки цифр в рабочей документации. Однако ж и реальность яви, в которой герой переосмысливал увиденный сон, тоже оказывается сном.

Как мы уже упоминали, сон в этом рассказе делает акцент не столько на поиске его истолкования, сколько на состоянии того, кому он приснился. В это состояние вовлечен весь его облик, из которого крупным планом выхватывается лицо:

«А дахагээ псоми гу лъимытэ хуэдэц гьуэгум и сэмэгурабгьумкIэ кьытет унэшхуэм и дэжуйепIэм тес лъыкум. Ар холлгэри цысыц, и набдзэ Гувыр хеггэлгэт, Гуцацээрэ и цхьэ хуопсэлгэж. Апхуэдэу зыкьомрэ цыса нэужь, ар унэм цIыхьэжсац» [Къанкьул 2004: 86].

«И мужчина средних лет, восседающий на крыльце большого дома у дороги, точно ее (красоту майского дня. – И.К.) не замечает. Похоже, он в глубокой задумчивости: то брови кустистые сведет, то бормочет себе под нос. Наконец, стряхнул с себя оцепенение, тяжело поднялся и ушел в дом» [Канкулов 2022: 119].

Это лицо показано на контрасте с красотой и оживленностью природы, на контрасте с собственным благополучием и его внешними атрибутами (солидный костюм, галстук):

«КIэлындорым тет гьуджэшхуэм кьыбгьэдэмыувьIэу хуэшчакъым. Жэц псом цыса хуэдэу, ешаифэ тетц. Фагьуэц, нитIым кьыцеггэжсауэ лъэныкьуэ псомкIи цызэбгырыжэ зэлахэр нэхь IупцI хьуац. И нэгур зэхэуфац, нэхэм цIыIаггээ яцIэтиц. Зэ еплъыгьуэкIэ и нэгум, Iэгурыхьэ-IэгурыкIьу куэдрэ кьэзыкIухьа гьуцI сомьм ешхьу, ныкьуэтекIыжаифэ тетц» [Къанкьул 2004: 85].

«Задержался возле большого зеркала в прихожей. Бледный и уставший, словно пил до утра, резче обозначились мелкие морщинки возле глаз. Взгляд тусклый, да и все лицо его тусклое и поношенное, словно медяк, годами ходивший по рукам» [Канкулов 2022: 119].

Благодаря этим деталям становится заметней то, каким образом сообщаются начало и конец поведенного в рассказе сновидения.

После окончательного пробуждения состояние Муагида Тобикановича простужает уже не в чертах лица, а через его дыхание, дух, душу:

«А бээрэм хьэуари цыхуабэц, дунейм, уэрамым утету кьыпхуэцIэнукъым. Зи Iэбжи-набжи гьэбыда унэ уцIэт хуэдэц. Хьэуа бэмIар бгьэм цызу жьэдэтиэкIэ псэ тыншы-гьуэ кьыуитыркъым. МуIэхьид абы кьиггэушац. Псори зэрыцытац. Нэху цымэ, лэжьапIэ кIуэн хуейц. Псори тэмэмц, зыри кьэхьуакъым. Ауэ... Ауэ псэр мэпIейтей. ПцIыхьэпIэ шынагьуэр нэгум цIэт зэпытиц» [Къанкьул 2004: 85].

«Душно на том базаре, будто не на улице находишься, а в затхлом помещении без окон и дверей. Там глубокий вдох не приносит облегчения, спертый воздух лишь обжигает легкие...

Проснулся Муагид от удущья. Ничего не изменилось в мире. Утром на работу. Все нормально, ничего не случилось. Но... но почему же мается душа? Страшный сон не хочет уходить...» [Канкулов 2022: 122].

Подобный выход из сновидения заставляет вспомнить «тему кризисного сна», о которой говорил М.М. Бахтин в связи с героями Ф.М. Достоевского, вернее, как он уточнял, это «тема перерождения и обновления человека через сновидение, позволившее «воочию» увидеть возможность совсем иной человеческой жизни на земле» [Бахтин 2002: 115]. Сложно сказать, ждет ли героя рассказа «Сон» духовное перерождение. Его хмурость в начале рассказа, возможно, предвещает какие-то духовные трансформации. В то же время едва наметившийся мотив угрызения совести отменяется сходу, когда Муагид отвергает мысль о своем сходстве с симпатичным мужчиной, на лице которого образовался жестяной покров («И еще кое-что заметил он. Этот мужчина, продавший совесть, вроде на него... Нет, не похож, совсем не похож!.. [Канкулов 2022: 121]). Можно сказать, что, дважды замыкая этот тяжелый сон, писатель оставляет открытым вопрос о дальнейших трансформациях своего героя.

Так, в пределах небольшого рассказа писателю удается раскрыть различные аспекты внешнего облика персонажей. Мастерски используя язык сновидения, он сосредотачивается на лице как «основном органе» совести, но при этом Заур Канкулов не столько создает образную оболочку смысла, сколько возвращает привычному, примелькавшемуся образу его буквальный смысл.

Список источников и литературы

- Адыгэ псалъальэ 1990 – Адыгэ псалъальэ (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.
- Бахтин 2002 – Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 569 с.
- Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
- Богданова 2022 – *Богданова Л.И.* Что означает «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ, Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-20228-78-90
- Волошин 1988 – *Волошин М.* Лики творчества. М.: Наука, 1988. 848 с.
- Канкулов 2022 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. 140 с.
- Къанкъул 2004 – *Къанкъул З.* Къалэм дэгъуэщыхъа: Повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 96 н. (*Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе: Повесть, рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2004. 96 с.).

References

- Adyge psal'al'e* [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)
- BAHTIN M.M. *Sobranie sochinenij. T. 6. Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960-x – 1970-x gg.* [Collected Works. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics. Works of the 1960s – 1970s.]. Moscow: Russkie slovarei; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 569 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.X. *Adygskaya etika* [Adyghe ethics]. Nalchik: El-Fa, 1999. 96 p. (In Russian)
- BOGDANOVA L.I. *Chto oznachaet «poteryat' liczo» v russkom yazyke?* [What does “losing face” mean in Russian?]. IN: Vestnik RGGU, Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya». 2022. № 8. Part. 1. P. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-20228-78-90 (In Russian)
- VOLOSHIN M. *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Moscow: Nauka, 1988. 848 p. (In Russian)
- KANKULOV Z.M. *Zateryavshijsya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city]: novel, short stories. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2022. 140 p. (In Russian)
- KANKULOV Z.M. *K'alèm dèg`uèshhyx`a: Povest', rasskazxèr* [Lost in the city]: novel, short stories. Nalchik: Elbrus, 2004. 96 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

I.A. Kazharova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher, Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-203-211

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ АДЫГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Мадина Андреевна Хакуашева^{1✉}, *Юрий Мухамедович Тхагазитов*²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ dinaarma@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

² yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© М.А. Хакуашева, Ю.М. Тхагазитов, 2025

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественных особенностей нового современного направления в национальной литературы – русскоязычной адыгской прозе, которая испытывает воздействие других культурных моделей: русской, советской, западной, восточной. Следует отметить влияние древнего, богатого мифофольклорного наследия черкесов: фольклорные элементы и структуры, ассимилируясь, превращаются в литературные образы, мотивы, сюжеты становятся структурообразующей, семиотической фигурой. Вслед за появлением романа в стихах «Мывэ лъэхъэнэ» («Каменный век») Хабаса Бештокова (1985) сформировалось целое направление современной адыгской литературы – неомифологизм, который связан с закономерностями общемирового литературного процесса. Подобный аспект определяет актуальность и новизну художественного исследования. В статье применяются методы сравнительно-исторического, структурного, художественного литературоведческого анализа. В результате исследования можно обозначить следующие выводы: кроме романа «Каменный век» Х. Бештокова появились другие прозаические произведения: «Сказание о Железном Волке» (1993) Юнуса Чуяко, «Всемирный потоп» (1994), «Ночь Кадар, или Который справа» (2009) Мухамеда Емкужа, «Вино мертвых» (2002) Нальбия Куека. К жанру повести-притчи относится «Черная гора» (1997), «Лес одиночества» (2011) Н. Куека, «Давай улетим на облаке» Юрия Шидова и др.

Ключевые слова: мифо-фольклорное наследие, неомифологизм, русскоязычная литература, билингвизм, мотивы, образы, сюжеты

Для цитирования: Хакуашева М.А., Тхагазитов Ю.М. Особенности современной русскоязычной адыгской литературы // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 203–211. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-203-211

Original article

FEATURES OF MODERN RUSSIAN SPEAKING ADYGHÉ LITERATURE

Madina A. Hakuasheva^{1✉}, *Yuriy M. Thagazitov*²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ dinaarma@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

² yutkhag@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

© М.А. Hakuasheva, Y.M. Thagazitov, 2025

Abstract. The article is devoted to the study of the artistic features of a new modern trend in national literature – Russian-language Adyghe prose, which is influenced by other cultural models: Russian, Soviet, Western, Eastern. It is worth noting the influence of the ancient, rich mythological and folklore heritage of the Circassians: folklore elements and structures, assimilated, turn into literary images, motifs, plots become a structure-forming, semiotic figure. Following the appearance of the novel in verse «Myve lekhene» («The Stone Age») by Khabas Beshtokov (1985), a whole trend of modern Adyghe literature was formed – neo-mythologism, which is associated with the patterns of the global literary process. This aspect determines the relevance and novelty of artistic research. The article uses methods of comparative historical, structural, and literary analysis. As a result of the research, the following conclusions can be drawn: in addition to the novel «The Stone Age» by X. Beshtokov, other prose works appeared: «The Tale of the Iron Wolf» (1993) by Yunus Chuyako, «The Flood» (1994), «The Night of Kadar, or The One on the Right» (2009) by Mukhamed Yemkuzha, «Wine of the Dead» (2002) Nalbia Kueka. The genre of the story-parable includes «The Black Mountain» (1997), «The Forest of Solitude» (2011) by N. Kuek, «Let's Fly away on a Cloud» by Yuri Shidov and others.

Keywords: mythological folklore heritage, neo-mythologism, Russian-language literature, bilingualism, motifs, images, plots.

For citation: Hakuasheva M.A., Thagazitov Y.M. Features of modern russian speaking Adyghe Literature. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 203–211. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-203-211

В современных условиях глобального культурного трансфера невозможно избежать влияния общих тенденций даже в пределах устойчивой традиционной культуры, какой еще до недавнего времени принято было считать адыгскую (эндоэтноним), или черкесскую (экзоэтноним). Кроме собственно национального социокультурного влияния, современное художественное сознание адыгских авторов испытывает интенсивное воздействие других культурных моделей: русской, советской, западной, восточной. При этом каждая из них уже не существует в «чистом виде» и может быть названа так лишь весьма условно. На этом фоне закономерно усложнилась семантика художественных текстов современных адыгских авторов.

Особенно важно влияние древнего, богатого мифофольклорного наследия черкесов. Фольклорные элементы и структуры, ассимилируясь, превращаются в литературные образы, мотивы, сюжеты, которые говорят не только языком символов, но становятся структурообразующей, семиотической фигурой.

1980–1990-е годы кризисное художественное сознание в поисках утраченной целостной картины национального космоса усиливает связи с мифом, фольклором. Оно испытывает серьезные трансформации, приближаясь к основной характеристике мифологического мышления, – его креативности, способности к литературному мифотворчеству. Так возникает роман-миф в стихах «Мывэ лъэхьэнэ» («Каменный век») Хабаса Бештокова (1985). Вслед за этим формируется целое направление современной адыгской литературы – неомифологизм, которое вряд ли можно рассматривать как спонтанное самостоятельное явление, не связанное с закономерностями общемирового литературного процесса.

Тенденция неомифологизма в адыгской литературе связана с появлением целого ряда художественных произведений: кроме упомянутого романа «Каменный век» (1985) Хабаса Бештокова, появились другие прозаические произведения: «Сказание о Железном Волке» (1993) Юнуса Чуйако, «Всемирный потоп» (1994), «Ночь Кадар, или Который справа» (2009) Мухамеда Емкужа, «Вино мертвых» (2002) Налбия Кюека. К жанру повести-притчи относится «Черная гора» (1997), «Лес одиночества» (2011) Н. Кюека, «Давай улетим на облаке» Юрия Шидова и др.

Новый литературный жанр привнес в творчество адыгских авторов сложные приемы организации художественного текста, такие как аллюзия, интертекстуальность, реминисценция, код, символ, мифологема, архетип. Поэтика нового литературного мифа отличается не только усиленной онтологической рефлексией, но

и выраженным мифофольклорным влиянием. Подобные особенности национальной литературы обусловлены не только художественным сознанием, но и авторским бессознательным, за которое, в первую очередь, отвечают мифологический и фольклорный элементы. Этой же особенностью можно объяснить преимущественно архетипический способ художественного мышления черкесов. Часть авторов художественных текстов отказывается от былых функций, столь актуальных для недавнего советского времени, – воспитательной, образовательной и т.п. Это связано с осознанием невозможности «объяснить» или даже художественно отразить «реальную действительность». Некоторые адыгские авторы тяготеют к фрагментарности сюжета, например, в упомянутых выше произведениях: романе «Вино мертвых» и повести «Черная гора» Н. Куека, что свидетельствует о влиянии постмодернизма на мироощущение автора. Главной задачей ряда современных произведений становится деконструкция как ответ на общенациональный кризис. В историческом бессознательном адыгов золотой век связан преимущественно с эпохой нарттов – аналогов атлантов: «тогда, когда все начиналось» и происходило в первый раз, когда Бог создавал свои первые творения и не было еще грозного, всепожирающего дракона Хроноса. Именно он, согласно первобытному сознанию, искривляет божественные деяния и деформирует сущности. Поиск совершенного общественного устройства и образа гармоничной счастливой личности как совокупной точки опоры побуждал создавать величественные памятники устного народного творчества. Так в каждый исторический период создавалась своя утопия. Однако в настоящее время отношение к «золотому веку нарттов» не столь позитивно и однозначно. Так, литературный метод русскоязычного адыгского писателя Джамбулата Кошубаева связан с радикальным переосмыслением художественных особенностей и нравственных категорий Нартиады. Современный кризис национальной культуры получает закономерный резонанс в его творчестве. Эволюционный этап переосмысления, низвержения прежней, неоспоримой шкалы ценностей через смеховую стихию был замечательно объяснен М. Бахтиным: «Разрушение эпической дистанции и переход образа из далекого плана в зону контакта с незавершенным событием настоящего (следовательно, и будущего) приводит к коренным перестройкам образа человека в романе (а в последующем – и во всей литературе). И в этом процессе громадную роль сыграли фольклор, народно-смеховые истоки романа» [Бахтин 1986: 422].

В романе Дж. Кошубаева «Абраг» литературные персонажи с именами своих мифологических прототипов помещаются в сюжетные рамки, соответствующие нартскому эпосу. «Проигрывая» литературный текст через мифологический сюжет, автор применяет к нему современную культурную парадигму, начиная с решения основного художественного конфликта, кончая авторскими комментариями. Поэтому у читателя остается ощущение, что перед ним – тот же старый миф, только «откорректированный» новым временем. Имена литературных персонажей служат знаками, которые позволяют соотносить опыт героев-современников с опытом «прошлых судеб» их мифологических матриц. В этом случае оказывается неминуем конфликт двух несовместимых нравственных систем, – новой, неоднозначной, сложно-структурированной, и старой, более примитивной, но и более цельной, ставящей значительный акцент на магическом. Автор придерживается определенной установки, которая исключает понятное дистанцирование от современной морали, тем самым он отказывается от обычного пафоса романтизации и героизации Нартского эпоса. Авторское отчуждение приобретает форму пародии, гротеска. Это вполне объяснимо, так как наложение современных нравственных установок на старый миф вызывает комический эффект.

Обращаясь к смеховой стихии: пародии, сатире, иронии, – Дж. Кошубаев впервые применяет метод деконструкции, который разрушает структуру почти всех нравственных концептов адыгского мифа, приводя их к своей противоположности.

Трансформируясь из фольклорного в литературный, адыгский миф в романе превращается из утопии в антиутопию. Писатель традиционен в использовании нарточного героического эпоса как материала для романа, но с точки зрения метода он является постмодернистом. Роман «Абраг» относится к жанру романа-мифа, вместе с тем в истории адыгской литературы это первая пародийная антиутопия.

Повесть кабардинского писателя М. Емкужа «Всемирный потоп» соответствует определению повести-притчи, одновременно это и антиутопия. Появление жанра антиутопии кажется нам вполне закономерным в русле общего направления современной национальной литературы. Объективно существующая тенденция снижения реализуется за счет десакрализации, дегероизации, демифологизации (в творчестве Н. Куека, Ю. Чуяко, М. Емкужа, В. Мамишева), а также благодаря применению этих методов в пародийной и сатирической формах (роман «Абраг» Дж. Кошубаева). Кроме существенных трансформаций поэтики, это косвенно свидетельствует еще и о серьезных аксиологических сдвигах общественного сознания, которое впервые от идеализации «абсолютного эпического прошлого» и настоящего подошло к их критическому переосмыслению.

Кроме серьезной трансформации поэтики, формирования новых жанров, национальный кризис predetermined отчетливую тенденцию возвращения к народным корням, истокам. Одним из возможных объяснений причин кризиса явилась слабая совместимость традиционной культуры с методом соцреализма, – противоречие, которое проявилось особенно остро в последнее десятилетие существования советской эпохи. В связи с этим кажется актуальной проблематика круглого стола, прошедшего в рамках форума журнала «Вопросы литературы» (1989, № 10) «Национальные культуры и межнациональные отношения»: «Литература всегда национальна.

То же самое и сегодня происходит с понятием «интернациональное» как категориальным или просто научным. Интернационализация культуры или литературы... содержательно отпускает от себя необходимость высокого развития данной культуры и литературы, а потому и национального сознания в целом. Думается, сегодня вместо лишнего конструктивного смысла понятия интернационализации следует исповедовать идею консолидации культур, национальных литератур и национальных самосознаний... Если признать, что консолидация национальных культур и самосознаний предполагает их высшее развитие, то окажется, что именно развитие национального (а не какой-то искусственный выход за его пределы) есть единственный путь достижения общечеловеческих высот и содержание любой культуры и любого национального самосознания. К тому же само понятие консолидации (а не интернационализации) опирается на феномен культуры, а не сиюминутной политической конъюнктуры, – культуры самой по себе, культуры национального самосознания и, наконец, культуры диалога, общения народов» [Вопросы литературы 1989: 20–21].

В соответствии с новыми принципами поэтики и жанровой системы расширяются требования к методологической базе научных исследований. Для цельного постижения композиционной структуры, жанровых особенностей современных произведений требуется соответствующая новая методология, которая призвана не только понимать, но и декодировать художественный текст. Чтобы в той или иной степени отразить состояние современного сознания и окружающей действительности, художнику требуется особый шифр – знак, а исследователю – понятийный терминологический аппарат.

Дефиниция «современная русскоязычная адыгская литература» сложилась во многом спонтанно, но оказалась наиболее приемлемой для обозначения данного направления. Для сравнения подобное определение оказалось оптимальным и для РЯОЛ – русскоязычной осетинской литературы. «Только такая формулировка уточняет ее специфику: русскоязычная осетинская литература – это результат

определенного культурно-исторического синтеза... России и Кавказа, в известном смысле она возникает по поводу отношений Запада и Востока, Европы и Азии...» [Хугаев 2008: 4–5].

Тема «маленького» человека воплощалась в мировой и отечественной литературе на разных исторических этапах. Современные глобальные объективные закономерности направлены на восприятие и постижение пластических и визуальных форм искусства, в первую очередь это касается наиболее массовой ее сферы – кинематографа. Несколько десятилетий в центре внимания западной культуры находится главный герой, которого можно было бы обозначить как «социальный аутсайдер». Это класс маргинальных или асоциальных типов: мелкие жулики, представители сексуальных меньшинств, люди с пограничным состоянием психики или явными психическими расстройствами (например, главные герои фильмов «Человек дождя», «Пролетая над гнездом кукушки»). Типичный художественный конфликт, так или иначе разрешаясь, «случайно» обнаруживает значительный дремлющий потенциал «маленького» человека, снимает клише «неудачника», обнажает несостоятельность и порочность государственных институтов власти.

Образ героя-аутсайдера переместился в адыгскую литературу. Им становится маргинал, житель российского региона в постсоветское время, который впервые начинает осознавать свою экзистенциальную и социальную роль или миссию, освобождается от навязанных идейно-политических и нравственных стереотипов. Таковы, например, герои повести «Всемирный потоп» кабардинского прозаика М. Емжуа. Ничем не примечательные, а порой странные люди со своими мелкими повседневными заботами при проекции на героическое прошлое оказываются архетипическими двойниками героев, духовных лидеров или пророков прошедших легендарных времен, но при этом они «дегероизированы» и деморализованы ущербной современностью.

На закате советской эпохи собственно адыгская литература все еще достаточно уверенно обозначала рамки национального литературного процесса, на фоне которого черкесская русскоязычная литература занимала маргинальное положение. Но в последующие годы мейнстрим смещается в сторону русскоязычной литературы. В настоящее время трудно найти автора, который наряду с родным языком не владел бы русским, поэтому национальная художественная литература ныне формируется на основе билингвизма. У адыгских авторов-билингвов, пишущих на родном языке, доминирующим (или языком мышления) оказывается один из адыгских диалектов; соответственно, у русскоязычных адыгских авторов ведущим является русский. При этом часть русскоязычных авторов родным языком владеет плохо или не владеет вовсе. Таким образом, билингвизм, типичный для современных адыгских авторов, отличается нестабильностью, ибо сопровождается заметной тенденцией к деградации и утрате родного языка. Таким образом, термин «билингвизм» мы употребляем условно, потому что «двухязычие в его лингвистическом понимании требует свободного знания двух языков. Если же билингв владеет контактирующими языками не в одинаковой степени и дифференцированно пользуется ими в различных речевых ситуациях, то следует иметь в виду двухязычие в социолингвистическом толковании» [эл. рес.: cheloveknauka.com]. (Примером лингвистического билингвизма можно считать творчество Н. Куека, который писал на одном из диалектов западных адыгов и переводил свои произведения на русский.)

Автор-билингв пребывает в полифоничном многослойном языковом пространстве, различными способами синтезированном духовном мире. Именно на стыке разноразличных миров и культур, в самой нестабильной конфликтной зоне формируются порой наиболее интересные художественные произведения. К ним относится поэтическое наследие русскоязычной кабардинской поэтессы Инны

Кашежевой, яркий поэтический мир которой удивительно органичен и вместе с тем трагически раздвоен.

Слияние двух и более культур становится повседневной современной приметой, что позволяет говорить об аккультурации как о знаковом, упрочившемся феномене: «Неслучайно сложилась точка зрения, что культура способна жить только на грани культур, в диалоге с ними, когда общение культур выступает как их взаимное порождение [Бахтин, Библер, Бубер, Сорокин]. При этом происходит не только передача-прием сформированных смыслов, но и совместное смыслообразование, то есть то, что Р. Барт называл «текстом культуры», Ю. Кристева – «интертекстуальностью», а Ж. Женетт – «палимпсестом» (в значении: текст, пишущийся поверх иных текстов)» [Мурнаева 2016: 16].

Следует различать понятия общего и художественного билингвизма. Очевидно, билингвизм национальной литературы, как и феномен национального писателя-билингва, может возникать только «при контактировании языков, которому предшествуют социально-экономическое общение и длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках», и если «билингвизм – это результат межцивилизационного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры...» [Багировов 2005: 31], то «феномен художественного билингвизма проявляется прежде всего в том, что на основе взаимодействия двух языков и культур создается оригинальное творчество» [Туксоитова 2007: 31].

Сложный процесс транслингвизма (художественного билингвизма) конкретизируется в работе Л. А. Каракуц-Бородиной: «Транслингв сталкивает в своих произведениях единицы разных языков, и новые единицы (транслингвемы) органично инкорпорируются в систему идиостиля, в то время как иноязычные элементы в текстах писателей-монолингвов всегда остаются инородными. Транслингвемы имеют особую природу: они являются отражением бикультурного видения мира и проявлением бессознательного начала... служат конструированию новой реальности» [эл. рес.: cheloveknauka.com].

Современный транслингвизм формирует новую, более важную особенность современного художественного сознания, так называемое «бинокулярное» зрение, позволяющее оценивать и воплощать художественный взгляд как изнутри, так и извне национального космоса. Художественный билингвизм современных адыгских писателей, основывающийся на нескольких культурных моделях или кодах, включает в качестве источника доминирующего художественного влияния, в том числе, произведения мировой литературы, что обуславливает наличие интертекста, и побуждает исследователей апеллировать ко множеству соответствующих источников. Идею необходимости различий как прецедента, генерирующего как когнитивный, так и сугубо индивидуальный процесс художественного сознания, подчеркивает А.М. Гутов: «Различия заложены... для познания неведомого, отличного от того, что знакомо и понятно. Значит, жизнь, многообразие ее проявлений и само познание взаимообусловлены. Не знать друг друга и не быть познаваемым – это то же, что не существовать, а для знания важно иметь различия» [Гутов 2011: 62–63].

Определение идентичности художественных произведений с точки зрения языковой соотнесенности раскрывает другое противоречие. Художественные переводы на русский язык, как известно, являются аналогами оригиналов и причисляются к той же национальной литературе, которой принадлежит сам оригинал. Следуя же логике языковой идентичности, русские переводы должны относиться к русской литературе (тогда как оригиналы – к соответствующей национальной).

На одной из переделкинских встреч, организованной журналом «Дружба народов» в 2007 году, при обсуждении проблемы идентичности художественных произведений от участника форума И. Абузярова прозвучало предложение

исходить из авторского принципа самоидентификации, а после смерти писателя руководствоваться объективными особенностями его творчества [Дружба народов 2008]. Возможно, в решении этой проблемы требуется учитывать всю совокупность объективных и субъективных факторов.

Современная русскоязычная адыгская литература представляет собой сложный, неоднородный феномен, в котором сосуществуют произведения с ярко выраженным национальным компонентом и те, которые смело могут быть отнесены к произведениям постсоветской российской литературы без заметной национальной манифестации. Например, роман М. Емкужа «Ночь Кадар, или Который справа» подчинен сугубо адыгской тематике, в ее основе – типичные мифофольклорные мотивы. Художественные произведения Вл. Мамишева, А. Макоева принадлежат адыгской литературе лишь с учетом сюжетных деталей, реминисценций, следов. С таким же успехом можно говорить об условно национальном характере ряда других художественных произведений северокавказских литератур, в частности повести «Синь» современного осетинского прозаика Д. Бугулова. Главный герой вспоминает о «зеленом городе», в котором лишь некоторые посвященные могут распознать Владикавказ. Этничность русскоязычной литературы Северного Кавказа варьируется в широком диапазоне – от ярко выраженной до латентной, почти непросматриваемой. Но при этом «русскоязычная проза северокавказских писателей... представляет собой исключительный акт поликультурной коммуникации, вбирающий этнокогнитивный характер северокавказской культуры, выраженный с помощью интертекстуальных знаков и приемов... формирующий современную языковую картину мира» [Мурнаева 2016: 88–90].

Критерий этничности является лишь особым маркером, адресом, свидетельствующим о специфике национальной культурной почвы, особой укорененности в ней, истоках происхождения того или иного художественного произведения.

Одной из актуальных проблем национальных литератур Северного Кавказа, в том числе адыгской, остается проблема художественного перевода. Советская переводческая школа перестала существовать после 1990-х годов. Но несмотря на общий высокий уровень переводной литературы, даже лучшие ее образцы грешили этнографическими, точнее, психоэтнографическими несоответствиями, очевидными лишь для носителей аутентичных культур. Поэтому насущным становится вопрос обучения переводчиков из национальной среды. Решение этого вопроса возможно только на общероссийском уровне, например, путем выделения целевых мест на переводческом отделении Литературного института им. А.М. Горького.

В системе важнейших координат художественных произведений современной адыгской литературы можно определить новое, чаще глубоко драматическое видение исторического прошлого и будущего своего народа, роли личности в новом мире. Появляется и актуализируется новая шкала этических и эстетических ценностей, значительно усиливается постмодернистская чувствительность и экзистенциальное восприятие, которые инициируют темы абсурда, неприкаянности и одиночества, ощущения расколотого времени, пространства, общей мировой дисгармонии, усиление апокалипсических мотивов. Для отражения насыщенной картины изменившегося мира и художественного сознания современные писатели вынуждены находить иные, значительно более сложные формы художественного дискурса, который унифицируется с мировыми тенденциями и приобретает черты, свойственные произведениям современной мировой литературы. Это доказывает универсальный принцип развития национальных литератур, в частности, доминирование мифопоэтики. Такие общие типологические схождения кажутся отнюдь не случайными: в них проявляются некие общие универсальные закономерности мирового литературного процесса. В рамках обширной жанровой системы роман остается наиболее чутким синтезатором, способным отразить

семантический диапазон художественного национального сознания, поэтому вряд ли приходится говорить о «кризисе больших нарративов» в поле современной русскоязычной адыгской литературы. По словам Т.С. Элиота, роман всегда был «выражением века, не утратившего еще собственных форм настолько, чтобы появилась нужда вводить его в какие-либо рамки» [Элиот 1988: 57]. Большой нарратив был и остается «эстетической реальностью», творимой художником. «Роман не просто сложившаяся, на века установившаяся форма, так как его жанровая «канонизация» действительно означала бы его конец... В первую очередь жизнеспособность романа связывается с его постоянной возможностью и способностью к обновлению литературной формы и языка романной прозы... Со временем возникло представление о том, что понятие жизненной правды шире, чем реализм, и многие другие методы: романтизм, натурализм, наконец, модернизм, – каждый по-своему раскрывает различные стороны действительности, многообразной и не до конца познанной. Теория реалистического романа подвижна, как и богатейшая практика не отстающего от развития мира и человека искусства слова, она развивается, обогащается, разрушая догмы дефиниций и узость критериев, и приобретает... разнообразные, порой уникальные формы» [Абакарова 2005: 57–58].

Несомненно и то, что унификация литературного процесса осуществляется посредством русского и английского языков, открывающих доступ к глобальному информационному пространству. Русскоязычная адыгская литература, интегрировавшая элементы художественных методов мировой литературы, достигает нового уровня в средствах выражения национального образа мира и сознания. Однако эта ситуация представляется нам относительно нестабильной, и в условиях постепенного нивелирования родного литературного языка кажется неизбежной утрата национального художественного своеобразия, если только не будет предпринята серьезная попытка к реформированию национальных языков на государственном уровне.

Список источников и литературы

- Абакарова 2005 – *Абакарова О.М.* Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров. Канд. дис. Нальчик, 2005.
- Багироков 2005 – *Багироков Х.З.* Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). Автореф. дисс. ... д-ра. филол. н. / 10.02.19 – Теория языка. Краснодар 2005.
- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Литературно критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
- Гутов 2011 – *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве. Нальчик, 2011.
- Вопросы литературы 1989 – Национальные культуры и межнациональные отношения // Вопросы литературы. 1989. № 10.
- Мурнаева 2016 – *Мурнаева Л.И.* Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной прозе. Дисс. ... канд. филол. н. (на правах рукописи). Пятигорск, 2016.
- Дружба народов 2008 – Размыкание пространства. Переделкинские встречи – 2007 // Дружба народов. 2008. № 4.
- Туксаитова 2007 – *Туксаитова. Р.О.* Речевая толерантность в билингвистическом тексте (на материалах русскоязычной казахской прозы и публицистики): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / 10. 02. 01. Екатеринбург, 2007.
- Хугаев 2008 – *Хугаев И.С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008.
- Элиот 1988 – *Элиот Т.С.* «Улисс», порядок и миф // Иностранная литература. М., 1988. № 12.
- Эл. pec.: <http://cheloveknauka.com/bilingvizm-teoreticheskie-iprikladnye-aspekty#ixzz4i03hBW3e>
- Эл. pec.: <http://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-yazykovayaigra-na-materiale-proizvedeniy-v-v-nabokova-1#ixzz4i6De4f34>

References

- АБАКАРОВА О.М. *Sovremennay russkoyazichnay proza Kabardino-Balkarii* [Modern Russian-language prose of Kabardino-Balkaria: poetics of styles and genres. Candidate of Dissertation]. Nalchik, 2005.
- BAGIROKOV H.Z. *Biligvizm: teoreticheskie I prikladnie aspekti*. [Bilingualism: theoretical and applied aspects (based on the material of the Adyghe and Russian languages)]. 02/10/19 – Theory of language. Abstract of the dissertation for the degree. Doctor of Phil. sciences. Krasnodar 2005.
- БАХТИН М.М. *Epos I roman (o metodologii issledovaniya romana)*. [Epic and novel (On the methodology of novel research)] // Bakhtin M. M. Literary critical articles. M.: Fiction, 1986.
- ГУТОВ А.М. *Konstanti v kulturnom prostranstve* [Constants in the cultural space]. Nalchik, 2011.
- Nacionalnie kulturi I mezhnacionalnie otnosheniya* [Round table: «National cultures and interethnic relations»] // Vop. lit. M., 1989, No. 10.
- MURNAEVA L.I. *Intertekstualnost v sovremennoy severokavkazskoy russkoyazichnoy proze* [Intertextuality in modern North Caucasian Russian-language prose]. Dissertation ... for the academic degree. cfn (on the rights of the manuscript). Pyatigorsk, 2016.
- Razmikanie prostranstva. Peredelkinskie vstrechi* [The opening of space. Peredelkin meetings] – 2007 // Friendship of Peoples, Moscow, 2008, No. 4.
- TUKSOITOVA R.O. *Rechevaiv tolerantnosty v bilingvisticheskom tekste* [Speech tolerance in a bilingual text (based on materials from Russian-language Kazakh prose and journalism)]: Abstract. Dissertation of the Doctor of Philology on spec. 10.02.01. Yekaterinburg, 2007.
- KHUGAEV I.S. *Genesis I rasvitie russkoiazichnoi osetinskoj literature* [The genesis and development of Russian-language Ossetian literature]. Vladikavkaz, 2008. Eliot 1988. T.S.
- ELIOT T.S. «*Ulysses*», *poriadok i mif* [«Ulysses», order and myth] // Foreign literature. Moscow, 1988, No. 12.
- EIEKTR. RESURS. Email address: <http://cheloveknauka.com/bilingvizm-teoreticheskie-prikladnye-aspekty#ixzz4i03hBW3e>
- EIEKTR. RESURS. Email address: <http://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-yazyko-vayaigra-na-materiale-proizvedeniy-v-v-nabokova-1#ixzz4i6De4f34>

Информация об авторах

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы;

Ю.М. Тхагазитов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the authors

М.А. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector;

Y.M. Thagazitov – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher at the Kabardino-Circassian Literature.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.

РЕЦЕНЗИИ

Научная рецензия
УДК 398.22
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-212-220

ОБ ИЗДАНИИ СВОДА БЕСЦЕННОГО ДОСТОЯНИЯ «НАРТЫ. АДЫГСКИЙ (ЧЕРКЕССКИЙ) ЭПОС»

Людмила Борисовна Хавжокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

© Л.Б. Хавжокова, 2025

Аннотация. Устно-поэтическое творчество, в котором сосредоточен богатейший мир мыслей, чувств, переживаний, трудовой деятельности, общественного и бытового уклада народа, знания о жизни, природе, информация о культах и верованиях, представляет собой одну из непреходящих ценностей человеческого бытия. В этом плане значителен и знаменателен труд ученых, собирающих, систематизирующих, изучающих древнейшие тексты, словом – стоящих на страже культурного и духовного наследия народа и транслирующих его через века и поколения. Трудно переоценить результаты их кропотливой работы, которые в конечном итоге выходят в свет в виде бесценной печатной продукции. Четырехтомное издание «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос» представляет собой одно из наиболее значимых на сегодняшний день культурных достояний этноса. Цель статьи – выявить содержательные и структурно-композиционные особенности этого крупного научного проекта и определить роль и место изданий, выполненных в рамках данного проекта, в северокавказской и отечественной филологической науке, культуре и системе ценностей народа. Для достижения обозначенной цели проводится структурно-компонентный анализ всех частей антологического свода. Изучается содержание и композиция глав и разделов, акцентируется внимание на логике изложения материала. Отдельное внимание уделяется работе авторов-составителей, их вводным научным статьям, комментариям и пояснениям, а также приложениям, сопровождающим художественные тексты. Полученные результаты подчеркивают вклад руководителя проекта и авторов-составителей в дело сохранения культурных и духовных ценностей народов РФ и, следовательно, значимость и актуальность выполненной ими большой созидательной и просветительской работы.

Ключевые слова: нартский эпос, адыгская версия Нартиады, антологический свод, издание, циклы сказаний, эпическая поэма, пшинатль, герой-богатырь

Для цитирования: Хавжокова Л.Б. Об издании свода бесценного достояния «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос» // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 212–220. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-212-220

Original article

ON THE PUBLICATION OF A COLLECTION OF PRICELESS TREASURES “NARTS. ADYGHE (CIRCASSIAN) EPIC”

Lyudmila B. Khavzhokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9931-7726>

© L.B. Khavzhokova, 2025

Abstract. Oral poetry, which captures the richest world of thoughts, feelings, experiences, work, social and everyday life of the people, knowledge of life, nature, and information on cults and beliefs, represents one of the enduring treasures of human existence. In this regard, the work of scholars who collect, systematize, and study ancient texts – in short, guardians of the people’s cultural and spiritual heritage and transmit them through centuries and generations is significant and remarkable. It is difficult to overestimate the results of their painstaking work, which ultimately appear in priceless printed works. The four-volume edition of “Narts. The Adyghe (Circassian) Epic” represents one of the most significant cultural treasures of the ethnic group today. The purpose of this article is to identify the substantive, structural, and compositional features of this major research project and to determine the role and place of the publications produced within it in North Caucasian and Russian philological scholarship, culture, and the value system of the people. To achieve this goal, a structural and component analysis of all parts of the anthological collection is conducted. The content and composition of chapters and sections are examined, with an emphasis on the logic of the presentation of the material. Special attention is given to the work of the authors-compilers, their introductory scientific articles, commentaries and explanations, as well as appendices accompanying the literary texts. The obtained results highlight the contribution of the project director and the authors-compilers to the preservation of the cultural and spiritual values of the peoples of the Russian Federation and, consequently, the significance and relevance of their extensive creative and educational work.

Keywords: Nart epic, Adyghe version of Nartiada, anthological collection, publication, cycles of tales, epic poem, pshinatl, strongman hero

For citation: Khavzhokova L.B. On the publication of a collection of priceless treasures “Narts. Adyghe (Circassian) Epic”. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 212–220. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-212-220

2024–2025 годы для Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН) и Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (АМАН) был щедр на необычайно ценную печатную продукцию. Одним из самых ярких событий последних двух лет стал выход в свет обширного свода сказаний и эпических поэм «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос» [Нартхэр... 2024. Т. I; Нартхэр... 2024. Т. II; Нартхэр... 2025. Т. III; Нартхэр... 2024. Т. IV]. Этот уникальный четырехтомный научный проект – результат многолетнего упорного труда группы высокопрофессиональных специалистов, ученых-фольклористов, в числе которых и ныне покойные Налоев Заур Магометович – кандидат филологических наук, фольклорист, литературовед, публицист, поэт и писатель; Ципинов Арсен (Аслан) Амербиевич – доктор филологических наук, фольклорист, публицист, общественный деятель, чья жизнь трагически оборвалась на самом взлете. Составление и перевод текстов осуществлялся авторским коллективом в составе доктора филологических наук Гугова Адама Мухамедовича, кандидатов филологических наук Бухурова Мухамеда Фуадовича, Гуговой Ляны Адамовны, Хагожеевой Лианы Славовны, Табишева Мурата Арсеньевича.

Издания рекомендованы в печать решением Президиума АМАН и Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН. Проект реализован при финансовой поддержке Президента АМАН Канокова Арсена Башировича. Руководитель проекта – доктор исторических наук, профессор, академик АМАН, директор ИГИ КБНЦ РАН Дзамихов Касболат Фицевич. За общую подготовку книг к печати ответственны А.М. Гугов и М.Ф. Бухуров. Макет и техническое редактирование И.Х. Кушховой.

В оформлении книг использован богатый иллюстративный материал известных художников: члена Союза художников СССР Л.Е. Файнберга; советского режиссера-мультипликатора, художника-постановщика детских диафильмов В.Я. Бордзиловского; заслуженного художника РФ, народного художника КБР,

академика Российской академии художеств Х.В. Савкуева; заслуженного художника РФ, народного художника Республики Адыгея Ф.М. Петуваша; заслуженного работника культуры РФ, заслуженного художника Республики Адыгея А.М. Берсирова; члена Союза художников КБР А.М. Кармокова; адыгского художника и дизайнера из Турецкой Республики Зеки Натхо.

Нарты – это знаменитый эпос, представляющий собой свод сказаний и пшинатлей (эпических поэм или певческо-стихотворных сказаний) о фантастических богатырях-нартах и бытующий у ряда коренных народов Кавказа – адыгов, абхазов, абазин, карачаевцев, балкарцев, осетин, чеченцев, ингушей и др. Как отмечают составители «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса», факт распространения Нартиады у разных народов «может считаться свидетельством не только историко-культурной, но и высокой степени генетической общности современного разноязычного автохтонного населения Северного и Северо-Западного Кавказа» [Гутов 2024 а: 6, 15]. С учетом обозначенных моментов авторами представленного проекта предпринята удачная попытка полной систематизации и комплексного изучения адыгской версии эпоса в виде своеобразного «мегаэпоса, в котором <...> сочетаются произведения от подлинно мифологического эпоса до архаического героического, богатырского сказочного, позднего историко-героического типов народного эпоса» [Гутов 2024 а: 14]. К этому важно добавить, что тексты представлены в их аутентичном виде – «естественном бытовании», то есть «в таком виде, в каком они имеют хождение в устной традиции» [Гутов 2024 а: 14, 16].

Эпос в целом характеризуется многообразием тем, мотивов, сюжетов, персонажей. В статье «Адыгский эпос и его эволюция», открывающей первый том, А.М. Гутов отмечает, что «даже у народов, генетическое родство которых не может быть подвергнуто сомнению, иногда бывают значительные различия в области сюжетики и поэтики эпоса. В то же время не единичны случаи, когда версии одного эпоса имеют хождение в фольклоре народов, которые в настоящее время говорят на языках, разных по происхождению и структуре» [Гутов 2024 а: 15]. Именно поэтому эпос нуждается в периодическом «перечтении» с применением новых подходов к исследованию и систематизации архаичных текстов и, как следствие, в переиздании существующих сводов с дополнениями и обновленными комментариями, что и сделано авторами-составителями «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса».

История собирания и изучения адыгского нартского эпоса восходит к XIX веку. С этого времени разными исследователями, начиная от просветителей (Ш. Ногма, С. Хан-Гирей, К. Атажукин, П. Тамбиев, Т. Кашежев и др.), заканчивая современными учеными, записано, обработано и опубликовано значительное количество адыгских нартских сказаний. Первые публикации фольклора народов Кавказа, в частности адыгов, а также этнографические и исторические очерки появились в периодических изданиях «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ) и «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК). Эти и последовавшие за ними публикации, в том числе отдельные издания нартского эпоса, подробно охарактеризованы в указанной выше статье А.М. Гудова. Автором проведен хронологически выстроенный обзорный анализ всех существующих источников архаического (раннего или старшего) эпоса с указанием не только положительных качеств этих работ, но и выявлением и аргументированным обоснованием недостатков и объяснением возможных причин их возникновения. Вместе с тем автор подчеркивает историко-культурную ценность каждого из изданий, воздавая дань уважения и искренней признательности их составителям. Это и А.П. Кешоков, с предисловием которого вышел в свет первый сборник адыгских нартских сказаний, и неутомимые собиратели и исследователи А.М. Гадагатль, А.Т. Шортанов, З.П. Кардангушев и мн. др. Подобный подробнейший и глубокий экскурс в историю изучения адыгского фольклора в целом и нартского эпоса в

частности был крайне необходим в целях наглядной демонстрации актуальности и научной новизны предлагаемого проекта, который на сегодняшний день по праву может быть признан наиболее полным антологическим сводом образцов адыгского народного эпоса. В четыре тома свода вошли избранные тексты лиро-эпических и прозаических сказаний и пшинатлей на адыгских (адыгейском и кабардино-черкесском с диалектами) и русском языках.

Как известно, архаические эпические сказания образуют различного типа тематические циклы. В первый том «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса» вошли два цикла. Один из них включает сказания, посвященные языческим покровителям различных отраслей деятельности – огня и кузнечного ремесла, животного мира, растительности и др. (сказания о Тлепше, Дабече, Худиме Могучем, Амыше, Тхагаледже, Сатаней-гуаше). Всего в первую главу книги вошло 60 сказаний. Вторая глава, посвященная центральному герою адыгской и абхазской версий Нартиады Сосруко / Саусырыко, включает 52 сказания. Каждый из лиро-эпических и прозаических нарративов сопровождается описанием источника текста; информацией об исполнителе и авторах записи, обработки и перевода; комментариями к содержанию и структуре; а многие из них – глоссариями малоизвестных и непеводимых слов и выражений.

Хорошо продуманная и логически выстроенная структура книги способствует наиболее полноценному и адекватному восприятию ее содержания. Как отмечалось выше, она открывается обширной статьей А.М. Гутова, в которой с исчерпывающей полнотой прослежен весь эволюционный путь адыгского эпоса: рассмотрены основные циклы, изучены главные персонажи, выявлены особенности сюжетики и поэтики сказаний и поэм (пшинатлей). Особое внимание уделено языковым средствам создания художественного текста и версификационному оформлению эпических певческо-стихотворных композиций.

Указанной статье А.М. Гутова предшествуют краткое предисловие на трех (кабардино-черкесском, русском и английском) языках и небольшая вводная статья на кабардино-черкесском языке, в которых описана история и обозначены предпосылки создания проекта, основные методы и пути его реализации, композиционные и содержательные особенности планируемых изданий. Далее приводятся тексты сказаний и пшинатлей с комментариями, между которыми периодически появляются тематические фото-вставки.

Второй том «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса» состоит из трех частей, в которых представлены циклы сказаний о богатырях Озырмесе / Орзамесе (Орзамедже), Батразе и Ашамезе. Основное содержание книги предваряется статьями А.М. Гутова на кабардино-черкесском и русском языках – «Три героя адыгской Нартиады» («Адыгэ нарт лыхъужьыщ») [Гъут 2024] и «Три цикла древнего эпоса» [Гутов 2024 б]. В соответствии с заголовками в них исследуются циклы сказаний о трех названных героях-богатырях, начиная от их происхождения, этимологии и семантики их имен, завершая выявлением сюжетобразующих мотивов прозаических и лиро-эпических нарративов об этих персонажах. Давая общую характеристику, исследователь отмечает, что «все три представленных цикла относятся по своей типологии к наиболее характерным в адыгской этноязыковой версии героического нартского эпоса и <в каждом из них> налицо выраженные признаки того же типичного для эпосов многих народов “биографического” принципа их формирования: *рождение героя – детство – первый подвиг – сюжеты из “взрослой жизни” – гибель*» [Гутов 2024 б: 17]. Вышеизложенное подчеркивает важность дела восстановления и сбора (т.е. публикации) в одном издании полных циклов, включающих все адыгские версии сказаний и пшинатлей о самых известных (после Сосруко / Саусырыко) героях нартского эпоса.

Большая часть материалов, вошедших во второй том, впервые публикуется с переводом на русский язык и комментариями. По словам составителей, ранее эти

тексты, за редкими исключениями, печатались только на языке оригинала [см.: Готов 2024 б: 17]. На фоне таких изданий, как широко известный семитомный свод под редакцией профессора А.М. Гадагатля, данный труд уникален тем, что благодаря русскому переводу публикуемые материалы становятся доступными широкому кругу специалистов и всем интересующимся духовной культурой адыгов. Также здесь опубликованы записи на магнитную ленту, часть которых расшифровывалась специально для настоящего издания. Всего в трех главах второй книги представлено 72 текста: цикл об Озырмесе – 17, цикл о Батразе – 40, цикл об Ашамезе – 15.

Во второй том также включена факсимильная копия сказания об Ашамезе, опубликованного в двенадцатом выпуске СМОМПК за 1891 год. Помимо самого сказания, публикация содержит его перевод на русский язык, осуществленный К.М. Атажукиным, а также заметку с подписью «Л.Л.» (Лев Лопатинский – Л.Л.) и «объяснительный словарь» к тексту. Кроме того, во втором томе, как и в первом, сказания и пшинатли сопровождаются тематически соответствующими им фото-вставками – репродукциями иллюстраций советских и российских художников и дизайнеров Л.Е. Файнберга, Ф.М. Петуваша, Х.В. Савкуева, А.М. Берсирова, А.М. Кармокова.

Третий том антологического свода «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос» открывается статьями «Нартские сказания о Бадинокко и Шауе в фольклоре адыгов» («Бэдынокъуэрэ Шауейрэ ехьэлIа хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ») на кабардино-черкесском и русском языках. Обе статьи подготовлены в соавторстве А.М. Готова и М.Ф. Бухурова. В статьях выявляются сходства, в частности «стадиально-типологическая близость», рассматриваемых героев, позволяющие, по мнению ученых, объединить циклы о них в одном издании [см.: Гьут, Быхьурэ 2025: 19]. Вместе с тем исследователями уточняется, что при определенной аналогии образов Бадинокко и Шауея и сближениях сюжетов сказаний о них по содержательным и формальным (стилистическим) признакам, «персонажи двух циклов функционально не дублируют друг друга, каждый из них сохраняет собственные индивидуальные особенности, имеет свой особый характер связи с архаическим и более поздним, историко-героическим, пластами всего многоциклического нартского эпоса» [Гьут, Быхьурэ 2025: 20]. В перечисленных качествах героев и состоит ценность и уникальность циклов о них.

В третий том вошли сказания о младших богатырях архаического эпоса – нартах Бадинокко (Шабатыныкко) и Шауея. В книге представлены материалы, содержащие все сюжеты, связанные с этими персонажами, а также ценную информацию о географии распространения сказаний о них и диалектах, на которых они бытуют. При выборке, обработке и подготовке текстов к печати авторами-составителями учтены, обозначены и прокомментированы все сколько-нибудь значимые элементы и детали. Так, после указанных выше вводных статей А.М. Готова и М.Ф. Бухурова, цикл о Бадинокко предваряется небольшим разъяснением относительно вариантов произношения и написания имени этого героя – Бадинокко (*Бэдынокъуэ*), Шабатыныкко (*Шэбатыныкьо*), Пшибадинокко (*Пшыбэдынокъуэ*), пши Бадинокко (*пшы Бэдынокъуэ*), встречающихся в материалах разных собирателей, представляющих западноадыгскую и восточноадыгскую фольклорные традиции. Причины подобного варьирования имени героя связываются авторами-составителями с процессами обособления и последующего сближения фольклорных традиций адыгов, отразившимися, прежде всего, на языке – разделением на диалекты [см.: Нартхэр... 2025. Т. III: 31].

Далее в двух главах третьего тома приводятся циклы сказаний о Бадинокко и Шауея. Первый из них включает 50 текстов – прозаических сказаний (хабаров) и эпических песен (пшинатлей), которые состоят между собой в идейно-тематическом единстве и расположены в соответствии с хронологией происходящих в них

событий, начиная от сказаний о рождении героя, его юности, колыбельной, которой его укачивали, первом выезде, заканчивая историей его гибели. Тексты представлены на русском и различных диалектах кабардино-черкесского и адыгейского языков, и снабжены информацией об источниках, месте и времени записи, информантах, авторах переводов, пояснениями и комментариями.

В первую главу третьего тома также включена факсимильная копия сказания «Пшибадиноко» («Пшыбадиноко») в записи К.М. Атажукина, опубликованного в двенадцатом выпуске СМОМПК за 1891 год. Публикация сопровождается транслитерацией авторов-составителей книги и переводом на русский язык А.М. Гутова, а также комментариями к некоторым труднопереводимым или непереводаемым словам и выражениям [см.: Нартхэр... 2025. Т. III: 87–108].

В этой же главе представлена факсимильная копия сказания «Пши-Бадиноко» в записи К.М. Атажукина, опубликованного в пятом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» за 1871 год. После публикации дается справка об истории ее записи и первого выхода в свет, приводятся дополнения к авторским комментариям.

Вторая глава третьего тома включает цикл о Шауе, состоящий из 15 сказаний. И здесь, как и в цикле о Бадиноко, представлены сказания об основных этапах жизни героя (рождение, взросление, женитьба), его взаимодействиях с другими персонажами, отдельных событиях с его участием и т.д. Тексты преимущественно прозаические с фрагментарными поэтическими вставками.

Как и в предыдущих томах, в третью книгу включены иллюстрации Л.Е. Файнберга, А.М. Берсирова, Х.В. Савкуева, А.М. Кармокова, тематически связанные с сюжетами сказаний.

В четвертый том «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса» вошли малые эпические циклы и разрозненные сказания поздней стадии формирования жанра – произведения завершающего этапа эволюции архаического эпоса. Общее количество поэтических и прозаических текстов – 106. Как отмечают авторы-составители, «в плане тематическом <эти произведения> представляют общество нартов как разноплановый мир, где действуют не только герои-воины, но также пастухи, земледельцы, ремесленники. Поэтому в эпический мир включены и сюжеты бытового характера, но при сохранении родовых признаков эпоса в языке и стилистике. Таким образом, <эти> сказания становятся связующим звеном между мифологией, героическим эпосом в его классических формах, младшим героическим эпосом, другими жанрами» [Нартхэр... 2025. Т. IV: 6].

Художественная часть книги предваряется научными статьями «Завершающая стадия адыгского нартского эпоса» («Адыгэ нарт эпосым и кIэух лъэхъэнэ») М.Ф. Бухурова и «Мир эпоса и его границы» А.М. Гутова [Быхьурэ 2025; Гутов 2025]. Главным образом авторы этих работ подчеркивают роль и место «сказаний, представляющих повествования отнюдь не героического и даже не мифо-эпического свойства» – так называемого «негероического» нарратива – в героическом эпосе. В частности, А.М. Гутов отмечает, что «далеко не все материалы, помещаемые <...> под единой рубрикой “Адыгский нартский эпос”, отвечают установившимся представлениям об эпосе героическом. Однако <...> есть достаточные основания признавать и героев, и события “негероического” компонента сказаний частью единой жанровой системы. Так позволяет считать не наличие некоего одного доминирующего признака или действия, как, например, героические деяния центрального персонажа, единая форма исполнения или же подлинно героико-эпические сюжеты, а очевидная совокупность целого ряда общих особенностей, наличие которых представляется достаточным для обоснования <обозначенной> точки зрения» [Гутов 2025: 28]. Далее в статье приводится подробнейшее описание и анализ этих универсальных особенностей, подтверждающих достоверность суждений исследователей и правомерность причисления

материалов, вошедших в четвертый том, к нартскому эпосу. Таковы, например: «Тхагалидж и нарты» («Тхьэгъэлыджрэ нартхэмрэ»), «Как Саусырыко возвратил нагам семена проса» («Саусырыкьо гъэжьо чылапхьэр натымэ кызырафыхьыжыгъагъэр»), «Раздвоенное копье Тотареша» («ТотIэрэш и бжыпэ дыкьуакъуэ»), «Сказание о старушке Орсарыж» («Уэрсэрыжъ фызыжъ цыкIу и хьыбар»), «Сказание об Адиох и ее муже» («Адиохурэ и лIымрэ я хьыбар»), «Сказание о Малечипх» («Мэлычыпху и хьыбар»), «Горгоньж и Сатанай» («Горгоньжрэ Сэтэнайрэ»), «Женитьба нарта Бауча» («Нарт БэукIы икьэщакI»), «Сказание об одноглазом великане» («Иныж нэ закьуэм и таурыхъ»), «Даушгерги и мазытл» («Даушджерджийрэ мэзылIымрэ»), «Куйцук и иныж» («КъуйцIыкIумрэ иныжымрэ»), «Пшинатль Лашын» («Лашын и пшыналъ»), «Как Дыгулипх спела нартам» («Дыгульыпху нартхэм зэрахуэусар»), «Сказание о натской Бадаф-гуаще» («Нат Бэдэф-гуащэ ихьышъ») и мн. др. По форме выражения это тексты поэтические и прозаические.

Все части «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса» завершаются приложениями, включающими указатели сказителей, собирателей, мест записи текстов, а также глоссарии непереводаемых и труднопереводимых слов и выражений. Помимо всего перечисленного, в первых трех томах представлены нотные материалы, перепечатанные из второго тома известного издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» [см.: Народные песни... 1981].

В оформлении обложек книг использованы картины «Возвращение огня» (том первый) и «Нарт – Шабadyноко» (том второй) Абдулаха Берсирова, «Бадыноко» Аслана Кармокова (том третий), «Как Саусоруко вернул семена проса нартам» Феликса Петуваша (том четвертый); форзацев – композиция «Золотое дерево нартов» Аслана Кармокова (во всех томах); титулов – цифровая композиция Зеки Натхо (во всех томах).

В целом, в четырех книгах, изданных в рамках реализации научного проекта «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос», опубликовано более 350 текстов адыгской этноязыковой версии Нартиады – 7 циклов о центральных и наиболее популярных героях-богатырях, а также ранние циклы, приближенные к мифологии и посвященные отдельным языческим персонажам, малые эпические циклы и разрозненные сказания поздней стадии формирования жанра. Приведенные данные выступают прямым свидетельством масштабов и объема колоссального труда, сделанного руководителем проекта, авторами-составителями, техническим редактором изданий, и подчеркивают значимость полученного ими результата в виде если не совершенного, то весьма близкого к совершенству антологического свода архаичных образцов адыгского народного эпоса.

По справедливому замечанию авторов «Нартов. Адыгского (черкесского) эпоса», его «выход в свет призван способствовать наиболее полному представлению о народной словесной художественной культуре адыгов (черкесов)» [Нартхэр 2025. Т. IV: 6]. Несомненно, представленные источники этнокультурных ценностей народа будут одинаково широко востребованы как читателями, так и исследователями, и могут послужить серьезным подспорьем для фольклористов-нартоведов и в целом кавказоведов, этнографов, ученых и специалистов других специальностей, а также для всех интересующихся духовной культурой народов России.

Список источников и литературы

Быхьурэ 2025 – *Быхьурэ М.Ф.* Адыгэ нарт эпосым и кIэух лъэхъэнэ (Бухуров М.Ф. Завершающая стадия адыгского нартского эпоса) // Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том четвертый. Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / составление, перевод, комментарии

Бухурова М.Ф., Гутова А.М., Хагожеевой Л.С. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. С. 9–20.

Гутов 2024 а – *Гутов А.М.* Адыгский эпос и его эволюция // Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том первый. Ранние циклы эпоса. Сосруко / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. 2-е издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024 а. С. 14–64.

Гутов 2025 – *Гутов А.М.* Мир эпоса и его границы // Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том четвертый. Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М., Хагожеевой Л.С. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. С. 21–40.

Гутов 2024 б – *Гутов А.М.* Три цикла древнего эпоса // Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том второй. Озырмес. Батраз. Ашамез / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024 б. С. 17–24.

Гьут 2024 – *Гьут И.М.* Адыгэ нарт лъыхужьщиц (Гутов А.М. Три героя адыгской Нартиады) // Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Второй том. Озырмес. Батраз. Ашамез / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. Н. 9–16.

Гьут, Быхьурэ 2025 – *Гьут И.М., Быхьурэ М.Ф.* Бэдынокъурэ Щауейрэ ехьэлIа хьыбархэмрэ пшыналъэхэмрэ = Гутов А.М., Бухуров М.Ф. Нартские сказания о Бадиноко и Шауее // Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том третий. Бадиноко. Шауей / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. С. 9–28.

Народные песни... 1981 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / Науч. руководитель и гл. ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 2. Нартские пшинатли. М.: Советский композитор, 1981. 231 с.

Нартхэр... 2024. Т. I – Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том первый. Ранние циклы эпоса. Сосруко / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. 2-е издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 432 с.

Нартхэр... 2024. Т. II – Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том второй. Озырмес. Батраз. Ашамез / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. 472 с. Илл. 40 с.

Нартхэр... 2025. Т. III – Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том третий. Бадиноко. Шауей / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М. [и др.]. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. 556 с. Илл. 28 с.

Нартхэр... 2025. Т. IV – Нартхэр. Адыгэ эпос = Нарты. Адыгский (черкесский) эпос [на кабардино-черкесском и русском языках]. Том четвертый. Малые эпические циклы. Разрозненные сказания / составление, перевод, комментарии Бухурова М.Ф., Гутова А.М., Хагожеевой Л.С. 2-ое издание, дополненное и переработанное. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2025. 424 с. Илл. 24 с.

References

BUKHUROV M.F. *Zavershayushhaya stadiya ady`gskogo nartskogo e`posa* [The Final Stage of the Adyghe Nart Epic]. IN: Narts. Adyghe (Circassian) Epic. Volume Four. Small Epic Cycles. Scattered Tales / compilation, translation, commentary by Bukhurov M.F., Gutov A.M., Khagozheeva L.S. 2nd edition, supplemented and revised. Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. P. 9–20. (In Circassian)

GUTOV A.M. *Ady`gskij e`pos i ego e`voljuciya* [The Adyghe Epos and Its Evolution]. IN: Narts. The Adyghe (Circassian) Epic. Volume One. Early Cycles of the Epic. Sosruko / compilation, translation, and commentary by M.F. Buhurov, A.M. Gutov [and others]. 2nd edition, supplemented and revised. Nalchik: Print Center Publishing House, 2024. P. 14–64. (In Russian)

GUTOV A.M. *Mir e`posa i ego granicy* [The World of the Epic and Its Boundaries]. IN: Narty. The Adyghe (Circassian) Epic. Volume Four. Small Epic Cycles. Scattered Tales / compilation, translation, and commentary by M.F. Buhurov, A.M. Gutov, L.S. Khagozheeva. 2nd edition, supplemented and revised. Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. P. 21–40. (In Russian)

GUTOV A.M. *Tri cikla drevnego e`posa* [Three Cycles of the Ancient Epic]. IN: Narty. Adyghe (Circassian) Epos. Volume Two. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / compilation, translation, commentary by Bukhurova M.F., Gutov A.M. and others. Nalchik: Print Center Publishing House, 2024. Pp. 17–24. (In Russian)

GUTOV A.M. *Tri geroya ady`gskoj Nartiady`* [Three Heroes of the Adyghe Nartiady]. IN: Nartkher. Adyghe Epos = Narty. The Adyghe (Circassian) Epic. Volume 2. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / compilation, translation, commentary by Bukhurova M.F., Gutova A.M. [and others]. Nalchik: Print Center Publishing House, 2024. P. 9–16. (In Circassian)

GUTOV A.M., BUKHUROV M.F. *Nartskie skazaniya o Badinoko i Shauee* [Nart Tales of Badinoko and Shauey]. IN: Narty. The Adyghe (Circassian) Epic. Volume 3. Badinoko. Shauey / compiled, translated, and commented by M.F. Buhurov, A.M. Gutov [and others]. 2nd edition, supplemented and revised. Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. P. 9–28. (In Circassian and Russian)

Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov / Nauch. rukovoditel` i gl. red. E.V. Gippiusa. T. 2. Nartskie pshinatli [Adyghe Folk Songs and Instrumental Tunes / Scientific Director and Editor-in-Chief E.V. Gippius. Vol. 2. Nart Pshinatli]. Moscow: Sovetsky Kompozitor, 1981. 231 p. (In Circassian and Russian)

Narty`. Ady`gskij (cherkesskij) e`pos. Tom pervy`j. Rannie cikly` e`posa. Sosruko / sostavlenie, perevod, kommentarii Buxurova M.F., Gutova A.M. i dr. 2-e izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe [Narts. Adyghe (Circassian) Epos. Volume One. Early Cycles of the Epic. Sosruko / compiled, translated, and commented by M.F. Buhurov, A.M. Gutov, and others. 2nd edition, supplemented and revised]. Nalchik: Print Center Publishing House, 2024. 432 p. (In Circassian and Russian)

Narty`. Ady`gskij (cherkesskij) e`pos. Tom vtoroj. Ozy`rmes. Batraz. Ashamez / sostavlenie, perevod, kommentarii Buxurova M.F., Gutova A.M. i dr. [Narts. Adyghe (Circassian) epic. Volume two. Ozyrmes. Batraz. Ashamez / compilation, translation, commentary by Bukhurova M.F., Gutova A.M. and others]. Nalchik: Print Center Publishing House, 2024. 472 p. Illustrations 40 p. (In Circassian and Russian)

Narty`. Ady`gskij (cherkesskij) e`pos. Tom tretij. Badinoko. Shauej / sostavlenie, perevod, kommentarii Buxurova M.F., Gutova A.M. i dr. 2-oe izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe [Narts. Adyghe (Circassian) epic. Volume three. Badinoko. Shauey / compiled, translated, and commented by M.F. Buhurov, A.M. Gutov, and others. 2nd edition, supplemented and revised]. Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. 556 p. Illustrations 28 p. (In Circassian and Russian)

Narty`. Ady`gskij (cherkesskij) e`pos. Tom chetverty`j. Maly`e e`picheskie cikly`. Razroznenny`e skazaniya / sostavlenie, perevod, kommentarii Buxurova M.F., Gutova A.M., Xagozheevoj L.S. 2-oe izdanie, dopolnennoe i pererabotannoe [Narts. Adyghe (Circassian) Epos. Volume Four. Small Epic Cycles. Scattered Tales / compiled, translated, and commented by M.F. Buhurov, A.M. Gutov, L.S. Khagozheeva. 2nd edition, supplemented and revised]. Nalchik: Print Center Publishing House, 2025. 424 p. Illustrations 24 p. (In Circassian and Russian)

Информация об авторе

Л.Б. Хавжокова – доктор филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

L.B. Khavzhokova – Doctor of Science (Philology), Head of the Sector of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

ЮБИЛЕИ

Научная статья

УДК 82-14

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-221-226

ВКЛАД Х.И. БАКОВА В ИССЛЕДОВАНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ

Тамара Шамсудиновна Биттирова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tbittir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0375-1056>

© Т.Ш. Биттирова, 2025

Аннотация. В статье на основе анализа научных публикаций, посвященных черкесскому литературному зарубежью, известного ученого, доктора филологических наук Х.И. Бакова рассматривается как вклад автора в адыгovedение, так и изучение национальных диаспор Северного Кавказа в едином этнокультурном пространстве. Как представитель классической литературоведческой школы Х.И. Баков рассматривает литературные факты национальной культуры, адаптированной к новым реалиям в условиях этнического рассеяния. Автор установил жанровые и стилевые особенности рассматриваемых произведений, уделив особое внимание таким известным классикам турецкой литературы адыгского происхождения, как Мидхат Ахмед, Омер Сейфеддин, Халиде Эдиб, имена которых известны во многих странах. Баков Х.И. анализирует их произведения в контексте развития турецкой литературы, рассматривает их взгляды на развитие турецкого общества, реализованные в их творчестве. Заслугой ученого является и введение в научный оборот неизвестных и малоизвестных имен писателей черкесского зарубежья, что подчеркивается в предлагаемой статье.

Ключевые слова: Хангери Ильясович Баков, мухаджирство, черкесское зарубежье, Омер Сейфеддин, Халиде Эдиб, турецкая литература

Для цитирования: Биттирова Т.Ш. Вклад Х.И. Бакова в исследование северокавказской диаспоры // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 221–226. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-221-226

Original article

Kh.I. BAKOV'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE NORTH CAUCASIAN DIASPORA

Tamara Sh. Bittirova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tbittir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0375-1056>

© T.Sh. Bittirova, 2025

Abstract. Based on an analysis of scholarly publications devoted to the Circassian literary diaspora, this article by renowned scholar and Doctor of Philology Kh.I. Bakov examines

both the author's contribution to Adyghe studies and the study of the national diasporas of the North Caucasus within a single ethnocultural space. As a representative of the classical literary school, Kh.I. Bakov examines the literary aspects of national culture, adapted to the new realities of ethnic dispersal. The author identifies the genre and stylistic features of the works under consideration, paying particular attention to such renowned classics of Turkish literature of Adyghe origin as Midhat Ahmed, Omer Seyfeddin, and Halide Edib, whose names are known in many countries. Kh.I. Bakov analyzes their works within the context of the development of Turkish literature and their views on the development of Turkish society, as embodied in their work. The scholar's contribution also includes introducing unknown and little-known names of Circassian writers into scholarly circulation, a fact emphasized in this article.

Keywords: Khangery Ilyasovich Bakov, Muhajirism, Circassian diaspora, Midhat Ahmed, Omer Seyfeddin, Halide Edib, Turkish literature

For citation: Bittirova T.Sh. Kh.I. Bakov's contribution to the study of the north caucasian diaspora. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 221–226. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-221-226

Хангери Ильясович Баков – пришел в филологическую науку в те годы, когда исследования были ориентированы на принципы социалистического реализма и одновременно велись на платформе классического литературоведения. У настоящих исследователей второе обстоятельство определяло их труды больше, чем первое. Хангери Баков – литературовед в классическом смысле и диапазон его исследований широк и многообразен. Он – автор ряда обобщающих статей и монографий о современном литературном процессе Северного Кавказа, эволюции жанров и динамике стилевых течений в родной литературе, творчеству ее классиков. Его научно-публицистические статьи и выступления, посвященные проблемам сохранения родных языков региона, нашли большой отклик у читателей и слушателей. Особое место в творчестве ученого занимают проблемы литературного процесса в черкесском зарубежье.

Изучению духовной культуры северокавказских диаспор посвящены значимые работы адыгских, карачаево-балкарских, ногайских, дагестанских, ингушских и чеченских ученых конца XX – начала XXI века. В них исследуются проблемы культурной адаптации переселенцев в условиях иноэтнического пространства, традиции и тенденции развития словесной культуры. Надо отметить, что адыгские филологи активно изучают диаспору: в их трудах широко представлены язык, фольклор и литература зарубежных соотечественников [Бижоев 2000, Бижоев 2005, Тимижев 2006 и др.]. Х.И. Баков одним из первых исследовал литературу адыгов в статье «Черкесское зарубежье и современный литературный процесс», напечатанной в 1977 году. А докторская диссертация автора «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» (1995 г.) выстроила в единую цепь истоки и тенденции развития поэзии адыгов как зарубежья, так и россиян.

Когда Хангери Ильясович приступил к этой сложной теме, российское литературное зарубежье было под негласным запретом, не был исключением и литературный процесс в черкесской диаспоре. Демократизация страны конца 80-х вызвала к жизни множество исследований в области гуманитарных наук, в том числе национальных диаспор народов Российской Федерации. Надо отметить, что исторические исследования предваряли литературоведческие, поскольку прежде чем изучить духовную культуру любого народа, тем более, его диаспоры, нужно было знать обстоятельства ее возникновения, динамику этнокультуры в иноязычной среде, современное ее состояние. С этой целью ученый неоднократно посещал диаспору и собрал бесценный полевой материал, характер и объем которого позволил ему составить объективную картину по исследуемой теме.

В своих работах «Черкесское зарубежье и современный литературный процесс», «Махаджирство и турецкая литература XX века», «Творчество Омера Сейфеддина как факт культурного потенциала черкесского народа», «Художественный менталитет и литература черкесской диаспоры», «Литература черкесского

зарубежья: проблемы изучения и преподавания», «Проблемы письменности в черкесском зарубежье», «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии», «Литература адыгского (черкесского) зарубежья», «Национально-эстетические аспекты изучения адыгской словесности», «Проблемы сохранения родного языка в зарубежной адыгской (черкесской) диаспоре в условиях полиэтнического пространства», «Проблемы сохранения родного языка и художественной культуры в северокавказской зарубежной диаспоре» и наконец, очерках в фундаментальном издании – биобиблиографическом словаре «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв.» Х.И. Баков раскрыл многие аспекты темы литературного зарубежья [Баков 1977, Баков 1990, Баков 1993, Баков 1994, Баков 1997, Баков 2003, Баков 2006, Баков 2010, Баков 2011, Баков 2012, Адыгские писатели... 2021].

Ученый поставил перед собой важную исследовательскую задачу – установить, «насколько литература диаспоры участвует в общенациональном художественном развитии народа», при этом указав на сложность научной проблемы [Баков 1994: 156]. С этой целью Х.Б. Баков обращается к опыту исследований русского литературного зарубежья, в которых были сделаны попытки рассматривать авторов зарубежья как участников национального литературного процесса.

И уже в одной из первых своих статей «Черкесское зарубежье и современный литературный процесс», опубликованной в 1977 году, ученый определил круг проблем, встающих перед исследователями диаспор. Это, прежде всего, интеграция мухаджиров в иноязычную среду. Процесс этот характеризовался двумя центробежными процессами: литераторы аккумулировали культуру страны проживания и делились своей родной культурой, оказывая влияние на развитие реалистического искусства в странах проживания.

Определяя место данного феномена в культуре не только диаспоры, но и в среде адыгов, живущих на исторической родине, Х. И. Баков в другой своей работе пишет, что «невозможно создать целостную картину развития адыгской литературы, а еще шире – адыгской культуры без учета достижений адыгов (черкесов), живущих в Турции, Иордании, Сирии, Египте, Германии, Голландии, США» [Баков 1990: 54].

О деятелях черкесского литературного зарубежья писали, как турецкие, так и российские авторы. В основном это были журналисты и общественные деятели, посещавшие диаспору. Но системной работы до начала 90-х годов не было. В статьях Х. Бакова были названы имена выдающихся деятелей культуры черкесского происхождения, оставившие заметный след в музыке, кино, живописи и других видах искусства Турции и стран Ближнего Востока.

Писатели и поэты адыгского происхождения внесли большой вклад в развитие турецкой и арабской культур в странах проживания. Особенно это было заметным явлением в литературе Турции. Мидхат Ахмед, Омер Сейфеддин, Халиде Эдиб – классики турецкой литературы, творчество которых известно во многих странах. Баков Х.И. анализирует их творчество в контексте развития турецкой литературы, их взгляды на развитие турецкого общества на изломе XX–XXI вв., когда страна избрала светский путь развития, ориентированного на европейские ценности, оставаясь при этом в рамках классического ислама. В работе особое место занимает проблема становления турецкого литературного языка, на формирование которого оказали влияние Мидхат Ахмет и Омер Сейфеддин.

Благодаря новым общественным тенденциям в диаспорах возродился интерес к родной культуре и, прежде всего, к языку. Число пишущих на родных языках становится все больше, пишет ученый. В этой работе он устанавливает, что мета-языком литературы в странах Востока в последнее столетие становится английский или французский с целью выхода на более широкую читательскую аудиторию, чем воспользовались и авторы-черкесы.

Научные статьи и выступления И.Х. Бакова отличаются достоверностью материала и опорой на надежные источники. Он не преувеличивает численность черкесской диаспоры (что иногда встречается у публицистов), не замалчивает состояние диаспоры, находящейся в состоянии этнической аккумуляции. Показывая состояние диаспоральной культуры, ученый своими работами призывает бережно относиться к своему языку на родине, ибо здесь созданы все условия для его сохранения в отличие от черкесской диаспоры, рассеянной по всему миру.

Будучи одним из первых исследователей литературного зарубежья, Хангерий Ильясович разработал научную методологию его изучения, определил репрезентативность полевого материала, показал пример научной достоверности на базе литературных и этнологических фактов.

Научные исследования черкесского зарубежья известного ученого нашли широкий отклик у читателей и были высоко оценены коллегами. Так, академик Российской академии наук Гаджи Гамзатов в отзыве о его докторской диссертации отмечал в 1995 году: «Национальное своеобразие адыгской поэзии и проблемы творческой индивидуальности художника» – значительный вклад в теорию национальных литератур. Автор открывает новое направление в науке, посвященное исследованию литератур зарубежных кавказских народов» [Личный архив Х.И. Бакова]. За эти годы Х.И. Баков расширил наши знания о литературном черкесском зарубежье, гармонично ввел его в пространство национальной культуры.

Список источников и литературы

Адыгские писатели... 2021 – Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв.: библиографический словарь: в 3 т. Т. I: А–И. / под ред. Л.Б. Хавжоковой. Нальчик: Принт Центр, 2021. 380 с.

Баков 1977 – *Баков Х.И.* Черкесское зарубежье и современный литературный процесс // Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. Сборник статей. Майкоп, 1977. С. 147–153.

Баков 1990 – *Баков Х.И.* Махаджирство и турецкая литература XX века // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1990. С. 77–91.

Баков 1993 – *Баков Х.И.* Творчество Омера Сейфеддина как факт культурного потенциала черкесского народа // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993. С. 194–199.

Баков 1994 – *Баков Х.И.* Художественный менталитет и литература черкесской диаспоры // Баков Х.И. Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии. Майкоп, 1994.

Баков 1997 – *Баков Х.И.* Литература черкесского зарубежья: проблемы изучения и преподавания // Алиевские чтения. Тезисы докладов. Карачаевск, 1997. С. 117–119.

Баков 2003 – *Баков Х.И.* Проблемы письменности в черкесском зарубежье // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы научной конференции. Майкоп, 2003. С. 24–25.

Баков 2006 – *Баков Х.И.* Литература адыгского (черкесского) зарубежья // Адыгская (Черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 770–772.

Баков 2010 – *Баков Х.И.* Национально-эстетические аспекты изучения адыгской словесности. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 224 с.

Баков 2011 – *Баков Х.И.* Проблемы сохранения родного языка в зарубежной адыгской (черкесской) диаспоре в условиях полиэтнического пространства // Культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. Нальчик: КБГУ, 2011. С. 3–10.

Баков 2012 – *Баков Х.И.* Проблемы сохранения родного языка и художественной культуры в северокавказской зарубежной диаспоре // Актуальные проблемы северокавказских литератур в контексте общероссийского литературного процесса: перспективы развития на рубеже XX–XXI веков. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти чеченского писателя Саида Бадиева. 2012. Грозный, 2012. С. 158–162.

Бижоев 2000 – *Бижоев Б.Ч.* Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 201–240.

Бижоев 2005 – *Бижоев Б.Ч.* Кабардино-черкесский язык в странах Ближнего Востока: социолингвистический аспект // Вопросы филологии. 2005. № 2 (20). С. 15–21.

Тимижев 2006 – *Тимижев Х.Т.* Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик, 2006. 358 с.

References

Ady`gskie (ady`gejskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh`ya) pisateli XIX–XXI vv.: biobibliograficheskij slovar` : v 3 t. T. I: A–I. / pod red. L.B. Xavzhokovoj [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th–21st centuries: a biobibliographic dictionary: in 3 volumes. Vol. I: A–I. / edited by L.B. Khavzhokova]. Nalchik: Print Center, 2021. 380 p.

БАКОВ Кх.И. *Cherkesskoe zarubezh`e i sovremenny`j literaturny`j process* [Circassian diaspora and the modern literary process]. IN: *Aktual`ny`e voprosy` abxazo-ady`gskoj filologii. Sbornik statej* [Current issues in Abkhaz-Adyghe philology. Collection of articles]. Maykop, 1977. P. 147–153.

БАКОВ Кх.И. *Maxadzhirstvo i tureczkaya literatura XX veka* [Muhajirism and Turkish literature of the 20th century]. IN: *Problemy` ady`gejskoj literatury` i fol`klora* [Problems of Adyghe literature and folklore]. Maykop, 1990. P. 77–91.

БАКОВ Кх.И. *Tvorchestvo Omera Sejjfeddina kak fakt kul`turnogo potenciala cherkesskogo naroda* [The Works of Omer Seyfeddin as a Fact of the Cultural Potential of the Circassian People]. IN: *Kul`turnaya diaspora narodov Kavkaza: genesis, problemy` izucheniya* [The Cultural Diaspora of the Peoples of the Caucasus: Genesis, Problems of Study]. Cherkessk, 1993. P. 194–199.

БАКОВ Кх.И. *Xudozhestvenny`j mentalitet i literatura cherkesskoj diaspory`* [Artistic Mentality and Literature of the Circassian Diaspora]. IN: *Bakov X.I. Nacional`noe svoeobrazie i tvorcheskaya individual`nost` v ady`gskoj poe`zii* [Bakov Kh.I. National Originality and Creative Individuality in Adyghe Poetry]. Maykop, 1994.

БАКОВ Кх.И. *Literatura cherkesskogo zarubezh`ya: problemy` izucheniya i prepodavaniya*. [Literature of the Circassian Diaspora: Problems of Study and Teaching]. IN: *Alievskie chteniya. Tezisy` dokladov* [Aliev Readings. Abstracts of Papers]. Karachayevsk, 1997. P. 117–119.

БАКОВ Кх.И. *Problemy` pis`mennosti v cherkesskom zarubezh`e*. [Problems of Writing in the Circassian Diaspora]. IN: *Aktual`ny`e problemy` obshhej i ady`gskoj filologii. Materialy` nauchnoj konferencii* [Current Issues of General and Adyghe Philology. Proceedings of a Scientific Conference]. Maykop, 2003. P. 24–25.

БАКОВ Кх.И. *Literatura ady`gskogo (cherkesskogo) zarubezh`ya*. [Literature of the Adyghe (Circassian) Diaspora]. IN: *Ady`gskaya (Cherkesskaya) e`nciklopediya* [Adyghe (Circassian) Encyclopedia]. M., 2006. P. 770–772.

БАКОВ Кх.И. *Nacional`no-e`steticheskie aspekty` izucheniya ady`gskoj slovesnosti* [National-Aesthetic Aspects of the Study of Adyghe Literature]. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2010. 224 p.

БАКОВ Кх.И. *Problemy` soxraneniya rodnogo yazy`ka v zarubezhnoj ady`gskoj (cherkesskoj) diaspore v usloviyax polie`nicheskogo prostranstva* [Problems of Preserving the Native Language in the Adyghe (Circassian) Diaspora Abroad in a Multi-Ethnic Space]. IN: *Kul`tura, e`tiket v sovremennom polie`nicheskom prostranstve* [Culture, Etiquette in a Modern Multi-Ethnic Space]. Nalchik: KBSU, 2011. P. 3–10.

БАКОВ Кх.И. *Problemy` soxraneniya rodnogo yazy`ka i xudozhestvennoj kul`tury` v severokavkazskoj zarubezhnoj diaspore*. [Problems of Preserving the Native Language and Artistic Culture in the North Caucasian Diaspora Abroad]. IN: *Aktual`ny`e problemy` severokavkazskix literatur v kontekste obshherossijskogo literaturnogo processa: perspektivy` razvitiya na rubezhe XX–XXI vekov. Materialy` I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati chechenskogo pisatelya Saida Badueva* [Current Issues of North Caucasian Literatures in the Context of the All-Russian Literary Process: Development Prospects at the Turn of the 20th–21st Centuries. Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of the Chechen Writer Said Baduev]. 2012. Grozny, 2012. P. 158–162.

BIZHOEV B.Ch. *Yazy`k kabardino-cherkesskoj diaspory` v Sirii, Iordanii, Turcii*. [The Language of the Kabardino-Circassian Diaspora in Syria, Jordan, and Turkey]. IN: *Ady`gskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul`tura* [Adyghe and Karachay-Balkar Diaspora Abroad: History and Culture]. Nalchik: El-Fa, 2000. P. 201–240.

BIZHOEV B.Ch. *Kabardino-cherkesskiy yazy`k v stranax Blizhnego Vostoka: sociolingvističeskij aspekt*. [Kabardino-Circassian Language in the Middle East: Sociolinguistic Aspect]. IN: *Voprosy` filologii* [Voprosy filologii]. 2005. No. 2 (20). P. 15–21.

TIMIZHEV Kh.T. *Istoricheskaya poe`tika i stilevy`e osobennosti literatury` ady`gskogo zarubezh`ya* [Historical Poetics and Stylistic Features of the Literature of the Adyghe Abroad]. Nalchik, 2006. 358 p.

Информация об авторе

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

T.Sh. Bittirova – Doctor of Science (Philology), leading researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 05.09.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. *ТИП СТАТЬИ* (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. *ИНДЕКС УДК* (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. *ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ* на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. *ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)* располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, ее адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта[✉].

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1✉}, Петр Петрович Петров²

¹Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹, **Петр Петрович Петров²**

^{1, 2} **Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

¹ ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2} **Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

^{3, 4} **Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «*Аннотация.*» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «*Ключевые слова:*» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки, список источников и литературы

В список источников и литературы включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через дробное: [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого

автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников и литературы приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников и литературы

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013a – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013b – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А. Хъуэпэгъуэ нур.* Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyy aspekt v usloviyah mezhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar 'russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. *Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
20,3

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 309

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушхова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*